

Т.Н. Высотская

НЕАПОЛЬ- СТОЛИЦА ГОСУДАРСТВА ПОЗДНИХ СКИФОВ

„Наукова думка“

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

ТОПОГРАФИЯ ГОРОДА
И НЕКРОПОЛЯ

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ
СООРУЖЕНИЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ

ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
ПОСТРОЙКИ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

КУЛЬТЫ И ОБРЯДЫ

ИСКУССТВО

АКАДЕМИЯ
НАУК
УКРАИНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ

КИЕВ
«НАУКОВА
ДУМКА»
1979

Т. И. ВЫСОТСКАЯ
НЕАПОЛЬ-
СТОЛИЦА
ГОСУДАРСТВА
ПОЗДНИХ СКИФОВ

Т.Н. Высотская

НЕАПОЛЬ — столица государства поздних скифов

Ответственный редактор
Э. А. СЫМОНОВИЧ

Рецензенты
О. Д. ДАШЕВСКАЯ,
Г. Т. КОВПАЧЕНКО

Редакция исторической
и археологической
литературы

В $\frac{10602-369}{M221(04)-79}$ 46-79 0507000000

© Издательство
«Наукова думка»,
1979

Введение

Велика роль Неаполя скифского в истории Северного Причерноморья. В столице государства крымских скифов на протяжении многих веков скрещивались политические и экономические интересы греков и варваров.

Почти 150 лет минуло со дня открытия городища и начала первых работ на нем, но споры вокруг этого памятника не утихают. Сейчас уже накопилось немало данных об обороне города, его общественных и жилых сооружениях, об экономике, духовной жизни, искусстве, этническом составе населения, о политических и торговых связях с другими народами и государствами. Назрела необходимость в обобщении этих материалов. Принимаясь за выполнение такой задачи, автор понимал стоящие перед ним трудности: раскопана сравнительно небольшая площадь города, не все археологические и архивные материалы Тавро-скифской экспедиции 1945—1959 гг. сохранились. Проводимые на Неаполе в течение нескольких лет охранные работы в связи с прокладкой траншей в большинстве случаев лишь фиксировали незначительные остатки кладок разновременных строительных периодов, исследование которых впоследствии не проводилось. Все это затрудняет всестороннее изучение городища.

Если попытка воссоздать историю столицы государства поздних скифов на основе археологических, архивных материалов, а также письменных источников и нумизматики удалась, автор будет считать свою задачу выполненной.

Автор считает также приятным долгом поблагодарить всех, кто советом и ценными замечаниями помог ему при работе над книгой.

* * *

Консолидация скифских племен¹, начавшаяся, по-видимому, еще в VIII—VII вв. до н. э., завершается созданием в IV в. до н. э. царства Атея.

¹

Хазанов А. М. Социальная история скифов.— М., 1975, с. 216, 217, 224.

В него входили степи Северного Причерноморья и часть балканских земель. Границы царства не вполне ясны, да и вряд ли они были стабильными. Северная граница терялась где-то в лесостепной полосе, с востока на запад территория царства простиралась от Меотиды до Истра. На юге, по свидетельству Страбона, под властью Атея находилась часть Крыма, вероятно, степные просторы северных районов полуострова. Страбон указывает, что здесь жили земледельцы, с которых скифы-кочевники взимали дань².

Поселения скифов-земледельцев в степном Крыму до сего времени не найдены, но на Керченском полуострове в конце V — начале IV вв. до н. э. появляется много скифских селищ³. Около с. Фронтное открыты грунтовый могильник и поселение V—IV вв. до н. э.⁴ Все это позволяет говорить о появлении в Крыму в V в. до н. э. оседлого скифского населения.

Б. Н. Граков считал, что часть скифов была переселена в Крым, чтобы приблизить земледельцев к портам вывоза хлеба⁵. Вероятно, такие поселения то ли переселенных, то ли осевших кочевых скифов, а скорее всего и тех и других, в этот период появились не только на территории Боспорского царства. Находки, наряду с греческой, скифской лепной керамикой раннеэллинистического времени близ Херсонеса⁶ дают основание думать, что и вблизи этого крупного торгового центра в IV—III вв. до н. э. появились скифы.

О резком увеличении притока скифов в Крым с конца V — начала IV вв. до н. э. красноречиво свидетельствует возрастание к этому времени количества подкурганных погребений⁷, в том числе и курганов скифской знати⁸.

Таким образом, свидетельства Страбона и археологические материалы подтверждают, что Крым (конечно, не весь, а какая-то часть или части его) при Атее входили в Скифское царство.

После гибели Атея единая Скифия распалась на три части, одна из которых возникла в Добрудже, вторая — в Приднепровье, третья — в Крыму.

Отсутствие источников не позволяет нам представить отношения скифов и боспорян после смерти Атея. Лишь из речи Демосфена против Формиона (328 г.) мы узнаем, что Перисад I воевал с каким-то скифским царем⁹. Более ясны отношения с Херсонесом. В настоящее время существуют две точки зрения относительно взаимоотношений Херсонеса со скифами в этот период.

Одни исследователи¹⁰ считают, что после смерти Атея Скифское царство сильно ослабело и Херсонес воспользовался этим для успешного овладения северо-западным побережьем Крыма. С конца IV в. до н. э. начинается бурный расцвет самого полиса и его хоры.

С этим мнением не соглашается И. В. Яценко, которая находит неосновательным затягивать пассивность скифов на такой длительный срок, когда могли бы отстроиться поселения и укрепления северо-западного Крыма, вошедшие в хору Херсонеса¹¹. Она предполагает существование договорных отношений между скифами и Херсонесом в конце IV в. до н. э., по которым Херсонес шел на некоторые уступки скифам, снабжал их товарами и принимал участие в строительстве Неаполя*.

Мы полагаем, что возможно и третье решение вопроса. Но прежде обратимся к некоторым фактам и выясним, когда возникли поселения северо-западного Крыма.

Общеизвестна дата основания Керкинитиды — VI в. до н. э. А. Н. Щеглов предполагает, исходя из свидетельства Гекатея (fr. 153), называвшего Керкинитиду скифским городом, что она нередко сказывалась в зависимости от скифов¹². По мнению О. Д. Дашевской, «Керкинитиды, город Скифский» Гекатея означает, что она находилась в

² Strab., VII, 3, 18; VII 4, 6.

³ Гайдукевич В. Ф. Некоторые вопросы экономической истории Боспора. — ВДИ, 1966, № 1, с. 50.

⁴ Корпусова В. Н. Памятники скифо-сарматского времени у с. Фронтное. — В кн: Археологические исследования на Украине, 1965—1966 гг. К., 1967, с. 39 и сл.

⁵ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36, с. 22; Яковенко Е. В. Скифы ского Криму в V—III ст. до н. э. — К., 1974, с. 84 и сл.

⁶ Савеля О. Я. Раскопки и разведки в окрестностях Севастополя. — АО 1973 г. М., 1974, с. 338.

⁷ Тропцкая Т. Н.

пределах Скифии или по соседству с нею¹³, что само по себе маловероятно.

А. И. Тюменев на основании раскопок Л. А. Моисеева в Керкинитиде в 1929 г. считал, что город стал колонией Херсонеса во второй половине IV в. до н. э.¹⁴ Этим же временем он датировал и появление других укреплений Херсонеса на северо-западном берегу (в том числе и Калос-Лимена)¹⁵.

В настоящее время, в связи с археологическими исследованиями на северо-западном побережье датировка поселений уточняется. И если в первые годы раскопок исследователи датировали их концом IV и даже IV—III вв. до н. э.¹⁶, то сейчас дата их несколько удревняется. Так, А. Н. Щеглов относит возникновение нескольких аграрных населенных пунктов на северной окраине хоры по сторонам нынешней Ярылгачской бухты ко второй половине — последней трети IV в. до н. э.¹⁷ Второй половиной IV в. он датирует подкурганные погребения близ городища Чайка¹⁸. А. Н. Карасев первый строительный период на Чайке относил к концу V — началу IV вв. до н. э.¹⁹ Его мнение разделяет И. В. Яценко²⁰.

Приведенные примеры позволяют, на наш взгляд, сделать следующее предположение: Херсонес осваивал хору постепенно, начиная с середины и до конца IV в. до н. э. Гибель Атея и последовавший за ней раздел царства ослабил скифов, и Херсонес не мог не воспользоваться этим. С середины до конца IV в. у греков было достаточно времени, чтобы выстроить ряд поселений на северо-западном берегу. Однако это не означает, что все они возникли в этот благоприятный для греков промежуток времени. По-видимому, некоторые усадьбы и укрепления появились позже — на рубеже IV—III вв. до н. э.

В свое время Л. А. Моисеев предполагал, что скифы сдавали в аренду херсонесцам земли на

северо-западном побережье²¹. Вопрос о местном варварском населении хоры Херсонеса и его контактах с греками привлекают внимание исследователей²². Открытые недавно в Беляусском могильнике земляные катакомбы III—I вв. до н. э. со скифским инвентарем указывают на оседлое

1966, № 4, с. 151;

Гилевич А. М.

Кучук-Мойнакский клад

херсонесских монет

IV—III вв. до н. э.— НЭ,

1970, т. 8, с. 3.

11

Яценко И. В. Херсонесская

амфора с клеймом

астинома Героксена.— В кн.:

Новое в археологии. М.,

1972, с. 69 и сл.

* Следует отметить, что

И. В. Яценко разделяет нашу

точку зрения о возникновении

Неаполя в IV в. до н. э.

См.: Яценко И. В. Указ.

соч., с. 71.

12

Щеглов А. Н. Указ.

соч., с. 149.

13

Дашевская О. Д.

Скифы на северо-

западном побережье

Крыма в свете новых

открытий.— В кн.: Проблемы

скифской археологии. М.,

1971, с. 152.

14

Тюменев А. И. Херсонесские

этюды.— ВДИ,

1955, № 3, с. 37, 44.

15

Тюменев А. И. Херсонесские

этюды.— ВДИ, 1950,

№ 2, с. 49.

16

Щеглов А. Н.

Исследования в

северо-западном Крыму.— АО,

1967, М., 1968, с. 213;

Дашевская О. Д. ТЕІХН

декрета в честь Диофанта.—

ВДИ, 1964, № 3, с. 153;

Дашевская О. Д.

Археологические исследования

близ озера Донузлав.— АО

1966 г. М., 1967, с. 212;

Дашевская О. Д. Раскопки

Южно-Донузлавского

городища в 1963—1965 гг.—

КСИА АН СССР, 1967,

№ 109, с. 65;

Дашевская О. Д.,

Щеглов А. Н.

Херсонесское укрепление на

городище Беляус.— СА,

1965, № 2, с. 254—255.

17

Щеглов А. Н.

Курган-кенотаф близ

Ярылгачской бухты.—

КСИА АН СССР, 1972,

№ 130, с. 70.

18

Там же, с. 75.

19

Карасев А. Н. Раскопки

городища Чайка в

Евпатории.— АО 1966 г. М.,

1967, с. 215.

20

Яценко И. В. Указ. соч.,

с. 211.

21

Моисеев Л. А. Херсонес

Таврический и раскопки

1917 г. в Евпатории.—

ИТУАК, 1918, № 54,

с. 254.

22

Щеглов А. Н.

Курган-кенотаф..., с. 75;

Щеглов А. Н. О населении

северо-западного Крыма...,

с. 154; Дашевская О. Д.

О таврской керамике с

гребенчатым орнаментом.—

СА, 1963, № 4, с. 209;

Дашевская О. Д. Скифы на

северо-западном побережье

Крыма в свете новых

открытий, с. 152; Яценко И. В.

Указ. соч., с. 215.

Скифские курганы Крыма.—

ИКОГО СССР, 1951,

вып. 1, с. 108.

8

Гайдукевич В. Ф.

Боспорское царство.— М.—Л.,

1949, с. 275, 277.

9

Демосфен, § 8-SC.— ВДИ,

1947, № 3, с. 237.

10

Щеглов А. Н. О населении

северо-западного Крыма

в античную эпоху.— ВДИ,

скифское население, жившее в северо-западном Крыму в III в. до н. э.²³ В целом же исследователи отмечают зависимое или полузависимое положение местного населения, что скорее свидетельствует не об аренде земли у скифов, а о завоевании ее Херсонесом.

В конце IV в. до н. э. скифы вновь появились на арене политической истории Северного Причерноморья как грозная сила. Их военной активности предшествовало одно важное событие — перенесение столицы царства из Приднестровья в центр Крымского полуострова — возникновение Неаполя скифского.

Непосредственные причины, побудившие скифов перенести столицу в Крым, объясняются их стремлением приблизиться к греческим городам, завоевать выходы к морю и вести самостоятельную торговлю хлебом. Другая веская причина заключалась в начавшемся в IV в. до н. э. поступательном движении на запад сарматов. «Союзные отношения VI—V вв. до н. э. (между скифами и сарматами.— *Т. В.*)», — пишет Б. Н. Граков, — к этому времени превратились в свою противоположность»²⁴.

К рассмотрению вопроса о времени возникновения Неаполя мы еще вернемся. Примем а priori IV в. до н. э., тем более что эта дата согласуется и с политической историей скифов. Могли ли они осуществлять целенаправленное наступление на античные города, будучи сами не организованы после смерти Атея? Думается, что нет.

В рассказе Фукидида о Фракии и походе Ситалка говорится о «единодушии скифов» в период их борьбы с врагом²⁵. По-видимому, «единодушие» всегда являлось залогом их побед. Поэтому для успешного наступления на греков необходимо было создать прочное государство с сильной царской властью, столица которого должна находиться в центре объединения скифов в Крыму.

В конце IV в. до н. э. скифы, как известно, принимали участие в междоусобной войне, сражаясь на стороне боспорского царя Сатира с войском из 20 тыс. пехотинцев и 10 тыс. конницы. Сын Сатира Перисад, по свидетельству Диодора Сицилийского, после смерти отца бежал к скифскому царю Агару²⁶. Это событие произошло в 309 г. до н. э. К этому времени, по нашим представлениям, уже возник Неаполь. И царь Агар вполне мог быть одним из первых правителей крымских скифов. Б. Н. Граков считал Агара «или только крымским царем, или одним из преемников Атея во всем царстве»²⁷. М. И. Артамонов видел в Агаре не царя отдельного скифского племени, а царя всех скифов²⁸.

Вся дальнейшая политика скифов, направленная против Херсонеса и его хоры, свидетельствует о возрастающей силе варварского государства, ставшего значительной угрозой для греков.

В конце V — начале IV вв. до н. э. Херсонес²⁹, так называемый Страбонов Херсонес³⁰, Керкини-тида, Калос Лимен³¹ и ряд поселений хоры Херсонеса³² были надежно укреплены оборонительными стенами. Постепенно расширяется территория самого Херсонеса и его хоры.

Между тем в конце IV в. до н. э. происходят какие-то тревожные события, о чем свидетельствует сокрытие четырех кладов медных херсонесских монет, из которых три зарыты в окрестностях Херсонеса и Страбонова Херсонеса, один — близ Керкинитиды³³. Вероятно, это было время, когда скифы начали завоевывать хору Херсонеса и угрожать самому полису. В силу этих обстоятельств становится маловероятным предположение И. В. Яценко о существовании мирных, договорных отношений между Скифским царством и Херсонесом в IV в. до н. э.³⁴

В III в. до н. э. завершается строительство оборонительных стен Херсонеса³⁵. В то же время

23 Дашевская О. Д. Исследования в северо-западном Крыму.— АО 1966 г. М., 1969, с. 299.

24 Граков Б. Н. Каменское городище..., с. 28.

25 Соломоник Э. И. О Скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья.— В кн.: Археология и история

Боспора. Симферополь, 1952, с. 108.

26 Диодор Сицилийский, XX, 22—26, SC, 1, с. 474—477.

27 Граков Б. Н. Каменское городище..., с. 25.

перестраиваются и утолщаются оборонительные стены Керкинитиды³⁶.

Первой половиной III в. до н. э. датируется сокрытие пяти кладов херсонесских монет, из которых один зарыт в Херсонесе, три — в его округе, один — в округе Керкинитиды³⁷. Все это свидетельствует о тревожном положении в Херсонесе и его хоре, о продолжающемся наступлении варваров на Херсонес.

Красноречивое подтверждение этих событий мы находим в присяге Херсонеса. Для нас в данном случае не так важно, датируется ли этот документ концом IV — началом III в. до н. э., как считали В. В. Латышев и С. А. Жебелев³⁸, или права Е. И. Леви, относящая его к началу III в. до н. э. (точнее, к 280 г.)³⁹. Важно, что к моменту появления присяги, как явствует из ее текста, Херсонес лишился части своей прибрежной территории. Это подтверждается и данными археологии. От пожара не позднее середины III в. до н. э. погибла херсонесская усадьба на северо-западном берегу Панское III⁴⁰. К началу III в. до н. э. относится разрушение складских и жилых помещений на городище Чайка⁴¹.

Во второй половине III в. до н. э. усиливаются враждебные отношения скифов с Херсонесом. Херсонесская надпись повествует о том, что Дева спасла жителей города от величайшей опасности, которой они подверглись со стороны варваров во время праздничного шествия в честь Диониса⁴². III в. до н. э. датируется и алтарь с посвящением Спасительнице, избавившей херсонесцев, по-видимому, от тех же варваров⁴³.

Из декрета в честь историка Сирииска (вторая половина III в. до н. э.) нам известно о договоре, заключенном между Херсонесом и Боспорским царством с целью обезопасить себя от угрозы, нависшей со стороны скифов⁴⁴. К этому же времени относится и легендарное свидетельство Полие-

1927 г. Севастополь, 1927, с. 16 и сл.; *Стржелецкий С. Ф.* Основные этапы экономического развития и периодизации истории Херсонеса

Таврического в античную эпоху.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959, с. 70.

30

Белов Г. Д. Херсонес Таврический.— Л., 1948, с. 35; *Стржелецкий С. Ф.* Указ. соч., с. 72; *Щеглов А. Н.* О населении северо-западного Крыма..., с. 150.

31

Наливкина М. А. Раскопки Керкинитиды и Калос-Лимена.— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 236;

Наливкина М. А. Керкинитиды и Калос-Лимен.— В кн.: Античный город. М., 1963, с. 56.

32

Дашевская О. Д. ТЕΙΧΝ декрета в честь Диофанта, с. 153.

33

Гилевич А. М. Хронология и топография кладов херсонесских монет IV—III вв. до н. э. и некоторые вопросы скифо-херсонесских взаимоотношений.— Тез. докл. «Антич. города Сев. Причерноморья и варвар. мир». Л., 1973, с. 11.

34

Яценко И. В. Указ. соч., с. 71.

35

Белов Г. Д. Указ. соч., с. 44.

36

Наливкина М. А. Керкинитиды и Калос-Лимен, с. 56.

37

Гилевич А. М. Хронология и топография..., с. 11.

38

Жебелев С. А. Херсонесская присяга.— В кн.: Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, с. 219.

39

Леви Е. И. К вопросу о датировке Херсонесской присяги.— СА, 1947, № 9, с. 89 и сл.

40

Щеглов А. Н., Благоволит Н. С., Гилевич А. М. и др.

Тарханкутская экспедиция.— АО 1971 г. М., 1972, с. 342.

41

Яценко И. В.

Археологические раскопки в предместье Евпатории.— Вопросы истории, 1974, с. 211.

42

IOSPE I², 343.

43

Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса.— Киев, 1973, с. 69 и сл. (№ 125). В отношении этнического понимания термина «варвар» в этих и ряде других документов Херсонеса, в том числе в присяге, мы придерживаемся точки зрения тех авторов, которые понимают под ним главным образом скифов, хотя и не исключают примесь таврского элемента, см.: *Жебелев С. А.*, Херсонесская присяга, с. 220; *Граков Б. Н.*

Термин *Εκχυαζ* и его производные в надписях Северного Причерноморья.— КСИИМК, 1947, вып. 16, с. 81; *Тюменев А. И.*

Херсонесские этюды.— ВДИ, 1955, № 3, с. 46;

Соломоник Э. И. О скифском государстве..., с. 115.

44

IOSPE, I², 344; *Жебелев С. А.* Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре.— В кн.: Северное Причерноморье. М., 1953, с. 88; *Жебелев С. А.* Херсонесская присяга, с. 232.

28

Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы.— Л., 1974, с. 138.

29

Гриневич К. Э. Древнейшая оборонительная стена в Херсонесе, обнаруженная разведкой в 1927 г.— В кн.: II конф. археологов СССР в Херсонесе, 10—13 сент.

на о сарматской царице Амаге, выступившей на стороне Херсонеса против скифов⁴⁵.

Серединой III в. до н. э. датируется зарытие клада херсонесских монет близ Евпатории⁴⁶. Дальнейшее наступление скифов на владения Херсонеса приводит к разрушению в конце III в. до н. э. зданий и жилищ на городище Чайка⁴⁷. И, наконец, в начале II в. до н. э. скифы овладевают большинством поселений хоры Херсонеса. Начинается новый скифский период жизни городищ Чайка, Южно-Донузлавское, Беляуса и других⁴⁸. Некоторые из них Диофант смог вернуть впоследствии Херсонесу, а часть осталась в руках скифов до I—II вв. н. э.⁴⁹

Исходя из вышеизложенного, надо признать ошибочным мнение В. И. Кадеева о том, что скифы установили взаимоотношения с херсонеситами только во II в. до н. э.⁵⁰

По свидетельству письменных источников, во II в. до н. э. Скифское государство постоянно угрожало своим соседям. Скифы следили за политической и экономической конъюнктурой внутри греческих государств и пользовались любым моментом для вмешательства в их дела. В 179 г. Херсонес заключает договор с Фарнаком, в первых строках которого звучит нависшая опасность: «Если соседние варвары пойдут походом на Херсонес или на подвластную Херсонесу территорию, или будут обижать херсонесцев, я буду помогать им, поскольку мне позволит время»⁵¹.

Но угроза усиливается. При Скилуре сила и могущество скифов достигает своего апогея. Неустанно теснят они Херсонес, завоевывают часть его хоры, подчиняют Ольвию, требуют увеличения дани с Боспора⁵². Херсонеситы вынуждены были обратиться за помощью к Митридату VI Евпатору, выступившему на стороне Херсонеса с войском под руководством Диофанта.

Война с греками приняла затяжной характер.

Дважды выступал Диофант против скифов и в конечном итоге одержал над ними победу. Войско под руководством Палака было разбито, крепость Хабеи и Неаполь покорены. Несмотря на поражение в войне, скифы скоро оправились и в I в. н. э. вновь подошли к стенам Херсонеса. Полная реконструкция в I в. н. э. оборонительных стен Херсонеса свидетельствует, что в этот момент создалась ситуация, близкая той, какая была накануне войны с Диофантом. Некоторые исследователи считают, что скифам удалось вторично захватить хору Херсонеса на северо-западном берегу⁵³. Впрочем, такая точка зрения не вполне правомерна, так как к этому времени хоры на северо-западном берегу уже не существовало. С нависшей угрозой со стороны скифов Херсонес не мог справиться самостоятельно. Греки вынуждены были искать помощь у Рима.

В 60-х годах I в. н. э. римский гарнизон разместился в Херсонесе и вплоть до IV в. охранял от варваров подступы к городу. Римские войска проникают и в глубь Скифии, намереваясь изнутри парализовать активность варваров. Отряд XI Клавдиева легиона размещается на городище Алма-Кермен⁵⁴. Такой выбор был не случаен. Городище располагалось на перекрестке путей из Херсонеса в Неаполь с западного берега Крыма от устья р. Альмы в Неаполь. Для охраны морских рубежей римляне создают крепость Харакс на южном берегу Крыма.

Против римского оружия скифы оказались бессильны. Но это не означает, что впредь они ведут себя пассивно. Напротив, в первые века нашей эры они непрестанно воюют с Боспором, подчиняют себе Ольвию. Во II в. н. э. последняя вынуждена была обратиться за помощью к Риму, и римский гарнизон простоял там около 100 лет.

Таким образом, все перечисленные письменные источники, данные нумизматики и археологии

45

Ростовцев М. И. Амага и Тирпатоо.— ЗООИД, 1915, т. 32, с. 3—7; И. Хармата, отрицая союзнические отношения херсонеситов с сарматами, датирует рассказ

Полиена 165—140 гг. до н. э. См.: *Harmatta I. Studies on the history of the sarmatians.* Budapest, 1950, p. 11.

46

Гилевич А. М. Кучук-Мойнакский клад

херсонесских монет IV—III вв. до н. э., с. 12.

47

Яценко И. В. Указ. соч., с. 213.

48

Там же, с. 212.

49

Дашевская О. Д. Скифы на северо-западном побережье Крыма..., с. 155.

50

Кадеев В. И. Об этнической принадлежности носителей

свидетельствуют о той силе, которую представляли собой скифы на политической арене Северного Причерноморья в IV в. до н. э. В неустанной борьбе за свои экономические интересы скифы выступали как сильное политическое объединение, способное противостоять грекам. Могущество скифской державы достигло своего апогея во II в. до н. э. — во время царствования Скилура. В I в. н. э. оно переживает новый подъем, который сме-

нился в конце II—III вв. н. э. упадком. Ослабление единства привело Скифское государство к гибели. В III в. н. э. оно окончательно сошло со сцены.

Для понимания истории поздних скифов исключительно важную роль приобретает изучение Неаполя, к рассмотрению различных аспектов жизни которого мы и перейдем.

имени Ερννας в Херсонесе
Таврическом. — СА, № 3,
1974, с. 60.

51

IOSPE, I², 402.

52

Strab., VII, 4, 4.

53

Дашевская О. Д. Скифы на
северо-западном побережье
Крыма..., с. 154.

54

Высотская Т. Н. Поздние
скифы в юго-западном Крыму.
К., 1972, с. 55 и сл.

История исследования Неаполя скифского

ОТКРЫТИЕ НЕАПОЛЯ
СКИФСКОГО
ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДИЩА
ДО ВЕЛИКОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
ИССЛЕДОВАНИЯ
СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

После присоединения Крыма к России в 1783 г. среди русского образованного общества пробудился интерес к полуострову. Русская Академия возглавила его всестороннее изучение. Появились первые труды путешественников и ученых о Крыме. Особое внимание привлекают многочисленные памятники старины. Начались первые археологические исследования древних поселений.

1827 год по праву можно считать отправным пунктом в исследовании Неаполя скифского. Именно тогда А. И. Султан-Крым Гирей купил у татарина, везшего камень с городища, плиту с изображением скифа-всадника и три мраморные плиты с надписями: с именем царя Скилура, посвящения Зевсу Атабирию и Афине Линдской от имени Посидея, сына Посидеева. Тогда же был найден близ города клад из 200 монет от Александра Македонского до императора Макрина¹. Приехавший для ознакомления с находками директор Одесского музея И. П. Бларамберг произвел раскопки на городище и обнаружил плиту с рельефным изображением двух всадников (старика и молодого), нашел обломок черепицы с клеймом астинома, фрагменты керамики².

В том же 1827 г. в журнале «Одесский вестник» были опубликованы первые находки Неаполя³, заинтересовавшие Х. Х. Стевена. Он полагал, что Керменчик «очевидно, древняя крепость». Однако лишь И. П. Бларамберг высказал предположение, что близ Симферополя расположен Неаполь — укрепление царя Скилура⁴.

В 1834 г. Неаполь посетил швейцарский путешественник Дюбуа де Монпере, оставивший опи-

сание руин «резиденции Скилура» и произведший раскопки погребений на северо-западном склоне городища⁵.

Городище обследовал также проф. Н. Мурзакевич, увидевший «следы каменных стен по склонам горы и по границе с равниной шагов в 600»⁶.

В 1853 г. раскопки на Неаполе производил граф А. С. Уваров. Об этих работах он пишет: «Канавы, проведенные в разных направлениях, довели до открытия следов жилищ. В самой скале, на которой лежали эти развалины, выдолблены круглые ямы. В иных находили уголь, в других — жженую крупу, в третьих лежали кости. Ямы покрывают почти всю гору и выдолблены одна возле другой»⁷. А. С. Уваров нашел обломок мраморной плиты с посвящением Ахиллу Понтарху — владыке острова, победившему пиратствующих сатархеев.

В 1879 г. Неаполь обследовал Г. Д. Филимонов, а вслед за ним Н. П. Кондаков⁸. В 80-х годах небольшие раскопки на Неаполе провели Х. Ящуржинский, Ф. Ф. Пашков и А. О. Кашпар. Таврическая ученая архивная комиссия с 1887 г. вела за Неаполем постоянное наблюдение.

В 1889 г. на городище небольшие раскопки провел Н. И. Веселовский. На месте между большим курганом и спуском к Воронцовскому саду он обнаружил «остатки стен... круглые углубления, выложенные камнем, по-видимому, цистерны или кладовые для хозяйственных запасов... продолговатые, четырехугольные сооружения, сделанные из высоких или узких дикарных камней,

1

Эрист Н. Л. Неаполь скифский. К столетию со времени первых раскопок.— В кн.: II конф. археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927, с. 23.

2

Ящуржинский Х. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе.— ИТУАК, 1889, № 7, с. 48.

3

Одесский вестник 1827 г., № 47, с. 69.

4

Бларамберг И. De la position des trois forteresses tauroscythes.— ИТУАК, 1889, № 7.

5

F. Dubois de Montpéroux. Voyage autour du Caucase et en Crimée, 1843, vol. 5. Paris, p. 387.

поставленных стоймя в виде сплошного забора длиной немного менее сажени, шириной в $\frac{1}{2}$ сажени»⁹. В 1895 г. Ю. А. Кулаковский открыл близ городища могилу.

Раскопки на Неаполе, давшие замечательные памятники, а также отдельные случайные находки: две амфорные ручки с надписью ΝΕΟΠΟΛΙΣ надгробная стела с изображением скифского всадника¹⁰, бронзовая пряжка с изображением скифского всадника¹¹, раскопки курганов близ Симферополя¹² наряду со свидетельствами древних авторов, нумизматическими и эпиграфическими памятниками привлекли внимание историков, археологов, нумизматов, искусствоведов не только в России, но и за рубежом.

По-разному интерпретировали надпись с упоминанием имени царя Скилура. Вслед за И. Бларамбергом А. Бек восстанавливал ее следующим образом: βασιλεὺς Εκίλουρος βασιλεὺς λεαυτοῦ βασιλείας εἶτος «Царь Скилур великий царь на 30-ый год царствования». Против такого перевода возражал В. В. Латышев. Он предложил иное чтение: βασιλεὺς Εκίλουρος βασιλείας...οἱς «Царь Скилур, сын царя такого-то»¹³. Эта надпись позволяет считать, что власть в Скифии передавалась по наследству от отца к сыну. Отец Скилура также был царем.

Дискуссия возникла и по поводу нумизматических находок. Х. Келлер¹⁴, а вслед за ним А. Бек¹⁵ отрицали принадлежность монеты, изданной И. П. Бларамбергом, царю Скилуру, доказывая тем самым, что Ольвия никогда не находилась под властью скифских царей. Иного мнения придерживается Д. Рауль-Рошетт¹⁶. В. В. Латышев полагал, что Ольвия подчинялась различным скифским царям, из которых Скилур был последним¹⁷. Ему вполне справедливо возражал А. В. Орешников, по мнению которого о подчинении

Ольвии скифским царям могут свидетельствовать лишь монеты с именем Ольвии¹⁸. Впоследствии к этой точке зрения присоединился А. Н. Зограф¹⁹. Он рассматривал подчинение Ольвии Скилуру как краткий эпизод в истории города. Н. А. Фролова вслед за В. В. Латышевым пришла к выводу, что в период подчинения Ольвии Скилуру скифы сначала поработили этот город, а затем предоставили ему больше свободы²⁰.

Находки И. П. Бларамберга и открытие в 1878 г. в Херсонесе декрета в честь Диофанта²¹, излагавшего события в Таврике во II—I вв. до н. э., послужили поводом для начала дискуссии о локализации скифских крепостей, названных в декрете и у Страбона.

К гипотезе И. П. Бларамберга о Неаполе — резиденции царя Скилура — присоединились Дюбуа де Монпере, Н. Мурзакевич²², А. С. Уваров²³,

6 Маркевич А. И. К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя (1827—1927 гг.).— ИТОИАЭ, 1928, т. 3, отд. оттиск.

7 Уваров А. С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя.— В кн.: Пронилей. М., 1854, кн. 4, с. 525, 526.

8 Антропологическая выставка 1879 г. М., 1880. т. 3. ч. 2. вып. 2, с. 17.

9 ОАК, 1889, с. 27.

10 Маркевич А. К памятникам Неаполиса.— ИТУАК, 1891, № 12, с. 87, 89.

11 Веселовский Н. Скифский всадник.— ИТУАК, 1891, № 14, с. 81 и сл.

12 Троицкая Т. Н. Скифские курганы Крыма.— ИКОГО, 1951, вып. 1, с. 91, 92; Каушар А. К. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные Н. И. Веселовским.— ИТУАК, 1896, № 24, с. 144.

13 IOSPE, 1², № 668.

14 Kohler H. K. Serapis, St. Petersburg, 1850, I, 76, S. 209.

15 Corpus Inscriptionum grecarum II, N 2103.

16 Raul-Rochette D. Antiquites du Bospore.— Paris, 1822.

17 Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии.— СПб., 1887, с. 137.

18 Орешников А. В. О монетах скифских царей с именем города Ольвии.— ЗРАО.— СПб., 1890, т. 4, вып. 3, 4, с. 16 и сл.

19 Зограф А. Н. Античные монеты.— МИА, 1951, 16, с. 137.

20 Фролова Н. А. Монеты скифского царя Скилура.— СА, 1964, № 1, с. 54.

21 IOSPE, I², № 352.

22 Мурзакевич Н. Поездка в Крым в 1836 г.— ЖМНП, 1837, янв., с. 630.

23 Уваров А. С. Указ. соч., с. 526.

В. Юргевич²⁴, П. Кеппен²⁵, Х. Ящуржинский²⁶, Ф. Лашков, а впоследствии В. В. Латышев, который, однако, не соглашался с И. П. Бларамбергом, что на рельефе из Неаполя был изображен Скилур и его сын Палак²⁷. Разделяя мнение И. П. Бларамберга о локализации Неаполя, Г. Кизерницкий и К. Ватцингер ошибочно датировали рельеф с изображением молодого всадника IV в. до н. э.²⁸

По мнению Х. Ящуржинского, находка двух ручек с надписью *Νεαπολις* указывает на название города²⁹. П. Беккер отрицал этот аргумент. Отмечая, что названия городов на амфорных ручках не встречаются, а плиты с надписями попали на городище из какого-то другого места, скорее всего, из Ольвии³⁰, он полагал, что Неаполь мог находиться там, где впоследствии был Инкерман. Его мнение разделял Ф. Браун³¹. П. Бурачков, возражая И. Бларамбергу и В. Юргевичу, предполагал, что Хабеи и Неаполь находились в гористой части Крыма³². Ю. А. Кулаковский считал локализацию Неаполя близ Симферополя несостоятельной. «Симферопольское городище с легкой руки Бларамберга сливается в настоящее время за Неаполь», — писал он³³.

Впоследствии академик И. И. Толстой, рассматривая граффито IV в. до н. э. на ножке чернолакового канфара из Херсонеса (*Νεαπολις*), пришел к выводу, что это название тождественно Неаполю, существовавшему, следовательно, в Крыму в IV в. до н. э.³⁴ Такая интерпретация надписи вызвала возражения. В. Д. Блаватский считал, что аргументация И. И. Толстого лишена оснований по двум причинам: во-первых, дата IV в. до н. э. не соответствует дате возникновения Неаполя, во-вторых, имя *Νεαπολις* означает наименование не города, а лица³⁵. П. О. Карышковский на основании нумизматических и эпиграфических находок доказал, что это имя собственное,

хорошо известное в Херсонесе³⁶. К его мнению присоединилась О. Д. Дашевская³⁷.

Никто из сторонников, равно как и противников гипотезы И. П. Бларамберга, не допускал мысли о негреческой принадлежности открытого памятника. Сам И. П. Бларамберг предполагал, что открыл греческую родосскую колонию³⁸. С ним соглашался А. С. Уваров, который считал, что на месте Керменчика был основан город выходцев с острова Родоса³⁹. П. Кеппен называл Неаполь укреплением греков, подвластных Скилuru⁴⁰. П. Беккер в противоположность А. Беку утверждал, что греки явились туда, по всей вероятности, не из Херсонеса, а из Ольвии, так как поселение херсонесцев в стране их заклятого врага было бы противоестественным⁴¹. К. К. Косцюшко-Валюжинич, отмечая большое сходство погребального инвентаря могильников Неаполя с находками из склепов Херсонеса, считал, что, возможно, после поражения скифов Диофантом «Неаполис составил колонию Херсонеса в интересах его меновой торговли»⁴².

Глубокое понимание истории Северного Причерноморья позволило М. И. Ростовцеву, в 1918 г. «варваризировать» скифское царство. По М. И. Ростовцеву, резиденция великих скифских царей находилась около Симферополя⁴³ и при Скилуре скифская держава достигла своего апогея, а в крепости близ Симферополя он усматривал «греко-скифский» город Скилура или «греческую скифскую» столицу, вряд ли в древности носившую название Неаполь⁴⁴. Того же мнения придерживался С. А. Жебелев, осветивший различные аспекты истории скифского общества. А. С. Жебелев неоднократно отмечал, что царство Скилура можно характеризовать не как скифское, а как греко-скифское⁴⁵.

После длительного перерыва раскопки на Неаполе возобновились лишь в 1926 г. в связи с со-

24 Юргевич В. Псифисм древнего города Херсониса о назначении почестей и награды Диофанту, полководцу Митридата Евпатора, за покорение Крыма и

освобождение херсонисцев от владычества скифов.— ЗООИД, 1881, т. 12, с. 23.

25 Кеппен П. Крымский сборник.— Спб., 1837, с. 105, 328.

26 Ящуржинский Х. Указ. соч., с. 46 и сл.

27 Латышев В. В. Указ. соч. с. 131, 133.

28 Kiseritzky G. und Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, N 557, S. 98.

сружением водохранилища и водопроводной траншеи. На месте выемки для бассейна Н. Л. Эрнст обнаружил остатки оборонительной стены города, зерновые ямы, остатки примитивных жилищ, разнообразную утварь⁴⁶. Результаты раскопок позволили Н. Л. Эрнсту прийти к выводу, что поселение на Неаполе существовало еще до Скилура. Для материальной культуры Неаполя, по мнению Эрнста, характерна «смесь элементов греческих, римских и местных, среди последних — смесь степных и горных, то есть скифских и таврских»⁴⁷.

Конференция археологов СССР, проходившая в Херсонесе в 1927 г., отметила важность раскопок на Неаполе скифском и необходимость дальнейшего исследования городища. Однако, по мнению А. И. Маркевича, «главное, существенное, Неаполь уже, по-видимому, сказал»⁴⁸.

Планомерные археологические исследования Неаполя начались только в послевоенные годы, когда была организована Тавро-скифская экспедиция под руководством П. Н. Шульца. Начиная с 1945 по 1963 г. раскопки на Неаполе с небольшими перерывами велись ежегодно. Они открыли оборонительные, жилые, хозяйственные и культовые сооружения поздних скифов, дали много ценного материала для понимания истории Северного Причерноморья в позднеэллинистический период и римское время.

В 1945—1947 гг. исследовались главным образом кварталы в районе центральных городских ворот, участок оборонительной стены и некрополь, расположенный юго-восточнее городища.

В 1946 г. в районе городских ворот было открыто уникальное сооружение скифов — мавзоль, усыпальница царской знати. Не меньший интерес представляют обнаруженные на некрополе склепы со стенной живописью. Результаты их раскопок опубликованы в статьях П. Н. Шульца⁴⁹.

29

Яцуржинский Х. Указ. соч., с. 50.

30

Becher P. Die Herakleotische Halbinsel in archäologischer Beziehung. Leipzig, 1856, S. 41—46.

31

Браун Ф. Черноморье. Одесса, 1879, ч. 1, с. 70.

32

Бурачков П. Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и

сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимся ко времени войн Диофанта, полководца Митридата со скифами.— ЗООИД, 1881, т. 12, с. 228.

33

Кулаковский Ю. А. Новые данные для истории старого Крыма.— ЗРАО, 1889, X, вып. 3—4, с. 12.

34

Толстой И. И. Народное произношение в керамической эпиграфике Северного Причерноморья.— ИАНОЛЯ, 1951, т. 10, вып. 4, с. 374 и сл.; Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.— Л., 1953, с. 57.

35

Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных городах Северного Причерноморья.— М., 1954, с. 28.

36

Карышковский П. О. Рец. на работу Толстого И. И. Греческие граффити...— ВДИ, 1954, № 1, с. 71.

37

Дашевская О. Д. Скифские городища Крыма. Автореф. канд. дис.— М., 1954, с. 6; Дашевская О. Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, указанных Страбон.— ВДИ, 1958, № 2, с. 147.

38

Blavatsberg I. Op. cit., p. 61.

39

Уваров А. О. Указ. соч., с. 526.

40

Кенпен П. Указ. соч., с. 328.

41

Латышев В. В. Указ. соч., с. 132.

42

Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1892 г., дело № 3, № 19.

43

Ростовцев М. И. Амага и Тиргатао.— ЗООИД, 1915, № 32, с. 59.

44

Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918, с. 105, 106, 158.

45

Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.— Л., 1953, с. 89 и сл.

46

Эрнст Н. Л. Указ. соч., с. 26; Маркевич А. Археологические исследования и раскопки в Крыму в 1923—1928 гг.—

В кн.: По археологии и византиноведению. Прага, 1927, с. 318; Эрнст Н. Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930).— ИТОИАЭ, 1931, № 4, с. 82.

47

Эрнст Н. Л. Неаполь скифский..., с. 27.

48

Маркевич А. И. К 100-летию исследования на городище Неаполе у Симферополя (1827—1927), с. 14, отд. оттиск.

49

Шульц П. Н. Работы Тавро-скифской экспедиции (1945—1946 гг.). Памятники искусства.— Бюл. ГМИИ, 1947, вып. 2, с. 22—28; Шульц П. Н. Раскопки Неаполя скифского.— КСИИМК, 1947, вып. 21, с. 16 и сл.; Шульц П. Н. Тавро-скифская археологическая экспедиция.— Советский Крым, 1946, № 2, с. 98 и сл.; Шульц П. Н. Тавро-скифская экспедиция в 1946 г.— Советский Крым, 1947, № 5, с. 42 и сл.; Шульц П. Н. Тавро-скифская экспедиция.— Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1947, т. 4, № 3, с. 280 и сл.; Шульц П. Н. Тавро-скифская экспедиция.— КСИИМК, 1949, вып. 27, с. 56; Шульц П. Н. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака.— КСИИМК, 1946, вып. 12, с. 46 и сл.

В работе Н. Н. Погребовой, посвященной анализу погребений мавзолея, высказывается предположение, что в каменной гробнице был похоронен не царь Скилур, как предполагал П. Н. Шульц⁵⁰, а Палак и, следовательно, это погребение датируется не концом II в. до н. э., а началом I в. до н. э.⁵¹

Раскопки на Неаполе позволили П. Н. Шульцу внести существенные поправки в периодизацию скифской культуры, предложенную М. И. Ростовцевым. М. И. Ростовцев считал, что скифская культура ограничивается рамками VII—III вв. до н. э.⁵² В результате работ Тавро-скифской экспедиции удалось установить непрерывное развитие скифской культуры вплоть до III—IV вв. н. э.⁵³, выявить самобытную культуру поздних скифов, которые имели свою государственность, строили города.

В 1948—1949 гг. А. Н. Карасев открыл оборонительные сооружения Неаполя в районе центральных городских ворот. Было установлено, что оборонительная стена сооружалась в несколько приемов и имела боевые башни. Перед городскими воротами находилось парадное общественное здание с портиком⁵⁴.

Раскопками А. Н. Карасева, И. В. Яценко, О. Д. Дашевской на северном участке Неаполя обнаружены жилые и общественные здания города. Роспись одного из них реконструирована И. В. Яценко⁵⁵. Граффити того же здания изданы О. Д. Дашевской⁵⁶. Были опубликованы и другие материалы из Неаполя: обобщены и дополнены надписи (Э. И. Соломоник)⁵⁷, издана лепная керамика (О. Д. Дашевская)⁵⁸.

Результаты многолетних раскопок позволили П. Н. Шульцу опровергнуть точку зрения Б. Н. Гракова на Неаполь как на город «наполовину греческий, наполовину варварский»⁵⁹. По мнению П. Н. Шульца, в государстве скифов не

существовало характерного для эллинизма развитого рабовладения античного типа. Материально-техническая база скифского государства не имела черт, характерных для эллинизма⁶⁰.

Большой интерес в свое время вызвали находки в Ольвии монет скифских царей Скилура, Фарзоя и Инисмея. Эти находки, как мы отмечали, позволили определить отношения Неаполя с Ольвией и Херсонесом. Так, А. Н. Зограф пришел к выводу, что царь, осаждавший Херсонес в I в. до н. э., был, вероятнее всего, Фарзой⁶¹. Ему возражает П. О. Карышковский, по мнению которого находки монет Фарзоя и Инисмея на Дунае не дают оснований считать, что на Херсонес наступал Фарзой, равно как и не доказывают, что Фарзой был скифским царем⁶². Монетные находки послевоенных лет на некрополе получили освещение в статьях Л. П. Харко⁶³, Э. А. Сымоновича и К. В. Голенко⁶⁴.

Раскопки на некрополе (В. П. Бабенчиков, Э. А. Сымонович, И. Д. Марченко) дали возможность определить обряд погребений, погребальные сооружения, выяснить этнический состав населения города, кроме того, в работах Д. С. Раевского интерпретируются политические взаимоотношения скифов и греков⁶⁵. Изучение антропологического материала мавзолея и некрополя показало, что основным этническим компонентом населения Неаполя были скифы, близкие скифам Поднепровья, кроме того, в Неаполе жили греки, тавры и сарматы⁶⁶.

Исследование остеологического материала Неаполя позволило сделать В. И. Цалкину вывод, что в эллинистическое время жители Неаполя разводили преимущественно мелкий рогатый скот, а в римский период возросло количество крупного рогатого скота⁶⁷.

Новые исследования возродили дискуссию о локализации столицы скифов. П. М. Шульц утвер-

50

Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, с. 25.

51

Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского. — МИА, 1961, № 96, с. 179.

52

Rostovzeff M. I. The Animal style in south Russia China. Princeton, 1929, p. 23—24.

53

Шульц П. Н. Раскопки Неаполя скифского, с. 16.

54

Карасев А. Н. Раскопки Неаполя скифского. — КСИИМК, 1951, вып. 37; Карасев А. Н. Раскопки Неаполя скифского в 1950 г. — КСИИМК, 1953, вып. 49.

55

Яценко И. В. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском. — СА. 1960. № 4, с. 91—112.

56

Дашевская О. Д. Граффити на

ждал, что на окраине современного Симферополя находился Неаполь — скифская крепость, которую упоминают Страбон и декрет в честь Диофанта. В. Ф. Гайдукевич считал, что локализацию Неаполя на месте городища Керменчик следует рассматривать предположительно⁶⁸. По мнению М. И. Артамонова, Неаполь с достаточным основанием может быть отождествлен с городищем Керменчик возле Симферополя⁶⁹.

Иного мнения придерживается О. Д. Дашевская. Не соглашаясь с локализацией Неаполя близ Симферополя, она допускает, что Страбон при перечислении скифских крепостей не случайно называет Палакий первым, так как он был главным городом скифского царства, поэтому Диофант не захватил его и не разрушил⁷⁰. Недавно Д. С. Раевский разделил эту точку зрения, уверенно локализуя на городище Керменчик древний город Палакий — столицу государства скифов⁷¹.

Весьма оригинально суждение М. В. Скржинской по этому поводу. Она считает, что название скифской столицы вообще не сохранилось в древних источниках, так как упомянутые крепости, в том числе и Неаполь, находились якобы недалеко от Херсонеса⁷².

Здесь не место подробно останавливаться на вопросе о локализации скифских крепостей. Однако позволим себе заметить, чтобы не возвращаться к этому вновь, что точка зрения П. Бларамберга, поддержанная многими учеными, в том числе и П. Н. Шульцем, о размещении на горе Керменчик в Симферополе столицы скифов — Неаполя мы считаем наиболее убедительной. Не противоречат этому и археологические данные. О. Д. Дашевская объясняет сохранность мавзолея тем, что город не был разрушен греками, так как не участвовал в войне с Диофантом. Однако это не так. Жилые и общественные здания Неаполя несут следы пожа-

ров и разрушений. А мавзолей сохранился лишь потому, что был выстроен после войны, когда умер царь Скилур (об этом см. ниже).

Все больше данных (хотя и косвенных) появляется для локализации других скифских крепостей, указанных в источниках. Но этот вопрос заслуживает специального рассмотрения. Вернемся, однако, к историографии скифов.

Проходившая в 30-х годах дискуссия о государстве у скифов не касалась поздних скифов. В тот период еще не велись раскопки Неаполя и других

60
Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского (1945—1950).— В кн.: История и археология древнего Крыма, К., 1957, с. 89.

61
Зограф А. Н. Указ. соч., с. 138.

62
Каришковський П. Й. З історії греко-скифських відносин у північно-західному Причорномор'ї.— АП, 1962, т. 11, с. 119.

63
Харко Л. П. Монетные находки Тавро-скифской экспедиции 1946—1950 и 1957 гг.— МИА, 1961, № 96.

64
Симонович Э. А., Голенко К. В. Монеты из некрополя Неаполя скифского.— СА, 1960, № 1, с. 265—268.

65
Раевский Д. С. Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя). В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971; Д. С. Раевский.

Позднескифская семья по археологическим данным.— СЭ, 1971, № 2; Раевский Д. С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э.— I в. н. э.).— ВДИ, 1973, № 2.

66
Кондукторова Т. С. Населения Неаполя скифского за антропологическими данными.— Матеріали антропології України. 1964, вип. 3, с. 53.

67
Цалкин В. И. Домашние и дикие животные из скифского Неаполя.— СА, 1954, № 20; Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа.— МИА, 1960, № 53, с. 94.

68
Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство.— М., 1949, с. 533—534.

69
Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму.— ВЛГУ, 1948, № 8, с. 59.

70
Дашевская О. Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упомянутых Страбоном, с. 149.

71
Раевский Д. С. Неаполь или Палакий?— ВДИ, 1976, № 1, с. 106.

72
Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. К., 1977, с. 73 и сл.

стенах зданий в Неаполе скифском.— СА, 1962, № 1.
57
Соломоник Э. И. Эпиграфические памятники Неаполя скифского.— НЭ, 1962, № 3.

58
Дашевская О. Д. Лепная керамика Неаполя скифского.— МИА, 1968, № 64.
59
Граков В. М. Скифы. К., 1947, с. 32.

городов Крыма, а исследования позднескифских поселений Поднепровья только начинались. В свое время М. И. Ростовцев высказал мнение, что «своего апогея скифская Крымская держава достигла при Скилуре»⁷³. Его точку зрения разделял Ю. В. Готье, считавший, что «скифская держава Скилур была последней вспышкой скифской самостоятельности и могущества»⁷⁴. Развивая эти взгляды, Г. В. Вернадский утверждал, что в середине II в. до н. э. скифская держава распалась, а Скилур и Палак стали вассалами роксоланов⁷⁵. Переоценкой исторической роли сарматов проникнута и книга известного венгерского ученого Я. Харматты, который считал, что, начиная с событий, описанных Полиэном (легенда об Амага), скифы неоднократно находились в вассальной зависимости от сарматов⁷⁶.

Послевоенные раскопки на Неаполе скифском позволили по-иному отнестись к сложному и неясному вопросу о государстве у поздних скифов. Некоторые ученые — В. Ф. Гайдукевич, Д. П. Каллистов, П. Н. Третьяков, М. И. Артамонов — вслед за С. А. Жебелевым придавали большое значение деятельности Скилур, полагая, что первые признаки государственности у скифов сложились ко времени царствования Скилур и Палака⁷⁷. Причем П. Н. Третьяков допускал, что Скифская «держава» просуществовала лишь до первых веков нашей эры⁷⁸.

Большинство советских и зарубежных ученых в настоящее время считают, что государство у скифов возникло в IV в. до н. э. в эпоху царствования Атея⁷⁹, а с Неаполем связаны новые этапы в жизни скифского общества. А. М. Хазанов в работе «Социальная история скифов» называет Скифское царство в Крыму «Третьим скифским царством». Развернутая аргументация истории скифского царства в Крыму дана в монографии Б. Н. Гракова «Каменское городище на Днепре»⁸⁰.

В новой работе «Скифы» Б. П. Граков повторил свою прежнюю точку зрения⁸¹.

Специальное исследование скифов Крыма провел М. И. Артамонов⁸². Однако он переоценивает силы греков в войне Диофанта, считая, что скифское царство было разгромлено в этой борьбе, хотя скифы как этническое образование не исчезли и в течение еще нескольких столетий сохранили свою политическую независимость и активность. Э. И. Соломоник оценивает Скифское государство как рабовладельческое с пережитками первобытнообщинного строя. Она разделяет точку зрения Б. Н. Гракова и других ученых о возникновении государства у скифов в IV в. до н. э.⁸³

Разноречивые толкования продолжает вызывать (как мы говорили) вопрос о времени возникновения Неаполя.

Существование Скифского государства в Северном Причерноморье по соседству с греческими государствами не могло не отразиться на общем уровне культуры соседних народов. Мирное общение с «варварами» и враждебные столкновения с ними способствовали варваризации греков, с одной стороны, и эллинизации скифов — с другой. Смогли ли оставить скифы столь яркие образцы материальной культуры, как оборонительные стены, мавзолей, здания с портиками, общественные здания с росписью, расписные склепы, без непрерывного общения с греками Ольвии, Херсонеса, Боспорского царства? Очевидно, нет. По-видимому, иначе бы сложилась экономика и политика античных государств Северного Причерноморья без торговли со скифами, без непрерывных военных столкновений и мирных контактов с миром варваров.

Несмотря на важность и актуальность проблемы, обобщающих работ по истории Неаполя скифского до сих пор не было. В статьях и публика-

73
Ростовцев М. И.
Эллинизм и иранство на юге
России, с. 105.
74
Готье Ю. В. Очерки по
истории материальной

культуры Восточной Европы.
Л., 1925, с. 249.
75
Ancient Russia, 1944.
76
Harmatta J. Op. cit., p. 9.

77
Каллистов Д. П. Северное
причерноморье в античную
эпоху.— М., 1952, с. 95;
Гайдукевич В. Ф. Боспорское
царство, с. 5, 298—299;
Артамонов М. И. Скифское

царство в Крыму.— ВЛГУ,
1948, № 8, с. 69 и сл.
78
Третьяков П. Н.
Востоочнославянские
племена.— М., 1953, с. 98.

циях дана разработка лишь отдельных аспектов материальной культуры города, тогда как не освещенными остались многие политические и социально-экономические стороны жизни позднескифского государства и его столицы. Лишь систематизация всего материала, накопленного многолет-

ними исследованиями, поможет решению этой сложной задачи.

Данная книга — первая попытка обобщить все разрозненные материалы раскопок Тавро-скифской экспедиции 1945—1959 гг., публикация которых представляется актуальной.

79

Danoff Ch. R. E. Suppl., 1962, № 9, p. 10, 27 и сл.; Там же см.: литературу вопроса; Хазанов А. М. Социальная история скифов.— М., 1975, с. 249.

80

Граков В. Н. Каменское городище..., с. 29 и сл.

81

Граков В. Н. Скифы. М., 1971, с. 38.

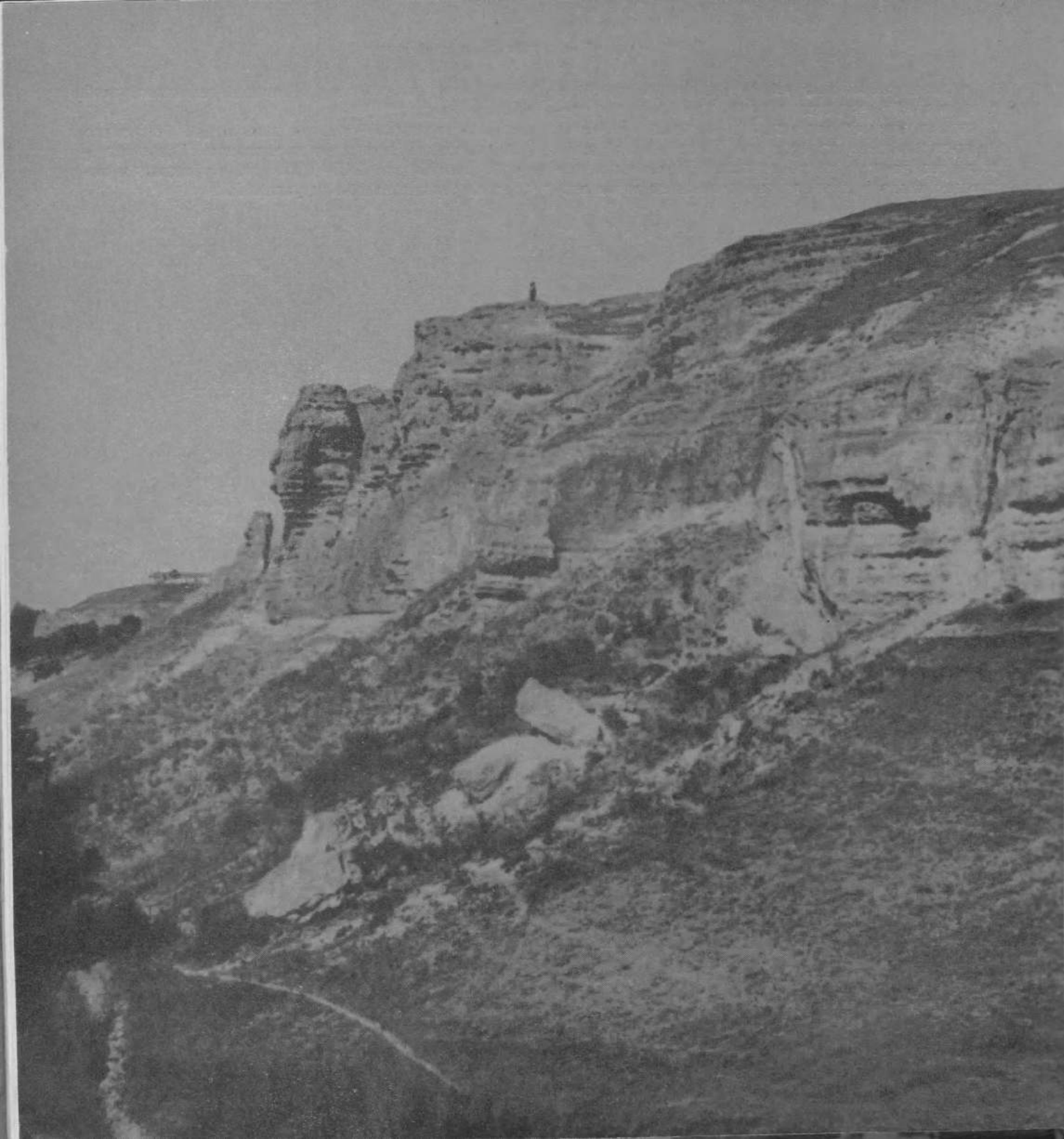
82

Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму.

83

Соломоник Э. И. О Скифском государстве и его взаимоотношениях с

греческими городами Северного Причерноморья.— В кн.: Археология и история Боспора. Симферополь, 1952, с. 122.

Топография города и некрополя

ЛОКАЛИЗАЦИЯ НЕАПОЛЯ
УЧАСТКИ РАСКОПОК
ГОРОДИЩА
МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИЕ
НЕКРОПОЛЯ

Локализация Неаполя. Неаполь скифский расположен в юго-восточном районе современного Симферополя, на отрогах Второй гряды Крымских гор, в пределах долины р. Салгир, на ее левом берегу. Ложе долины выработано в толщах палеогеновых известняков и мергелей¹. Плато городища расположено на куэсте Петровских скал, обрывающихся 50-метровым отвесным уступом к долине реки. Этот неприступный обрыв создавал естественную защиту для неприятеля с северной и северо-восточной сторон. С запада город был защищен глубокой Петровской балкой, склоны которой в древности были значительно круче. Сейчас балка и весь район вокруг Неаполя интенсивно застраиваются, жилые дома вплотную подошли к городищу.

В плане город имел форму равнобедренного треугольника, обращенного вершиной к северу. Площадь его составляла около 20 га. В древности с наиболее доступных для неприятеля южной и юго-восточной сторон Неаполя находились мощные крепостные стены; возможно, стена была и с запада вдоль Петровской балки. Каменный или деревянный парапет мог находиться и у обрыва Петровских скал.

Первый план городища сделал швейцарский путешественник Дюбуа де Монпере, посетивший Неаполь в 1834 г.² (рис. 1). Дюбуа с большой точностью нанес на план южную оборонительную стену с шестью башнями. Помимо центральных ворот с двумя башнями были зафиксированы западные ворота, фланкированные одной башней. Кроме крепостных стен, Дюбуа де Монпере отме-

тил на плане остатки древних построек, которые локализуются в восточной части плато. Всего на план нанесено десять построек, семь из них имели квадратную форму и были ориентированы с севера на юг, одна вытянута с востока на запад и состояла, по-видимому, из трех помещений. И, наконец, две постройки прямоугольного плана, одна вытянута с севера на юг, другая — с востока на запад. Дюбуа де Монпере отметил также следы древней дороги, которая шла вдоль оборонительной стены и спускалась на западе в Петровскую балку, а на востоке — к древнему некрополю.

У нас нет планов раскопок И. Бларамберга и А. С. Уварова (да и были ли они сделаны?), и мы не знаем точно, где найдены уникальные памятники, положившие начало исследованию Неаполя. Известно лишь, что граф А. С. Уваров вел раскопки близ места находок И. Бларамберга, к юго-западу от длинного здания, к северу от центральных городских ворот. Более точных сведений, где копал А. С. Уваров «канавы, проведенные в разных направлениях», нет.

В 1926—1927 гг. Н. П. Эрнст раскапывал юго-восточную часть городища. Он открыл остатки крепостной стены, ворота или калитку. Н. Л. Эрнст сделал топографический план Неаполя с нанесением южной крепостной стены, прослеженной в виде вала, а также северо-западный, юго-восточный и юго-западный участки некрополя. В 1946 и 1947 гг. Е. Столяревский сделал глазомерную съемку Неаполя, а позднее П. Н. Шохин — инструментальную. В 1959 г. С. К. Себекин нанес на этот план все участки раскопа (рис. 2).

¹ Лысенко Н. И. К вопросу о террасах Салгира. — ИКОГО СССР, 1961, вып. 1, с. 73.

² Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase et Crimee. Paris, 1834, альбом, fig. 8.

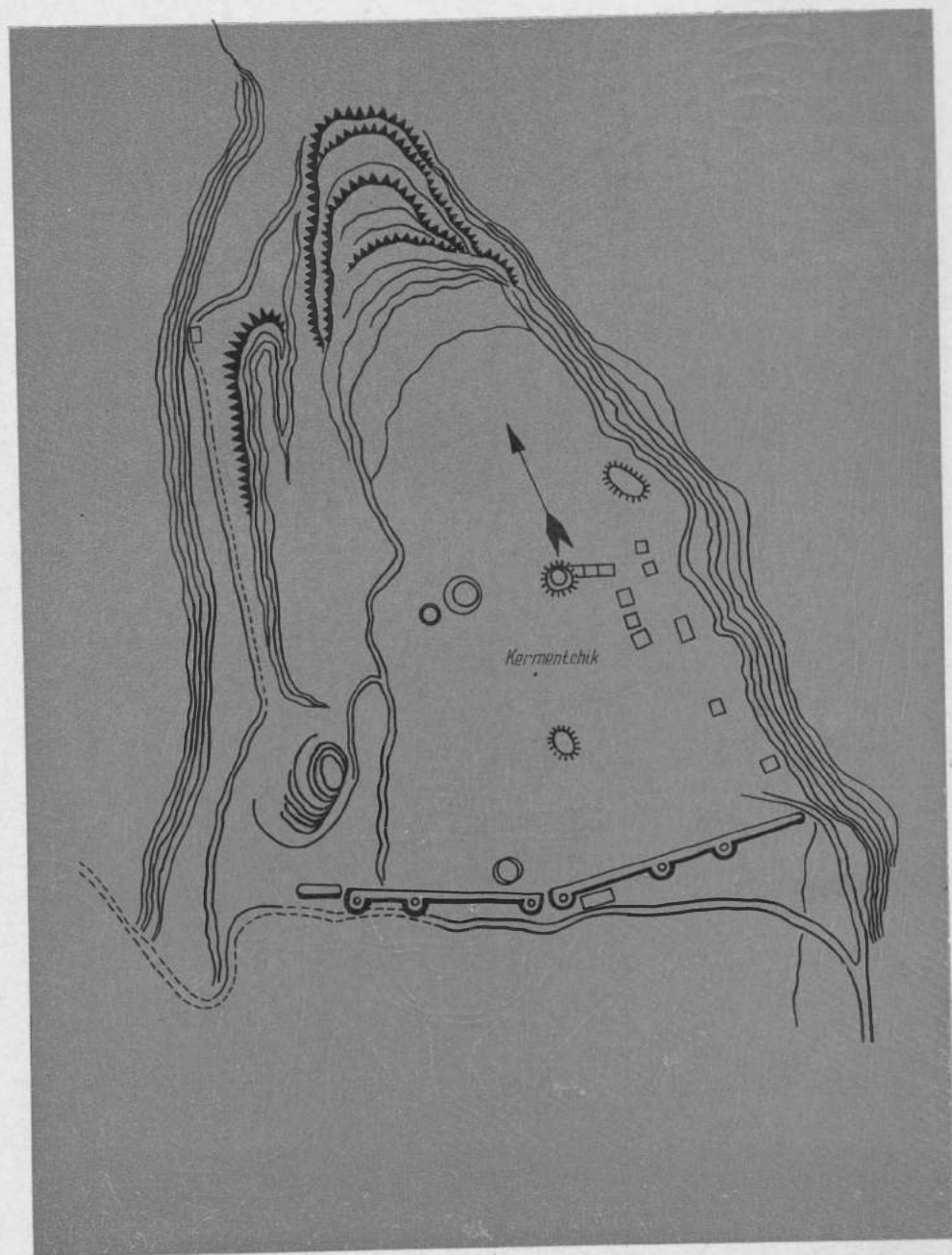

Рис. 1
План раскопок Неаполя
по Дюбуа де Монпере.

Рис. 2
План Неаполя
с нанесением участков
раскопок.

В настоящее время плато городища очень перекопано, так как еще в конце XVIII — начале XIX в. здесь добывали камень жители Петровской балки и Подгорно-Петровской слободы. Значительная часть построек Петровской балки и слободы была сооружена из камня, вывезенного из Неаполя. Расхищение камня особенно усилилось в начале 1900 годов, когда городская управа сдала городище в аренду для добычи камня, поэтому не удивительно, что в 1926 г. Н. Л. Эрнест отмечал, что «территория Неаполя была сплошь покрыта ямами и буграми»³.

Характерной особенностью топографии Неаполя являются его зольники: два из них находятся внутри города, третий — к югу от городища, за пределами крепостных стен. Самый северный зольник № 1 имел высоту около 4 м, диаметр 88 м, зольник № 2 самый большой, его высота 9,5 м, диаметр 105 м. Зольник № 3 — загородный — имеет высоту 5 м, диаметр 125 м. Четвертый зольник не сохранился до наших дней. Он находился за пределами города на западном склоне Петровской балки и был нанесен Дюбуа де Монпере на план. Небольшие зольные холмы наблюдал П. Н. Шульц за южной крепостной стеной Неаполя⁴. В настоящее время зольники очень деформированы, так как некоторые из них (№ 2, 3) раскапывались, а кроме того, из них часто брали золу и камень.

Вопрос о назначении зольников и по сей день остается нерешенным. Частичные раскопки зольника № 3 показали, что насыпь его состоит из золы с прослойками сажки, древесного угля, сожженных костей животных. Среди находок встречались обломки глиняных подставок с головами баранов, пирамидальные и конические глиняные грузила и пряслица, много точильных камней и оселков, обломков краснолаковых сосудов и бальзамариев⁵.

П. Н. Шульц высказал предположение, что зольники, представлявшие в свое время высокие холмы, могли использовать как наблюдательные и сторожевые пункты⁶. Однако это не объясняет прямого их назначения, ибо сторожевые и наблюдательные посты уместнее было размещать за городом, а не внутри городища.

В настоящее время значительную площадь Неаполя — более 2 тыс. м² в юго-восточной части плато — занимает водораспределительный бассейн. В 1954 г. в южном районе городища, к северу от оборонительной стены, была прорыта траншея водоканала длиной 290 м, шириной 2 м. Она проходила от северо-западного угла водораспределительного бассейна на юго-запад к Петровской балке.

В 1955 г. в северной части городища проложена траншея водоканала длиной 225 м, шириной 2 м, которая пересекала плато с запада на восток. Во время прокладки траншеи проводились археологические исследования городища. Они помогли восстановить степень застройки Неаполя в различные хронологические периоды. Но, к сожалению, большинство строительных остатков, раскрытых в траншеях, фрагментарны, за исключением некоторых объектов, исследованных более обстоятельно (раскоп Д).

Участки раскопок города. Всего на территории Неаполя с 1945 по 1959 г. исследовано девять участков, получивших литерные обозначения (А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И). Раскоп А (1945—1950 гг.) занимал территорию около центральных городских ворот, часть оборонительной стены, привратную башню, мавзолей с примыкающей к нему территорией. Раскоп Б (1945—1950 гг.) — к северу от центральных городских ворот, площадь перед воротами, постройки к северу и востоку от площади. Впоследствии этот участок слился с раскопом А. Раскоп В (1945—1949, 1954—1959 гг.) за-

³ Эрнест Н. Л. Неаполь скифский. К 100-летию со времени первых раскопок. — В кн.: II конф. археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927, с. 24.

⁴ Шульц П. Н. Отчет о работах Тавро-скифской экспедиции за пять лет (1945—1949 гг.). — Арх. ОАСА, инв. А № 3/7, с. 19.

⁵ Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1956 г. — Арх. ОАСА, инв. А № 29/2, с. 13.

⁶ Там же, с. 20.

нимал территорию, охватывающую восточную часть южной траншеи и к югу от нее. Впоследствии этот участок слился с раскопами А и Б. Общая площадь раскопа 2150 м². Раскоп Г (1955—1957 гг.) занимал восточную часть северной траншеи — 197 м². Раскоп Д (1955—1957 гг.) — северную часть городища к северу от траншеи — 787,5 м². Раскоп Е (1957—1969 гг.) расположен к востоку и югу от центральных го-

родских ворот. Его площадь — 450 м². Раскоп З (1956 г.) занимал восточную полу зольника № 3 и две траншеи (З₁ и З₂) к юго-западу и востоку от зольника, площадь его 1205 м². Раскопы Ж и Ж₁ (1957—1958 гг.) расположены в центральной части плато к югу от зольника № 1. Площадь их 131,25 м².

Раскоп И (1959 г.) занимал район оборонительной стены к западу от центральных город-

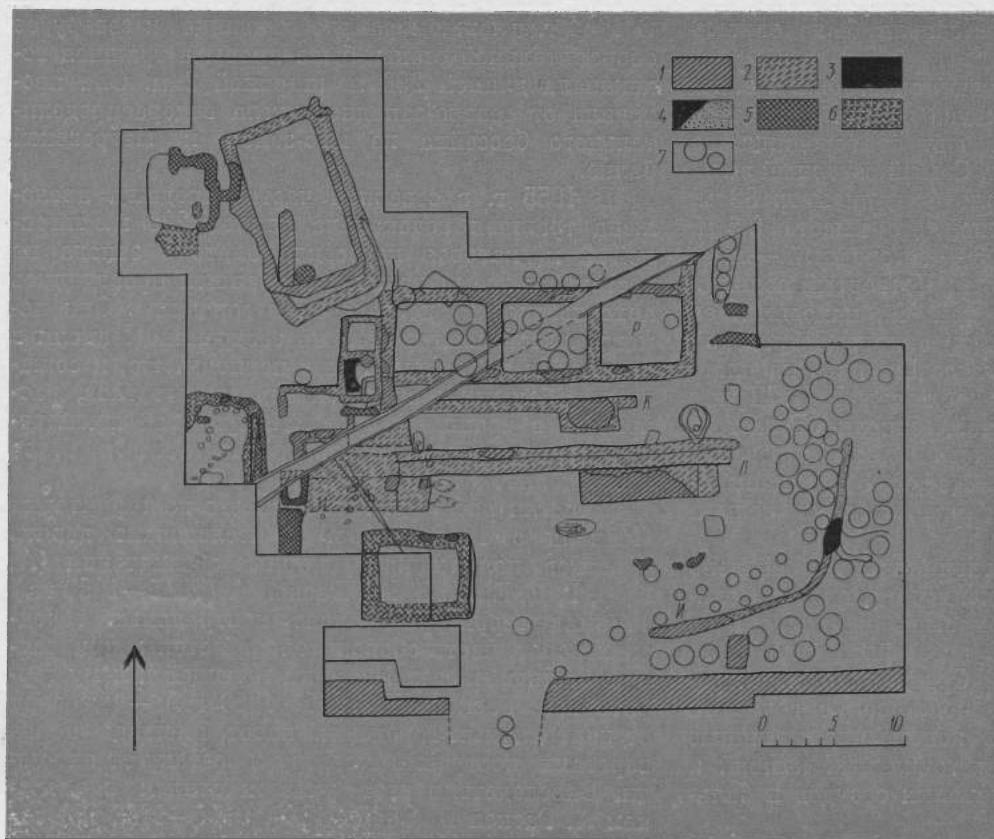

Рис. 3
Участок городища
в районе центральных
городских ворот:
1 — остатки кладки
эллинистического времени;
2 — выборка кладок
эллинистического времени;
3 — кладки рубежа нашей эры;
4 — выборка кладки рубежа
нашей эры; 5 — кладки
первых веков нашей эры;
6 — выборка кладок первых
веков нашей эры; 7 — зерновые
и хозяйственные ямы.

ских ворот. Площадь 89 м². Кроме того, южная траншея составляла 534 м², северная траншея — 456 м² и зачистки на загородной территории на площади 4000 м². Всего раскопано более 10 тыс. м², что составляет примерно 1/20 часть городища.

Раскопки показали, что поселение распространялось и к югу за пределы городской стены. Кроме зольника № 3 и культового здания, здесь открыты многочисленные зерновые ямы, землянки эллинистического времени. К сожалению, общая площадь загородной территории осталась неизвестной, ибо значительная часть ее в настоящее время застроена.

В 1975 г. на юго-восточном склоне плато городища, северо-восточнее грунтового некрополя открыты остатки поселения, большая часть которого уничтожена, а часть застроена⁷.

Не выяснен и вопрос об акрополе Неаполя. Топографически не прослеживаются остатки оборонительных сооружений в наименее доступной для неприятеля северной, мысовой части плато. Небольшие раскопки, проведенные здесь в 1954—1955 гг., не решили вопрос о существовании оборонительных сооружений в этом районе города.

Раскопки, произведенные в разных участках города и за его пределами, позволяют говорить об интенсивной застройке Неаполя в эллинистический период. Особенно активно застраивались район центральных городских ворот и северный район предполагаемого акрополя, у центральных городских ворот наблюдается некоторая регулярность планировки города. Здания К, Л и Р, как видно на плане (рис. 3), расположены параллельно воротам, они ориентированы с запада на восток. Здания находились на расстоянии 15—19 м от ворот. Перед воротами в эллинистическое время располагалась усыпанная белой известняковой щебенкой значительная площадь (примерно 325—350 м²), своеобразным архитектурным обрамле-

нием которой являлись в определенные периоды сначала здание Л, затем К (здания с портиками).

Большая часть площади оставалась свободной и в римское время, лишь в западной ее части возникают постройки и на всем участке появляются многочисленные хозяйственные ямы. Некоторые дома, прилегающие к площади с севера, в эллинистическое время имели меридиональную ориентацию, как бы подчиняясь определенной системе, направленной на оформление парадного въезда в город. Вдоль крепостной стены на северо-восток от центральных городских ворот шла мощенная камнем улица шириной 3,5 м. Она имела каменную ограду, остатки которой, толщиной 1 м, местами сохранились. Улица шла вдоль оборонительной стены на протяжении 17,5 м, далее она поворачивала на север, в центральную часть города. Под камнями мостовой находились зерновые ямы основного зернохранилища Неаполя. Горловины ям были плотно закрыты каменными плитами.

Не менее интенсивно, чем в районе Центральных ворот, велось строительство и в северо-западной части городища, в районе предполагаемого акрополя. В ориентации построек здесь господствуют два направления: северо-восток — юго-запад и северо-запад — юго-восток. Этой ориентации строители придерживались в эллинистическое и римское время (рис. 4). Однако строгой планировки, соблюдения какой-то закономерности в строительстве не наблюдается. Д. С. Раевский считает, что в северном районе Неаполя (раскоп Д) существовали участки города, разделенные каменными оградами. Эти участки представляли собой патристические ячейки скифского общества⁸. Однако делать такое предположение, мы считаем, преждевременно. Остатки каменных стен, довольно значительных по толщине (1,5 м), действительно исключали возможность использования их как

7

Высотская Т. Н., Скорый С. А.
Работы на Неаполе скифском
и его округе.— АО 1975 г.— М.,
1976, с. 315.

8

Раевский Д. С.
Позднескифская семья по
археологическим данным.—
СЭ, 1971, № 2, с. 66.

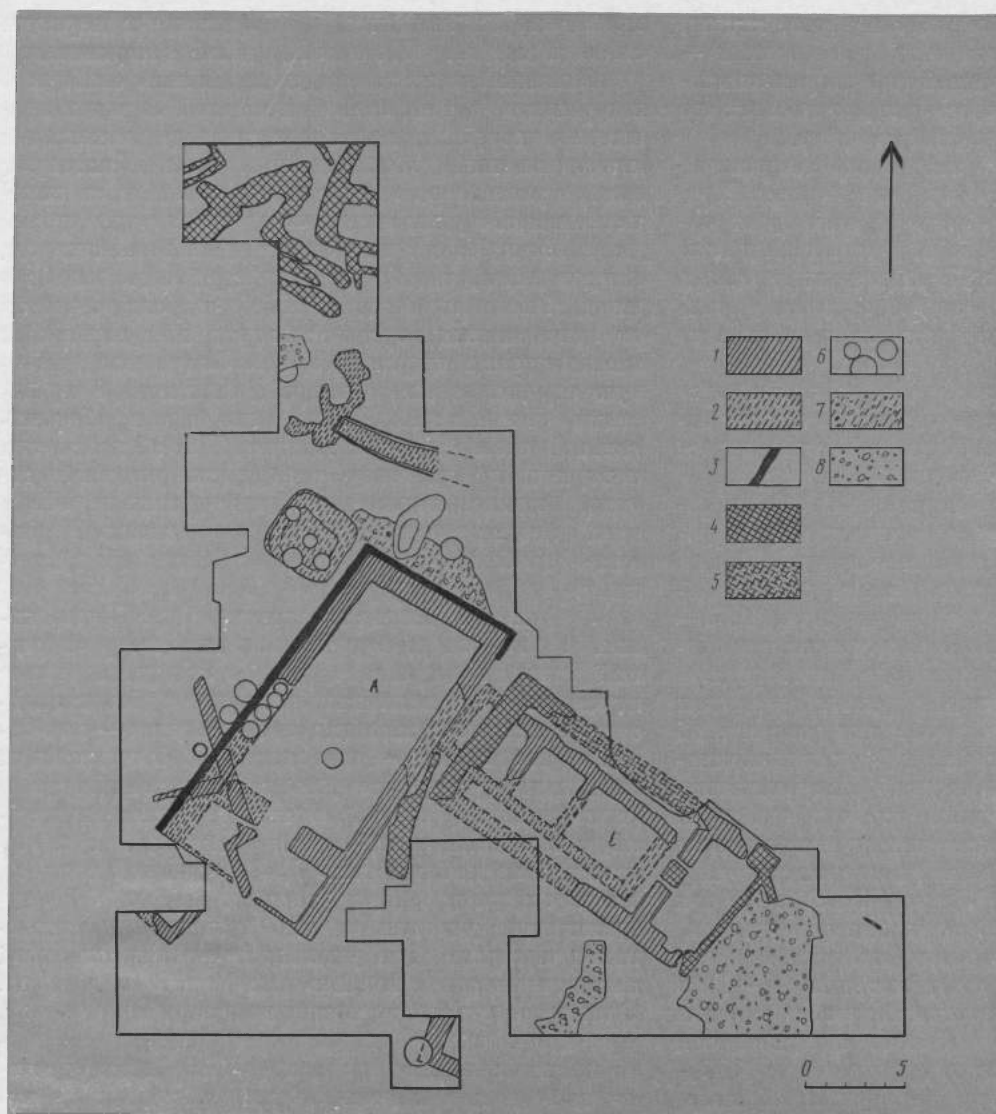

Рис. 4
Участок городища
в районе акрополя:

1 — кладки эллинистического времени; 2 — выборка кладок эллинистического времени; 3 — кладки рубежа нашей эры; 4 — кладки первых веков нашей эры; 5 — выборка кладок первых веков нашей эры; 6 — хозяйственные ямы; 7 — вымостки эллинистического времени; 8 — вымостки римского времени.

9
Гидрогеология СССР.— М.,
1970, т. 8, с. 132.
10
Карасев А. Н. Отчет о
раскопках Неаполя
скифского в 1950 г.— Арх.

ОАСА, инв. А, № 4/10, с. 53.
11
Погребова Н. Н. Дневник
раскопок Неаполя скифского,
1945, кв. 23, раскоп Б.

12
Шульц П. Н. Отчет о
раскопках Неаполя скифского
в 1958 г.— Арх. ОАСА, инв. А,
№ 32/1, с. 29.

13
Гидрогеология СССР..., с. 132.
14
Шульц П. Н. Отчет о работах
Тавро-скифской экспедиции за
пять лет..., с. 21.

простых оград домов, но эти остатки так фрагментарны, что для выводов об их назначении пока слишком мало оснований.

Центральный участок городища к югу от зольника № 2 (участок Ж и Ж₁) в эллинистическое и римское время был мало застроен. Вероятно, здесь были свободные площади, где могла собираться конница, дружинники, обучались верховой езде юноши и т. д. В первые века нашей эры в этом районе появляются отдельные жилые дома и ямы хозяйственного назначения.

Можно ли на основании проведенных раскопок Неаполя судить о его социальной топографии? Весьма приблизительно. Наиболее богатые жилые дома, дома знати, может быть, членов царской семьи, в эллинистическое время размещались в районе центральных городских ворот. Одновременно возводились добротные дома и в северной части города. Судя по плану Дюбуа де Монпере, были они и в восточной части города. В районе городских ворот землянок и юрт бедняков не найдено. Этот район со времени возникновения Неаполя и вплоть до последнего периода существования города продолжал оставаться местом обитания преимущественно знатных и богатых представителей скифского общества.

Очень важным и не вполне решенным остается вопрос о водоснабжении города. Население Неаполя могло пользоваться водой из р. Салгир либо из источников, которые и сейчас действуют в Петровской балке и у подножия Петровских скал и обладают повышенной водообильностью⁹. Очевидно, большую роль в водоснабжении играли поверхностные воды, которые жители города могли собирать в соответствующие резервуары (цистерны, бассейны, пифосы). В засушливые годы такие водосборники могли заполнять водой из поверхностных водоемов (р. Салгир, ручьи и пр.), привозимой на лошадях. Об использовании поверх-

ностных вод свидетельствуют остатки водостоков, открытые раскопками внутри и за пределами города¹⁰, а также фрагменты керамических желобов¹¹. Один полуразрушенный водосток обнаружен за пределами оборонительной стены близ двора у здания Е. Он вел в небольшой бассейн, кладка стен водостока разрушена и местами выбрана¹². Плато городища представляет собой зону карстующихся нуммулитовых известняков, поэтому не исключено, что определенную роль в водоснабжении играли подземные воды, хотя сложность их эксплуатации (создание колодцев) связана с переменной водообильностью и затруднением их поисков. Глубина залегания уровня вод в колодцах этого района невелика — от 0,5 до 10 м¹³. На средней террасе восточного склона к долине р. Салгир, на юго-восток от городища, в 300 м от него есть следы искусственных плотин. Время их сооружения осталось невыясненным. П. Н. Шульц связывал создание плотин с древним водохранилищем¹⁴. Нам думается, что плотины или земляные насыпи, перегораживающие балку, были предназначены для использования наиболее плодородных участков балки, хорошо защищенных от северных ветров. Здесь могли выращивать огородные и садовые культуры. Кроме того, задержание на террасах паводковых и талых вод способствовало пополнению подземных вод и могло увеличивать расход расположенных ниже источников. Подобные примеры упорядоченного землепользования у поздних скифов известны в Крыму¹⁵.

* * *

Некрополь Неаполя расположен на двух участках: на восточном склоне к р. Салгир, на юго-восток от города за пределами его стен и на за-

¹⁵
Маликов В. М. Древние сельскохозяйственные террасы в Крыму. — Виноградарство и садоводство Крыма, 1960, № 11, с. 42.

¹⁶
Dubois de Montpereux F. Op. cit., p. 387.

¹⁷
Яцуржинский Х. П. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе. — ИТУАК, 1889, вып. 7, с. 46—55.

¹⁸
ОАК за 1889 г. — Спб., 1892, с. 20 и сл.
¹⁹
Dubois de Montpereux F. Op. cit., p. 382.

падном, к юго-западу от города по склонам Петровской балки.

Западный участок по склонам Петровской балки был открыт в 1834 г. Дюбуа де Монпере, который обнаружил здесь каменные вырубные склепы¹⁶, обследованные затем Х. И. Ящуржинским¹⁷ и Н. И. Веселовским¹⁸. Всего зачищено 14 склепов, расположенных цепочкой; входы в склепы, как правило, обращены в сторону балки. Среди погребального инвентаря найдены железные мечи, бронзовые фибулы, гривны, подвески из египетской пасты (скарабеи, львы и пр.), бусы. На этом же участке открыты земляные склепы и подбойные могилы, последние концентрировались в глинище у истоков ручья, протекающего по балке.

Два склепа обнаружено на северо-западном склоне плато городища, а на восточном склоне в 1834 г. обнаружены погребения под курганной насыпью¹⁹.

Исследование восточного участка грунтового некрополя Неаполя начал в 1834 г. Дюбуа де Монпере, который открыл здесь земляные склепы²⁰. Они расположены на средней террасе близ дороги, спускающейся с восточного склона в долину р. Салгир.

После Великой Октябрьской социалистической революции работы на восточном участке некрополя вел Центральный музей Тавриды под руководством Н. Л. Эрнста. В 1926—1927 гг. при сооружении Аянского водопровода на склоне верхней террасы были открыты каменные склепы, вырубленные в скале²¹. Они тянулись вдоль уступа скалы в несколько рядов. Ниже их по склону находился большой грунтовый могильник с земляными склепами и подбойными могилами.

Планомерные раскопки восточного участка некрополя Неаполя были начаты Тавро-скифской экспедицией под руководством П. Н. Шульца в

1947 г. Работы проводили В. П. Бабенчиков, О. Д. Дашевская, Т. М. Минаева, Ф. Н. Пашенко, И. Д. Марченко, Э. А. Сымонович.

В 1949 г. на нижней пойменной террасе долины р. Салгир, в 600 м на юг — юго-восток от городища у Алуштинского шоссе был открыт земляной склеп с росписью. Он оказался разграбленным еще в древности. Склеп датируется III в. н. э. В нем было похоронено не менее шести человек. Здесь же обнаружена подбойная могила, прорезавшая яму кизил-кобинского типа²². Вполне возможно, что на месте ранее существовавшего поселения кизил-кобинского времени позднее возник один из участков некрополя Неаполя.

Исследования некрополя Неаполя показали, что наиболее богатые погребения (за исключением царской усыпальницы — мавзолея) были совершены в каменных вырубных склепах, многие из которых имели настенную роспись. В них хоронили представителей скифской знати. К сожалению, склепы разграблены еще в древности, нет возможности установить дату наиболее ранних погребений и определить, одновременны ли они мавзолею, или совершены уже после превращения мавзолея в привратную башню. Фрагменты керамики, обнаруженной В. П. Бабенчиковым при обследовании склепов на восточном участке некрополя, свидетельствуют о совершении там погребений в первые века нашей эры²³. Не исключено, что наиболее богатые по декору склепы (№ 9) служили царскими усыпальницами в этот период. Рядовое же население хоронило своих сородичей в земляных склепах, грунтовых ямах и подбойных могилах.

В 1947—1949 гг. на средней террасе склона к р. Салгир, на юг — юго-восток от городища, на расстоянии 500 м от него открыта наиболее удаленная часть некрополя Неаполя. Значительное количество могил (более 100) раскопано в 1956—

20 Там же, с. 386.
21

Эрнст Н. Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет

(1921—1930 гг.).— ИТОИАЭ, 1931, т. 4, отд. оттиск, с. 84.
22 Дашевская О. Д. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя скифского.— ВДИ, 1951, № 2, с. 131 и сл.

23 Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя скифского.— В кн.: История и археология древнего Крыма. К., 1957, с. 99.

24 Сымонович Э. А. Итоги новых работ на могильнике Неаполя скифского.— КСОГАМ, 1963, с. 35.

1958 гг. Этот участок некрополя раскопан полностью. Исследователи отмечают, что захоронения в земляных склепах концентрировались в центральной части могильника, от центра могильник разрастался в стороны, где изобилуют подбойные могилы²⁴. Таким образом, помимо двух основных участков некрополя — западного и восточного, возможно были еще какие-то подразделения внутри каждого участка. Д. С. Раевский предположительно связывал их с патронимическим делением городского населения²⁵. Некрополь Неаполя датируется II в. до н. э. — первой половиной III в. н. э.²⁶. Где были расположены погребения более раннего времени — остается неясным. Близ Неаполя относящихся к нему курганных могильников не обнаружено²⁷. Исключение составляет лишь

погребение I в. до н. э. — I в. н. э. под курганом, раскопанным в 1949 г. у поворота дороги, ведущей из Неаполя по восточному склону к Алуштинскому шоссе²⁸. Неапольские курганы свидетельствуют о сохранении погребальных традиций у скифов в позднее время²⁹. Это подтверждают и впускные скифские захоронения II—I вв. до н. э. в курганах эпохи бронзы, открытые близ городища Кермен-Кыр³⁰.

В целом топография города и некрополя свидетельствует об исключительно удачной локализации столицы скифского государства. Неаполь находился в центре Крымского полуострова, на узле древних торговых путей, занимая ключевую позицию и центральное место в системе скифских городищ, укрепленных поселений и селищ Крыма.

25

Раевский Д. С.

Позднескифская семья по археологическим данным, с. 66.

26

Сымонович Э. А. Указ. соч., с. 38.

27

Шульц П. Н. Отчет о работах Тавро-скифской экспедиции..., с. 25.

28

Бабенчиков В. П. Указ. соч., с. 132 и сл.

29

Раевский Д. С. Скифы и сарматы в Неаполе. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 147.

30

Высотская Т. Н.

Позднескифские погребения в кургане близ городища Кермен-Кыр. — АИ, 1968, вып. 2, с. 113.

Оборонительные сооружения

РАСКОПКИ КРЕПОСТНОЙ
СТЕНЫ
НОВЫЕ УЧАСТКИ
РАСКОПОК
РЕКОНСТРУКЦИЯ СТЕН
И БАШЕН

Оборонительные сооружения любого древнего городища подчинены его топографическим особенностям. Рельеф местности всегда диктовал создание крепостных стен в местах, наиболее уязвимых для неприятеля. Неаполь скифский, как мы отмечали, расположен на скалистом мысу, северные и северо-восточные склоны которого обрываются неприступными Петровскими скалами. С северо-западной и западной сторон проходила глубокая Петровская балка, возможно, вдоль нее городище на протяжении более 600 м было защищено стеной. Южная и юго-восточная напоольные стороны в пределах 450 м оставались наиболее доступными для неприятеля, и здесь требовалось создание надежной защиты города.

Вслед за Бларамбергом на крепостные стены Неаполя обратил внимание Дюбуа де Монпере (1834 г.). Он указывал, что уникальная фортификация Неаполя состоит из стены, фланкированной шестью башнями, между двумя из них находился «дверной проем»¹ (см. рис. 1). Судя по всему, речь шла о южной крепостной стене и главных воротах города. А. С. Уваров в 1853 г. видел со стороны Петровской балки следы трех стен². В отличие от южной оборонительной стены западная не раскапывалась, так что вопрос о ее толщине, протяженности, наличии башен и ворот остается открытым.

Раскопки крепостной стены. Первые охранные раскопки южной крепостной стены произвел Н. Л. Эрнст в 1926 г. Он обнаружил на месте большой выемки для водораспределительного бассейна «фундамент и нижнюю часть оборонительной

стены, направленные с востока на запад». Н. Л. Эрнст отметил, что стена имела неравномерную толщину, в среднем 2 м, и была облицована неотесанными камнями — дикарями местной породы.

«По вине такого несовершенства в постройке, стена, — писал Н. Л. Эрнст, — сохранилась крайне плохо. В одном месте стены обнаружился пустой промежуток, шириной в 4 м, быть может, место городских ворот»³.

На основании раскопок Н. Л. Эрнста родилось ложное представление о несовершенстве крепостных сооружений Неаполя. По мнению А. И. Маркевича, «не слабым стенам Неаполя, Хавона и Палакиона, сооруженным наскоро и неумело, можно было противостоять войскам Диофанта, превосходно вооруженным и закаленным в боях с римскими армиями»⁴. К сожалению, нет подробного отчета и чертежей Н. Л. Эрнста, поэтому трудно судить, насколько объективно он оценил открытые им остатки.

Планомерное исследование крепостной стены Неаполя произвела Тавро-скифская экспедиция в 1945—1949 и 1957—1959 гг. Раскопки велись на трех участках: в районе центральных городских ворот (участок А)^{*}, в 37 м к востоку от ворот (участок Е) и в 120 м к западу от ворот (участок И).

К сожалению, в архивах сохранилось лишь суммарное описание стены, нет крупномасштабных планов, отсутствуют разрезы и стратиграфические чертежи, что затрудняет изучение остатков фортификационных сооружений Неаполя.

³ Эрнст Н. Л. Неаполь скифский. — В кн.: II конф. археологов СССР в Херсонесе, с. 26.

⁴ Маркевич А. И. Указ, соч., с. 10.

¹ Dubois de Montpereux F. Op. cit., p. 379.

² Маркевич А. И. К столетию исследования на городище Неаполя у Симферополя, с. 7.

Тавро-скифской экспедицией было исследовано 53 погонных метра крепостной стены. Выяснилось, что она сооружалась в несколько строительных периодов. Древнейшая стена первого строительного периода по характеру и толщине была неодинакова на разных исследованных участках. К западу от центральных городских ворот сохранившаяся высота ее достигала всего 1,55 м, к востоку от них — 2,15 м, на участке Е — 2 м. Стена имела два панциря, сложенных из крупных, грубо околотых известняковых камней, между которыми находилась забутовка из мелких камней и известнякового щебня. Для забутовки ис-

пользовали наскальную корку, которую, по-видимому, счищали где-то в стороне. Подошва стены местами лежала на скале, местами — на наскальной корке и погребенной почве. Возведенная из бутового камня и мелкого щебня на грязи, ранняя стена была весьма непрочным сооружением. Для увеличения ее прочности был использован ряд строительных приемов: панцири стены выложены не вертикально, а имели небольшой наклон к центру. На участке Е зафиксирован наклон внутреннего панциря в среднем 10 см на каждый метр высоты, внешнего — 20 см, т. е. стена сверху сужалась на 30 см на каждый метр высоты.

Рис. 5
Перемычка в стене
I строительного периода.

*
На основании исследования крепостных сооружений Неаполя в районе центральных городских ворот А. Н. Карасев подготовил рукопись «Оборонительные

сооружения Неаполя скифского». В свое время А. Н. Карасев любезно предоставил нам возможность ознакомиться с нею и использовать в нашей работе.

Угол наклона в среднем равен $73-75^\circ$. Примерно такая же картина наблюдалась и в районе центральных ворот. В разрезе стена имела форму неправильной трапеции. Аналогичные сужения стен кверху были на городище Чайка⁵. Подобная картина наблюдалась на городище Батарейка II, где наклон откоса равен 75° , а также на Беляусе и Гераклейском полуострове (см.: наклон противотаранных поясов боевых башен). Кроме того, по видимому, через определенные промежутки для скрепления панцирей в стене делались перемычки из крупных камней. Одна из них обнаружена на участке Е, где в три ряда поперек, занимая по линии стены 1,1 м, лежали крупные каменные блоки (рис. 5).

На том же участке (Е) открыты остатки «контрфорса». Он был сооружен позднее древнейшей стены и лежал на тонком культурном слое. У «контрфорса» стена сохранилась на высоту 1,5 м.

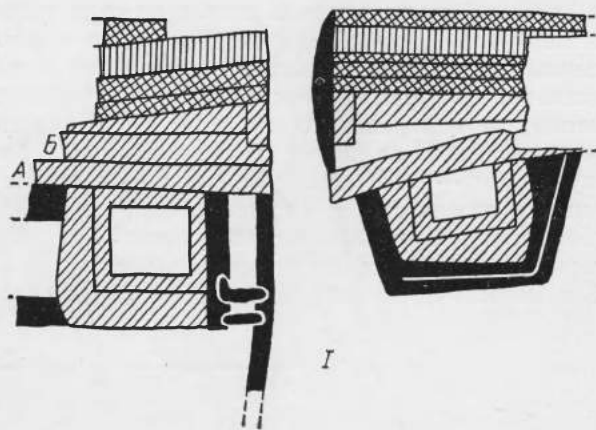
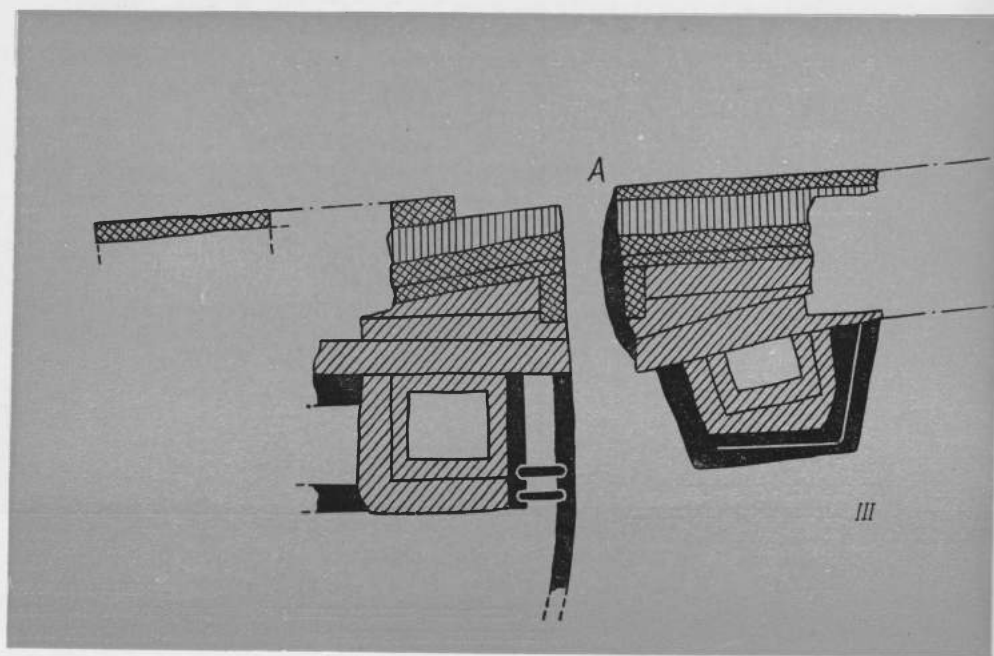
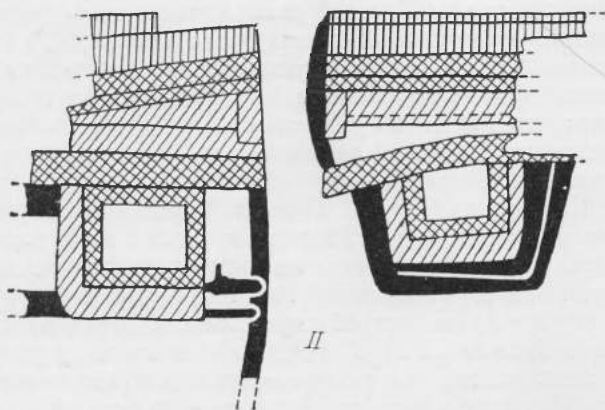

Рис. 6
Схема поясов южной оборонительной стены на участках А и Е:

- 1 — по А. Н. Карасеву,
II — по П. Н. Шульцу;
III — периодизация автора.
1 — I строительный период;
2 — II строительный период;
3 — III строительный период;
4 — IV строительный период.

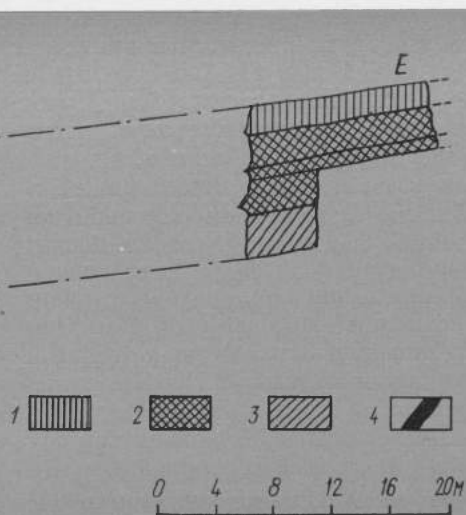

Открытые остатки древнейшей стены, по-видимому, представляли собой сужающееся вверх каменное основание, высота которого была 2,5—3 м, а ширина верхней площадки — 1,30—1,40 м. На площадке могла покоиться той же толщины вертикально выведенная сырцовая или каменная надстройка. Общая высота стены при этом достигала 5—5,5 м.

Древнейшая стена какой-то период существовала как единственное оборонительное сооружение, защищавшее город с южной стороны. В дальнейшем стена укреплялась дополнительными поясами, камень из которых выбран.

К западу от ворот, к древнейшей стене со стороны города был пристроен пояс толщиной 1,45 м (I-й пояс II строительного периода). Он сохранился на высоту 0,80 м. Со стороны города к этому поясу примыкал толстый слой золы, местами достигавший 1 м. Третий и все последующие пояса на этом участке лежат на зольной подсыпке, мощность которой местами достигает 0,70 м. Толщина III пояса 2,90 м, наибольшая высота 0,42 м. Он, так же как и I пояс, состоит из крупных бутовых камней. IV пояс имел толщину 0,90 м (рис. 6, I). К нему пристроен пилон, сохранившийся в северной части на высоту 0,90 м. Длина пилона 3,35 м, ширина 1,65 м. Следующий, V пояс имеет неравномерную толщину — от 1,20 до 2 м у западного пилона. Далее к югу от V пояса стены на участке к западу от центральных ворот, по мнению А. Н. Карасева и П. Н. Шульца, находилась протейхизма. По А. Н. Карасеву, протейхизма имела два пояса: южный пояс А толщиной 2,5 м, сохранившийся на высоту 1,05 м, и пояс Б — северный, примыкающий к V поясу. Толщина последнего 2,35 м. Общая толщина стены на данном участке вместе с протейхизмой и заложенным периболом достигала 12,5 м. Все пояса стены были сложены

5

Карасев А. Н. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории.— КСИА АН СССР, 1963, № 95, с. 33;
Сокольский Н. И. Крепость на поселении Батарейка II,—

КСИА АН СССР, 1967, № 109, с. 111; Щеглов А. Н. Полис и хора.— Симферополь, 1977, с. 117; Кругликова И. Т., Сапрыкин С. Ю. Гераклейская экспедиция.— АО 1975 г. М., 1976, с. 346.

из крупных, слегка обработанных камней и забутованы более мелкими. Панцири выведены не вертикально, а имели небольшой наклон внутрь. По мнению А. Н. Карасева, к древнейшему (II) поясу стены к востоку от ворот со стороны города примыкал I пояс толщиной 0,70—0,80 м, с юга же шел III пояс толщиной 1 м, затем IV — 2 м и V — пояс — 0,85 м. III пояс лежал на погребенной почве толщиной 0,30—0,40 м, IV — на небольшом культурном слое (0,20 м), остальные пояса лежали на скале. Высота поясов различна, лучше сохранился внешний панцирь II пояса — 1,90 м.

К V поясу примыкал восточный пилон ворот длиной 3,75 м, шириной 1,65 м. К пилоу и V поясу был пристроен VI пояс толщиной 2,60 м (см. рис. 6). Общая толщина стены на этом участке 6,5 м. За VI поясом стены следовал перибол, ширина которого у ворот достигала 1,7 м, а к востоку, на расстоянии 12 м от ворот он сужался до 70 см. В периболе, отмечает П. Н. Шульц, обнаружен большой завал крупных рваных камней, являющихся, по-видимому, камнями от панциря стены или предназначавшихся для него⁶. Протейхизма сохранилась здесь плохо, местами она полностью выбрана, общая ее длина 13 м, толщина в среднем 2 м, наибольшая высота 1,42 м.

С запада от ворот к протейхизме был пристроен мавзолей, примыкавший к ней северной стеной. Первоначально его стены толщиной 1 м были сложены на глине из вертикальных квадратов, положенных на небольшом фундаменте (высотой 0,40 м) из рваного камня, впущенного в зольный слой. Высота каменных стен составляла более 3 м. Верхняя часть мавзолея сложена из сырцовых кирпичей: об этом свидетельствуют рухнувшие внутрь камеры сырцы. Наружные стороны восточной и южной стен в нижней части сложены в примитивно выполненной системе «кор-

дон на ребро, плита на образок». Размеры камеры (внутренние) 6,60 × 5,40 м. С восточной стороны находилась дверь, расположенная не посередине, а смещенная к северу. Ее ширина 1,5 м, высота 2,20 м. Дверь изготовлена из деревянных досок, продольно сколоченных железными коваными гвоздями и скрепленными деревянными планками. Перекрытие мавзолея осталось невыясненным⁷.

По мнению П. Н. Шульца, спустя некоторое время после постройки мавзолея, т. е. в I в. до н. э., дверь заложили массивным каменным закладом. Затем была сооружена каменная лестница из 11 ступеней, по которой спускались внутрь мавзолея⁸. Однако Н. Н. Погребова высказала другое, на наш взгляд, очень убедительное предположение. Исходя из того, что наименее доступный при пользовании лестницей юго-восточный угол мавзолея содержит поздние погребения, она считает, что дверь мавзолея функционировала во все времена его существования и была заложена лишь тогда, когда новые погребения в мавзолее уже не предполагали совершать; по ее представлению, это произошло в I в. н. э. Тогда же был засыпан и дворик мавзолея. Земля для засыпки была взята из древних культурных слоев, и поэтому в засыпке встречаются находки II—I вв. до н. э.⁹

С востока от ворот впритык к протейхизме была пристроена башня. Протейхизма служила для нее северной стеной. Толщина I пояса башни одинакова со всех сторон — 1,30 м, наибольшая высота 1,90 м. Башня имела прямоугольную форму, внутренние размеры камеры 5 × 3,5 м (см. рис. 6). Стены камеры сложены из рваного камня на глине и отличаются от стен мавзолея, возведенного из квадров.

Восточная башня сооружена в полном соответствии с указанием Филона Византийского, который предупреждал об опасности оседания почвы

6 Шульц П. Н. Отчет о работах Тавро-скифской экспедиции, с. 96.

7 Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского, с. 13 и сл. 8 Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского, с. 15.

9 Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 178.

10 Шуази О. История архитектуры, т. 1. М., 1935, с. 382.

под тяжестью башен и поэтому советовал строить их без связи с массивом стены¹⁰.

Внутри башни обнаружен глинобитный пол. Впоследствии башня укрепляется II поясом, положенным на культурный слой мощностью 0,40—0,60 м. Толщина стен II пояса неравномерна: с южной стороны — 2,11 м, западной и восточной — 1,40 м. Наибольшая высота 0,85 м. Панцирь II пояса выложен из крупных камней, забутовка — из более мелких.

III пояс башни несколько меняет ее форму — она становится трапецевидной. Толщина стен III пояса: южной — 1 м, восточной — 1,20 м, западной — 1,70 м. Наибольшая высота 0,70 м. Подходя этого пояса лежит на культурном слое, в основном состоящем из сырца. Последний, IV пояс еще более увеличил стены башни. Общая толщина западной стены достигла 4,90 м, восточной — 4,45 м, южной — 4,40 м.

Ширина проема ворот в ранний период равнялась 4,15 м. Она предполагает двустворчатые деревянные ворота¹¹. В эллинистическое время их полотнища, по-видимому, изготовленные из дуба, вращались на петлях, а в римский период — на подпятниках. В районе ворот был обнаружен камень размером 0,60 × 0,47 × 0,22 м с подпятником диаметром 0,12 м и глубиной 0,06 м.

Раскопками 1949 г. выяснено, что центральные городские ворота Неаполя, вероятно, в момент наибольшей опасности в III в. н. э. были заложены крупными камнями на всю ширину проема в длину 4,50 м. Сохранившаяся высота заклада 1,60 м.

В процессе раскопок к северу от ворот удалось проследить последовательно лежащие на четырех разных уровнях вымостки из известковой крошки¹². Одна из плотно утрамбованных вымосток прослежена на площади в 180 м². Она представляла собой слой наскальной корки толщиной

5—6 см, лежащей на плотной глине. Последняя, в свою очередь, покоилась на погребенной почве. Неизношенность вымосток, отсутствие на них следов колеи позволяет предположить, что центральные ворота открывались лишь в торжественных случаях, здесь был парадный въезд в город. Об этом же свидетельствуют и общественные сооружения, расположенные на площади перед главными воротами. Возможно, что ежедневно пользовались воротами, открытыми Н. Л. Эрнстом, или еще какими-то, пока неизвестными.

По поводу периодизации оборонительной стены Неаполя точки зрения П. Н. Шульца и А. Н. Карасева не вполне совпадают. А. Н. Карасев усматривал в строительстве стены IV строительных периода (см. рис. 6, I), I из которых, по его мнению, связан со временем сооружения древнейшей стены (II пояс) и датируется им III в. до н. э. или, точнее, не «позже III в. до н. э.»¹³ Ко II периоду — вторая половина II в. до н. э. — он относил сооружение I, III, IV и V поясов стены (к востоку от ворот). III период был наиболее длительным — он охватывает конец II в. до н. э. — I в. до н. э. В это время возводятся протейхизма (пояс А), мавзолей и восточная привратная башня. В конце II в. до н. э. мавзолей был укреплен с юга и запада мощным панцирным поясом. В результате общая толщина его стен у основания достигала 3 м. Над мавзолеем возводятся стены второго этажа¹⁴. Вслед за этим, по мнению А. Н. Карасева, сооружаются пилоны ворот и стена укрепляется дополнительным поясом (VI к востоку от ворот, V к западу от ворот). Позднее, в римское время (IV период) возводится дугообразная стена к востоку от центральных ворот и укрепляются дополнительными поясами мавзолей и восточная башня. П. Н. Шульц, в целом следуя за А. Н. Карасевым, несколько обобщил схему периодизации сооружения оборонительной

11

Ср.: ворота Гортиса, *Martin R. Les anciennes de Gortys d'Arcodi.* — BCH, 1947—1948, vol. 71—72, 1948, p. 104.

12

Карасев А. Н. Дневник раскопок Неаполя скифского в 1949 г. — Арх. ОАСА, инв. А, № 3, с. 41.

13

Карасев А. Н. Раскопки Неаполя скифского в 1948 г. — ВДИ, 1950, № 4, с. 184.

14

Карасев А. Н. Раскопки Неаполя скифского в 1948 г., с. 185; *Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского*, с. 17.

стены Неаполя (рис. 6, II). Он также относил I строительный период к III в. до н. э. и связывал его с возведением древнейшего пояса обороны города. Во II в. до н. э. во II строительный период, по его мнению, древнейшая стена укрепляется дополнительным поясом, в результате толщина

дополнительной стеной и превращается в привратную башню¹⁶. II и III строительные периоды П. Н. Шульц относил ко времени расцвета Неаполя.

Таким образом, мы видим, что в схемах, предложенных А. Н. Карасевым и П. Н. Шульцем,

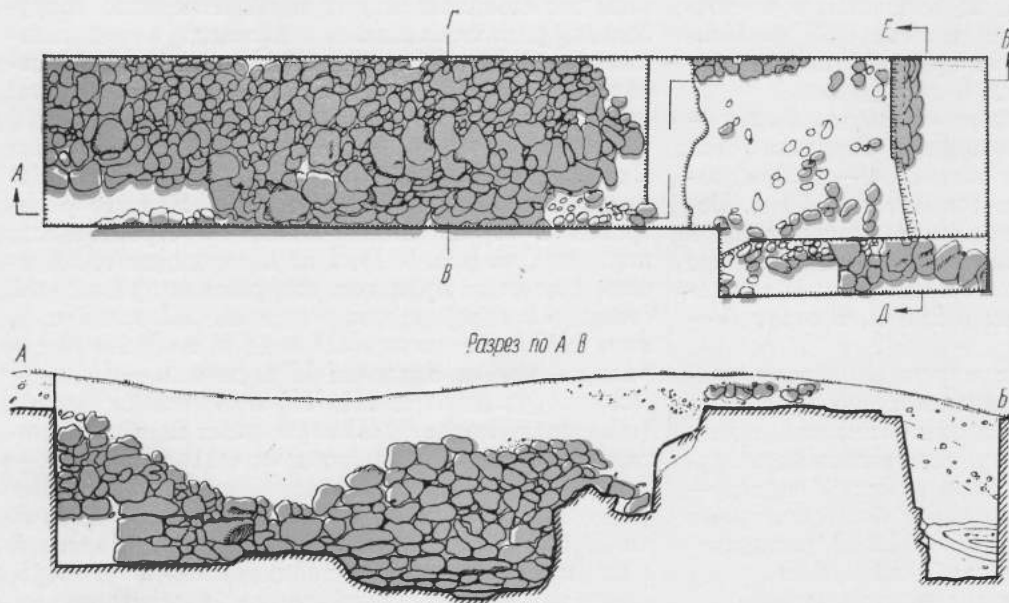

Рис. 7
Участок оборонительной
стены. Шурф 1975 г.
План и разрез.

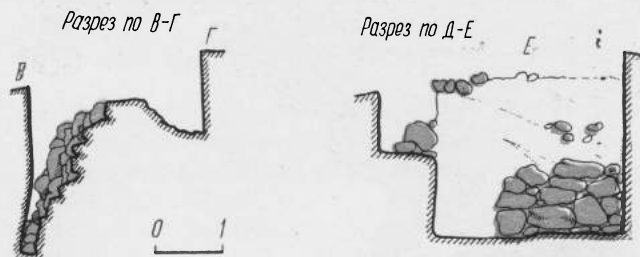
ее достигает 6,5 м. В это же время сооружается протейхизма, возводятся четырехугольная башня к востоку от ворот и мавзолей. В целом реконструкция стены, по мнению П. Н. Шульца, произошла во время царствования Скифура¹⁵. В III строительный период, в конце II в. до н. э. стена достигает толщины 8,5 м, башня укрепляется вторым поясом. В начале этого периода, относимого П. Н. Шульцем ко времени войн скифов с Херсонесом, мавзолей укрепляется с юга и запада

нет единства. Если А. Н. Карасев считает, что II строительный период (вторая половина II в. до н. э.) заканчивается сооружением IV и V поясов стены, а возведение протейхизмы, пилонов, мавзолея и восточной башни относится к концу II—I в. до н. э., то П. Н. Шульц связывает появление протейхизмы со II строительным периодом (II в. до н. э.), а пилоны и укрепление дополнительными поясами мавзолея и восточной башни — с III периодом (конец II в. до н. э.).

¹⁵
Шульц П. Н. Исследование
Неаполя скифского, с. 70.

¹⁶
Там же, с. 72.

Вопрос, о датировке и периодизации оборонительной стены Неаполя скифского наиболее сложен и продолжает оставаться дискуссионным. Если пояса стены, возведенные на культурном слое, могут быть датированы не ранее времени слоя, то керамические обломки, обнаруженные

среди остатков разрушенной стены, вряд ли служат надежным критерием для датировок, так как могли попасть сюда случайно в момент выборки камня стены и позднее. На данном этапе изучения южной оборонительной стены Неаполя ее периодизацию можно предположить на основании сопоставления относительной хронологии поясов и подстилающего их культурного слоя. Поможет этому и историческая интерпретация. Древнейшая оборонительная стена лежит, как мы видели, на наскальной корке и скале, поэтому у нас нет прямых оснований для определения времени ее возникновения.

При раскопках I пояса были обнаружены фрагменты чернолаковых сосудов, а также обломки ручек родосских амфор с клеймами, т. е. материал не ранее второй половины III в. до н. э., попавший сюда, по-видимому, уже после частичного разрушения стены. А ее сооружение могло произойти в конце IV в. до н. э. Для датировки этого пояса важным моментом является появле-

ние I (со стороны города) пояса II строительного периода. А. Н. Карасев писал, что он лежал на небольшом культурном слое, состоящем из разрушенного сырца¹⁷. Правда, на датирующий материал для определения времени пояса он не указывает.

Новые участки раскопок. Для выяснения этих вопросов нами в 1975 г. в 20,5 м к западу от городских ворот был заложен вдоль I пояса стены раскоп площадью 37,5 м². В нем зачищен отрезок стены II строительного периода длиной 12 м, толщиной 2,30 м¹⁸. Он заканчивался на расстоянии 32,5 м к западу от центральных городских ворот торцом (рис. 7). Последнее очень важное обстоятельство ставит вопрос о существовании в этой части крепостной стены Неаполя еще неизвестных нам ворот либо калитки. Поскольку ворота по принципам древней фортификации всегда размещались под защитой башни или флангового выступа¹⁹, то это, в свою очередь, заставляет предположить существование их с противоположной стороны города. На плане Дюбуа де Монпере к западу от центральных городских ворот помещены ворота, фланкированные одной восточной башней (см. рис. 1). Здесь ли были эти ворота, решат только дальнейшие раскопки.

Панцирь открытого нами участка стены местами сохранился на высоту 2,90 м. Стена на протяжении 11—11,2 м лежала на наскальной корке и тонком (8 см) культурном слое, содержащем, к сожалению, мелкие невыразительные фрагменты керамики. В восточной части раскопа отрезок стены длиной 0,80 м покоился на культурном слое толщиной 0,70 м. В месте повышения уровня подшвы стены отчетливо виден шов. Вероятно, здесь был либо заклад проема, в результате чего камни положены на толстую подсыпку, либо в позднее время была осуществлена какая-то перестройка стены.

17

Карасев А. Н. Раскопки Неаполя скифского.— КСИИМК, 1951, вып. 37, с. 165.

18

Ср.: вышеуказанный размер этого пояса.

19

Winter F. H. Greek fortification.— London, 1971, p. 212.

Среди материалов, обнаруженных в культурном слое, примыкающем к панцирю стены, находились фрагменты амфор и гончарной посуды II в. до н. э. Таким образом, I пояс должен быть возведен раньше этого времени. Последующие, III—IV пояса лежат на культурном слое с находками II в. до н. э., что может свидетельствовать об их появлении в это время. Нам представляется возможным дать следующее историческое обоснование возведения этих поясов.

Реконструкция стен и башен. Из свидетельства Страбона в новой интерпретации Э. И. Соломоник известно, что Скилур и его сыновья укрепили свои крепости²⁰. Видимо, текст Страбона касается грандиозной реконструкции крепостной стены Неаполя в период, предшествующий войне Диофанта. С ней, как нам кажется, связано сооружение дополнительных поясов I, III, IV — к западу от ворот, I, III, IV и V — к востоку от ворот, II, III, IV — на участке Е (рис. 6, 3) и возведение пилонов в районе центральных городских ворот. Неаполь превращается в город-крепость. Толщина стены в районе ворот достигает 7,35 м (к западу) и 6,8 м (к востоку). Ворота получают архитектурное оформление в виде пилонов длиной 3,75 м и шириной 1,65 м. На участке Е — IV пояс толщиной 1,8 м заканчивается торцом, который мог использоваться для обстрела противника, а общая толщина стены здесь достигает (без выступа) 5,40 м (рис. 8, 9)²¹.

Каменный пояс стены мог подниматься на высоту 4,5—5 м и, постепенно сужаясь кверху при толщине основания 6,8 м (к востоку от ворот), иметь в верхней части толщину 5,3 м. Судя по многочисленным остаткам сырца в районе ворот*, в месте, наиболее уязвимом для неприятеля, возвышалась сырцовая надстройка, толщина ее в основании, вероятно, равнялась толщине каменного пояса. Сырцовая стена, по-видимому, имела

20
Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1964, с. 15.

21
Вигрувий, кн. 1, гл. 5.

*
К сожалению, нет чертежей, позволяющих судить о мощности и протяженности завала сырцов.

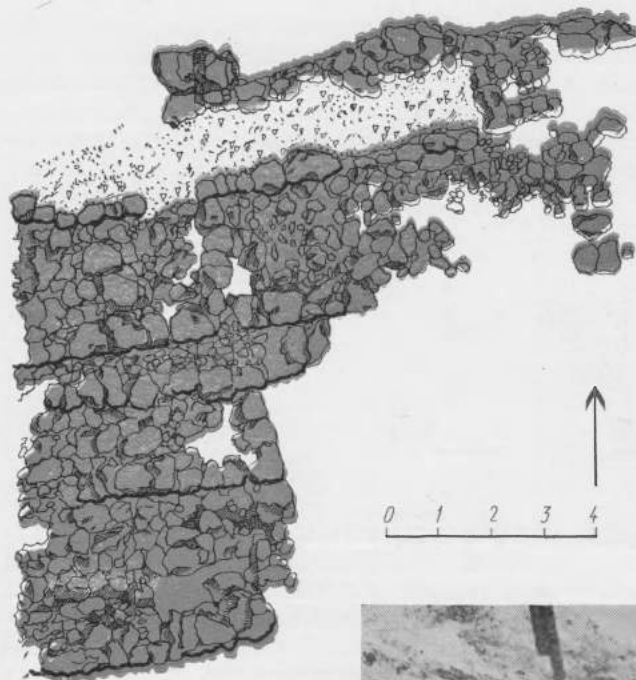

Рис. 9
План оборонительной стены, участок Е.

Рис. 8
Оборонительная стена, участок Е.

22
Winter F. H. Op. cit., p. 131;
Пугаченкова Г. А.
К характеристике крепостной архитектуры старой Нисы.—
Изв. АН ТССР, 1952, вып. 1,
с. 20.

23
Блаватский В. Д.
Пантикапей.— М., 1964, с. 151,
рис. 38; с. 167, рис. 49.

зубцы, за которыми оставалась довольно широкая боевая площадка. Толщина сырцовый преграды составляла, вероятно, около 1,5 м (рис. 10, 1—5).

Обстрел противника мог осуществляться через промежутки между зубцами. Зубчатые парапеты широко известны в древней крепостной архитектуре²². По-видимому, они существовали и у северопричерноморских греков, откуда их могли позаимствовать крымские скифы. Оборонительные сооружения античных городов Северного Причерноморья эллинистического времени сохранились плохо. Но на существование в это время и позже стен, увенчанных зубцами, указывают боспорские монеты Рескупорида II и Савромата I с изображением ворот, фланкированных башнями с зубцами²³.

Аналогичных Неаполю крепостных стен II строительного периода не известно в греческих городах Северного Причерноморья. Каменные стены последних вертикальные, тщательно сло-

женные из тесаного камня, толщиной 1,60—1,80 м (Тиритака), 2,15—2,50 м (Мирмекии. Китей). Лишь стены Ольвии в IV в. до н. э. достигали толщины 3,5 м, а стены Херсонеса в III в. до н. э. — 4 м.

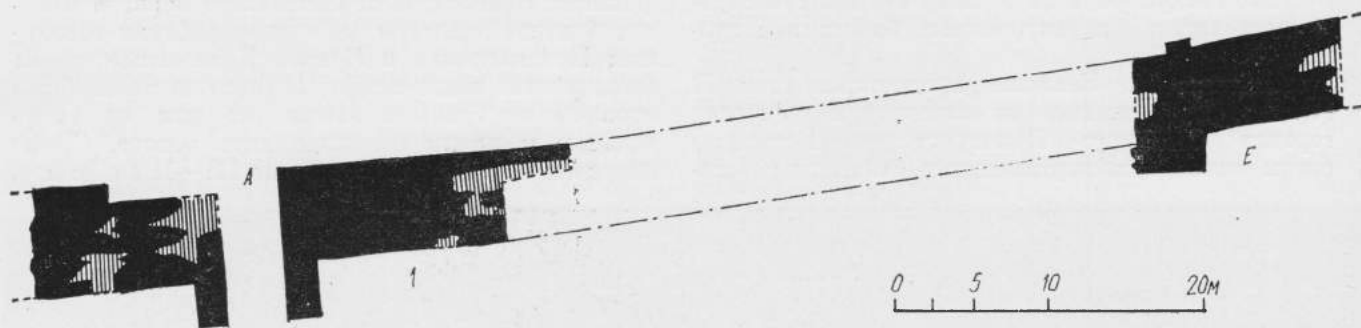
При сооружении оборонительной стены Неаполя сказались особенности варварского искусства и сравнительно высокого уровня строительной техники, позволивших создать прочную оборону столицы государства, способную выдержать натиск хорошо вооруженных греческих войск, применявших при осаде городов стенобитные машины. Но в то же время отличная от греческой фортификация Неаполя II строительного периода находит близкие аналогии на позднескифских городищах Приднепровья и Крыма. Крепостные стены большинства позднескифских городищ также были сложены из бутового камня, но они не такие мощные и имели не более двух поясов. Стены акрополя Знаменского городища III—II вв. до н. э.

достигали толщины 4,10 м, стена Гавриловского городища во II—I вв. до н. э. — 5,25 м²⁴. Стена акрополя Козацкого городища III—II вв. до н. э. толщиной 4,5 м имела шесть прямоугольных башен. Причем последние, так же как на Неаполе, пристроены впритык к стене²⁵. Насколько можно судить по чертежу В. Гошкевича, оборонительная стена и башни на этом городище не были выведены вертикально, а имели примерно тот же, что и на Неаполе, наклон к центру. Стена акрополя на городище Кермен-Кыр толщиной 7,5 м имела внутренний и внешний панцири и

Афин, Спарты, Коринфа, Фив и других городов метрополии²⁸, так же как стены некоторых городов Северного Причерноморья — Ольвии, Тиритакки, были сложены из сырца на каменном основании. Павсаний отмечал, что сырцовые стены противостоят ударам стенобитных машин лучше, чем каменные, но разрушаются от воды, «как воск от солнца»²⁹. По мнению Аполлодора, мягкая сырцовая стена ослабляла удар³⁰.

В период победоносной войны Диофанта Неаполь очень пострадал. С этим временем на городище связаны слои пожара и разрушений. По-ви-

забутовку из глины и щебня²⁶. Стены скифского времени на городище Чайка представляли облицовку песчаного вала и также сужались кверху²⁷. По-видимому, особенности того или иного городища требовали создания своеобразной фортификации, но при этом строительные приемы оставались общими.

Несомненно, на оборонительные сооружения скифов оказывала влияние греческая фортификация. В частности, принцип утолщения стены за счет дополнительных поясов, применение сырца — все это было воспринято у греков. Стены

димому, разрушены были и крепостные стены города. Трудно себе представить, чтобы во время войны жители Неаполя развернули бы дорогостоящее строительство и стали укреплять стену, мавзолей и башню дополнительными поясами, как считает П. Н. Шульд. Думается, что им было не до этого, хотя спешный ремонт отдельных участков стены, разрушенных врагом, могли производить.

Сразу же после войны наступила необходимость в реставрации крепостных сооружений, поэтому почти нет хронологического разрыва меж-

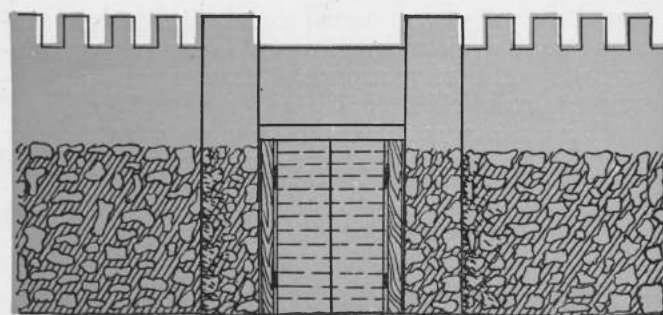
24 Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. — МИА, 1958, № 64, с. 110, 175.

25 Гошкевич В. Древние городища по берегам Низового Днепра. — ИАК, 1913, вып. 47, табл. V.

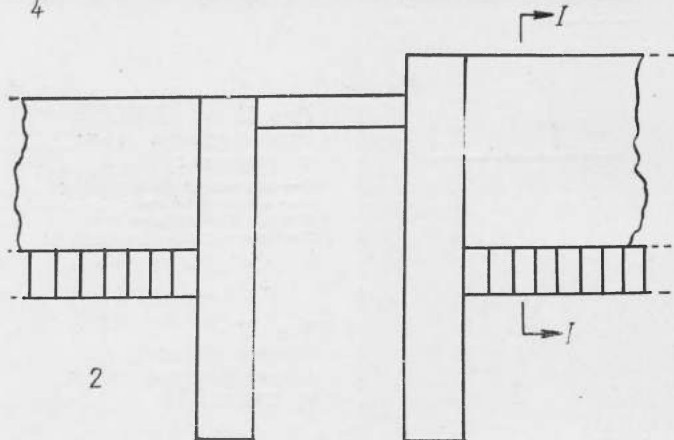
26 Дашевская О. Д. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). — КСННМК, 1957, вып. 70, с. 110.

27 Карасев А. Н. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории, с. 33.

28 Winter F. H. Op. cit., p. 69.

4

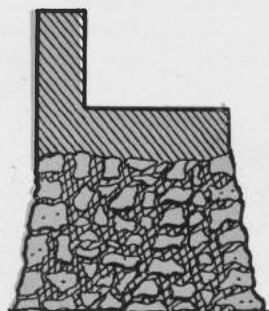

2

ду II и III строительными периодами. Можно предположить двойное решение реставрационных работ на оборонительных стенах Неаполя после войн Диофанта. Первое — скифы укрепили пришедшую в упадок стену дополнительными поясами, как считают А. Н. Карасев и П. Н. Шульц, и толщина ее в районе центральных городских ворот стала достигать 12,5 м (к западу от ворот). Правда, это маловероятно, ибо стен подобной толщины в эпоху эллинизма не известно.

Второе наше предположение исходит из того, что скифы частично укрепили, главным образом

Разрез I-I

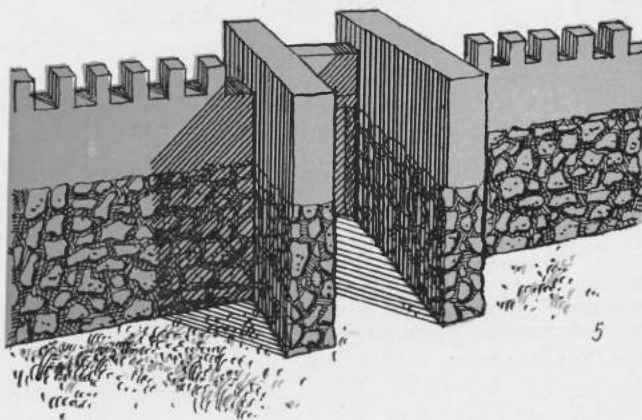

3

Рис. 10
Реконструкция стены
II строительного периода.
Реконструкция автора:

1 — план стены на
участке А и Е; 2, 3 —
реконструированный
план и разрез стены на
участке А; 4, 5 —
реконструкция ворот
и пилонов на участке А.

0 1 5 10 м

5

в районе центральных городских ворот, пришедшую в негодность стену дополнительными поясами с внешней стороны города, затем выстроили новую стену двухметровой толщины, имеющую внешний и внутренний панцири из крупных камней и забутовку из более мелких. Она воспринималась А. Н. Карасевым и П. Н. Шульцем как протейхизма. Развал же старой стены вместе с новыми поясами, примыкавшими вплотную к протейхизме, использовали и как дополнительные укрепления, и как пандус для подъема на стену (рис. 11). В таком случае становится понятной ее

29
Павсаний. VIII, 8, 3.

30
Béguignon J. Études
d'histoire militaire et
diplomatique.— BCH, 1974, 9, 1,
p. 108.

толщина. О подобных стенах пишет римский военный историк Вегеций, автор IV в. н. э., сведения которого восходят к более древним источникам: «каждая последующая по отношению к передовой стена делается таким образом, что по этим поднимающимся в виде ступеней террасам, как

жить лестницей для подъема наверх. Общая толщина стены достигала 14 м³⁴. Следовательно, аналогичная система укреплений была известна древним народам.

Вопрос о существовании пандуса к востоку от центральных ворот был в свое время поднят

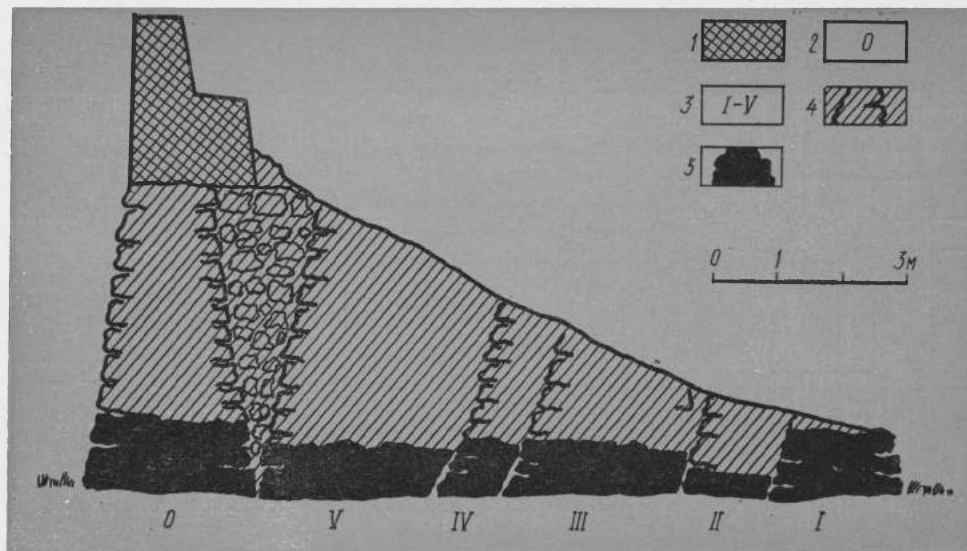

Рис. 11
Реконструкция стены с пандусом:

1 — сырцовая надстройка; 2 — «протейхизма»; 3 — пояса стены; 4 — пандус; 5 — сохранившиеся остатки стены.

Рис. 12
План и разрез оборонительной стены на участке И.

по идущему кверху склону, можно взойти на самое передовое укрепление»³¹.

Сходная картина наблюдается на Бельском городище, где к деревянной стене со стороны города примыкала земляная насыпь, ширина развала оборонительного сооружения I строительного периода достигала 11 м, а второго — 18,2 м³². Высота деревянной стены при этом составляла не менее 7 м³³.

На городище Петуховка к стене со стороны города примыкала глиняная подпорка. По мнению исследователей, она укрепляла стену и могла слу-

А. Н. Карасевым, когда в 1950 г. вдоль улицы открыли кладку И толщиной 1 м (см. рис. 3). Она имела одно лицо, обращенное к городу, а противоположная сторона ее примыкала к земляной насыпи. А. Н. Карасев датировал кладку эллинистическим временем³⁵. Однако существованию здесь пандуса в период расцвета Неаполя противоречит открытый к востоку от ворот постамент, где предполагалась конная статуя. Пандус должен был его закрывать, а это маловероятно, скорее всего, пандус появился после войны с Диофантом в III строительный период, когда быва-

31
Вегеций, IV, 3.
32

Шрамко Б. А. Бельское городище — важнейший политический и экономический центр скифской эпохи в

Восточной Европе: Тез. докл. на XV конф. ИА АН УССР. Одесса, 1972 г.

33
Шрамко Б. А. Работы в бассейне Ворсклы и Северского Донца. — АО 1971 г.

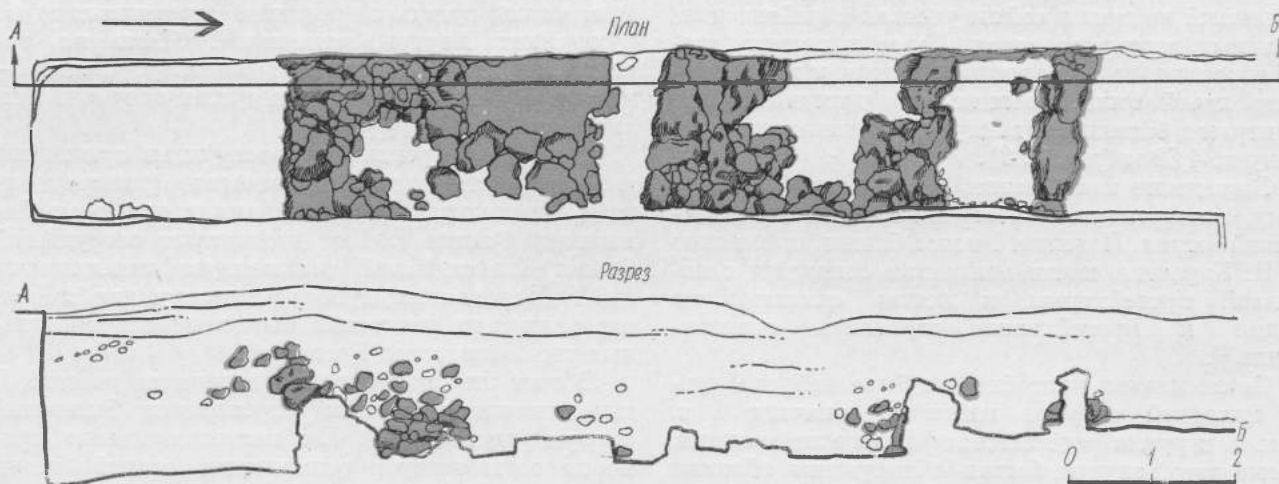
М., 1972; Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелено-будинская проблема. — СА, 1975, № 1, с. 67.

34
Есипенко А. Л. Петуховская оборонительная система. — КСИИМК, 1951, вып. 39, с. 23.

торжественность площади перед центральными городскими воротами была нарушена.

Очевидно, пандус существовал в местах наибольшего разрушения стены. Это предположение подтверждают раскопки 1975 г. на участке стены II строительного периода. Частично, как мы отме-

месте перибола, как считал А. Н. Карасев, находилась стена Б протейхизмы, выбранная впоследствии (см. рис. 6, 1). В отчете П. Н. Шульц отмечает, что «перибол в этом месте заложен камнем, являвшимся основанием для лестницы, которая вела на мавзолей-башню»³⁶. К востоку от ворот

чали, она сохранилась на высоту 2,90 м, но рядом, в местах ее разрушения, зафиксирована земляная подсыпка с примесью мелких утрамбованных камней, полого спускающаяся в сторону города.

Если наше предположение о существовании пандуса на Неаполе верно, то вопрос о протейхизме следует пересмотреть.

К западу от ворот перибола вообще не существовало. По мнению А. Н. Карасева, протейхизма имела здесь два пояса, из них северный (пояс Б) примыкал к V поясу стены. Между VI поясом и протейхизмой, у восточного пилона, на

пространство между V и IV поясами (по П. Н. Шульцу) шириной от 1,70 до 0,70 м вряд ли можно считать периболом, если к тому же учесть, что здесь был «большой завал крупных камней». Таким образом, по мнению А. Н. Карасева и П. Н. Шульца, перибол был заложен камнями.

Такая же картина наблюдалась и на участке II, где в 1959 г. в шурфе длиной 14,5 и шириной 2 м выявлено три пояса стены (древнейший и два пояса, примыкающих к нему с юга), перибол имел ширину 2,40 м и протейхизма 2 м. Общая толщина стены 9,60 м (рис. 12). И здесь,

35 Карасев А. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1950 г.— Арх. ОАСА, инв. А, № 4/10, с. 5 и сл.;
Карасев А. Н. Раскопки Неаполя скифского, с. 166.

36 Шульц П. Н. Отчет о работах Тавро-скифской экспедиции 1945—1949 гг., с. 98.

37 Иванов Л. И. Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1959 г.— Арх. ОАСА, инв. А., № 130/2.

38 Карасев А. Н. Раскопки Неаполя скифского, с. 161.
39 Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского, с. 41.

так же как в районе центральных городских ворот, перебор был завален камнями различных размеров³⁷, т. е. его не существовало. А что это за протейхизма без перебора?

Учитывая все вышеизложенное, можно признать в «протейхизме» Неаполя новую стену III строительного периода, которая укрепила разрушенный во время войны участок в районе центральных городских ворот. Далее к востоку стена, вероятно, не особенно пострадала и протяженность новой была невелика, она доходила лишь до первого башенного выступа, увеличив его толщину до 4,80 м (рис. 6, 3).

Возведение новой стены происходило, по-видимому, одновременно с постройкой мавзолея и восточной башни. Подошва I пояса башни, по мнению А. Н. Карасева, почти полностью совпадает с подошвой протейхизмы и можно считать, что башня и протейхизма строились одновременно³⁸.

Около кладки протейхизмы была найдена ручка книдской амфоры конца II — начала I в. до н. э. и ручки родосских амфор того же времени. Кроме того, внутри башни обнаружены обломки глиняных балзамариев, ножка книдской амфоры, обломок лутерия и керамика II в. до н. э. Для решения вопроса о времени возведения этих сооружений очень важной является дата мавзолея. П. Н. Шульц считал, что есть все основания сооружение мавзолея отнести ко «времени непосредственно предшествующем войне скифов против Херсонеса и войск Диофанта»³⁹. Тщательный анализ погребального инвентаря мавзолея позволил Н. Н. Погребовой датировать самые ранние погребения концом II — началом I в. до н. э.⁴⁰ Тот факт, что мавзолей и восточная башня не были разрушены и мавзолей не разграблен во время войн Диофанта*, на наш взгляд, свидетельствует, что они были выстроены после войны**.

После завершения III строительного периода у оборонительной стены Неаполя появляются башни и новые башенные выступы, которые так же, как стена предшествующего периода в районе центральных городских ворот, имели сырцовую надстройку (рис. 13; 14). При возведении надстройки широко использовалось дерево. Об этом можно судить по остаткам деревянных плах, рухнувших внутрь мавзолея⁴¹. Часть их, по-видимому, принадлежала настилу, часть — крыше, а часть — каркасу несущих опорных конструкций.

Подобные деревянные конструкции применяли в строительстве греки⁴². В качестве примера можно привести храм Геры в Олимпии или храм Панафеи в Фокиде⁴³. Для крепостных сооружений Филон Византийский рекомендует использовать дуб⁴⁴. Деревянные дубовые конструкции зафиксированы при раскопках сырцовых оборонительных стен азиатского Боспора⁴⁵.

В этот же строительный период на участке Е дополнительным поясом укрепляется башенный выступ (рис. 6, III). Его местонахождение примерно соответствует размещению второй башни к востоку от центральных ворот на плане Дюбуа де Монпере. Исходя из этого есть все основания считать, что и остальные башни Дюбуа нанес на план правильно. Каждая из них отстоит друг от друга на 40—70 м в полном соответствии с указанием Витрувия, что башни следует сооружать таким образом, чтобы одна от другой отстояли не дальше полета стрелы.

Торцы четырех поясов стены в пролете ворот и пилоны, по-видимому, мало пострадали во время войны — следов их ремонта не видно. Дополнительные укрепления в III строительный период увеличили длину коридора в пролете ворот с 10 до 14 м. Ворота оставались на прежнем месте, они были двустворчатые, полотнища их сшиты из

40

Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 179.

*

Это в свое время послужило для О. Д. Дашевской

аргументом в пользу

предположения о том, что столица скифов не была разрушена Диофантом, см.: Дашевская О. Д. К вопросу о локализации..., с. 149, 150.

**

Мысль об этом нами впервые высказана в популярной книге «Скифские городища». — Симферополь, 1975, с. 45. Э. И. Соломоник повторила ее

в своей статье. См.:

Сравнительный анализ свидетельства Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях. — ВДИ, 1977, № 3, с. 62.

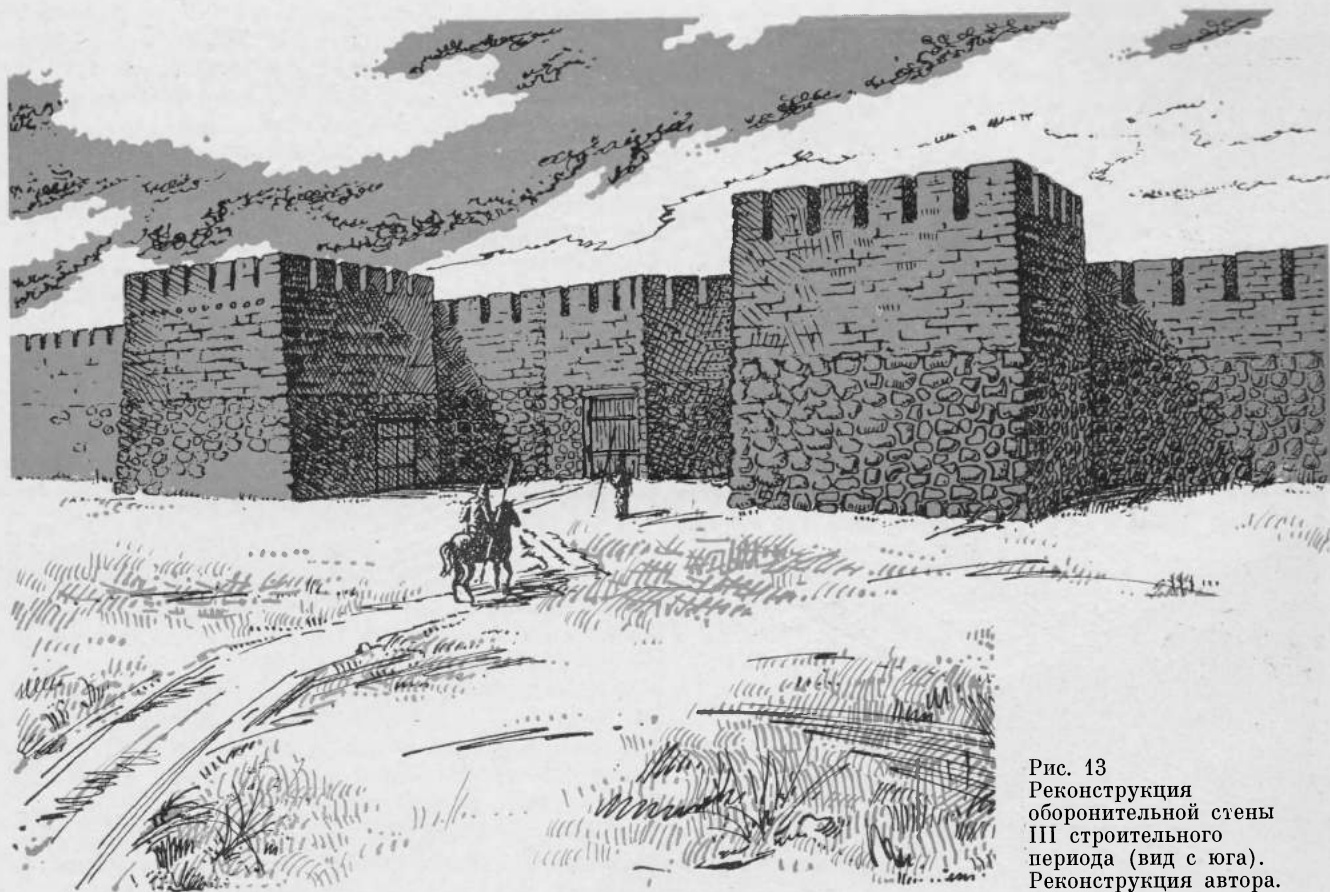

Рис. 13
Реконструкция
оборонительной стены
III строительного
периода (вид с юга).
Реконструкция автора.

дубовых досок кованными железными гвоздями⁴⁶. Вполне возможно, что новая стена — протейхизма — тоже имела ворота, но следов от них, к сожалению, не сохранилось. Если они действительно существовали, то получалась система двойных ворот с коридорообразным устройством — принцип, широко распространенный в древнегреческую

эпоху. Смысл его заключался в том, чтобы сдерживать натиск большого количества врагов.

В первые века нашей эры стены вновь подверглись ремонту. Восточная башня обшивается двумя дополнительными поясами из грубых необработанных камней. Толщина ее стен увеличивается до 5 м. Коренной реконструкции в I в. н. э.

41
Шульц П. Н. Мавзолей
Неаполя скифского, с. 14.

42
Orlandos A. Les matériaux de
construction et la technique
architecturale des anciens

Greeks.— Paris, 1968, p. 63.
Деревянные конструкции в
сырцовых кирпичах
неоднократно зафиксированы в
Средней Азии, см.:
Пугаченкова Г. А. К истории
античной строительной

техники Бактрии —
Тохаристана.— СА, 1963, № 4,
с. 73; Воронина В. Л. Из
истории среднеазиатской
фортификации.— СА, 1964,
№ 2, с. 42 и сл.

43
Laloux V. P. Monceaux,
Restauration d'Olympie. Paris,
1889, p. 101; Pausan., V, 16,
1; X, 4, 4.

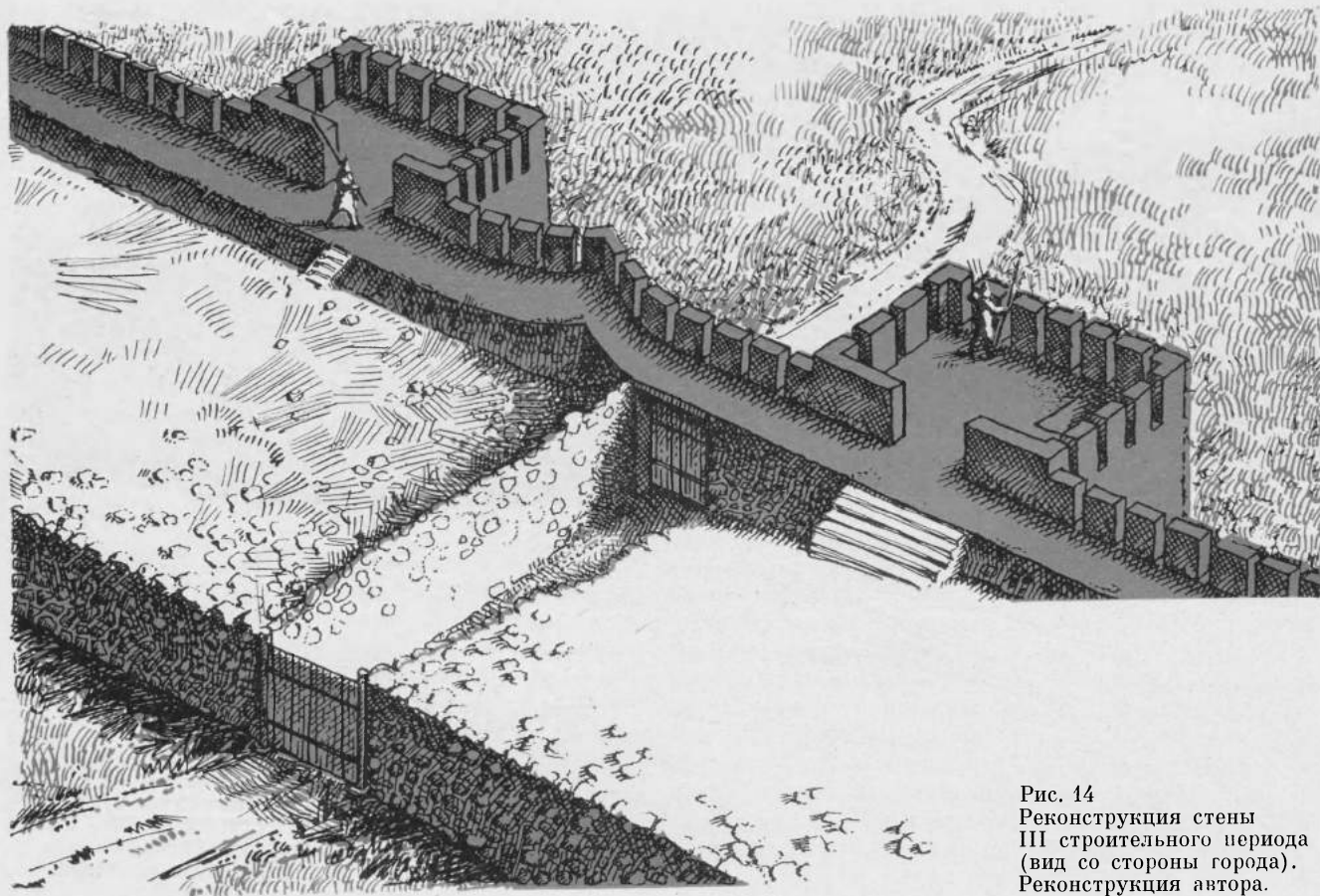

Рис. 14
Реконструкция стены
III строительного периода
(вид со стороны города).
Реконструкция автора.

подвергся и мавзолей. Дверной проем его снаружи заложили большими камнями, вдоль восточного фасада соорудили панцирный пояс⁴⁷. На расстоянии 2 м от него, как бы удлиняя проезд центральных городских ворот и одновременно укрепляя мавзолей, сооружают впритык к «про-

тейхизме» стену длиной 15 м, толщиной 1 м. Она вместе с III (западным) поясом восточной башни создавала своеобразный раструб по мере удаления от ворот*. В это же время дополнительной кладкой укрепляются торцы поясов с восточной части ворот; сокращается их ширина до 3,40 м. Затем

44
Msch., VII, 80, 28.

45
Сокольский Н. И.
Деревообрабатывающее
ремесло в античных
государствах Северного

Причерноморья. М., 1971, с. 59
и сл.

46
Шульц П. Н. Отчет о работе
Тавро-скифской экспедиции за
1945—49 гг., с. 115.

47
Карасев А. Н. Раскопки
Неаполя скифского в 1948 г.,
с. 181.

*
А. Н. Карасев и П. Н. Шульц,
по-видимому, первоначально

приняли пояс восточной
башни за самостоятельную
стену, аналогичную западной
(см.: Шульц П. Н. Отчет за
1945—1949 гг., с. 117). Отсюда
возникла разница на
чертежах, опубликованных

ворота были заложены крупными камнями и ими перестали пользоваться.

Таким образом, начиная со II в. до н. э., со времени царствования Скилура, и во все последующие столетия Неаполь представлял собою город-крепость, готовую к длительной обороне. В связи с фортификацией Неаполя очень важно выяснить, имел ли город акрополь. Исходя из того, что акрополь обнаружен на многих позднескифских городищах Приднепровья и Крыма (Кермен-Кыр, Булганак, Алма-Кермен), надо полагать, что он существовал и в столице скифского государства. Однако окончательно этот вопрос до сих пор не решен. В 1955 г. во время раскопок северной траншеи был открыт отрезок стены, сложенной из бутового камня, толщиной 3 м. Стена шла с северо-востока на юго-запад. Размеры стены и ее местоположение на северном, самом возвышенном участке городища, позволяют предположить, что она ограждала акрополь, но открыт незначительный ее отрезок длиной 2,70 м, далее стена была выбрана, прослежена выборка длиной почти 10 м и шириной 1,60 м⁴⁸. Сохранившаяся стена имела два панцирных пояса из крупных блоков и забутовку из более мелких камней. Стена сложена на глине. Фрагменты керамики позволяют датировать ее II в. до н. э. В пределах акрополя были открыты остатки прямоугольной башни эллинистического времени, примыкавшей к стене с внутренней стороны⁴⁹. Ее размеры 5 × 5,20 м (внутренний), толщина стен 1,25—1,45 м, высота 1,25 м. Башня ориентирована с северо-запада на юго-восток (рис. 15). Малопонятным остается ее положение по отношению к стене, поэтому окончательное решение вопроса о функциональном назначении стены и башни, а также вопрос об акрополе Неаполя может быть решен только в результате дальнейших раскопок городища.

Военная тактика скифов в борьбе с северопричерноморскими греками, в том числе во время войн с Дисфантом, сочетала, с одной стороны, внезапность нападения и поражение противника и, с другой — готовность выдержать длительную осаду врага. Одна из херсонесских надписей III в. до н. э. сообщает, что варвары, вероятнее всего, скифы, напали на греков во время праздничного шествия в честь Диониса⁵⁰. В декрете в честь Диофанта говорится, что скифский царь Палак внезапно напал на греков с большим полчищем. Наконец, Дион Хрисостом (I в. н. э.), описывая тревожное положение, создавшееся в Ольвии, отмечает, что городские ворота были на запоре, на стене выставлено военное знамя. Накануне неожиданно напавшие скифы убили нескольких зазевавшихся часовых, а других, возможно, увели в плен⁵¹.

В Неаполе скифском около городской стены было создано крупное общественное зернохранилище. Здесь открыто 60 зерновых ям, емкость некоторых из них достигала 4 т⁵². Зернохранилища на случай осады засвидетельствованы в ряде северопонтийских городов⁵³. Существовали они и на позднескифских городищах Приднепровья, например подобное зернохранилище открыто под стенами Козацкого городища⁵⁴.

Во время осады города Вегеций советует зарезать и засолить всех животных, которых нельзя продержат в заключении, чтобы меньше тратить хлеба⁵⁵. Около стен Неаполя и внутри восточной башни на полу были найдены кучи голышей, предназначенных для пращников. В период подготовки города к обороне Вегеций рекомендует собрать круглые камни из реки, так как по весу они очень удобны для метания. Он рекомендует наполнить ими все стены и башни⁵⁶. Удары круглых камней, пишет Вегеций, были значительно опаснее, чем любая стрела, они наносили смер-

А. Н. Карасевым (ВДИ, 1950, № 4, с. 180, рис. 1; КСИИМК, 1951, вып. 37, с. 152, рис. 52). Кстати, на чертеже, опубликованном во ВДИ, восточная стена примыкает к торцу

протейхизмы, тогда как пояс башни отходит от него.
48
Карасев А. Н. Предварительный отчет о работе Крымской скифской экспедиции в 1955 г.— Арх.

ОАСА, инв. А — № 21/4, с. 3, 4.
49
Шульц П. Н. Отчет об охранных раскопках Неаполя скифского в 1954—55 гг.— Арх. ОАСА, инв. А — 10 21/2, с. 15.

50
IOSPE, I², 343.
51
Dion. Chrys., or., XXXVI.
52
Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского, с. 72 и сл.

тельную рану⁵⁷. Он сообщает также об одном интересном обычае у римлян: на башнях содержались очень сильные, с хорошим чутьем собаки, которые по запаху чуют приближение врагов и лаем дают знать об этом⁵⁸. Вполне возможно, что для той же цели использовали собак и на Неаполе скифском и этим можно объяснить скопление костей собак в так называемом периболе.

Таким образом, столица государства поздних скифов, резиденция скифских царей была подготовлена к длительной обороне по всем правилам военной техники и тактики своей эпохи. Во время диофантовых войн царь Скилур, по-видимому, возглавил защитников столицы. Прямых данных, свидетельствующих о подобной деятельности Скилура у нас нет, нет и письменных источников. Но все перечисленные факты, связанные с обороной столицы и деятельностью Палака в войне с греками, нашедшие отражение в источниках, позволяют предположить, что в этой войне Скилур и Па-

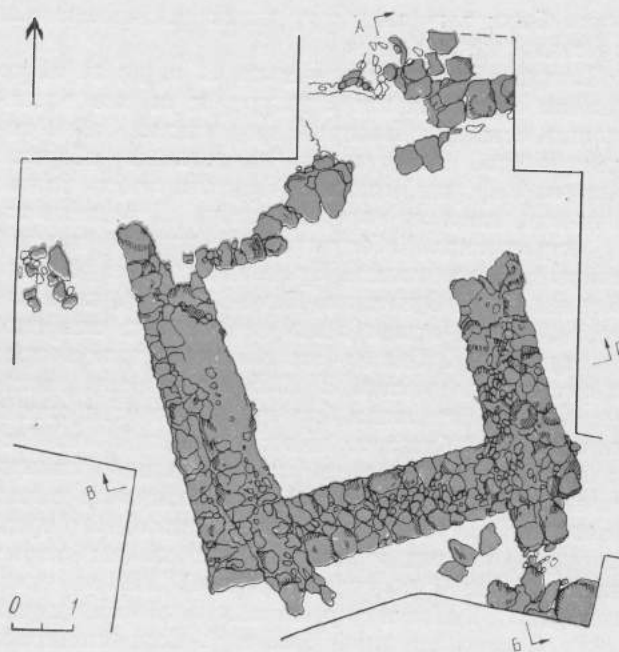
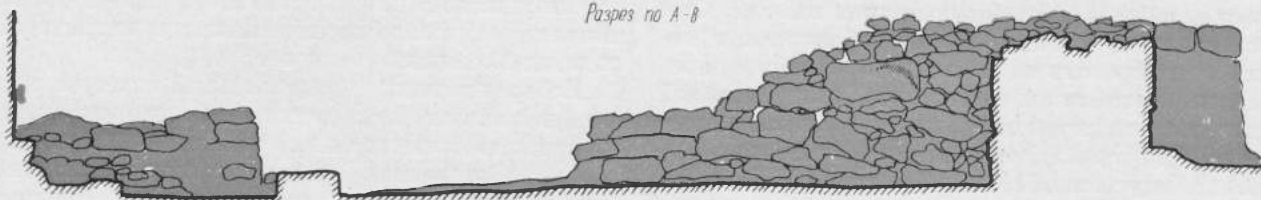
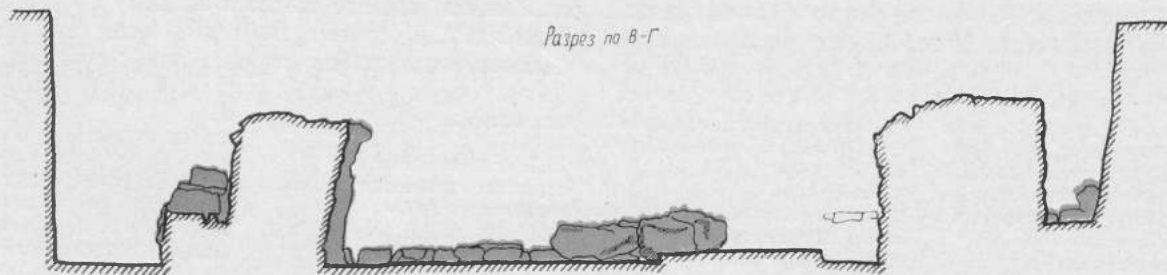

Рис. 15
План и разрез башни
в районе акрополя.

Разрез по А-В

Разрез по В-Г

лак совместно действовали как два равноправных полководца, но тактика ведения войны у каждого из них была своя (позже мы еще раз вернемся к вопросу о совместной деятельности Скилура и Палака). В самом конце войны или вскоре после нее Скилур умер. Около оборонительных стен для него был воздвигнут мавзолей, где в роскошных одеждах, при всем облачении со всеми почестями и церемониями был погребен царь. Мы разделяем, таким образом, точку зрения Н. Н. Шульца о захоронении в каменной гробнице Скилура. Н. Н. Погребова высказала другое мнение — она считает,

что это был Палак. Свои аргументы она основывает на датировке захоронения, относимого ею к началу I в. до н. э., тогда как П. Н. Шульц связывал его с концом II в. до н. э. Нам представляется, что датировка погребения (конец II или начало I в. до н. э.) не может быть определяющим аргументом в решении этого вопроса. Наше предположение, таким образом, совпадает с точкой зрения П. Н. Шульца о погребении в каменной гробнице мавзолея Скилура⁵⁹, но исключает мнение Н. Н. Погребовой о захоронении здесь Палака⁶⁰.

53

Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, с. 108.

54

Гошкевич В. Указ. соч., табл. V.

55

Веgeций, IV, 7.

56

Веgeций, IV, 8.

57

Веgeций, I, 16.

58

Веgeций, IV, 26.

59

Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского, с. 25.

60

Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 179.

Общественные здания

ПОСТРОЙКИ
ПЕРЕД ЦЕНТРАЛЬНЫМИ
ВОРОТАМИ ГОРОДА
ЗДАНИЯ В РАЙОНЕ
АКРОПОЛЯ
ЗАГОРОДНЫЕ ХРАМЫ
ЗОЛЬНИКИ-ЭСХАРЫ

Постройки перед центральными воротами. Центральные городские ворота Неаполя скифского открывались, по-видимому, лишь в торжественных случаях для совершения каких-то церемоний. К воротам со стороны города подходила площадь, засыпанная белой известковой крошкой. О парадности свидетельствуют все открытые на площади постройки эллинистического времени. К востоку от городских ворот у оборонительной стены обнаружен прямоугольный постамент со ступенчатым основанием, сложенный из крупных квадров, его длина 2,48 м, ширина 1,50 м, общая высота не ясна (рис. 16). В III—II вв. до н. э.¹ он, возможно, служил для установки статуи.

Прямо перед воротами находилось здание с портиками. Остатки этого здания или, точнее, двух одинаковых зданий разных строительных периодов были открыты раскопками 1949—1950 гг.² Наиболее древнее сооружение, относящееся к I строительному периоду, располагалось к северу от центральных городских ворот на расстоянии 19,5 м. Оно представляло собой стену толщиной 0,65 м (стена К), идущую параллельно оборонительной стене с востока на запад на 18,40 м. Сооружение имело, вероятно, два портика. Стена почти полностью выбрана, сохранились следы выборки и остатки забутовки восточного портика размерами 3,90 × 1,80 м. Западный портик сохранился хуже, прослеживались лишь очертания постели. Расстояние между выступами составляет 10,60 м³.

Сооружение с выступами-портиками просуществовало не более 100 лет, затем оно было разру-

шено, разобрано и вместо него ближе к городским воротам, на расстоянии 15 м от них, возводилось совершенно аналогичное сооружение больших размеров.

От новой стены (Л) сохранились лишь следы выборки, судя по которым ее толщина была 0,85 м, длина 29,30 м (рис. 17, 1). Восточный выступ сохранился лучше западного. Он сложен из хорошо отесанных квадров, некоторые из которых рустованы. Размеры выступов одинаковые: длина 7,80 м, ширина 2,40 м. Сохранившаяся высота восточного выступа 0,53 м, центральная часть его

1

Шульц П. Н. Отчет о работах Тавро-скифской экспедиции за 1945—1949 гг., с. 74.

2

Там же; Карасев А. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1950 г., инв. А № 4/10.

3

Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.), с. 69, рис. 4.

плотно забита бутом. Западный выступ отстоял от восточного на 10,60 м. При раскопках обоих сооружений встречено большое количество глины от разрушенных сырцовых кирпичей, а также черепицы, покрывавшей кровлю портиков.

В глинистом слое была найдена хорошо сохранившаяся дорическая капитель из известняка от квадратного столба размером 35 × 35 см. Принимая во внимание величину подиумов портиков, можно предположить, что на каждом из них могли уместиться по шесть таких столбов с капителями (рис. 17, 2, 3). Промежутки между столбами и задние стены портиков, по-видимому, украшали мраморные и бронзовые статуи, остатки которых обнаружены близ восточного и западного портиков: обломок кисти правой женской руки из мрамора, держащей копье или посох, фрагмент мраморного постамента небольшой статуи с посвя-

тительной надписью Деметре, обломок литой бронзовой статуи с изображением прядей волос, несколько мелких обломков мраморных скульптур⁴.

В траншее, проходившей близ нашего сооружения к юго-западу от него, А. С. Уваров обнаружил надпись Посидея — посвящение Ахиллу. А близ западного портика были найдены рельефы с изображением Скилура и Палака, пьедестал от статуи Скилура, плита с посвящением Афине Линдской⁵. Вероятно, мраморные статуи и бронзовые рельефы являлись первоначально украшением здания I строительного периода, а затем были перенесены в новое здание.

Прямых аналогий неапольским зданиям с портиками не известно. Сооружение этих памятников П. Н. Шульц относил к разному времени. Наиболее раннее из них (здание К) он на осно-

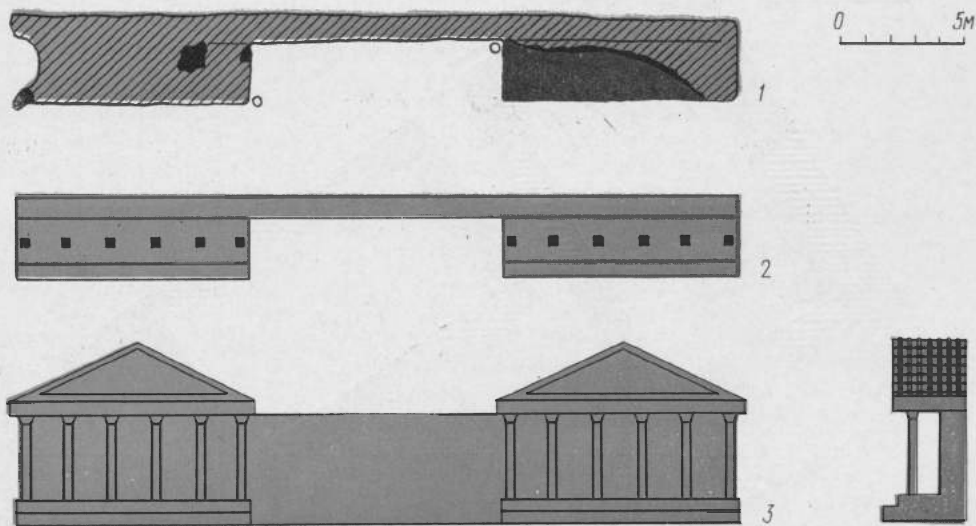

Рис. 16
Постамент для статуи.

Рис. 17
План и реконструкция
здания с портиками.
Реконструкция автора:
1 — остатки здания (план);
2 — реконструированный план;
3 — реконструкция здания.

⁴ Шульц П. Н. Исследования
Неаполя, с. 73, рис. 6.
⁵ Там же, с. 71.

⁶ Там же, с. 70.
⁷ Там же, с. 71.
⁸ Там же, с. 70.

вании клейменной синопской черепицы, датированной Б. Н. Граковым, относил к III в. до н. э.⁶ Второе здание (Л), судя по находкам синопских и родосских клейм, характеру кладки, палеографическим особенностям надписи, он датировал III—II вв. до н. э.⁷ и даже II в. до н. э.⁸

К сожалению, значительная группа клейм из раскопок 1945—1950 гг. в настоящее время утрачена и мы лишены возможности пересмотреть их для уточнения датировки описанных сооружений. Тем не менее нельзя забывать, что группа синопских клейм, ранее датированная Б. Н. Граковым III в. до н. э., в настоящее время относится к IV в. до н. э.* Таким образом, не исключена и более ранняя дата древнейшего здания с портиками (К): не III, а IV в. до н. э. Сооружение

второго здания может относиться к III—II вв. до н. э.

В течение ряда лет на Неаполе скифском в центральной части города, на месте предполагаемого акрополя и за пределами городища исследовались остатки четырех культовых зданий.

Здания в районе акрополя. Здание А⁹. На северо-западном участке Неаполя скифского в 1955—1958 гг. было открыто здание, ориентированное с северо-востока на юго-запад, состоявшее из двух помещений: главного зала и глубокого портика. Зал имел форму не вполне правильного прямоугольника. Здание сооружалось в два строительных периода. От I периода полностью сохранились северная, западная и частично восточная стены. Они сложены из довольно крупного бутового камня на глине.

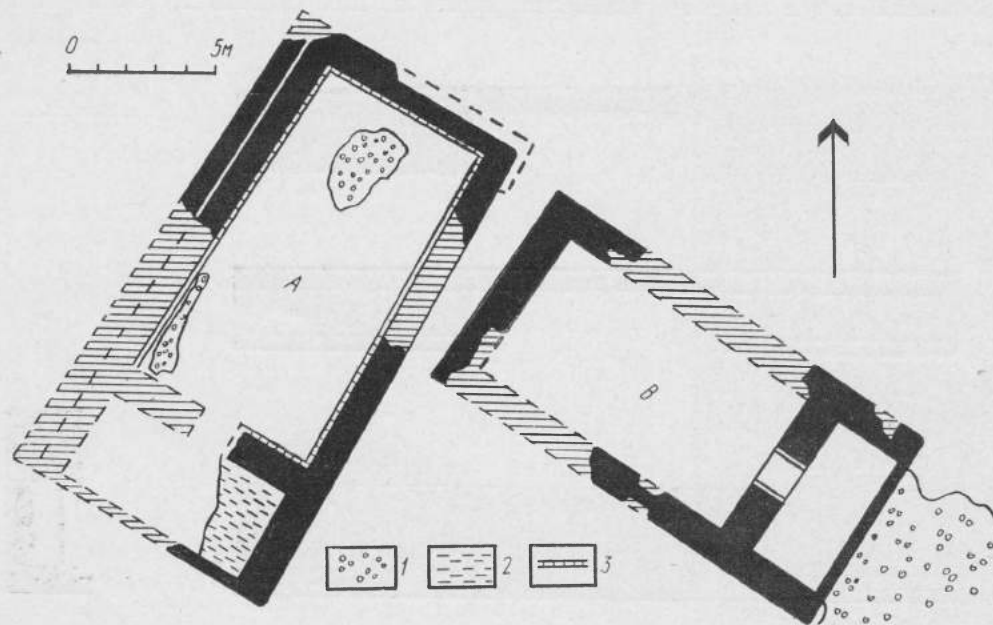

Рис. 18
Планы культовых зданий
А и В:

1 — вымостка из мелкого
камня; 2 — пол из
известковой крошки;
3 — остатки штукатурки.

* Хотя в настоящее время и нет единого мнения о хронологии синопского клеймения, тем не менее тенденция к удревнению клейм, в частности клейм I группы (по Б. Н. Гракову),

несомненна, см.: Брашинский И. Б. Успехи керамической эпиграфики. — СА. 1961, № 2, с. 303; Брашинский И. Б. Экономические связи Синоп в IV—II вв. до н. э. — В кн.: Античный город. М., 1963,

с. 133; Василенко Б. А. Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана, как источник для изучения торговых связей северо-западного Причерноморья с греческим миром (V—

III вв. до н. э.). — Автореф. канд. дис. М., 1972, с. 18.

9 Карасев А. Н. Отчет о работе Крымской скифской экспедиции ИИМК АН СССР на городище Неаполь скиф-

В тех местах, где были широкие швы, в глину подмешаны камни. Стены лежат на наскальной корке. Немногочисленные находки, среди которых обнаружен фрагмент мегарской чаши, датируют I строительный период концом II — началом I в. до н. э. Перестройка здания произошла, по-видимому, на рубеже нашей эры.

План здания II строительного периода полностью повторяет план предшествующего периода, с той лишь разницей, что северная и западная стены имеют дополнительную по толщине кладку, своего рода завалинку толщиной 0,40—0,70 м из мелкого камня в один ряд. Толщина каменного цоколя стен 1 м. Узкая кладка шла и вдоль восточной стены, и у северо-восточного угла. Общие размеры здания: длина 19 м, ширина 9 м. Главный зал отделен от портика поперечной стеной, имеющей дверной проем шириной 1,60 м. Вестибюль или пронаос огражден выступами продольных стен — антами размером: длина 2,5 м, ширина 1,5 м. Между торцами продольных стен шла узкая кладка, отделявшая пол вестибюля от вымостки улицы. Пол здания был известковый, толщиной от 4 до 25 см. Он, в свою очередь, лежал на земляном полу предшествующего периода. На полу найдены железные гвозди от деревянных стропил перекрытия. Почти в центре зала в I и II строительный периоды находился круглый глиняный очаг диаметром 1 м. Он неоднократно ремонтировался (прослежено четыре слоя обожженной глины). В связи с поднятием пола нижний уровень очага на 11 см ниже поверхности пола II строительного периода.

Вокруг очага в наскальной корке находились ямки от деревянных стояков, поддерживающих перекрытие над ним, где должно было находиться отверстие, служившее одновременно для освещения и вывода дыма. Всего открыто 16 ямок диа-

метром 20—25 см, глубиной 14—40 см (рис. 18, 1—3). Некоторые из них использовались и в I и во II строительные периоды. Близ очага на полу, в небольшой ямке, находился разбитый лентной горшок. На полу найдено большое количество (13 500 фрагментов) черепицы от рухнувшей кровли — в основном херсонесской — I—III вв. н. э. Стены здания с внешней стороны были покрыты глиняным раствором, а внутри оштукатурены и расписаны. Так как прослеживался лишь один слой расписной штукатурки, то можно предположить, что роспись была нанесена после перестройки здания, во II строительный период. Как удалось доказать И. В. Яценко, она выполнена боспорскими мастерами-живописцами во II в. н. э.¹⁰ До этого, возможно, стены просто белились. По штукатурке на западной, восточной и южной стенах были нанесены разнообразные граффити¹¹.

В северо-западном углу главного зала находились обломки черепа оленя с остатками рога, а рядом — обломки большого лепного горшка. При разборке кладки в юго-западном углу главного зала найден лепной сосуд с захоронением младенца.

План здания, его отделка, находки не оставляют сомнения в том, что оно имело общественное назначение, по всей вероятности, культовое*. После гибели здания в главном помещении была сооружена овальной формы яма (диаметром 1,20 × 0,90 м) для свалки мусора, а вдоль западной стены — семь хозяйственных ям. Обнаруженный в ямах материал (II—III вв. н. э.) позволяет думать, что здание перестало существовать где-то на рубеже II—III вв. н. э. Погибло оно не от пожара: никаких следов горения во время раскопок не обнаружено.

*Здание В*¹². К юго-востоку от здания А открыты остатки здания В, полностью повторяющего его план, но последнее немного меньше по раз-

ский в 1955 г.— Арх. ОАСА, инв. А, № 21/3; Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя за 1956 г.; Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1957 г.— Арх. ОАСА, инв. А, инв. № 31/2;

Шульц П. Н. О раскопках Неаполя скифского за 1958 г. 10

Яценко И. В. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском.— СА, 1960, № 4, с. 91—112.

11 Дашевская О. Д. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском.— СА, 1962, № 1.

* На общественное назначение здания обратил внимание во

время раскопок Карасев А. Н. (см.: Карасев А. Н. Отчет о работе Крымской скифской экспедиции ИИМК АН СССР на городище Неаполя скифского в 1959 г.— Арх. ОАСА, инв. № А, 21/3, с. 14.

мерам и ориентировано с северо-запада на юго-восток. Здание В также состоит из главного зала и глубокого портика (пронаоса), длиной 15 м и шириной 7,60 м. Анты пронаоса соединены узкой кладкой в один камень, к которой вплотную подходила вымостка из известковой крошки. Из портика в главный зал вел дверной проем шириной 1,60 м. Сохранившийся фундамент стен здания имеет толщину 1,20—1,30 м, свидетельствующую о монументальности постройки (рис. 18). Здание пережило два строительных периода. К I относятся остатки кладок юго-западной и северо-восточной сторон, кладки из бутового камня на глине, подошва которых лежит на скале. Северо-восточная кладка имеет торец — сравнительно короткий ант здания I строительного периода. Оно перекрывало жилое здание Д, выстроенное в III—II вв. до н. э.

Судя по остаткам кладок, сложенных на глиняном растворе и лежащих на скале, здание В было выстроено в эллинистический период, может быть, до появления здания А. После его разрушения возникает здание А, но здание В вновь восстанавливается во II — начале III в. н. э. Ко II строительному периоду относятся северо-западная и часть северо-восточной стены, образующие угол. Стены здания были сложены на грязи, очень небрежно. При перестройке удлинились анты. Подошва продленной части пронаоса лежит выше подошвы антов I строительного периода. Дверной проем заложили каменным закладом, во дворе с наружной стороны у сеней появляется очаг размером 60 × 60 см. Остатков пола и очага внутри главного зала не сохранилось. В юго-западном углу найдены 13 целых и много мелких обломков отпиленных рогов молодых оленей и 4 небольших отрезка рогов крупных оленей.

Здание В I строительного периода также принадлежало культовым сооружениям Неаполя.

После перестройки его прежнее назначение, видимо, утрачивается. В начале III в. н. э. оно было разрушено. На его развалинах лежал слой обломков амфор и черепицы, сваленных сюда после того, как этот участок города опустел.

Загородные храмы. Здание З¹³. В 1956—1957 гг. за пределами городской стены велись раскопки зольника № 3, расположенного к юго-востоку от центральных городских ворот на расстоянии 60 м от городской стены. Во время раскопок под восточной полой зольника было открыто здание длиной 11 м, шириной 5,60 м, ориентированное с севера на юг с небольшим отклонением на запад. Сохранился цоколь стен, сложенных из рваных камней на глине, толщиной 0,65 м. Он лежал на наскальной корке. Здание состояло из главного зала и vestibюля (пронаоса). Анты пронаоса сохранились плохо, примерная длина их была 1,20—1,25 м, ширина 0,65—0,70 м. Среди уцелевших камней западного анта обнаружены кости мелкого рогатого скота. У западного анта с южной стороны на наскальной корке находилось детское погребение в могиле, обложенной небольшими камнями. Размер могилы: длина 0,85 м, ширина 0,35 м. Погребенный лежал на скале в скорченном положении, головой на восток, череп его положен на камень, на шее были мелкие бусы из голубой пасты и гагата. Погребение относится, очевидно, ко времени возникновения здания. На оси дверного проема между антами находилось цилиндрическое углубление, выдолбленное в скале и сверху обложенное камнями. Его диаметр 0,15 м, глубина 0,60 м. Углубление служило, по-видимому, для установки деревянного столба, поддерживающего перекрытие пронаоса.

Во время раскопок здания обломков черепицы не встречено. Можно предположить, что крыша была земляная. На глинобитном полу в главном зале найдены обломки эллинистических

12

Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1956 г.

13

Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1956 г.; Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1957 г.

амфор, позволяющих датировать здание III—II вв. до н. э. Во II в. до н. э., после пожара и разрушения, связанного, вероятно, с периодом диофантовых войн, здание подверглось перестройке: деревянная перегородка, отделявшая зал от пронаоса, заменяется каменной, увеличивается до 70 см толщина стен. В отдельных местах стены II строительного периода сохранились на высоту до 1 м, с внутренней стороны они были обмазаны глиной. Следов побелки и штукатурки не прослежено. Почти в центре главного зала, ближе к северной стене, обнаружены остатки круглого в плане очага или, вернее, очажной ямы диаметром 0,90 м. По-видимому, яма связана с существованием на этом месте очага в I и II строительные периоды.

Здание 3 погибает на рубеже нашей эры. Находок позднее этого времени при раскопках не найдено. На месте главного зала почти в центре его на высоте 1 м от уровня глиняного пола

I строительного периода возникает прямоугольный очаг размером $0,75 \times 0,85$ м, сложенный из поставленных на ребро каменных плит.

Как мы уже отмечали, здание 3 было перекрыто впоследствии зольником № 3, под которым. в свою очередь, находился малый зольник № 1. расположенный на юго-восток от здания, примерно на расстоянии 10 м от него. В процессе раскопок 1956 г. открыта лишь западная, очень небольшая часть зольника, пола которого выложена камнями, а на поверхности прослежены остатки каменной вымостки (рис. 19, 1—4). П. Н. Шульц отмечал, что ограда из рваных камней зольника возникла не ранее II в. н. э., а вымостка датируется I в. н. э., время сооружения самого зольника он относил к рубежу нашей эры¹⁴, т. е. ко времени гибели здания 3. Однако не следует забывать, что раскопан незначительный кусок зольника и определить его дату можно лишь предварительно.

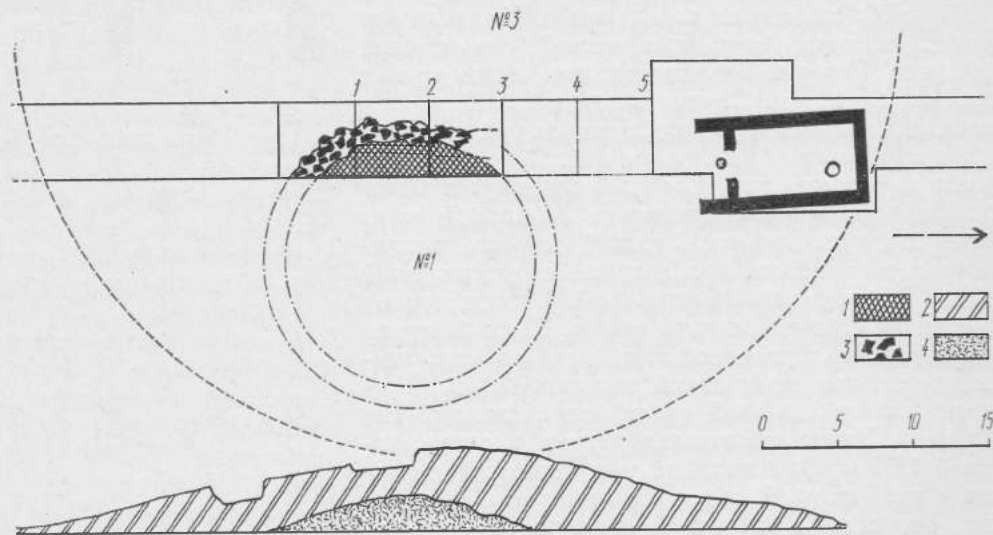

Рис. 19

Схема расположения зольников № 1 и 3:

- 1 — вымостка зольника № 1;
- 2 — насыпь зольника № 3;
- 3 — остатки каменной обкладки зольника № 1;
- 4 — зольник № 1.

14

Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1957 г., с. 11 и сл.;

Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1958 г., с. 20 и сл.

Тщательный анализ находок из зольника показывает, что они относятся ко времени начиная с IV—III вв. до н. э. вплоть до рубежа нашей эры, т. е. соответствуют периоду существования здания. Малые размеры зольника (примерный диаметр 4 м), каменные вымостки на нем позволяют думать — не связан ли зольник со зданием З, не являлся ли он жертвенным холмом при культовом здании? Ответ на этот вопрос мы получим, рассмотрев еще одно здание такого же типа.

Здание Е. В 1957—1959 гг. открыто здание Е. Оно расположено в 11,25 м к югу от стены и в 47 м на юго-восток от центральных городских ворот. Здание ориентировано с севера на юг с небольшим отклонением на запад. Оно состоит из двух помещений: главного зала размером (внутренний) $10,30 \times 5$ м и глубокого портика (пронаоса) размером $5 \times 1,95$ м. Общие размеры по внешнему обводу $13,40 \times 6,50$ м. Здание Е пережило два строительных периода. Оси кладок I и II периодов совпадают неполностью. Стены имели цоколь из слегка отесанных камней, положенных на глине. Подошва стен находилась ниже уровня пола на 8—11 см. Стены, толщиной 0,80 м, сложенные из камня и сырцовых кирпичей, снаружи и изнутри были обмазаны глиной. Следов штукатурки не прослежено. Главный зал внутри белили: следы побелки сохранились на южной стене около дверного проема. С южной стороны из пронаоса в главный зал вел дверной проем шириной 1,45 м, впоследствии заложенный. Косяки проема выложены из подтесанного камня. Дверной проем был обрамлен деревянной рамой, сохранились следы продольных углублений шириной 22 см. Возможно, второй дверной проем вел в главный зал с запада. Здесь наблюдался разрыв в стене шириной 1,75 м. Впоследствии при перестройке здания и этот дверной проем заложили и вход в дом был, очевидно, с восточной стороны. Хорошо со-

хранился восточный ант пронаоса длиной 1,80 м, шириной 0,80 м.

Пол здания был глинобитный, мазаный. Отчетливо прослеживались два уровня пола, разделенные золистой прослойкой толщиной 10—12 см с вкраплениями угля. Пол подмазывали 11 раз.

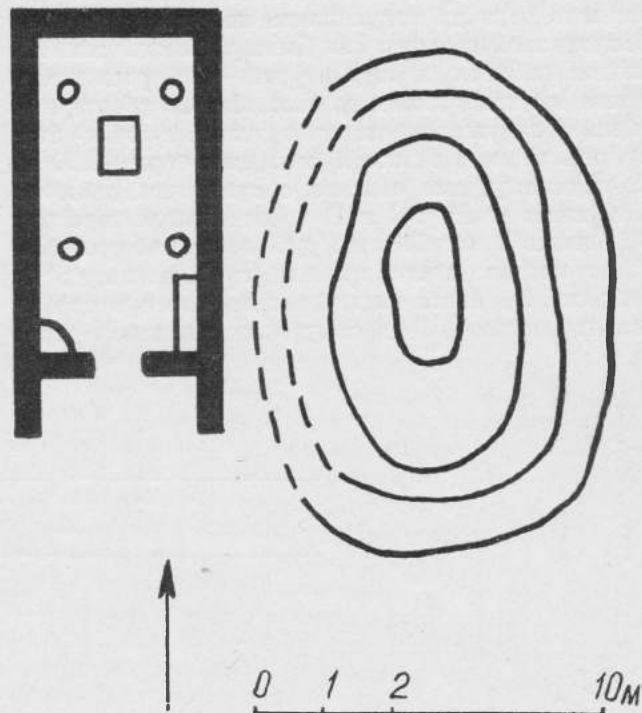

Рис. 20
План здания Е
с зольником.

У дверного проема находился глинобитный порожек, возвышавшийся на 10—15 см над уровнем пола главного зала. В портике также был глинобитный пол, его уровень выше уровня пола главного зала на 20—30 см.

В вестибюле обнаружены две небольшие ямки от деревянных столбов, поддерживающих перекрытия. Их диаметр 10—16 см, глубина 5—6 см. Почти в центре главного зала находился раскрашенный красной охрой и сажей прямоугольный очаг размером 1,88 × 1,34 м. Подошва его залегает на уровне пола I строительного периода. Очаг продолжал существовать и во II строительном периоде. Он тщательно обмазан, хорошо заглажен и сильно прокален, особенно в центре. По продольным сторонам очага в его бортах расположены по две с каждой стороны ямки диаметром 4—8 см, которые предназначались для установок рогаток для очага. По северному краю располагались еще две маленьких ямки и очажная яма диаметром 0,60—0,70 м, глубиной 0,15 м, в которой обнаружены обломки небольшого лепного горшка.

По сторонам очага с четырех сторон находились ямы для деревянных стоек, поддерживающих перекрытие. Они цилиндрические, диаметром 0,55—0,68 м, глубиной до 0,30 м. Обломков черепицы на полу не найдено, что свидетельствует о том, что крыша здания была земляной. В западной стене главного зала, ближе к юго-западному углу, находилась ниша глубиной 30 см. Здесь же, в юго-восточном углу, помещалась лежанка, сложенная из мелкого камня, обмазанная сверху толстым слоем глины. Боковые стороны лежанки были расписаны полосами красной охры и сажой. Размеры лежанки: длина 2,63 м, ширина 0,60 м, высота над полом 0,20 м. У северного края лежанки, вероятно, находилась ниша, аналогичная нише западной стены. В юго-западном углу главного зала был открыт жертвенник, пред-

ставляющий собой яму диаметром 30 см, глубиной 30 см, обмазанную внутри глиной и выложенную сверху камнями. В яме обнаружены кости от пяти особей ягнят, обломки лепных сосудов и антропоморфных и зооморфных фигурок¹⁵.

Со стороны портика к зданию примыкала ровная площадка, местами присыпанная известковой крошкой. Впоследствии она застраивается более поздними хозяйственными помещениями. Фрагменты керамики рубежа нашей эры, обнаруженные на полу главного зала, позволили П. Н. Шульцу датировать здание Е датировать I в. до н. э.¹⁶ Однако заметим, что нижний горизонт пола отделен от верхнего прослойкой в 10 см толщины. В ней встречались фрагменты стенок родосских амфор. Кладки II строительного периода сложены на глине хорошего качества. Исходя из этого можно думать, что здание возникло не позднее II в. до н. э., а в I в. н. э. оно перестраивается. Кладки II строительного периода сложены менее тщательно из более мелких камней. Ось здания отклоняется к востоку, крупными камнями закладывается дверной проем. С востока впритык к зданию сооружается пристройка хозяйственного назначения. Ряд хозяйственных помещений создается с западной и южной сторон. Весь участок прекращает существовать в III в. н. э.

К юго-востоку от здания Е находился небольшой зольник вытянуто-овальной формы, высотой 0,5 м, длиной 2,5 м, шириной 0,65 м (рис. 20). Этот зольник описывает П. Н. Шульц в своем отчете следующим образом: «...края его несколько оплыли и перекрыли остатки восточной стены здания и хозяйственные помещения. Зольник возник после их разрушения. По-видимому, он был насыпан сразу, находки в нем перемешаны (они от последних веков до нашей эры до III в. н. э.)»¹⁷. Но обратимся к самим находкам. Наряду с массовым материалом (фрагментами

15
Маликов В. М. Жертвенник из пригородного здания Неаполя скифского. — КСИА АН СССР, 1961, вып. 11, с. 64—69.

16
Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1957 г., с. 15.

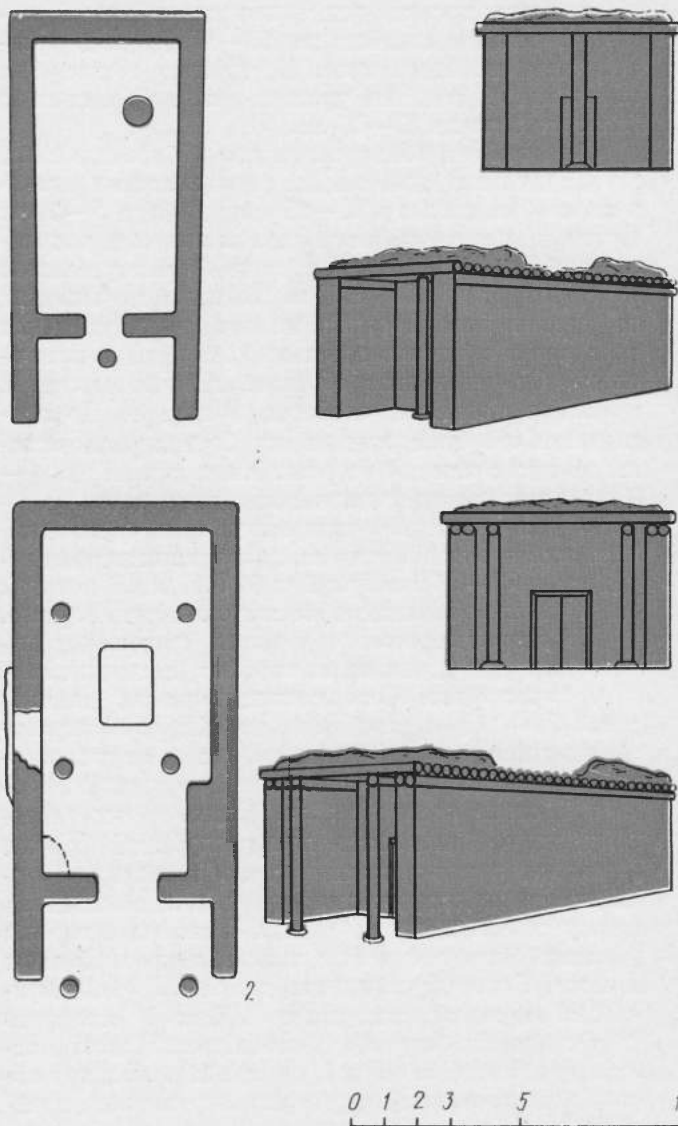
17
Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1958 г., с. 30.

амфор) в зольнике найдены обломки античных терракотовых масок, фрагмент фигурного сосуда в виде Сатира, обломок терракотовой фигурки Гермеса — рука, держащая кошель, терракотовая головка Деметры (?), обломки лепных курильниц и глиняных баранов, золотая подвеска, две бронзовые статуэтки Диоскуров¹⁸. Все эти предметы датируются эллинистическим временем, т. е. временем существования здания, и принадлежат в основном к привозным изделиям. И что особенно важно, набор их не случаен и связан, по-видимому, с культами богов, в том числе греческих. Наряду с этим в зольнике найдены предметы I—II вв. н. э.: бронзовые фибулы, бусы, три бронзовых ключа в виде герм, многочисленные обломки стеклянных сосудов, краснолаковый светильник, фрагменты краснолаковых мисок.

Зольник, возможно, существовал одновременно со зданием Е и представлял собой жертвенный холм, служивший для совершения жертвенных возлияний различным богам, в том числе Диоскурам, культ которых был близок скифам. Культурная принадлежность здания Е вряд ли была утрачена и в первые века нашей эры, хотя обряды, отправляемые в нем, могли измениться. Зольник в этот период, вероятно, использовался уже не как жертвенный холм, а как свалка мусора.

Допустимо и другое предположение: золу собирали с очага здания после совершения церемоний и ссыпали в кучу, позднее холм превратился в мусорную свалку. Впоследствии, когда этот район города запустел, зольник постепенно расплзался, зола, легко раздуваемая ветром, постепенно накрыла остатки разрушенных построек.

Итак, на Неаполе скифском открыто четыре здания типа мегарон*. Два из них (А и В) были выстроены в центральной части города, в районе предполагаемого акрополя, два (З и Е) — за пре-

18

Шульц П. Н. Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя скифского. — СА. 1969, № 1, с. 120—136, рис. 1, 3.

* Нельзя согласиться с П. Н. Шульцем, что дом на участке В Неаполя также относится к типу мегарон (см.: Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее

варианты на Днепре и в Крыму. — Проблемы скифской археологии, 1971, рис. 2, и). Он имеет иной план и будет рассмотрен нами в другой связи.

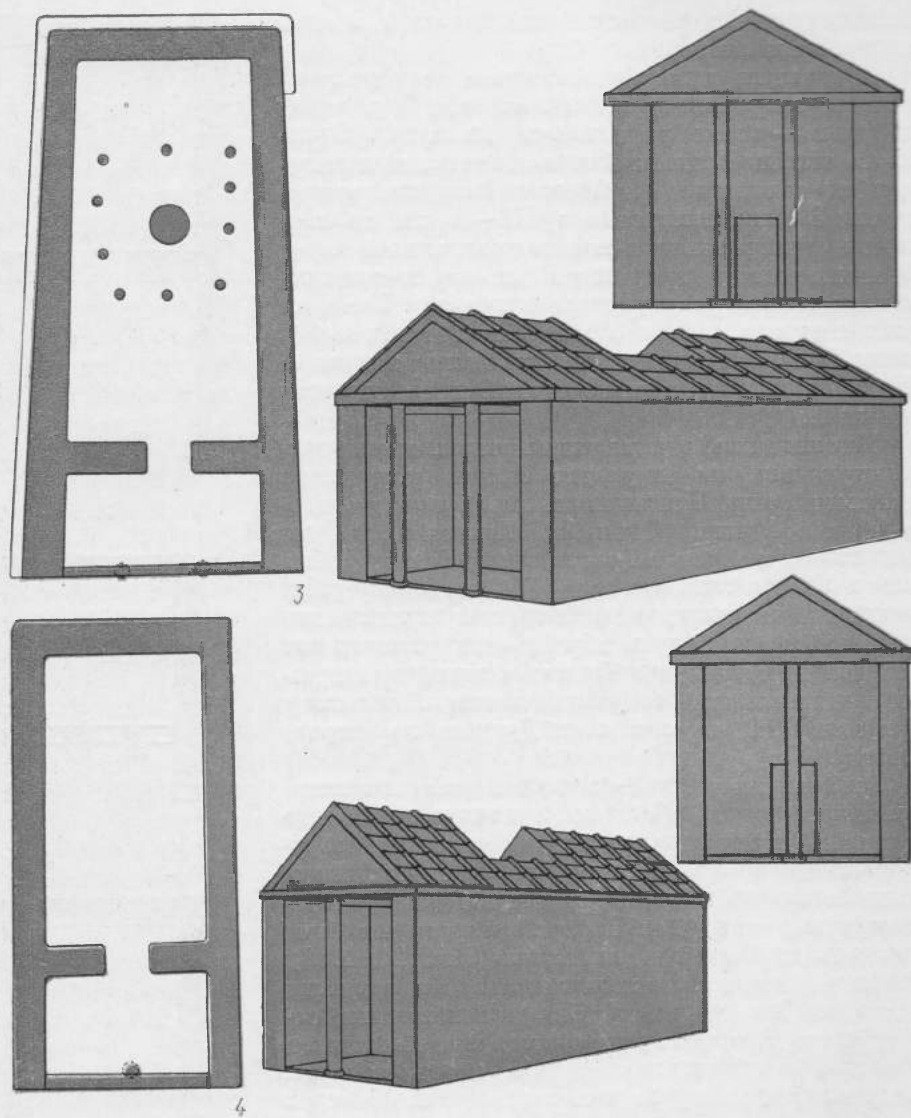

Рис. 21
Реконструкция культовых
зданий Неаполя:

1 — здание З; 2 — здание Е;
3 — здание А; 4 — здание В.

делами стены. Культовая принадлежность зданий не вызывает сомнений.

В главном зале каждого дома (в здании В очаг не сохранился) находился очаг, а в одном из углов — кости жертвенных животных. Культовые здания Неаполя имели одинаковые пропорции, но отличались размерами. Наиболее раннее здание З было выстроено в III—II вв. до н. э. Почти одновременно с ним в центральной части Неаполя возводится здание В, но оно, как мы отмечали выше, просуществовало недолго. В том же районе города во II в. до н. э. возводится новое, самое большое из известных, культовое здание А. Тогда же за пределами городской стены строится здание Е.

Как известно, здания типа мегарон имеют длительную историю и уходят своими корнями в микенский мир. Неизменным атрибутом дворцово-мегаронов Микен, Тиринфа, Пилоса¹⁹, так же как жилых мегаронов Греции эпохи Гомера²⁰, был очаг в центре главного зала. Впоследствии греки, воспринявшие этот древнейший тип жилища для храмовой архитектуры, убрали очаг, заменив его алтарем перед входом. Однако в некоторых древнегреческих храмах сохранились очаги. Например, в храме VIII в. до н. э. в Дреросе на острове Крит²¹.

Рассматривая и сопоставляя все элементы культовых зданий Неаполя, невольно замечаешь различие между загородными и городскими сооружениями (рис. 21). Здания З и Е, по-видимому, имели плоскую крышу. Они были перекрыты деревянным накатником, поверх которого мог быть положен слой глины или земли (рис. 21, 1, 2). В центре здания Е находился очаг, а перекрытие опиралось на четыре столба, расположенных вокруг него. В крыше над очагом мог находиться фонарь для проникновения света и выхода дыма. Не исключено также, что свет проникал через

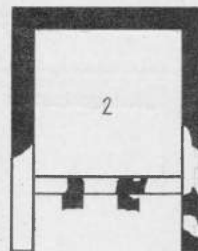
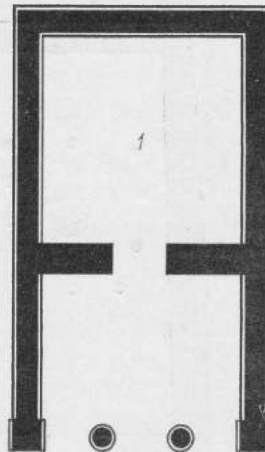
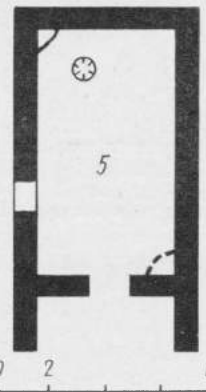
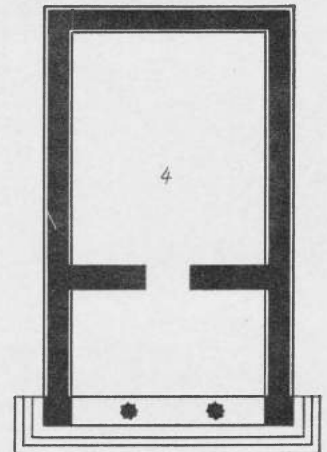

Рис. 22
Сравнительная таблица храмов в антах:
1 — храм Афины в Милете IV в. до н. э.; 2 — храм Афины на холме Калабак-Тепе, вторая половина VI в. до н. э.; 3 — олимпийский храм V в. до н. э.; 4 — храм Зевса в Ольвии III в. до н. э.; 5 — храм в Золотой Балке.

0 2 8м

¹⁹ Blegen C. W. and Rawson W. The palace of Nestor at Pylos in the western Messenia. Princeton, 1966, p. 34.
²⁰ Odysseia, XVI, 286—290.

²¹ Блаватский В. Д. Архитектура античного мира. М., 1939, с. 17.
²² Шульц П. Н. Позднескифская культура, с. 135 и сл., рис. 2.

дверь, служившую и для выхода дыма. Здания А и В отличались большим совершенством и монументальностью постройки. Они имели, как мы видели, черепичную крышу (рис. 21, 3, 4).

Ширина зданий (В — около 8 м, А — около 9 м) предполагает двухскатную крышу, требующую иной конструкции перекрытий — продольных и поперечных балок, треугольников фронтонов. Как мы уже отмечали, планировка всех рассматриваемых зданий совпадает. И нельзя согласиться с П. Н. Шульцем в том, что неапольские здания аналогичны по плану мегаронам микенской культуры²². Мегароны Микен и Тиринфа, состоящие из двух-трех помещений, имели почти квадратный в плане зал и мало чем напоминают здания Неаполя.

Откуда же могли попасть на Неаполь здания типа мегарон?

В архитектуре зданий Неаполя в плане, в соотношении размеров главного зала и портика, в характере перекрытий (зданий А и В) наблюдается сближение с греческим храмом в антах*. Ближайшую аналогию мы находим в Ольвии в храме V в. до н. э. (рис. 22, 3) и храме Зевса III в. до н. э. (рис. 22, 4). Последние, в свою очередь, близки храмам Милета (рис. 22, 1, 2). По-видимому, во время ионийской колонизации Северного Причерноморья греками завезен этот тип храма. Тесное общение скифов с ольвиополистами и боспорскими греками в V—II вв. до н. э. влекло за собою разнообразное культурное заимствование, проявившееся и в восприятии архитектурных форм, в том числе типов зданий, связанных с культами. Возможно, руками греческих мастеров были выстроены культовые здания Неаполя. Появляются аналогичные здания и в Приднепровской Скифии (Золотая Балка), где они, так же как в Северном Причерноморье²³, играют роль культовых сооружений** (рис. 22, 5).

* Это отмечал и П. Н. Шульц в упомянутой выше статье, однако планы зданий Неаполя он сопоставляет с микенскими мегаронами.

23 Марченко И. Д. Некоторые итоги раскопок на Майской горе.— КСИА АН СССР, 1963, вып. 95, с. 86 и сл., рис. 32.

При строительстве культовых зданий Неаполя, так же как в Ольвии и Золотой Балке, четко соблюдались архитектурные пропорции в планировке. Витрувий, говоря о храме в антах, пишет: «...длина храма определяется тем, что ширина его должна быть вдвое меньше длины»²⁴. Строгое соблюдение этого правила мы видим и в Неаполе. Длина здания А — 19 м, ширина 9 м; длина здания В — 15 м, ширина 7,6 м; длина здания Е — 13,40 м, ширина 6,5 м; длина здания З — 11 м, ширина 5,6 м.

Относительно ориентации храмов читаем у Витрувия: «...храм вместе с изваяниями, помещающимися в целле, должен быть обращен к вечерней стороне неба, чтобы взоры приходивших к алтарю для жертвоприношений или совершения богослужений обращены были к восточной части неба»²⁵.

Из всех культовых зданий Неаполя по этому правилу построено самое большое — здание А, вход которого обращен на юго-запад. Загородные здания Неаполя имеют по аналогии с храмами Ольвии*** почти меридиональную ориентацию с небольшим отклонением на запад.

Наблюдаемое различие между городскими и загородными культовыми зданиями Неаполя вызывает вопрос — не были ли городские дома предназначены для собраний и культовых церемоний знатных представителей общества, а более примитивные загородные дома служили рядовому населению? Или же это различие вызвано обрядами, отправляемыми в культовых зданиях. Ответ-

** Жилой дом, состоящий из больших сеней и маленького зала с очагом, открытый в Золотой Балке (Вязьмитина М. И. Золота Балка. К., 1962, с. 32, рис. 8—23, 24) П. Н. Шульцем приобщен к зданиям типа мегарон, хотя он резко отличается от рассматриваемых нами культовых сооружений. См.: Шульц П. Н. Позднескифская культура, рис. 2, ж.

24 Витрувий, 10 книг об архитектуре. М., 1936, кн. 4, гл. 1.

25 Витрувий, 10 книг об архитектуре, кн. 4, гл. V, 1.

*** Храм Аполлона V в. до н. э., храм IV в. до н. э., храм III в. до н. э. Карасев А. Н., Левин Е. И. Ольвийская агора.— СА, 1958, № 4, с. 135, 137.

тить на этот вопрос трудно, так как нет достаточного количества фактов. Очень интересное предположение высказал П. Н. Шульц. По его мнению, здание Е, выстроенное за городом, у дороги, было связано с культом Диоскуров²⁶.

Кроме того, открытый в здании Е жертвенник позволяет говорить об отпращиваемых обрядах, связанных с культом плодородия, тогда как рисунки-граффити из здания А, имевшие, возможно, сакральный смысл, характеризуют круг иных представлений, выросших уже на почве религиозного синкретизма...

В то же время рассмотренные нами общественные здания, существовавшие в Неополе с III в. до н. э. по III в. н. э., свидетельствуют об единообразии культовых сооружений у поздних скифов Крыма и Приднепровья. Изменения в идеологии (см. ниже) не коснулись архитектуры этих построек. На протяжении веков сохраняется однообразный план зданий, изменяется лишь их отделка и характер перекрытий.

Зольники эсхары. Исключительный интерес при рассмотрении культовых загородных зданий Неаполя представляют зольники, которые играли, очевидно, роль жертвенных холмов — эсхар, подобно открытым в Мирмекии²⁷. Вряд ли можно сомневаться в вотивном назначении находок, обнаруженных в зольнике при здании Е.

Павсаний описывает сооружение жертвенника, находящегося против Елевфер, следующим образом: «...кладут четырехугольные брусья, прилаживая как камни при постройке здания и подняв до известной вышины, накладывают хворост. Затем представители городов приносят жертвы: Гере — корову, Зевсу — быка, наполняют их вином и курениями и вместе с дедалами кладут на жертвенник и зажигают. Частные лица жертвуют кто что может: у кого средств меньше, тот жертвует что-нибудь из мелкого скота. Все эти жертвы сжигаются,

причем сгорает и сам жертвенник»²⁸. По-видимому, нечто подобное происходило и в Неополе. Кроме того, возможно, золу с очага внутри здания собирали и сыпали в зольник.

Как мы отмечали, зольники при зданиях З и Е располагались с юго-восточной стороны, т. е. направо от входа, как и в греческих храмах. Павсаний, описывая жертвенник Артемиде Агротеры в Олимпии, пишет: «...а в самой притании, в той палате, где священный очаг направо от входа, — жертвенник Пана. Очаг тоже сделан из пепла и на нем огонь горит целый день и целую ночь. Золу из этого очага несут на жертвенник Олимпийского Зевса»²⁹. Предполагаемый алтарь храма на Майской горе в окрестностях Фанагории также находился справа от входа³⁰. Известно, какую роль у греков играл культ огня-очага, однако не меньшую роль он играл и у скифов. В качестве одного из наиболее ярких примеров может служить храм-святилище богини огня с алтарем в виде кучи золы, окруженное домами-металлургов на Каменском городище³¹. По мнению Н. Н. Погребовой, многие ямы Гавриловского городища служили для выброса золы и очажных остатков, связанных с культом домашнего очага³². На вотивный характер находок в зольниках на поселениях скифского времени в бассейне Северного Донца и на культовое назначение зольников обращал внимание Б. А. Шрамко³³. И именно в силу того большого значения, которое играл очаг и культ огня у скифов, центральное место в культовых зданиях Неаполя принадлежало очагу. А зольники-эсхары представляли собой синкретизированное отражение собственно скифских и греческих представлений, связанных с культом огня и жертвенными возлияниями. В связи с этим невольно возникает вопрос, всегда ли зольники позднескифских городищ Крыма и Приднепровья были свалкой мусора, как часто считается. По-

26

Шульц П. Н. Бронзовые статуэтки, с. 135.

27

Гайдукевич В. Ф. Мирмекийские зольники-эсхары. — КСИА АН СССР, 1965, вып. 103.

28

Pausan., IX, 3, 7.

29

Pausan., V, 15, 7.

30

Марченко И. Д. Указ соч., с. 87, рис. 32, а.

чему, например, под зольником на городище Золотая Балка были обнаружены две ямы, одна из которых обложена камнями и заполнена пеплом, обломками глиняной посуды и костями животных?³⁴.

Назначение зольников могло быть различным: одни из них являлись свалками мусора, другие — жертвенными холмами, подобно зольнику у здания Е Неаполя скифского. Раскопки зольника № 3 в 1978 г. на загородной территории Неаполя и находка трех менгиров, один из которых стоял

in situ, подтверждают мысль о существовании здесь жертвенного места до появления зольной насыпи.

С течением времени изменялись верования, обряды и культы. На месте ранее существовавших жертвенников-эсхар постепенно вырастали огромные свалки мусора. Может быть, в разное время и при разных условиях зольники имели различные функции. И часть их действительно представляла собой жертвенные холмы — подобно зольнику у здания Е Неаполя скифского.

31

Граков В. Н. Каменское городище на Днепре, с. 63;
Граков В. Н. Скифы, с. 34.

32

Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре.— МИА, 1958, № 64, с. 200.

33

Шрамко Б. А. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северского Донца.— КСИИМК, 1954, вып. 54, с. 112.

34

Вязьмитина М. И. Указ. соч., с. 65.

Жилые и хозяйственные постройки

ПОСТРОЙКИ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО
И РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
ЖИЛИЩА ЗНАТИ
И БЕДНЯКОВ

Открытые в различных районах Неаполя во время раскопок 1945—1959 гг. жилые и хозяйственные постройки, большие и малые, сырцовые и каменные с черепичной крышей и расписными стенами, и примитивные землянки и юрты позволяют представить интенсивность застройки города в эллинистическое и римское время, а также дать социальную характеристику обществу, населявшему столицу государства поздних скифов.

Рассмотрим эти постройки начиная с ранних.

Постройки эпохи эллинизма. В 1948—1950 гг. на Неаполе к северу от оборонительной стены, параллельно зданию с портиками было раскрыто так называемое длинное здание, или здание Р¹. Открыты три помещения, расположенные по одной оси с запада на восток. Общие размеры здания: длина 22 м, ширина 6,80 м (по внешнему обводу). Частично сохранился каменный цоколь северной стены, сложенный из крупных камней на глиняном растворе, а также западной и южной и частично восточной стены первого помещения (считая с запада (рис. 23, 1). От остальных стен прослеживается выборка цоколя. Толщина стен 80—85 см. Верхняя часть их была сложена из сырцовых кирпичей, об этом свидетельствует слой сырца, обнаруженного при раскопках внутри здания. Размеры помещений одинаковые — 4,80×5,90 м по внутреннему обводу. С севера в помещения № 1 и 2 вели дверные проемы шириной 1,70 м. Помещения не сообщались между собой. Косяки дверей сделаны из крупных камней, плоскости их хорошо отесаны. Они скошены так, что расширялись внутрь здания. По-видимому, в притолоку помеща-

лась деревянная рама. Пол в здании был глинобитный. В центре первого и второго помещений сохранились очаги, в третьем его не обнаружено².

Это помещение, вероятно, было парадным. Стены его оштукатурены и расписаны. Среди обломков штукатурки на многих стенах сохранилась роспись узкими полосами зеленого, желтого и черного цветов и обломки поясов различной окраски и рисунка: в виде волны, голубые кружки и пр. Найдены фрагменты профилированных карнизов с изображением ов, нанесенных коричневой краской. Роспись близка по технике и орнаментации позднеэллинистической живописи Боспора³. К северу от помещения № 3 прослеживались остатки пола и восточная стена четвертого помещения или ограда двора, располагавшегося с севера и раскопками не раскрытого.

Многочисленные обломки синопской, боспорской и херсонесской черепицы, встреченной при расчистке здания (более 400 фрагментов), с одной стороны, свидетельствуют о черепичной кровле, с другой, исходя из разновременной черепицы, привезенной из нескольких центров, что здание ремонтировалось в разное время или было покрыто разновременной черепицей*. Каменные основания стен дома находились в эллинистическом слое, подошва кладок лежала на уровне вымостки эллинистического времени, примыкающей к дому с севера. Внутри дома над полом прослеживалась пожарная прослойка, перекрытая слоем рухнувших сырцовых кирпичей. В ней обнаружены фрагменты ручек родосских амфор, в том числе с клей-

1 Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.), рис. 40.

2 Шульц П. Н. Отчет о работах Тавро-скифской экспедиции за 5 лет (1945—49 гг.), с. 37 и сл.; Карасев А. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1950 г., с. 13 и сл.

3 Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского..., с. 70.

* В настоящее время эта черепица утрачена и мы лишены возможности судить о времени первоначальной кровли здания и времени ее ремонта.

мом эпонима Айнесидама, датируемым, по Грейс, II в. до н. э. (III группа) ⁴. Под слоем пожара, у стены, разделяющей помещения № 1 и 2, обнаружена родосская ручка с клеймом фабриканта Евклея второй половины II в. до н. э. ⁵ Если клеймо относится ко времени пожара и разрушения здания, то это событие можно приурочить к войнам Диофанта и считать, что здание было выстроено до войны, в III или в начале II в. до н. э. В I в. н. э. дом переживает частичную перестройку: повышается уровень пола, он поднимается

выше сохранившегося каменного цоколя; дверь, ведущая в помещение № 3, закладывается мелкими камнями; внутри этого помещения у восточной стены сооружается яма для установки пифоса. Эта, ранее парадная комната, используется теперь для хозяйственных целей. После разрушения здания в первые века нашей эры на его месте создаются многочисленные хозяйственные ямы.

В 1954—1955, 1959 и 1967 гг. близ главной улицы, идущей от центральных городских ворот к так называемому акрополю, были открыты на

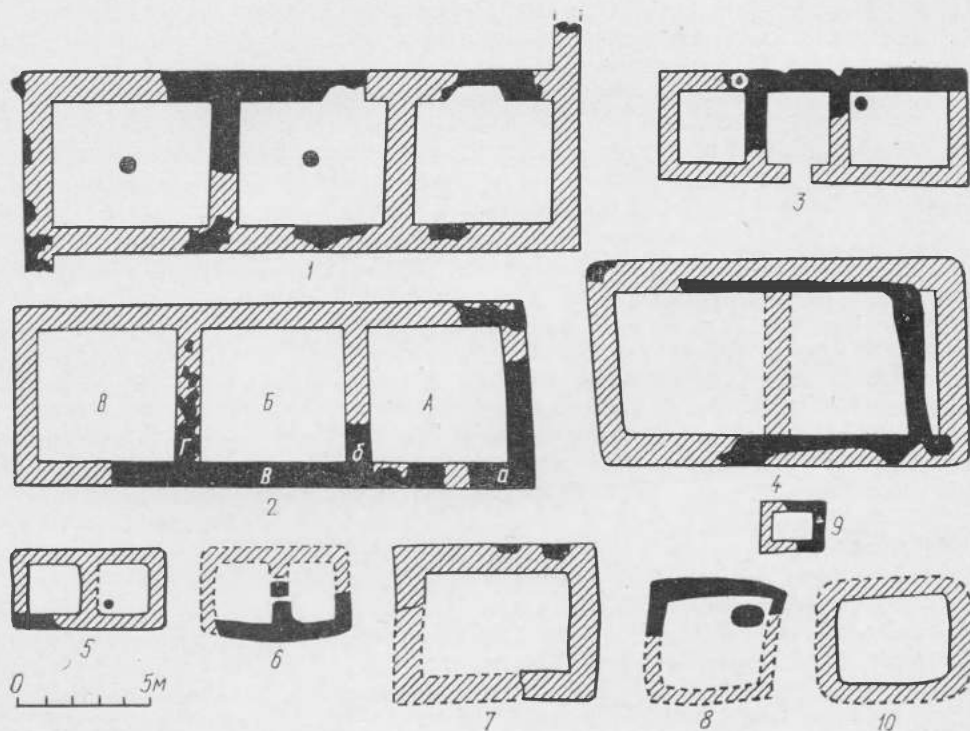

Рис. 23
Планы жилых построек
Неаполя эллинистического
времени:

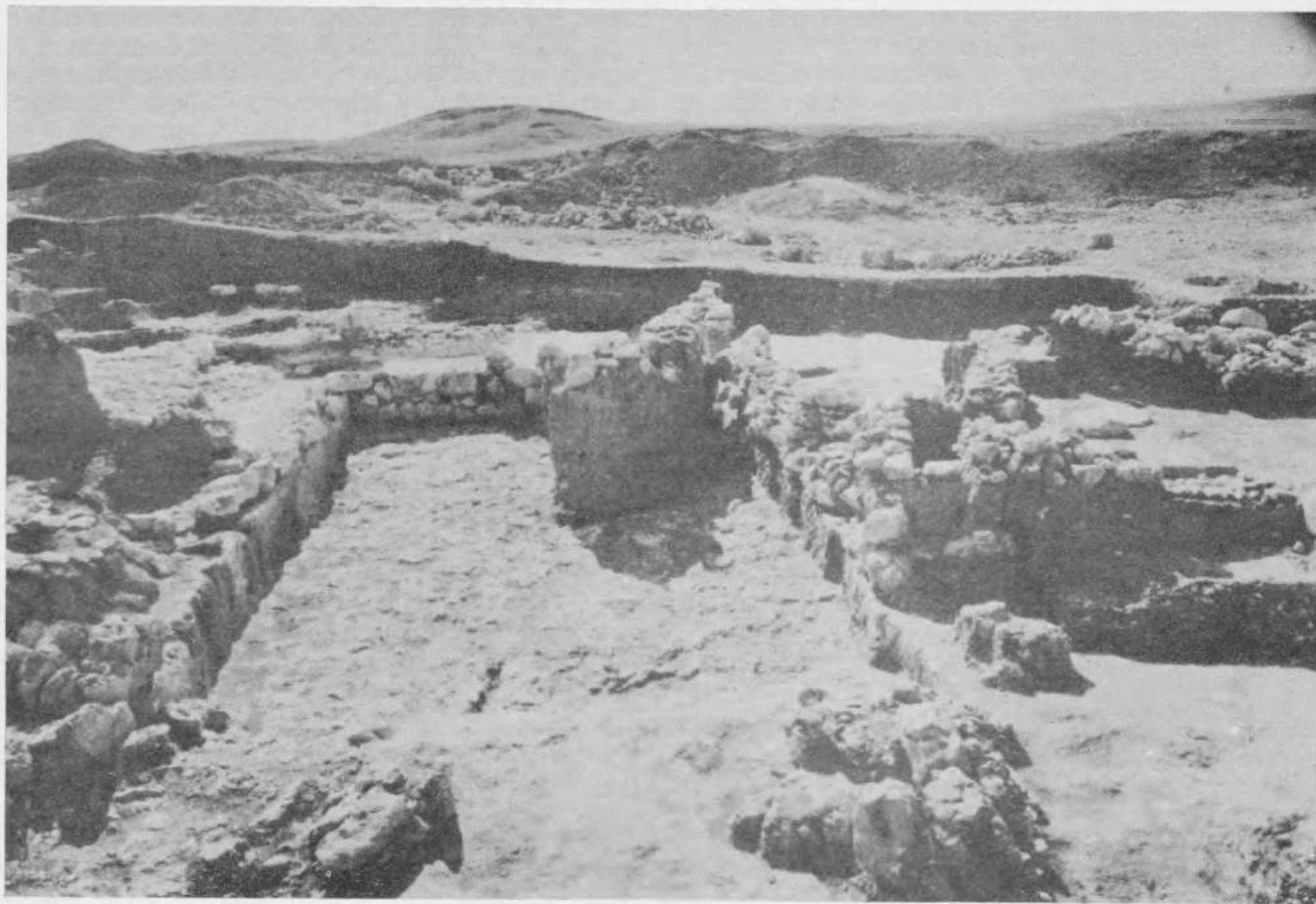
- 1 — дом Р на участке Б;
2 — дом на участке В;
3 — дом на участке Д;
4 — дом с полуподвалом;
5 — дом Т на участке Б;
6 — подвал на участке Д;
7 — мавзолей; 8 — дом с
жаровней; 9 — подвальчик Д;
10 — подвал 1956 г.

4
Grace V. Timbres
amphoriques trouvés a Delos.—
BSH, 1952, 76, 2, с. 528.

5
Шелов Д. Б. Керамические
клейма из Танаиса III—I веков
до н. э. М., 1975, с. 100.

участе В. остатки четырех построек эллинистического и римского времени⁶. Восстановить план трех из них невозможно, ибо остатки их очень фрагментарны. Одну из построек П. Н. Шульц реконструирует как здание мегарон⁷, с чем мы не согласны (рис. 23, 2).

Свои соображения П. Н. Шульц основывал на том, что кладка «в» лежит на 20 см выше кладки «а», между кладками имеется шов и здесь мог быть торец южной части дома, состоящего из главного зала и сеней; внутри помещения А, в южной его части сохранились две ямки от стол-

⁶
Шульц П. Н.
Предварительный отчет об
охранных раскопках
Неаполя скифского в 1954—
55 гг.— Арх. ОАСА, инв. А
№ 21/2, с. 7 и сл.

⁷
Шульц П. Н.
Позднескифская культура...,
с. 136, рис. 2—4.

бов, поддерживающих перекрытие. Но, как видно из таблицы, приведенной П. Н. Шульцем, это здание мало чем напоминает культовые здания типа мегарон, обнаруженные на Неаполе скифском (здания А, В, Е, З). Его размеры (по внешнему обводу): длина 19,70 м, ширина 7,10 м. Все дома

Неаполя типа мегарон имели строгое соотношение 1 : 2 ширины к длине. При исследовании здания, проведенного нами в 1973 г., выяснилось, что между кладками «а» и «в» не было шва. Подосва этих кладок лежит на одном горизонте, на наскальной корке.

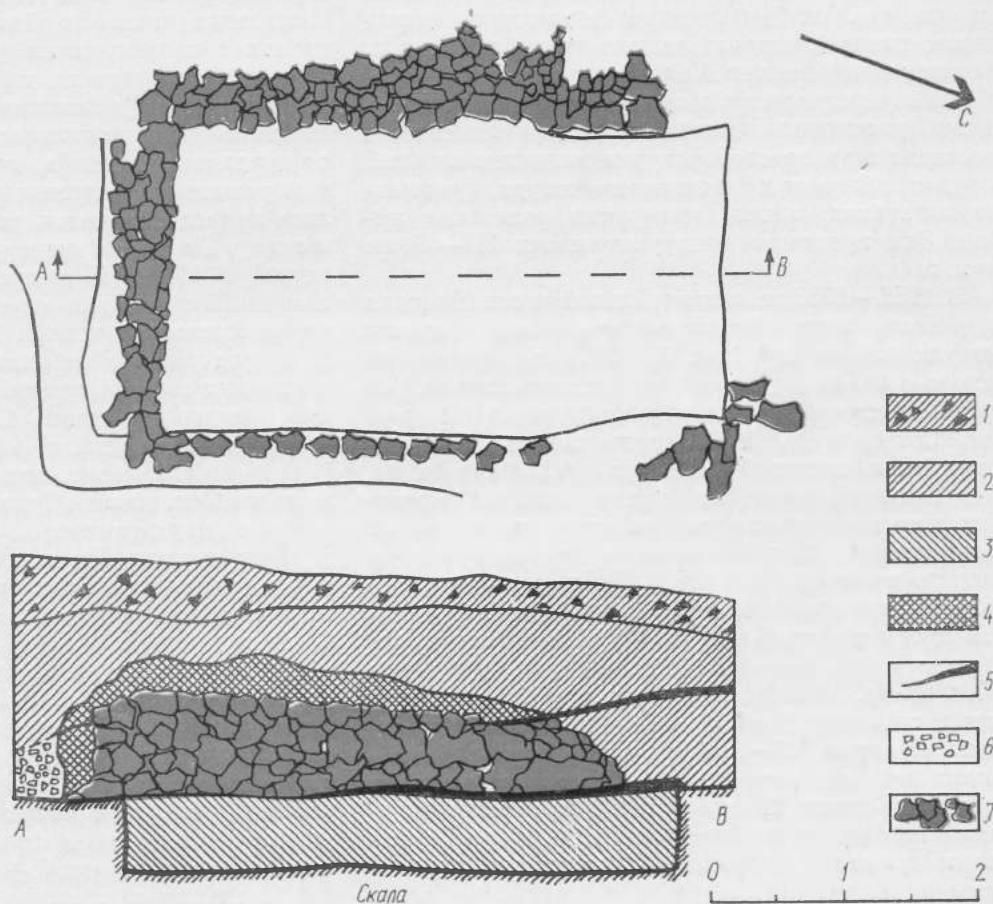

Рис. 24
Здание с полуподвалом.

Рис. 25
План и разрез дома
с полуподвалом:
1 — дерново-почвенный слой;
2 — суглинисто-золистый
слой; 3 — глинистый слой;
4 — суглинок (разрушенные
сырцовые кирпичи);
5 — пожарная прослойка;
6 — наскальная крошка;
7 — каменная кладка.

Здание состояло из трех помещений А, Б, В и было ориентировано с севера на юг, с небольшим отклонением на запад, основания стен его (толщиной 0,80 м) сложены на глине. Внутри каждого помещения прослеживался глинобитный пол. Черепицы на полу не обнаружено, но наблюдались слои рухнувшей глины, позволяющей считать, что дом был перекрыт деревянным накатником, поверх которого лежала глина или земля. На полу в помещении А *in situ* находились разнообразные предметы эллинистического времени: обломки расписного эллинистического лягиноса⁸, фрагмент терракотовой фигурки мальчика с чашей в руках, обломки чернолакового сосуда, фрагменты мегарских чашек, три ручки родосских амфор. Эти предметы датируют здание III—II вв. до н. э.

В 1956—1958 гг. в центральной части Неаполя в районе предполагаемого акрополя открыты остатки здания Д⁹ (рис. 23, 3). Оно ориентировано с северо-запада на юго-восток и состояло из трех помещений, расположенных по продольной оси. Сохранилась часть северо-восточной стены длиной 6 м, шириной 0,80 м и частично две стены, разделяющие внутренние помещения. От остальных стен прослеживаются выборки, позволяющие восстановить план всего дома. Размеры его по внешнему обводу 12 × 4,5 м. Вдоль северо-восточной стены в третье с запада помещение вел дверной проем шириной 1,25 м. Здесь же в северо-западном углу находился круглый очаг размером 0,5 × 0,6 м. Пол здания был глинобитный, под ним в глиняном слое, лежащем на скале, обнаружена керамика III—II вв. до н. э., в том числе обломки чернолакового сосуда. Стены сложены из камней на глине. Вполне возможно, что после гибели ранее существовавшего на этом участке культового здания В стены его были частично разобраны и выстроено здание Д, просуществовавшее

недолго. В I в. н. э. вновь восстанавливается здание В (II строительный период) и перекрывает остатки дома Д.

Район напротив центральных городских ворот к северу и западу от здания с портиками в эллинистический период был, по-видимому, густо застроен. В 1945—1948 гг. к северо-западу от вышеописанных построек обнаружено так называемое здание с полуподвалом (рис. 23, 4). Это прямоугольное сооружение, вытянутое с северо-запада на юго-восток, возможно, состояло из двух помещений (прослеживались остатки дерева и яма от деревянного столба, очевидно, от перегородки) и пережило два строительных периода. Сохранилась подвальная часть, углубленная на 0,5—0,6 м в скалу. По краям прямоугольного котлована размером 12,10 × 5,65 м прослеживалась заглубленная на 10 см постель от выборки каменного основания стены толщиной 1 м. В северо-восточном углу сохранился небольшой остаток каменного основания стены I строительного периода из крупных камней на глине. Стены дома сложены из сырцовых кирпичей, об этом свидетельствует слой разрушенного сырца, перекрывавший остатки каменного основания. Судя по толщине стен, дом мог быть двухэтажным.

При перестройке здания во II строительный период размеры его сократились: ширина осталась прежней, а длина уменьшилась до 10,20 м. От II строительного периода до нас частично дошли западная, южная и восточная стены. Северная стена полностью выбрана (рис. 24; 25). Судя по материалу (обломки мегарских чаш и родосских амфор), обнаруженному между камнями стены, перестройка здания произошла во II в. до н. э. Многочисленные фрагменты разновременной черепицы, найденные в заполнении подвала (главным образом синопской — наиболее ранней, а также небольшое количество боспорской и херсонес-

8

Махнева О. А. Расписной эллинистический сосуд из Неаполя скифского. — СА, 1967, № 1, с. 253 и сл.

9

Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1956 г., с. 70 и сл.

10

Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в IV—II вв. до н. э. М., 1963, с. 135.

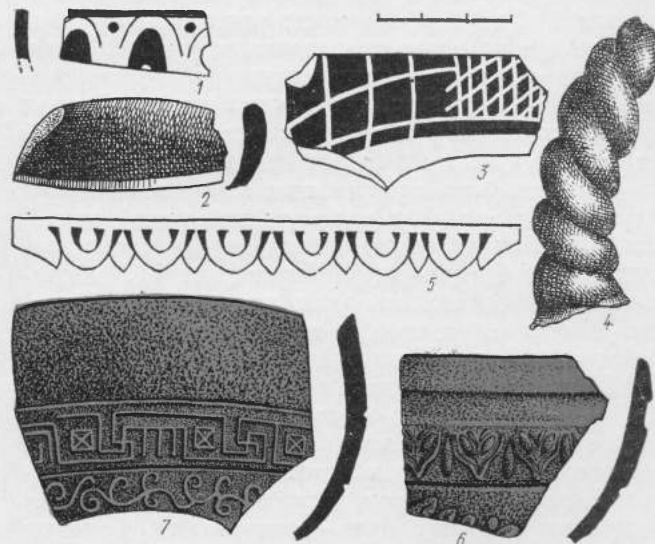
ской), свидетельствуют, что здание как в I, так и во II строительном периоде имело черепичную крышу. Судя по найденным обломкам расписной штукатурки, стены его были оштукатурены и расписаны изнутри. Среди обнаруженных фрагментов штукатурки есть обломки с остатками зеленой

ле 30 с клеймами. В амфорах хранились запасы вина и оливкового масла, здесь же, по-видимому, содержали молоко и мясо. Среди амфор преобладают родосские, есть также книдские и косские. Родосские амфоры, судя по клеймам, датируют III—I вв. до н. э. Так, прямоугольное клеймо

Рис. 26

Находки из здания
с подвалом:

- 1 — обломок крышки леканы;
2, 3 — фрагменты
чернолаковых сосудов;
4 — обломок ручки
чернолакового сосуда;
5 — костяная пластинка;
6, 7 — обломки мегарских чаш.

и желтой краски. Техника росписи высокая, восходящая к боспорским традициям живописи эпохи эллинизма.

Заполнение подвала состояло из однородного суглинистого неперемешанного слоя с большим содержанием разнообразного материала. Суглинок перекрывала пожарная прослойка, связанная с окончательным разрушением и гибелью здания. Наиболее ранние фрагменты керамики, встреченные в заполнении подвала, связаны, по-видимому, с I строительным периодом. Среди них: обломок крышки краснофигурной леканы, орнаментированной овами, IV в. до н. э.¹⁰ (рис. 26, 1), обломки чернолаковых чашек IV—III в. до н. э. (рис. 26, 2, 3), фрагменты синопских черепиц с клеймами астиномов и эмблемой орла на дельфине*. Эти предметы позволяют предположить, что здание было построено не в III¹¹, а в IV в. до н. э., вернее, в конце IV в. до н. э.

Дом продолжал существовать и в последующие века. В подвале обнаружены *in situ* многочисленные амфоры III—I вв. до н. э., привезенные из различных центров Средиземноморья, в том чис-

с именем фабриканта Дамоклеса относится к 200—180 гг., клейма эпонимов Тимагора, Евфранора, Архина, Алексида и клеймо фабриканта Аполлония (220—180 гг.) — ко второй половине II в. до н. э.

Кроме амфорной тары, в подвале найдены обломки ручек гончарных сосудов (рис. 26, 4); фрагмент терракотовой женской статуэтки II в. до н. э.— I н. э.¹², две разные костяные пластинки, вероятно, от деревянных шкатулок. Одна пластинка орнаментирована жемчужной нитью, дру-

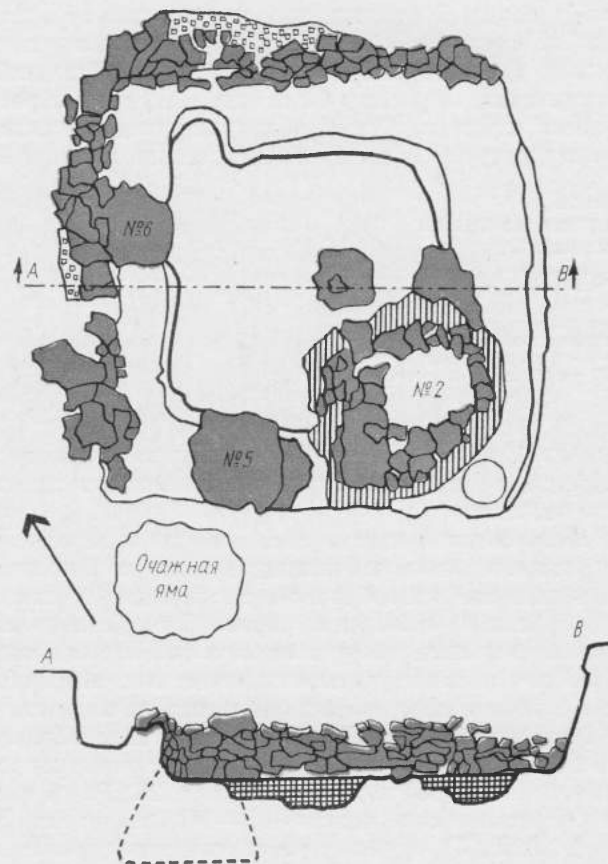
* О клеймах можно судить по описи находок из подвала, ибо сами клейма не сохранились.

¹¹ Шульц П. Н. Тавро-скифская экспедиция.— КСИМК, 1949, вып. 26, с. 57.

¹² Терракоты Северного Причерноморья.— САИ, 1970, ГИ—11, табл. 57, 4.

гая — овами (рис. 26, 5). Аналогичная костяная пластинка найдена в Ольвии. М. А. Наливкина датирует ее III в. до н. э.¹³ Здесь же обнаружены обломки чернолаковых сосудов II в. до н. э., многочисленные фрагменты мегарских чашек (рис. 26, 6, 7), обломки лепной керамики, кости домашних животных. Здание просуществовало до конца II — начала I в. до н. э. На месте разрушенного дома с подвалом устраивается свалка мусора. Об этом свидетельствуют многочисленные фрагменты разнообразной керамики, кости животных, обломки глиняных жаровен и прочий материал, сваленный вперемешку на месте заброшенного дома.

В районе близ центральных городских ворот к зданию Р с запада примыкает небольшой жилой дом Т, состоящий из двух помещений, расположенных по оси север — юг¹⁴. Длина дома 6,25 м, ширина 3 м. Сохранилась лишь часть западной стены, об остальных стенах, в том числе о поперечной, можно судить по следам выборки (рис. 23, 5). Нижняя часть здания заглублена на 0,30—0,65 м в наскальную корку и скалу, углы чуть-чуть заокруглены. Стены толщиной 0,5 м были возведены из сырца и обвалились внутрь помещения. В северо-западном углу южного помещения находился круглый очаг — сохранились боковые камни, поставленные на ребро, и глиняный пол толщиной 3—4 см, возникший на месте очага (на слое золы и угля в 4—5 см). Позже новый очаг сооружается в юго-восточном углу того же помещения. Он прямоугольный, размером 1 × 1,40 м. Стенки его сложены из мелкого камня на глине. Дом возник в III в. до н. э. и просуществовал недолго. Его сооружение предшествовало перестройке здания Р, западная стена которого частично перекрыла восточную стену малого здания. На месте разрушенного дома строится новый с более толстыми стенами (0,85 м). От него сохранилась лишь часть одной стены. В первые века нашей

эры, после того как этот район города опустел, здесь возникают хозяйственные ямы.

Кроме рассмотренных нами жилищ, на Неаполе скифском открыты землянки, юрты и юртообразные сооружения, относящиеся к эллинистическому и римскому времени.

¹³
Наливкина М. А. Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935 г. — В кн.: Ольвия. К., 1940, т. 1, с. 133.

¹⁴
Карасев Л. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1950 г., с. 50 и сл.

В 1957 г. рядом со зданием А, у его северо-западного угла, открыта почти квадратная в плане полуземлянка размером $3,50 \times 3,60$ м, ориентированная с северо-востока на юго-запад¹⁵. Котлован землянки углублен в наскальную корку на 0,40 м. С западной и северо-западной сторон сохранились

амфор, небольшое количество фрагментов лепной посуды и кости животных. Очага внутри землянки не обнаружено. Возможно, пищу готовили во дворе. С юго-западной стороны землянки находился дворик, здесь открыта очажная яма диаметром 1,20 м. После разрушения землянки на ее месте

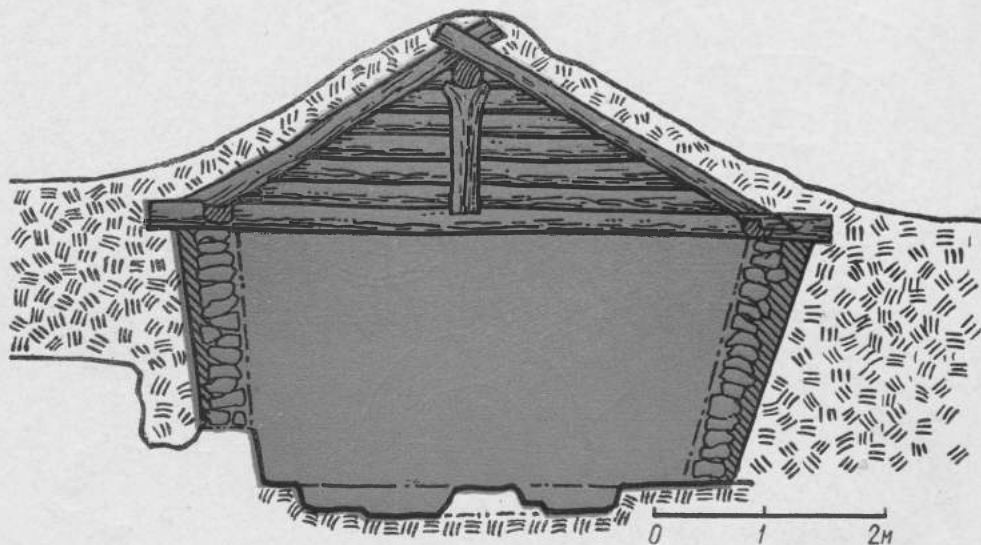

Рис. 27
План, разрез
и реконструкция
землянки.

остатки каменных стен, лежащих на наскальной корке. Стены сложены на гряды, толщиной 0,50 м, сохранившаяся высота 0,80 м. Изнутри они обмазаны глиной. Вдоль стен шла скамья шириной 0,50 м, высота ее от пола 0,15—0,20 м. В центре землянки возвышался прямоугольный «столик» шириной 0,50 м, высотой 0,20 м (рис. 27).

С внешней стороны каменные кладки были присыпаны щебнем, сохранившимся в толщину на 0,30—0,40 м. Землянка сверху могла быть перекрыта деревянным накатником и засыпана землей. На полу найдены обломки эллинистических

возникли три хозяйственные ямы. Материал, обнаруженный в ямах, датируется III—I вв. до н. э. Землянка предшествовала ямам, следовательно, она могла быть сооружена не позже I в. до н. э. Стены ее лежали на наскальной корке, это также позволяет отнести землянку к эллинистическому времени.

В 1957 г. при раскопках участка Е древнейшей оборонительной стены (со стороны города) была частично открыта прямоугольная в плане землянка, впущенная в культурный слой эллинистического времени¹⁶. Она ориентирована с севе-

¹⁵
Шульц П. Н. Отчет о
раскопках Неаполя скифского
за 1957 г., с. 45.

¹⁶
Шульц П. Н. Отчет о
раскопках Неаполя скифского
за 1957 г., с. 7 и сл.

ро-запада на юго-восток. Открыта ее западная стена длиной 1,70 м, сохранившаяся на высоту 0,90 м, толщиной 0,30 м. Южной стеной землянки служил панцирь оборонительной стены, к которому они пристроены. От восточной стены сохранилось несколько камней, позволяющих судить о ши-

рине землянки — 2,20 м. Северная стена ее не раскрыта и общие размеры помещения не выявлены. Внутри землянки, в ее юго-западном углу, на земляном полу находилась прямоугольная печь. Края ее выложены плоскими камнями, поставленными на ребро, и снаружи обмазаны глиной. Размер

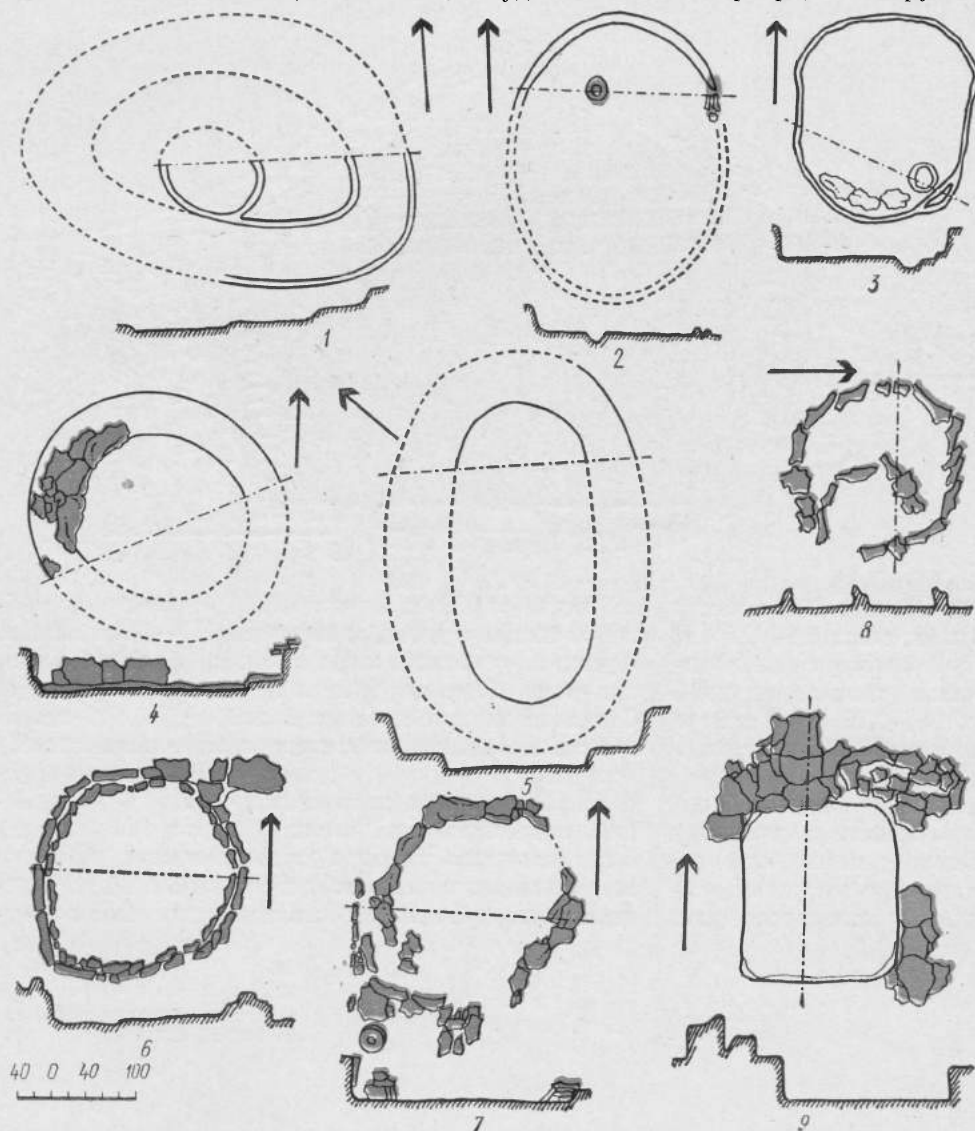

Рис. 28
Землянки и юрты
Неаполя:
1—5, 9 — землянки;
6, 7, 8 — юрты.

печи $0,90 \times 0,60$ м. Рядом с нею стояли два лепных горшка, вставленных один в другой, пространство между горшками замазано глиной. В горшке лежала яичная скорлупа. Материала, датирующего землянку, не обнаружено, но она перекрывала хозяйственную яму III—II вв. до н. э. и, следовательно, сооружена после нее.

В южной части городища в 1956 г. открыто несколько разрушенных землянок небольших размеров овальной формы (рис. 28, 1—5)¹⁷. Нижняя часть их глубиной $0,40—0,60$ м была выдолблена в скале, размеры: $4,4 \times 2,9 \times 0,8$ м и $2,4 \times 2$ м. Вдоль стен некоторых из них обнаружены обмазанные глиной каменные скамьи шириной $0,35 \times 0,60$ м. Судя по обломкам печины и углублениям, в центре жилищ могли находиться очаги. Отсутствие ямок от столбов внутри и вокруг землянок, однако, не исключает шатрового перекрытия из жердей или прутьев, поверх которых могла быть глиняная обмазка или шкуры животных. Сообщение с поверхностью (учитывая, что какая-то часть землянки находилась в культурном слое) осуществлялось, по-видимому, с помощью приставных лестниц, так как никаких ступенек внутри не обнаружено. Датировка большинства землянок затруднительна. Исходя из того, что в первые века нашей эры они были засыпаны, а в одной из них совершенно захоронение детей (одного — в амфоре, другого — в большом левом горшке), а также благодаря незначительным обломкам эллинистических амфор, найденным в заполнении нижних частей землянок, их можно отнести к эллинистическому времени.

И, наконец, на Неаполе скифском известны сооружения, являющиеся свидетельством пережитков кочевого быта — это юрты-зимники¹⁸. Одна из них открыта в 1948 г. за пределами городских стен Неаполя к юго-западу от мавзолея. Юрта имела форму неправильного круга, внутренний

диаметр $2,10 \times 1,80$ м (рис. 28, 6). Основание ее лежало на скале, оно обложено по краям поставленными на ребро неотесанными камнями и сырцовыми кирпичами. Немногочисленные предметы, обнаруженные внутри (костяное ложило, две бусины, обломок ручки родосской амфоры) позволяют датировать юрту не позднее II в. до н. э. Вторая юрта открыта в 1956 г. при раскопках южной траншеи. Основание ее диаметром 2,8 м вырублено в наскальной корке и выложено камнями на глине. Фрагменты керамики, обнаруженные внутри юрты, датируют ее II в. до н. э.¹⁹ (рис. 28, 7).

В 1958 г. в центральной части Неаполя на участке Ж, в слое эллинистического времени было открыто юртообразное круглое сооружение диаметром 1,80 м²⁰. Основание его выложено поставленными на ребро плоскими камнями. Восточная часть сооружения отделена перегородкой из плоских камней (рис. 28, 8). Прослеживались остатки глиняного пола. Назначение сооружения осталось не выясненным. Малые размеры и перегородка внутри исключают использование его для жилья. Возможно, это был хлев для свиньи.

Постройки рубежа нашей эры и римского времени на Неаполе еще более малочисленны и фрагментарны. К ним относятся следующие сооружения.

Помещение с жаровней. К дому с полуподвалом с запада примыкало квадратное в плане помещение, ориентированное с севера на юг. Оно возникло после разрушения дома с подвалом. Сохранилась лишь часть каменного цоколя северной стены длиной 1,45 м и восточной длиной 3,90 м, на высоту 0,40 м (рис. 28, 8). Толщина стен 0,60 м. Они, по-видимому, были сырцовые, так как около каменного основания было много обломков сырца. Примерные размеры постройки $4,80 \times 5,20$ м. С севера в помещение вел дверной проем шириной 1,10 м. Сохранился порог, вы-

17 Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1956 г., с. 28 п сл.

18 Погребова П. П. О раскопках восточной прирезки протейхизмы к западу от ворот в 1948 г.— Арх. ОАСА, инв. № 2.

19 Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1956 г., с. 27 и сл.

20 Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1958 г., с. 38, 39.

ложенный мелким бутовым камнем, обмазанный слоем глины. С наружной стороны к порогу примыкала ступенька, покрытая известковой крошкой. Ступенька опускалась ниже порога на 35 см. Пол внутри помещения был глинобитный, мазанный. В юго-восточном углу помещения находился очаг: в пол вмазана овальная в плане жаровня длиной 0,90 м, шириной 0,70 м. С северной и южной сторон лежали очажные камни. Возле очага обнаружены обломки лепного лощенного горшка, фрагменты краснолаковых сосудов, обломок точильного камня с отверстием для подвешивания. Эти предметы позволяют датировать помещение с очагом II — началом III в. н. э. С юга к зданию примыкал каменный завал, перекрывавший скопление битых амфор II—III вв. н. э. Возможно, здесь был дворик или кладовая, где хранились амфоры.

Здесь же, в северной части города, к югу от описанных строительных остатков в 1950 г. открыто своеобразное помещение, назначение которого не вполне ясно. Это прямоугольный котлован, тщательно вырубленный в скале, размером $5,75 \times 3,90$ м, глубиной 0,80 м (рис. 23, 7), ориентирован с востока на запад. Вокруг котлована полосой 1,5—2 м была зачищена наскальная корка. Судя по сохранившимся остаткам выборки, стены здания толщиной 0,60—0,65 м, цоколь их сложен из крупных камней (*in situ* сохранилось всего два камня северной стены). Здание прорезало вымостку из наскальной крошки, покрывавшую площадь перед воротами города. У северной стены котлована, почти на самом его дне, был найден маленький обломок листового золота. Это, а также план, размер котлована и его местоположение (к северу от южной оборонительной стены, в 6 м от нее) позволило А. Н. Карасеву высказать предположение, что здесь было общественное сооружение, скорее всего, мавзолей²¹. Однако такое тол-

кование нам кажется малоубедительным. Судя по топографии участка и тому, что здание лежит на оси центральных городских ворот, его могли построить скорее всего в конце II — начале III в. н. э., после того как ворота были уже заложены и площадь утратила свой прежний парадный облик. Здесь сооружается ряд жилых и хозяйственных построек, плохо сохранившихся до наших дней. По своим пропорциям и размерам этот котлован составлял примерно половину дома с подвалом. Его подвал имел ту же глубину — 0,60 м. Один маленький обломок листового золота вряд ли может свидетельствовать в пользу погребального сооружения. Скорее всего это был жилой дом с подвалом, возможно, принадлежавший богатому владельцу.

К северо-западу от котлована открыты остатки кладок трех стен и постель маленького прямоугольного помещения, ориентированного с севера на юг. Размеры его (внутренние) $1,60 \times 1,10$ м (рис. 23, 9), толщина стен 0,40 м. Это маленькое помещение выстроили, судя по небольшому количеству находок, обнаруженных в засыпи, в первые века нашей эры²².

В 1956 г. была открыта подвальная часть прямоугольного сооружения, углубленного в скалу на 0,70 м, размером $3,15 \times 4,45$ м (рис. 23, 10). Стены его, по-видимому, были сложены из камня и сырца, внутри подвала на глинобитном полу найден завал камня и сырца, а в нем — фрагменты позднеэллинистических амфор, среди них обломки двустольных ручек амфор рубежа нашей эры. Вероятно, к этому же времени можно отнести и саму постройку²³.

В 1958 г. в центральной части городища открыта юго-западная часть подвального помещения, ориентированного с северо-востока на юго-запад. Юго-западная стена его толщиной 0,90 м сохранилась в высоту на 2 м. Она имеет одну ли-

21
Карасев А. Н. Отчет о
раскопках Неаполя скифского
в 1950 г., с. 41—42.

22
Там же, с. 48—49.

23
Шульц П. Н. Отчет о
раскопках Неаполя скифского
за 1956 г., с. 23 и сл.

24
Шульц П. Н. Отчет о
раскопках Неаполя скифского
за 1958 г., с. 66, 67.

цевую поверхность, обращенную внутрь. Поперечной стеной толщиной 1 м подвал делился на два помещения: северное и южное, сообщавшиеся между собой (рис. 23, 6)²⁴. Возможно, впоследствии, когда дверной проем был заложен каменным закладом, каждое из помещений (общие размеры их остались невыясненными) существовало отдельно. Об этом говорит разный уровень земляных полов в помещениях. С юга в подвал вел вход, здесь сохранились три ступеньки от каменной лестницы. Внутри подвала было найдено незначительное количество позднеэллинистического материала, наряду с основной массой находок II—III вв. н. э.

В первые века нашей эры на Неаполе продолжают существовать землянки. Прямоугольная землянка размером $2,10 \times 1,85$ м открыта в центральной части городища в 1958 г.²⁵ Основание ее на 0,40 м выдолблено в скале (рис. 28, 9). Стены толщиной 0,60 м были сложены из камня на грязи. Из них северная и частично восточная сохранились на высоту 1 м. Землянка ориентирована с севера на юг. С северной стороны находился, по-видимому, дверной проем, от лестницы, ведущей внутрь, осталось три ступеньки. Очаг не обнаружен. Немногочисленные фрагменты керамики датируют землянку первыми веками нашей эры.

На рубеже нашей эры и в первые века нашей эры вокруг загородных культовых сооружений Неаполя (здания З, Е) возводятся хозяйственные постройки. К юго-западу от здания З в 1956 г. было открыто одно из помещений трапецевидной формы размером $3,20 \times 2$ м (внутренний). Постройка ориентирована с северо-востока на юго-запад. Часть ее уходила в западный борт раскопа и не раскрыта. Стены помещения толщиной 0,45 м сложены из камня, пол глинобитный, хорошо утрамбованный. Так как в помещении обломков

черепицы не обнаружено, можно предположить, что крыша была земляная или соломенная. На полу найдены обломки псевдокосских амфор с двустольными ручками рубежа нашей эры, фрагменты краснолаковых сосудов того же времени. По-видимому, этот жилой дом возник сразу же после гибели здания З. Впоследствии его перекрыла северная пола большого зольника № 3.

После коренной перестройки культового сооружения Е в I в. н. э. к нему с запада, востока и юга пристраивается ряд хозяйственных помещений. Стены их сложены из камня на глине, полы глинобитные (рис. 29). Размер камеры I (внутренний) $1,40 \times 1,70$ м. Стены ее изнутри были обмазаны глиной. К юго-востоку от здания находилась камера II размером $2,25 \times 1,5$ м. Изнутри стены ее также обмазывались глиной. У западной стены сохранилась печь. Вход в камеру, очевидно, был с северо-западного угла. Камера III очень маленькая — $1 \times 1,5$ м. Южнее расположена камера IV размером $3,5 \times 2,60$ м. С севера со стороны двора в камеру вел дверной проем, впоследствии заложенный камнем. В северо-западном углу помещался очаг очень хорошей сохранности. К югу от него находилась хозяйственная яма. Во дворе к северу от камеры IV в юго-западном его углу открыта очажная яма конусообразной формы, диаметром 0,80. Горловина ее ограждена небольшими камнями, а в заполнении много золы и древесного угля. К юго-западу от здания Е на глинобитной площадке двора обнаружены остатки печи. Рядом со столбовой ямой против ранее существовавшего южного входа в здание Е обнаружена зерновая яма грушевидной формы глубиной 2,20 м. На юго-запад от здания и к югу от камеры IV были расположены еще две хозяйственные ямы.

Таким образом, описанные постройки почти симметрично расположены по обеим сторонам

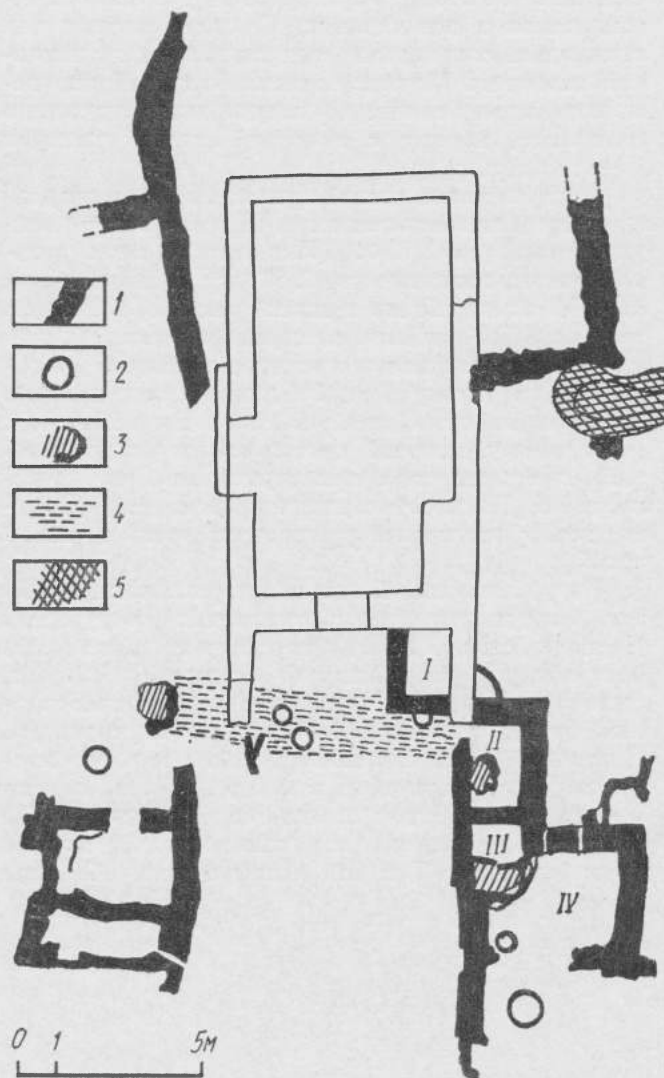
25

Там же, с. 27 и сл.

с запада и востока от двора, против входа в здание Е. Вдоль западной стены здания Е на северо-восток тянется ограда длиной 11 м из небрежно сложенных камней. Ее ширина от 0,70 м до 1 м. У ограды с запада находилась земляная площадка двора со следами кострища, отпечатками соломы, прутьев и кусками древесного угля. К восточной стене здания примыкала постройка, от которой сохранились южная и часть восточной стены толщиной 0,80 м, образующие один из углов помещения. Внутри на земляном полу найдены предметы I в. до н. э. Возможно, это самая ранняя постройка, возникшая вскоре после сооружения здания Е. У юго-восточного угла пристройки открыта куча просеянной, очищенной глины, приготовленной, вероятно, для обмазки здания. Остатки всех хозяйственных построек к югу от здания Е были перекрыты мощным слоем (толщиной 1,20 м) выброса отходов из известковой печи (известковые натеки, куски извести). Очевидно, где-то поблизости находилось производство извести, существовавшее в самый поздний период жизни городища, уже после гибели хозяйственных построек.

В 1956—1957 гг. к востоку от зольника № 3 за пределами города открыто подпрямоугольное помещение размером $7 \times 4,40$ м (внутренний), ориентированное с севера на юг. Прослежен глинобитный пол толщиной 12 см. Отсутствие очага и бытовых предметов позволяют думать, что оно служило для хозяйственных целей. Хорошо сохранилась в длину на 29 м западная стена (толщина 0,80 м, высота 0,60 м) (рис. 30). Она являлась оградой примыкавшего к постройке с юга хозяйственного, может быть, скотного двора. Обломки двустольных ручек амфор и краснолаковая посуда датируют постройку рубежом и первыми веками нашей эры²⁶. Вторая подобная ограда длиной 16,6 м находилась к востоку от описан-

ной на расстоянии 80 м. Толщина стены 0,70 м, сохранившаяся высота 0,70 м. Ограда ориентирована с севера на юг. В южной части она делает поворот на запад. Длина южного отрезка 3,30 м. Стена сложена из рваного камня на грязи. Вероятно, она служила оградой какого-то хозяйствен-

ного участка, возможно, загона для скота. Ее сооружение относится к II—III вв. н. э.²⁷

Всего на Неаполе открыто 21 жилище, не считая пристроек и загонов для скота. 15 из них относятся к эллинистическому времени, 1 — к рубежу нашей эры и 5 — к римскому периоду.

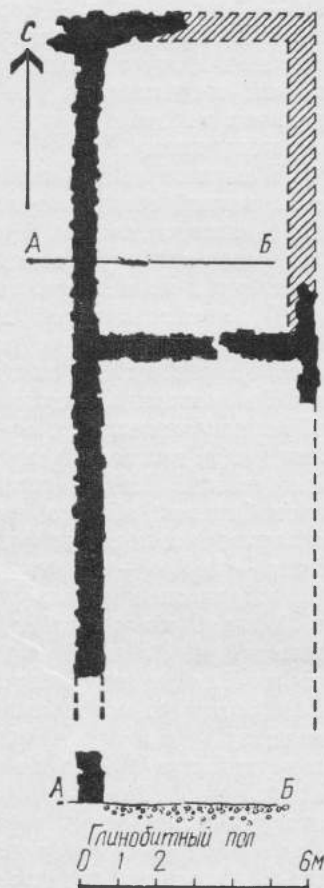

Рис. 29
Пристройки к зданию Е:
1 — остатки кладок пристроек и оград; 2 — зерновые и хозяйственные ямы;
3 — очаги; 4 — вымостка двора; 5 — глиняный холм.

Рис. 30
Хозяйственные постройки на участке 3.

Жилые постройки Неаполя можно подразделить на следующие типы:

I тип — трехкамерные жилища (дома Р, Д и на участке В). На плане Неаполя, оставленном Дюбуа де Монпере, аналогичная постройка отмечена в центральной части городища (см. рис. 1). Все дома одноэтажные, без подвального помещения, датируются III—II вв. до н. э. Подобные жилища в греческих городах Северного Причерноморья в этот период нам неизвестны. Они существовали в более раннее время и поэтому не могут быть аналогом.

Во II—I вв. до н. э. подобные жилища строились на городище Золотая Балка²⁸. У варваризованного греческого населения вытянутые многокамерные дома существовали и в первые века нашей эры²⁹.

II тип неапольских жилищ — двухкамерные дома с неглубокими подвалами: дом с подвалом, разделенный на два помещения, и небольшой дом Т с неглубоким подвалом. Обе постройки относятся к самому раннему строительному периоду Неаполя скифского — к концу IV—III вв. до н. э. По-видимому, такие дома существовали на протяжении всех периодов жизни города. Прimitивное двухкамерное подвальное жилище, открытое в центральной части городища, датируется II—III вв. н. э.

III тип. На рубеже и в первые века нашей эры строятся еще более примитивные однокамерные дома, часть из них имела подвальные помещения. К ним относятся так называемый мавзолей, открытый в южной траншее, подвал, дом с жаровней и маленький подвальчик Д. Очевидно, подобные жилища строили и в первые века нашей эры в различных районах города. Семь квадратных в плане построек отмечены на восточном участке Неаполя на плане Дюбуа де Монпере (см. рис. 1). Высеченную в скале выемку прямо-

27 Там же, с. 24—25.

28 Вязьмитина М. И. Указ. соч., с. 85, рис. 47.

29 Гайдукевич В. Ф. Новые исследования Плурата. — КСИМК, 1951, вып. 37, с. 198, рис. 64а.

угольной формы размером 4 × 5 м, глубиной 0,54 м со скамьей вдоль стенки открыл в 1926 г. Н. Л. Эрнст³⁰.

Кроме того, на Неаполе были прямоугольные, овальные и круглые землянки, большинство которых относится к эллинистическому времени. В первые века нашей эры у скифов постепенно исчезают пережитки кочевого образа жизни, а вместе с ними исчезают и юрты, существовавшие в эллинистический период.

П. Н. Шульц выделил на Неаполе пять строительных периодов, подразделяющихся на следующие отрезки времен: первый период — III в. до н. э.; второй — II в. до н. э., время правления Скилура и его отца; третий — конец II в. до н. э. — деятельность Палака; четвертый и пятый — I—II вв. н. э. — время Фарзоя и Инисмея³¹. Он считал, что каждый из этих периодов охватывал все этапы строительства города. Нам кажется, это не совсем так. Например, оборонительные стены Неаполя имеют периодизацию, не связанную со строительством тех или иных сооружений в городе и за его пределами. Первые ранние постройки Неаполя относятся к концу IV — началу III в. н. э. (здание с портиком первого периода, дом с подвалом, здание Т). Наиболее многочисленные сооружения датируются III—II вв. до н. э. (культурные здания А, В, З, дома Р, Д и на участке В). С концом II — началом I в. до н. э. (время дельфийских войн) связаны слои пожарных разрушений. Разрушается дом Р, погибает здание З, дом на участке В и ряд других построек. Сразу же после войны начинают ремонтироваться и вновь строиться дома. Перестраивается дом с подвалом и здание Р, возводится здание Е. Последний строительный период относится к римскому времени — II — начало III в. н. э. Во многих домах появляются хозяйственные пристройки, ранее парадные помещения превраща-

ются в хозяйственные, строятся подвалы и землянки.

Если сравнить два раскопанных участка Неаполя — в районе центральных городских ворот и на акрополе, обращает внимание интенсивное строительство города в эпоху эллинизма и запустение этих районов в римское время (см. рис. 3; 4). III—II вв. до н. э. — период расцвета строительства Неаполя, связанный с возведением монументальных построек, имеющих определенную ориентацию, подчиненную, по-видимому, в некоторых районах города (площадь у центральных ворот) строгому плану.

В первые века нашей эры на месте большинства зданий создаются хозяйственные ямы, иногда возникают свалки мусора, возводятся небольшие постройки. Принцип регулярности нарушается, город меняет свое лицо.

В эллинистический период на Неаполе дома строились из сырца на каменном основании. При этом цоколи, так же как и стены башен, выстроены без перевязи, впритык. На это в свое время обращал внимание А. Н. Карасев³². Для скрепления углов применялись грубо околотые Г-образные камни. Полы в жилых домах земляные или глинобитные, обычно несколько заглублены по отношению к подошве фундамента. Сырцовые кирпичи — адобы — широко применялись строителями в греческой метрополии. Стены домов Олинфа и Афин были выстроены на каменных цоколях высотой до 0,5 м. Это предохраняло сырец от сырости. Сырцовые кирпичи, уложенные на глиняном растворе, образовывали очень прочную, монолитную стену³³. Неудивительно поэтому, что современники Демосфена видели в Афинах дома, построенные сто лет назад³⁴. Эти приемы жилищного строительства греки перенесли в Северное Причерноморье. Различные постройки Пантикапея³⁵, Ольвии, Херсонеса³⁶ имели сырцовые сте-

30 Эрнст Н. Л. Отчет о раскопках скифского городища Неаполис у Симферополя в 1926 г. — Арх. ЛОИА, ф. 2, № 149, 1926 г., л. 6.

31 Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского, с. 68—74.
32 Карасев А. Н. Раскопки Неаполя скифского. — КСИИМК, 1951, вып. 37, с. 161.

33 Кауфман С. А. Вилла доброй судьбы. — В кн.: Вопросы всеобщей архитектуры. М., 1961, т. 1, с. 98.

34 Демосфен. Третья речь об Олинфе, XIII, 29.

35 Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея. — МИА, 1957, № 56, с. 13, 14.

ны на каменном основании. Скифы, в свою очередь, заимствовали у греков этот строительный прием. В дальнейшем каменные кладки вытесняют сырцовые. В греческих городах Северного Причерноморья и на Неаполе скифском в римское время не возводили сырцовых стен. Однако это нельзя считать правилом. По-видимому, все зависело от возможностей, от материала, имевшегося под рукой. Например, на Усть-Альминском позднескифском городище, расположенном на выдающемся в море глинистом мысу, стены всех построек в эллинистическое и римское время были сложены из сырцовых кирпичей на каменном основании. А на городище Чайка в то же время возводились сооружения только из камня.

Постройки Неаполя скифского римского времени сохранились плохо. Дошедшие до нас остатки свидетельствуют, как мы отмечали, о малокамерных жилых и хозяйственных сооружениях. Судя по росписи ниши склепа № 9, имитирующей жилой дом, видимо, наземные жилища Неаполя в первые века нашей эры имели двускатные крыши, фронтоны украшались изображениями коней и стрел. Однако и в эллинистический период наряду с хорошими, добротными, возможно, двухэтажными домами знати, площадь которых составляет 70 м² и более, домами, крытыми черепицей, с комнатами, расписанными фресковой живописью, подвалами для хранения дорогих призовых вин и прочих продуктов, существовали маленькие землянки и курты рядового населения города и бедняков.

Описывая обычаи скифов, Геродот говорит об устройстве бани в виде юрты: «Поставив три шеста, наклоненные один к одному, натягивают на них шерстяной войлок и, стянув его как можно плотнее, бросают раскаленные докрасна камни в сосуд, поставленные между этими обтянутыми войлоком шестами»³⁷.

Страбон пишет, что сарматы (также скифы), аорсы и сираки частью живут в шатрах и занимаются земледелием³⁸.

Изучавший эволюцию жилищ у разных народов Н. Харузин сообщает, что «...в огромном большинстве случаев более древнее, первобытное жилище не покидается народом окончательно в тех случаях, когда старая форма продолжает сохраняться или в качестве временного жилища, например летнего, или в качестве хозяйственной постройки»³⁹. Аналогичная картина могла происходить и на Неаполе скифском.

Овальные землянки, открытые на Неаполе, по форме, характеру и функциональному назначению можно сопоставить с ямами-жилищами поселений скифского времени, в том числе на Варваровском поселении⁴⁰, их глубина достигала 3 м⁴¹. Отсутствие ямок от столбов позволяет предположить, что ямы-жилища перекрывались сверху настилом, положенным на края. Сообщение с поверхностью осуществлялось, по-видимому, с помощью лестницы, так как никаких ступенек в ямах не наблюдалось.

Ямы-жилища засвидетельствованы в этнографии как переходная форма жилищ у оседающих кочевников. «Есть полное основание думать, — пишет Н. Харузин, — что остяцкие землянки возникли из жилищ-ям, находящихся под землей, и в результате постепенно поднялись над землей»⁴². И далее: «Обычай устраивать наземные жилища не вышел из употребления и среди бедных азиатских киргизов, которые зимой живут в ямах или подземных хижинах, где помещаются и дети и животные»⁴³.

Неапольские землянки можно рассматривать как примитивные скифские жилища, возникшие в начальный период становления города и продолжающие существовать в последующие столетия.

36
Левы Е. И., Карасев А. Н.
Указ. соч., с. 215.

37
Herod., IV, 73.

38
Strab., XI, 2, 1.

39
Харузин Н. История развития
жилища у кочевых и
полукочевых тюркских и
монгольских народностей
России. — М., 1896; с. 3 и сл.

40
Шульц П. Н. Ямы-жилища в
скифском поселении близ
с. Николаевка. — КСИИМК,
1940, вып. 5, с. 72—75.

41
Есипенко А. Л. Петуховская
оборонительная система, с. 24.

42
Харузин Н. Указ. соч., с. 74.

43
Там же, с. 74, 75.

Жилые дома Неаполя отражают социальную структуру скифского общества. Одни его представители имели возможность нанять мастеров, в том числе греков, чтобы выстроить большой добротный дом, другие вынуждены были своими силами строить жилища малых размеров. Возникает вопрос, не являлись ли большие дома жилищами больших или расширенных семей знати, а землянки и юрты — жилищами малосемейных бедняков? В этнографии немало примеров, когда члены неразделенных семей живут сообща в большом доме и лишь сегментация семьи приводит к постройке малых жилищ⁴⁴. Причем процесс разложения семейной общины и замены ее малой семьей протекал медленнее среди знати, чем среди рядового населения⁴⁵.

«Па всем протяжении истории феодального Хорезма именно семейная домовая община, — пишет С. П. Толстов, — остается реликтом первобытно-общинного строя»⁴⁶.

Существование у скифов в VI—IV вв. до н. э. больших патриархальных семей, объединенных в одну семейную общину с общим культом, отмечали М. И. Артамонов⁴⁷ и Б. Н. Граков⁴⁸. Д. Б. Шелов разделяет мнение А. И. Тереножкина о наличии у скифов малой семьи, что, по его представлению, подтверждается находками маленьких жилищ у оседлых скифов степной и лесостепной полосы⁴⁹. А. М. Хазанов считает, что обладали расширенные семьи⁵⁰.

Рассматривая этот вопрос применительно к Неаполю и другим позднескифским памятникам, нельзя не учитывать социальной дифференциации скифского общества.

На основе анализа погребальных сооружений Неаполя Д. С. Раевский пришел к выводу, что основной ячейкой позднескифского общества была большая семья, включающая два последовательных поколения, но наряду с ней были уже и ма-

лые семьи⁵¹. Выводы Д. С. Раевского подкрепляются раскопками Усть-Альминского некрополя, где в склепах обнаружено от 15 до 52 богатых погребений. Причем хронологические рамки захоронений в некоторых склепах ограничиваются пределами одного столетия. Например, склеп № 120 содержал 21 погребение начиная со второй половины I в. по первую половину II в. н. э. Это значит, что в такой могиле могли быть погребены три-четыре поколения одной семьи. Можно предположить также, что в больших домах Неаполя (тип дома Р) площадью 85 м² и более могла жить большая семья скифской знати. Принимая во внимание минимальные санитарные нормы жилой площади — 3 м² на человека, в таком доме одновременно могло проживать до 30 человек.

Однако, по-видимому, тенденция малосемейности, зародившаяся в раннее время в среде бедного населения, продолжает развиваться. В первые века нашей эры на Неаполе мы не знаем больших и богатых домов. В этот период происходит, вероятно, социально-экономическая пивелировка скифского общества, наряду с ростом малосемейности.

Заканчивая обзор остатков оборонительных, общественных, жилых и хозяйственных сооружений Неаполя скифского, следует отметить наличие у древних строителей математических знаний. В этой связи очень интересны выводы А. Т. Чуба, полученные им в результате обмеров различных объектов (подвалов, домов, остатков стен, зерновых ям, печей Неаполя и других городищ)⁵². Он установил, что скифы знали прямой угол и пользовались инструментом для его построения, возводили стену по отвесу, натягивая шнур между двумя точками, поэтому отклонения стен от прямой линии не превышают 3%. У них была единица измерения, равная 34—35 см. В основе единицы лежал, по-видимому, египетский царский «локоть».

44 Косвен М. О. Семейная община и патронимия. — М., 1963, с. 62.

45 Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у

народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1969, с. 117 и сл.

46 Толстов С. П. Древний Хорезм. — М., 1948, с. 164.

47 Артамонов М. И. О землевладении и сельскохозяйственном празднике у скифов. — Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. истор. наук, 1948, вып. 15, с. 19.

48 Граков Б. Н. Каменское городище..., с. 61—63.

49 Шелов Б. Д. Социальное развитие скифского общества. — ВДИ, 1972, № 3, с. 70.

Были дробные деления «локтя» на $1/2$, $1/3$ и т. д., а также $1/5$ — $2/5$, $3/5$ и т. д. его части. Та же линейная мера употреблялась в Милете, а в Северном Причерноморье — в Херсонесе. Размеры земельных наделов Гераклеяского полуострова, толщина оборонительных стен Херсонеса, размеры квадратов соответствуют этой мере⁵³.

Скифы имели представление о простейших ге-

ометрических фигурах: треугольниках и окружностях. Контуров ям, вероятно, вычерчивались с помощью колышка и шнура заданной длины. Знали также они и концентрические окружности. В этом легко убедиться, вспомнив орнамент на лепных курильницах. Все эти знания, заимствованные или выведенные эмпирически, скифы широко применяли в повседневной жизни.

50

Хазанов А. М. Социальная история скифов.— М., 1975, с. 73.

51

Раевский Д. С. Позднескифская семья по

археологическим данным.— СЭ, 1971, № 2, с. 65.

52
Мы благодарны А. Т. Чубу за любезно предоставленную возможность познакомиться с его материалами.

53

Николаенко Г. М. Особенности экономического развития Херсонеса в начальный период по метрологическим данным.— В кн.: Тез. докл. симпози. по пробл. греческой

колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо, 1977.

Экономическая жизнь

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ
НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО
В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ
ВРЕМЯ

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ
НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО
В РИМСКОЕ ВРЕМЯ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

ЖИВОТНОВОДСТВО

ВИНОГРАДАРСТВО,

САДОВОДСТВО

РЕМЕСЛО

«В историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни»,¹ — писал К. Маркс. Если мы обратимся к поздним скифам, то увидим, что их экономика находилась в постоянном развитии и зависимости от политической конъюнктуры. Сужались и расширялись торговые связи, на смену одним торговым партнерам приходили другие, осваивались новые отрасли хозяйства. В силу этих причин экономика эллинистического времени отличается от экономики римского периода. В первые века нашей эры хозяйство скифов становится многоотраслевым.

Перейдем теперь к его рассмотрению.

Земледелие. Многочисленные остатки зерновых ям, фрагменты жерновов, ступы, находки зерен убеждают нас, что одной из важных отраслей хозяйства скифов было земледелие. Недаром на монетах скифских царей, чеканенных в Ольвии, как символ плодородия помещалась Деметра. Культ богини, как увидим ниже, становится очень популярным у поздних скифов, ее изображения неоднократно встречались на городищах.

В Неаполе находили зерна пшеницы, ячменя и проса, а при исследовании соломы из саманных кирпичей установлено, что была распространена также полба-двузернянка². Пшеницу и ячмень мололи на грубую и тонкую муку, отделяя отруби. Из проса, по словам Плиния, во многих местах пекли хлеб и варили кашу.

Нам уже приходилось подробно останавливаться на вопросах, связанных с земледелием у поздних скифов³. Материалы Неаполя подтверждают,

что благодаря плугу с железным лемехом и домашнему скоту в качестве тягловой силы у скифов «...стало возможно земледелие в крупном раз-
мере...»⁴.

В районе центральных городских ворот Неаполя, у оборонительной стены города, раскопками 1945—1950 гг. открыты зерновые ямы, размещенные параллельно в два, три, а затем в четыре ряда и расположенные так близко друг от друга, что в стенках некоторых из них образовались сквозные отверстия⁵. В отдельных случаях эти отверстия заделывались камнями на глиняном растворе. Ямы имеют грушевидную, или колоколообразную форму с плоским круглым в плане дном, диаметр которого 1,3—2 м. Нижняя часть ям вырублена в скале, верхняя — в культурном слое и выложена внутри камнями. Глубина ям от 1,80 до 2,20 м (рис. 31). На стенках многих из них сохранилась глиняная обмазка, другие ямы были оштукатурены. Крышки ям обычно круглые или квадратные, хорошо пригнанные края промазаны глиной или известковым раствором.

К сожалению, большинство ям Неаполя не поддается датировке, так как засыпь их может быть поздней, а время возникновения определяется лишь примерно по косвенным признакам, например, ямы, возникшие после разрушения здания Р (I в. до н. э.), не могут быть датированы ранее I в. до н. э. Таким образом, решить вопрос о зернохранилище Неаполя эллинистического времени нелегко.

П. Н. Шульц отмечает, что «большая часть их (зерновых ям.— Т. В.) относится к первым векам

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394.

² Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского, с. 78.

³ Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму, с. 160 и сл.; Высотская Т. Н. Некоторые данные о сельском хозяйстве позднескифского городища Алма-Кермен.—

КСИА АН УССР, 1961, 11, с. 78 и сл.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 32.

⁵ Шульц П. Н. Отчет о работах Тавро-скифской экспедиции за 1945—1949 гг., с. 75 и сл.

нашей эры»⁶. Значит, какую-то часть он относил к более раннему времени, но какую? От центральных городских ворот на ВСВ шла улица (по А. Н. Карасеву, — дорога), вымощенная мелким камнем, галькой и известняковой крошкой. «Верхние камни венцов и крышки ям, — пишет П. Н. Шульц, — совпадают с уровнем вымостки, лишь слегка выступая над ней»⁷. Вымостка в пер-

вые века нашей эры ремонтировалась. П. Н. Шульц различал на этом участке ямы ранние и поздние, последние он датировал по засыпке с находками краснолаковой керамики и временем верхней вымостки — II в. н. э. А раннюю вымостку он относил к последним векам до нашей эры⁸.

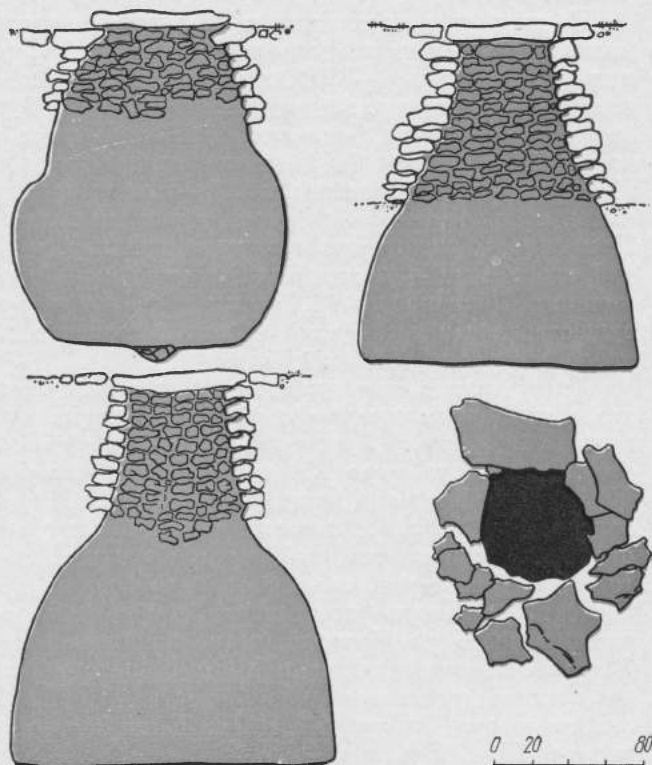
А. Н. Карасев все ямы на участке перед городскими воротами считал синхронными и датировал первыми веками нашей эры. При этом для датировки он не приводил никаких доказательств⁹. Возможно, А. Н. Карасев был прав и зернохранилище Неаполя в эллинистическое время находилось где-то в другом, пока еще не открытом месте.

Сложность с датировкой и плохая сохранность ранней вымостки тем не менее не исключают существование в эллинистическое время группы ям перед центральными городскими воротами. Эти ямы могли быть замаскированы мощеной улицей, что само по себе не нарушало красоту и парадность площади. Такую улицу, в вымостку которой входила обкладка горловин зерновых ям, мы наблюдали на Усть-Альминском городище.

Всего в районе центральных городских ворот у оборонительной стены и на территории перед воротами открыто 82 ямы. Объем их составляет 1,5—2,2 м³. Исходя из объема лучших сортов пшеницы, равного 800 кг на 1 м³, в среднем в яму могло помещаться 1,2—1,4 т зерна. Вполне допустимо, что одна и та же яма при соответствующем ремонте могла служить не менее 200 лет. Если это так, то у оборонительной стены (имеется в виду раскопанная часть) существовало одновременно и функционировало не менее 50 ям, содержащих около 75 т зерна. Зерновые ямы открыты на всех без исключения участках городища. Всего нами учтено 200 ям.

На Неаполе раскопано 8 тыс. м² площади, т. е. примерно 1/20 часть городища. Из 200 ям, учиты-

Рис. 31
Хозяйственные ямы.

6 Шульц П. Н. Отчет о работах Тавро-скифской экспедиции за 5 лет, 1945—1949 гг., с. 54.

7 Там же, с. 78.

8 Там же, с. 75.

9 Карасев А. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1950 г., с. 6.

* Мы приводим минимальное число из возможного. При дальнейших раскопках городища, более тщательном подсчете ям в разных районах города и распределении их по

векам эта цифра может быть уточнена.

10 Varro. О сельском хозяйстве, § 588—595.

вая продолжительность существования Неаполя (около 700 лет) и срок службы каждой ямы (200 лет), одновременно могли функционировать примерно 70 ям, а на всем городище их около 1500 *, содержащих одновременно 2000—2150 т зерна. Часть его составляла государственный запас, часть шла на семенной фонд, часть на продажу и в пищу.

Вряд ли в плотно закрытых ямах, поверх которых шла мостовая, как это было у оборонительной стены, хранилось зерно для постоянного употребления. Здесь были государственные запасы на случай неурожая, осады и обороны города. В хорошо сделанных, плотно закрытых ямах пшеница, как указывает Варрон, может пролежать 50 лет ¹⁰, следовательно, общественные запасы ежегодно пополнялись мало. Допустим, что у оборонительной стены на всем ее протяжении было одновременно не 50, а 100 ям, содержащих 150 т зерна. Остальные 1400 из предполагаемого числа ям находились в различных районах города, в них держали хлеб для продажи и постоянного употребления.

По-видимому, не все зерно ссыпалось в ямы, часть его хранилась под навесами и в амбарах. Во время раскопок северной траншеи были открыты остатки большого сооружения III—II вв. до н. э., на его глинобитном полу сохранилась прослойка перегоревшей пшеницы ¹¹. Такой способ хранения, вероятно, был широко распространен у скифов. Например, большое количество пшеницы и ячменя обнаружено в помещении под навесом из жердей, обмазанных глиной, на городище Тарпанчи ¹².

Кроме общественных запасов, во дворах домов были и частные зернохранилища. Вероятно, основная масса сосредоточенного в ямах зерна, за исключением государственных запасов, была предназначена для продажи и только часть его (до-

пустим 1/4 или 1/5, вряд ли больше, т. е. примерно 400—450 т) употреблялась в пищу. При средних нормах употребления зерна, равных 16 кг на человека в месяц, т. е. 192 кг в год, учитывая среднюю продолжительность жизни человека в те времена — 25 лет, можно подсчитать, что на Неаполе проживало примерно 2500—3000 человек *. В случае неурожая или осады города основные запасы — 150 т, плюс хлеб, хранимый в амбарах, и другие продукты (мясо, сыр, молоко и пр.) — могли прокормить это население довольно длительное время.

На средних землях урожаи в Крыму пшеницы могли быть сам-шесть, ячменя сам-пять ¹³, т. е. при среднем уровне — 800 кг зерна с 1 га. Посевная площадь, с которой можно получить 2150 т зерна, должна была составлять 2812 га. Данные о посевной норме для Сицилии приводят Варрон и Колумела — для 1 югера земли 4—5 модиев пшеницы, т. е. 139,4—174,6 литра зерна на 1 га ¹⁴. Примерно то же количество зерна для посева — 160 кг на 1 га — употребляли трипольцы Лесостепного Поднепровья ¹⁵. Вероятно, та же норма существовала и у скифов и ежегодно требовалось около 490 т зерна для этой цели.

Итак, наши самые приблизительные подсчеты, исходящие из количества и объема зерновых ям, дают следующую картину: из 2150 т одновременно имеющегося зерна 150 т составляли запасы, 450 т употреблялось в пищу, 490 т засеивали. Оставалось 1060 т хлеба, который ежегодно шел на продажу. Если к этим цифрам прибавить какое-то количество зерна, хранимого в амбарах и под навесами, то можно представить, что запасы товарного хлеба на Неаполе были значительными. И греческие торговцы, скупая его, сосредоточивали в своих руках солидное богатство. Крупный хлеботорговец Ольвии Протоген, например, располагал 84—105 т зерна ¹⁶.

11

Шульц П. Н.

Предварительный отчет об охранных раскопках Неаполя скифского в 1954—55 гг. — Арх. ОАСА, инв. А № 21/2, с. 18.

12

Щеглов А. Н. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. — СГХМ, 1963, вып. 3, с. 70.

*

Эта весьма приближенная цифра вдвое меньше

предложенной в свое время В. Д. Блаватским, см.:

Блаватский В. Д. О стратегии и тактике скифов. — КСИИМК, 1950, вып. 35, с. 27.

13

Блаватский В. Д. Земледельце

в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1953, с. 159.

14

Varro, I, 44; Columella, II, 9, 1.

Безусловно, не все население Неаполя занималось земледелием, которое Ф. Энгельс назвал решающей отраслью производства во всем древнем мире¹⁷. Здесь жили воины, дружинники, ремесленники, купцы, не занималась земледелием и аристократия. Чтобы произвести большое количество пшеницы, необходимой для продажи, запасов и ежедневных нужд, нужно было обработать значительные земельные площади. Жители города не могли с этим справиться. Вероятнее всего, на Неаполь свозило хлеб население всего царства, и скифские цари вели монопольную торговлю хлебом. В присяге Херсонеса, как известно, запрещалось жителям города продавать или вывозить хлеб с равнины в какое-нибудь другое место, кроме Херсонеса. Скифам, очевидно, также запрещалось продавать или вывозить хлеб куда-нибудь, кроме Неаполя, хотя, несомненно, характер земельных отношений у греков и скифов был различным. Мы не знаем, к сожалению, как осуществлялась эта зависимость населения, была ли определенная норма дани или купцы скупали зерно.

О существовании у скифов в IV—III вв. до н. э. института дани известно из письменных источников¹⁸. Вполне возможно, что даннические отношения существовали и в более поздний период.

Животноводство. Остеологические исследования, проведенные В. И. Цалкиным на Неаполе, засвидетельствовали не только большой удельный вес животноводства в хозяйстве жителей города, но и показали, что значительную роль в нем играла лошадь, использовавшаяся как транспортное животное и широко употреблявшееся в пищу¹⁹. Причем В. И. Цалкин выделил два вида лошади: небольшую, грубого телосложения, с крупной и тяжелой головой и высокого роста, по-видимому, вывезенную из Средней Азии. Последние ценились высоко и могли быть собственностью только родоплеменной знати²⁰. По мнению М. И. Белопо-

гова, в склепе № 9 Неаполя изображена лошадь, имеющая портретное сходство с ахалтекинцем²¹. Изучение остеологического материала Усть-Альминского позднескифского некрополя позволило В. И. Бибиковой сделать вывод о существовании у скифов в этот период малорослых, полутонконогих лошадей.

Значительное место в составе стада принадлежало овцам. Содержание их не требовало особых затрат, подножный корм был большую часть года, а шкуры, шерсть, кожа животных широко использовались в хозяйстве. Процент костей коз в скифских памятниках, как отмечает В. И. Цалкин, очень невелик²².

Известное свидетельство Геродота о том, что скифы свиней «даже вовсе не желают разводить в своей стране»²³, видимо, было вполне справедливо к кочевникам. У оседлых же скифов, в том числе в Крыму, на многих городищах встречены кости свиньи. На Усть-Альминском городище, например, им принадлежит 11,1% общего количества костного материала, полученного в результате раскопок последних лет²⁴. Есть они и на Неаполе. Среди прочих животных В. И. Цалкин отмечает единичные особи осла и верблюда. Появление последнего связано, по мнению исследователя, с торговлей с Закаспийской областью и Закавказьем. На наш взгляд, находки костей верблюда, засвидетельствованные В. И. Цалкиным в Танаисе, Фанагории, Пантикапее, Илурате и Неаполе²⁵, прямо указывают на торговый путь с Босфора, по которому купцы из Закаспия и Закавказья попадали в столицу скифов.

Жители Неаполя разводили много собак²⁶, их использовали как стражей не только для охраны живых, но и мертвых.

Дикие животные, кости которых обнаружены в римском слое Неаполя, принадлежат кабану, благородному оленю, сайге, лисице²⁷.

15
Бабинов С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья.— СА, 1965, № 1, с. 53.
16
IOSPE, I², 32.

17
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 148.
18
Strab., VII, 4, 5, 6.
19
Цалкин В. И. Домашние и

дикие животные из скифского Неаполя.— СА, 1954, № 20, с. 205.
20
Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху

раннего железа.— МИА, 1960, № 53, с. 46, 47.
21
Белоногов М. И. Ахалтекинская порода лошадей и ее морфологические особенности и пути улучшения.— Автореф. канд. дис. М., 1957, с. 6.

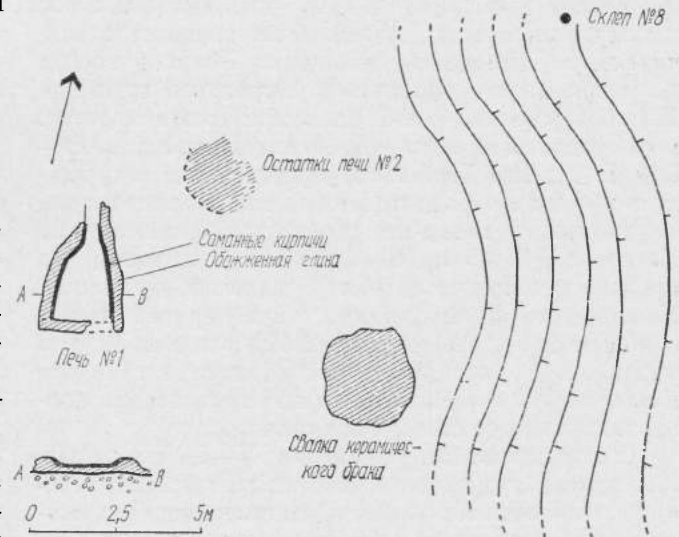
Из свидетельства Страбона известно, что скифы «на болотах охотятся на оленей и диких кабанов, а на равнинах — на диких ослов и серн»²⁸. Как известно, сцена охоты на кабана изображена в склепе № 9. По-видимому, в римское время охота среди скифской родоплеменной знати получила распространение и отразилась в живописном искусстве этого периода.

Из таблицы, приведенной В. И. Цалкиным, по соотношению между видами сельскохозяйственных животных по количеству особей в эллинистическом и римском слоях²⁹ явствует, что в эпоху эллинизма на Неаполе в основном разводили мелкий рогатый скот — 42,7%, в римское время количество его сокращается до 31,3%, за счет постепенного увеличения роста крупного рогатого скота — 30,2% по сравнению с 17,1% в эллинистический период. Лошадь разводили в равных соотношениях — 21,5% до нашей эры и 20,8% в римское время.

То же касается и свиньи: 18,7% в эллинистическое время и 17,7% в римское. Таким образом, на Неаполе, так же как в городах Боспора, в римское время наблюдается увеличение роста крупного рогатого скота за счет мелкого, при этом процентное содержание костей лошади по сравнению с Боспором по-прежнему продолжает оставаться высоким (20,8% в римское время по сравнению с 12,4% на Боспоре в тот же период, по данным В. И. Цалкина).

Иные соотношения видового состава костных остатков наблюдаются на Приднепровских городищах в эллинистическое время. На Каменных Кучугурах, например, в V—III вв. до н. э. наибольшее количество особей принадлежало крупному рогатому скоту, затем лошади и совсем небольшой процент занимали в составе стада мелкий рогатый скот и свинья. Но на Гавриловском городище во II в. до н. э.— II в. н. э. основное

место, так же как на Неаполе, занимал мелкий рогатый скот — 35%, на втором месте стоял крупный рогатый скот — 30%, затем лошадь и свинья³⁰, т. е. в полном соответствии с данными Неаполя скифского. Не сказался ли здесь одинаковый экономический уклад, существовавший в скиф-

ском государстве, одна из территорий которого находилась на Нижнем Днепре?

Принадлежал ли скот частным владельцам, или население города пользовалось им сообща — определить трудно. Во всяком случае на раскопанных площадях Неаполя близ жилых домов не наблюдалось загонов для скота. А вот за пределами города у зольника № 3, как мы видели выше, они открыты. Вполне возможно, что в первые века нашей эры, когда увеличивается поголовье крупного рогатого скота, появляются загоны для содержания общественного стада.

22 Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья..., с. 53.
23 Herod., IV, 63.

24 Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму, с. 173.
25 Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного

Причерноморья..., с. 50.
26 Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, с. 45.
27 Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного

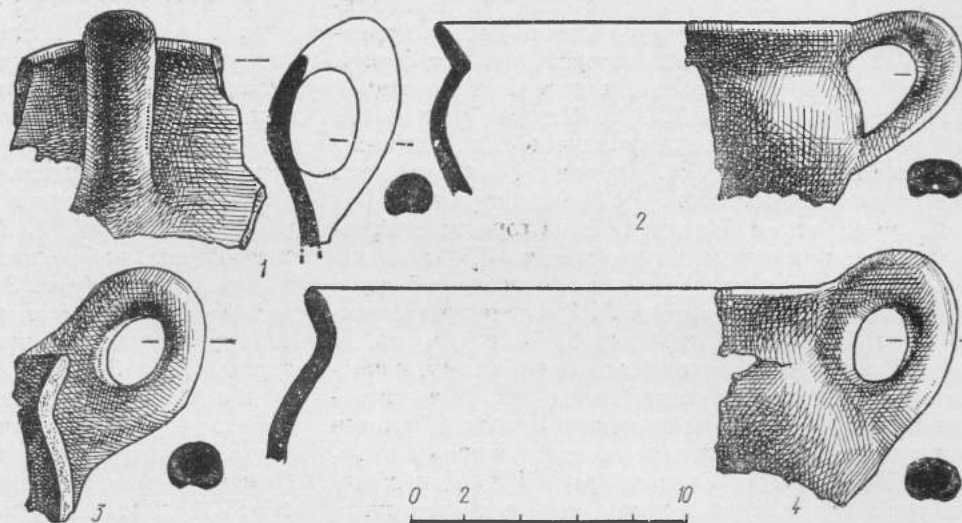
Причерноморья, с. 60.
28 Strab., VII, 4, 8.
29 Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья..., с. 94.

Виноградарство, огородничество, садоводство. В первые века нашей эры хозяйство, по-видимому, становится дифференцированным и в нем начинают все большую роль играть такие отрасли, как виноградарство, огородничество и садоводство. На Неаполе встречались обуглившиеся кусочки веток

вали виноград, могли также заниматься огородничеством. Фрагменты переносных и выдолбленных в скале тарапанов известны на городищах юго-западного Крыма³³. По-видимому, жители Неаполя, так же как и население других районов Крымской Скифии, начали заниматься виноградарством и

Рис. 32
План остатков
керамических печей.

Рис. 33
Горшки с петлеобразными
ручками (1—4).

виноградной лозы. Так как ветки достигали толщины 1—2 см и более, то, по мнению Н. А. Троицкого, занимавшегося исследованием растительного покрова Неаполя скифского, «их нельзя считать остатками привозных гроздей винограда; несомненно, это ветки лозы, культивировавшейся здесь же на месте или на плато Неаполя, или где-либо поблизости, быть может, в долине Салгира»³¹. Далее Н. А. Троицкий указывал, что наличие семян асфоделины на Неаполе означает, что здесь «были культурные площади с обработкой почвы»³². Возможно, на этих площадях культивиро-

виноделием в римское время. находка обуглившегося яблока на Неаполе скифском в римском слое свидетельствует о существовании садоводства.

Большое место в хозяйстве скифов занимали различные домашние ремесла.

Ремесло. Керамическое ремесло. Одним из наиболее распространенных ремесел было керамическое. На территории Неаполя остатков керамических печей не обнаружено. Подобные печи, скорее всего, должны были существовать, во избежание пожара, за пределами городища.

30
Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья..., с. 104, приложение № 17, 18.
31
Троицкий Н. А. Растительный

покров территории Неаполя скифского. Рукопись.— Арх. ОАСа, инв. В № 104, с. 8.
32
Там же, с. 7.
33
Высотская Т. Н. Поздние

скифы в юго-западном Крыму, с. 169 и сл. В Неаполе, у Петровских скал обнаружено высеченное в скале прямоугольное основание, которое П. Н. Шульц считал давящей для винограда

(см.: Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского, 1945—1950 гг., с. 78). Однако небольшая глубина резервуара и отсутствие слива ставят под сомнение это предположение.

Во время охранных работ Тавро-скифской экспедиции в районе юго-восточного участка некрополя Неаполя, в 1959 г., выше склона, где расположены каменные вырубные склепы, открыты остатки двух печей. Они сохранились плохо, однако по остаткам одной из них (печь № 1) можно судить о ее плане. Печь была сложена из саманных кирпичей, под и остатки стенок сильно прокалены. В плане печь имела конусообразную форму, длина задней стенки 2 м, расстояние от задней стены до устья печи 2,20 м. Устье обращено на север — учтены господствующие здесь северо-восточные ветры (рис. 32). Плохая сохранность печи исключает возможность ее реконструкции. Эта печь по размерам больше печи из городища Красное³⁴. Рядом с печью на расстоянии 0,70 м от нее на северо-восток находились остатки второй печи. А в 5 м на восток от печи № 1 обнаружена свалка бракованной посуды. Таким образом, здесь, за пределами города, находился, по-видимому, производственный керамический комплекс. Печь, вероятно, так же как и на городище Красное, топили дровами. Греки обжигали сосуды из хорошо отмученной глины при температуре 960°³⁵. Для обжига скифских сосудов, глина которых содержала большое количество примесей, повышающих ее огнеупорность³⁶, требовалась температура не менее 1000°.

У нас нет возможности датировать открытые остатки печей, но, судя по многочисленным фрагментам лепной посуды, найденным на городище, надо думать, что керамическое производство существовало постоянно со времени возникновения Неаполя. Какие же формы посуды изготавливались? К сожалению, не всегда удастся датировать лепную керамику из старых раскопок городища, связать ее с тем или иным слоем. Сосуды, поддающиеся датировке, выделены нами в три хронологические группы.

Посуда III—II вв. до н. э. В этот период преобладают сосуды хорошего черного лощения, наблюдается подражание таврским горшкам — черпакам с петлеобразными ручками (рис. 33, 1—4).

Горшки. В слоях III—II вв. до н. э. встречаются горшки различных размеров и профиля, простые и лощеные, последние преобладают. Наиболее распространены горшки с сильно раздутым туловом, диаметром венчика 22—23 см (рис. 34, 1), горшки с почти вертикальными стенками (рис. 34, 2), малые и большие горшки с плавным округлым профилем тулова (рис. 34, 3, 4, 6, 9—14), толстостенные горшки с отогнутым наружу венчиком (рис. 34, 5, 7, 8). Встречаются единичные экземпляры небольших горшков с валикообразным венчиком (рис. 34, 15). Горшки эллинистического Неаполя имели ручки разнообразного сечения; квадратные, прямоугольные, круглые, фигурные (рис. 34, 27).

Миски. Наиболее многочисленную группу лепной посуды эллинистического периода составляют разнообразные миски, преимущественно лощеные. Среди них: миски с загнутыми внутрь краями (рис. 34, 21), миски конической формы (рис. 34, 23), миски со слегка загнутыми внутрь краями с горизонтальными ручками-упорами различных форм (рис. 34, 22, 25), лощеные миски с вертикальными ручками (рис. 34, 24), небольшие лепные мисочки с отогнутым наружу краем (рис. 34, 26). Кроме того, встречаются отдельные экземпляры миниатюрных лепных мисок (рис. 35, 1—3), некоторые из которых (рис. 35, 3) имеют прямые аналогии среди лепной посуды Поднепровья, Золотой Балки³⁷.

Кувшины. Количество их значительно меньше по сравнению с горшками. Встречаются экземпляры больших чернолощенных кувшинов с высоким горлом и большим диаметром венчика — до 16 см

34

Домбровский О. И. Керамическая печь на скифском городище «Красное». — В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 191 и сл.

35

Драгоев А. К. Мастерство древних афинских гончаров. — Визн. Одес. комісії красзнавства при УАН, 1925, ч. 2/3, с. 87.

36

Иванов-Даль И. П. Гончарное

дело. — М., 1927. Лепная посуда Неаполя рассмотрена в статье Дашевской О. Д. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ. — МИА, 1958, № 64. Автор рассматривает керамику раскопок

1945—1950 гг. Мы привлекли материалы из раскопок последующих лет 1945—1959 гг. К сожалению, статистическая обработка керамики затруднительна, ибо в списках приведено лишь количество

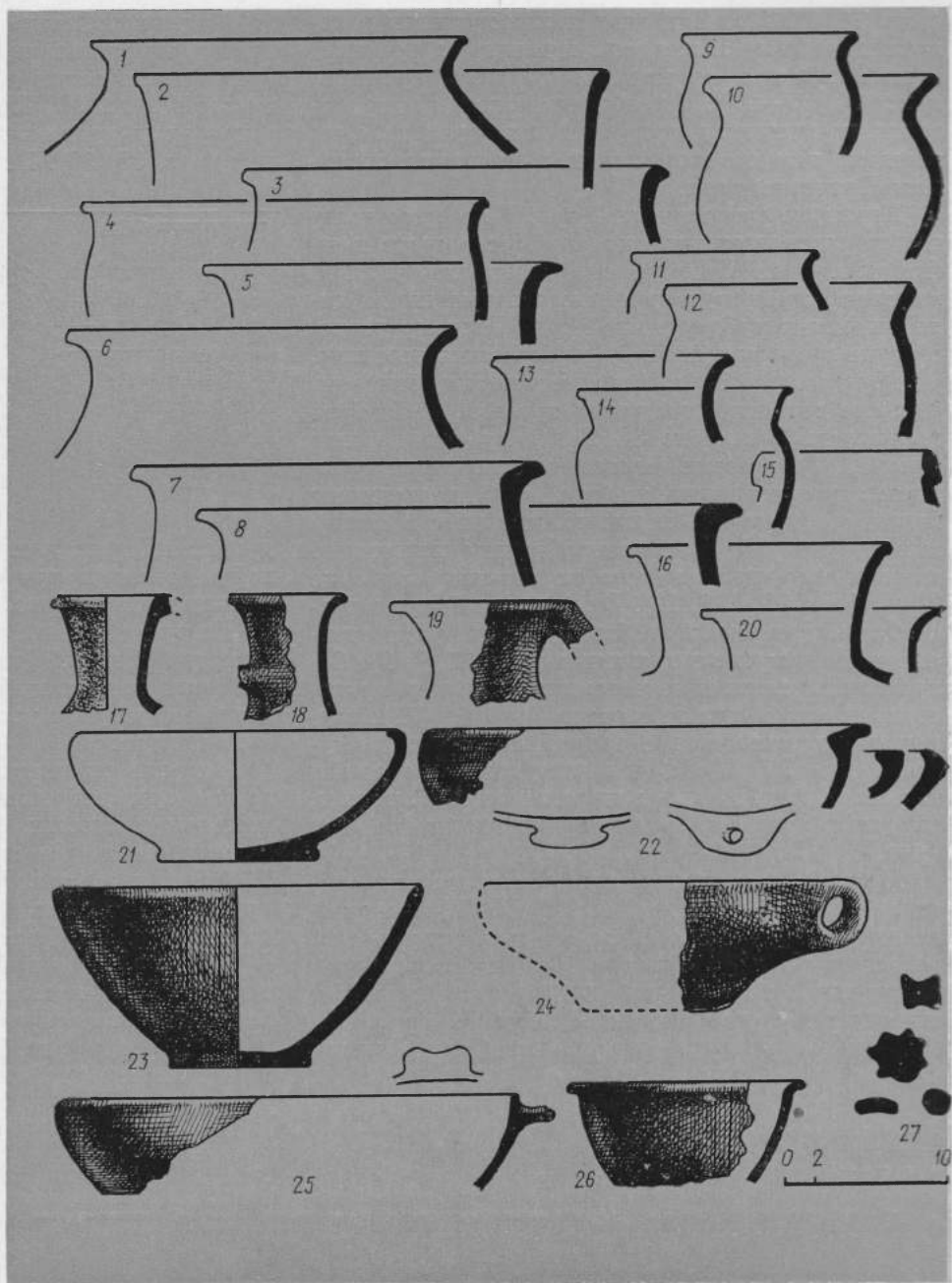

Рис. 34
Сосуды эллинистического
времени (1—27).

найденных фрагментов, без
подразделений сосудов по
формам и фактуре поверх-
ности (простая, лощеная).

37

Вязьмитина М. И. Золота
Балка. К., 1962, рис. 65, 47.

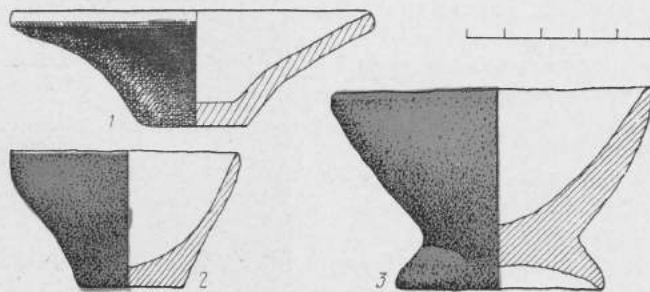
(рис. 34, 16, 20). Наиболее распространены узкогорлые простые и лощеные кувшины с ручками, начинающимися от венчика или на горловине (рис. 34, 17—19). Эта оригинальная форма сосудов, по-видимому, подражающая гончарным, не известна нам на синхронных памятниках Северного Причерноморья.

Керамика рубежа нашей эры. Из общего количества рассмотренных нами лепных сосудов и их фрагментов из Неаполя скифского нам удалось выделить сравнительно немного экземпляров, относящихся к рубежу нашей эры. Поэтому разнообразие представленных форм керамики невелико.

Горшки. В это время продолжают бытовать большие горшки с раздутым туловом, диаметром венчика до 30 см (рис. 36, 2, 4), глубокие горшки (рис. 36, 1), простые толстостенные горшки с отогнутым наружу венчиком (рис. 36, 3), продолжают также существовать лощеные горшки с высоким горлом (рис. 36, 5) и разнообразные нелощеные горшки, имеющие диаметр по венчику от 15 до 20 см (рис. 36, 6, 9, 10). В это время бытуют разнообразные небольшие без лощения толстостенные и тонкостенные горшочки (рис. 36, 7, 8). Сохранились единичные экземпляры целых подлощенных маленьких горшочков (рис. 36, 11), подлощенных горшочков с ребристым профилем тулова (рис. 36, 13). Привлекает внимание оригинальная форма горшка с широкой верхней частью, округлым туловом, резко сужающимся ко дну (рис. 36, 12).

Миски. Продолжают существовать простые миски с округлым туловом (рис. 36, 17, 18) и маленькие чернолощенные мисочки с ручками-упорами, но исчезают чернолощенные миски. Встречаются единичные экземпляры чернолощенных мисок на высокой рюмкообразной ножке (рис. 36, 14), напоминающие миски городища Золотая Балка³⁸.

Кувшины. Среди единичных экземпляров кувшинов, относимых к рубежу нашей эры, имеются фрагменты простых сосудов с невысоким раздутым туловом (рис. 36, 15) и изящные чернолощенные одноручные кувшины с воронкообразной горловиной (рис. 35, 16). По-видимому, одному из таких

кувшинов принадлежит обломок подпрямоугольной в сечении ручки, украшенной шишечками в верхней части (рис. 36, 19).

На рубеже нашей эры заметно сокращается количество лощеной посуды на Неаполе, позднее, в первые века нашей эры, она почти полностью исчезает, уступая место грубым, плохо заглаженным сосудам.

В слоях эллинистического времени и рубежа нашей эры встречаются единичные фрагменты лощеных и простых сосудов с орнаментом в виде насечек, ямок по краю сосуда. Нам известно 14 фрагментов с подобным орнаментом. Два из них чернолощенные, имеют по венчику орнамент из довольно глубоких ямок (рис. 37, 1, 2). Два фрагмента нелощеных сосудов имеют по отогнутому венчику насечки (рис. 37, 3, 6). Глубокие насечки идут по краю венчика на одном обломке лепного сосуда (рис. 37, 4). Подобные же, но идущие наклонно глубокие насечки имеются на нело-

щеном сосуде (рис. 37, 8). Встречаются углубления на обломках лощеных сосудов (рис. 37, 5), а также небольшие ямки по венчику на лощеных и нелощеных сосудах (рис. 37, 7, 10). Некоторые сосуды имели орнамент по тулову. Обнаружен фрагмент такого сосуда со штампованным рисунком

ком из вдавленных треугольников (рис. 37, 11). Несколько фрагментов принадлежали нелощеным сосудам, верхняя часть тулова которых украшена симметрично расположенным узором из трех ямок (рис. 37, 12). На одном фрагменте был резной орнамент: пояс, по которому шла зигзагообраз-

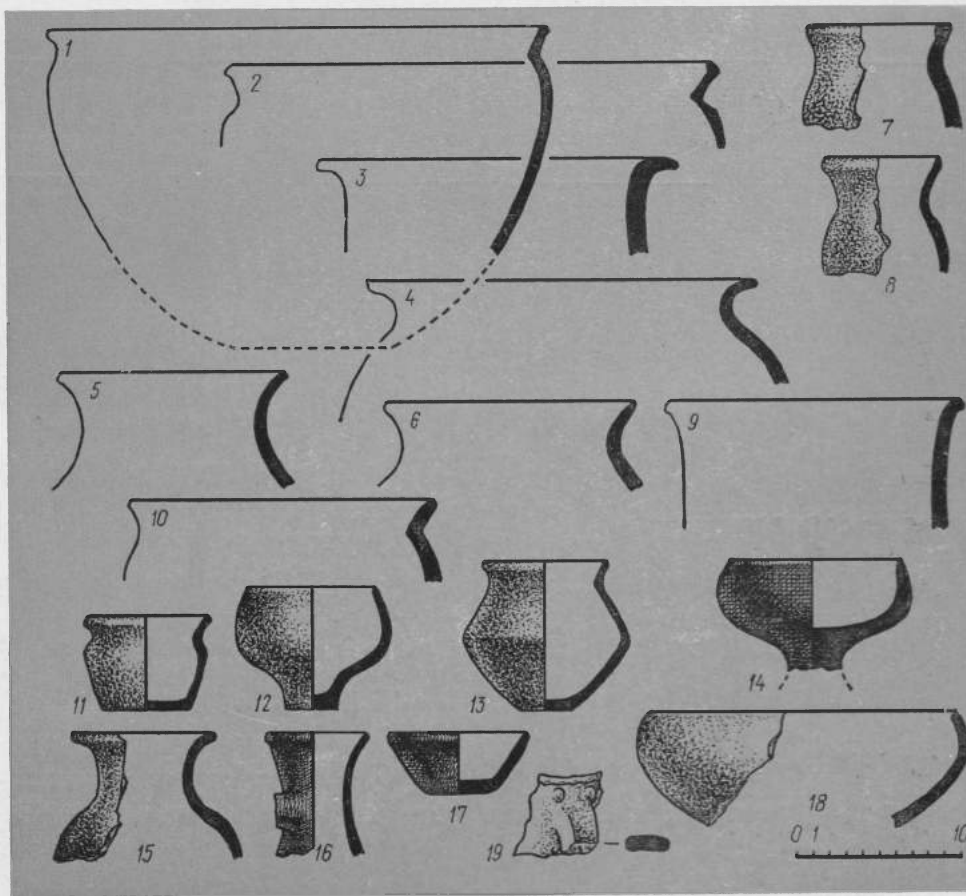
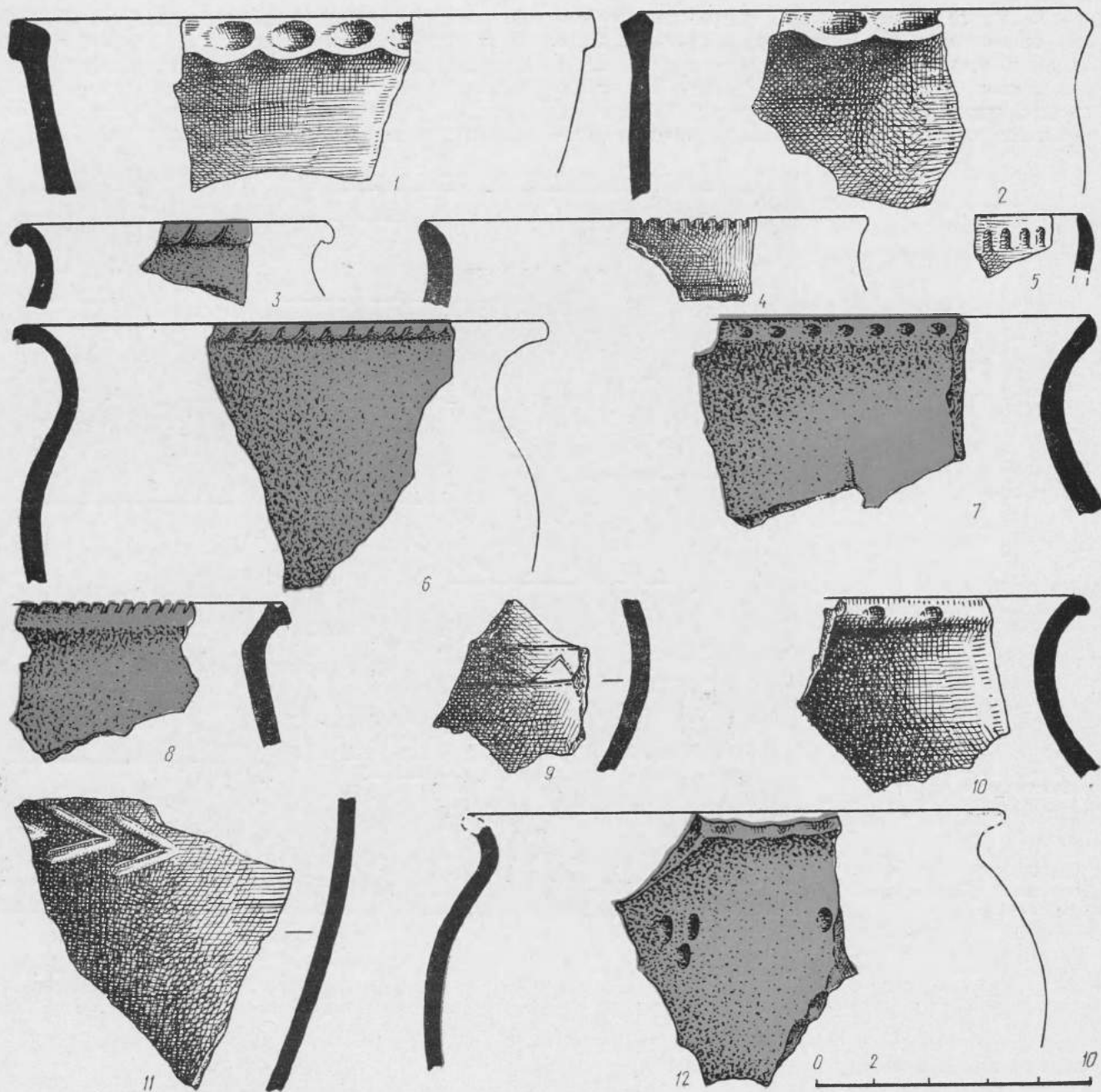

Рис. 35
Миниатюрные миски
(1—3).

Рис. 36
Керамика рубежа нашей
эры (1—19).

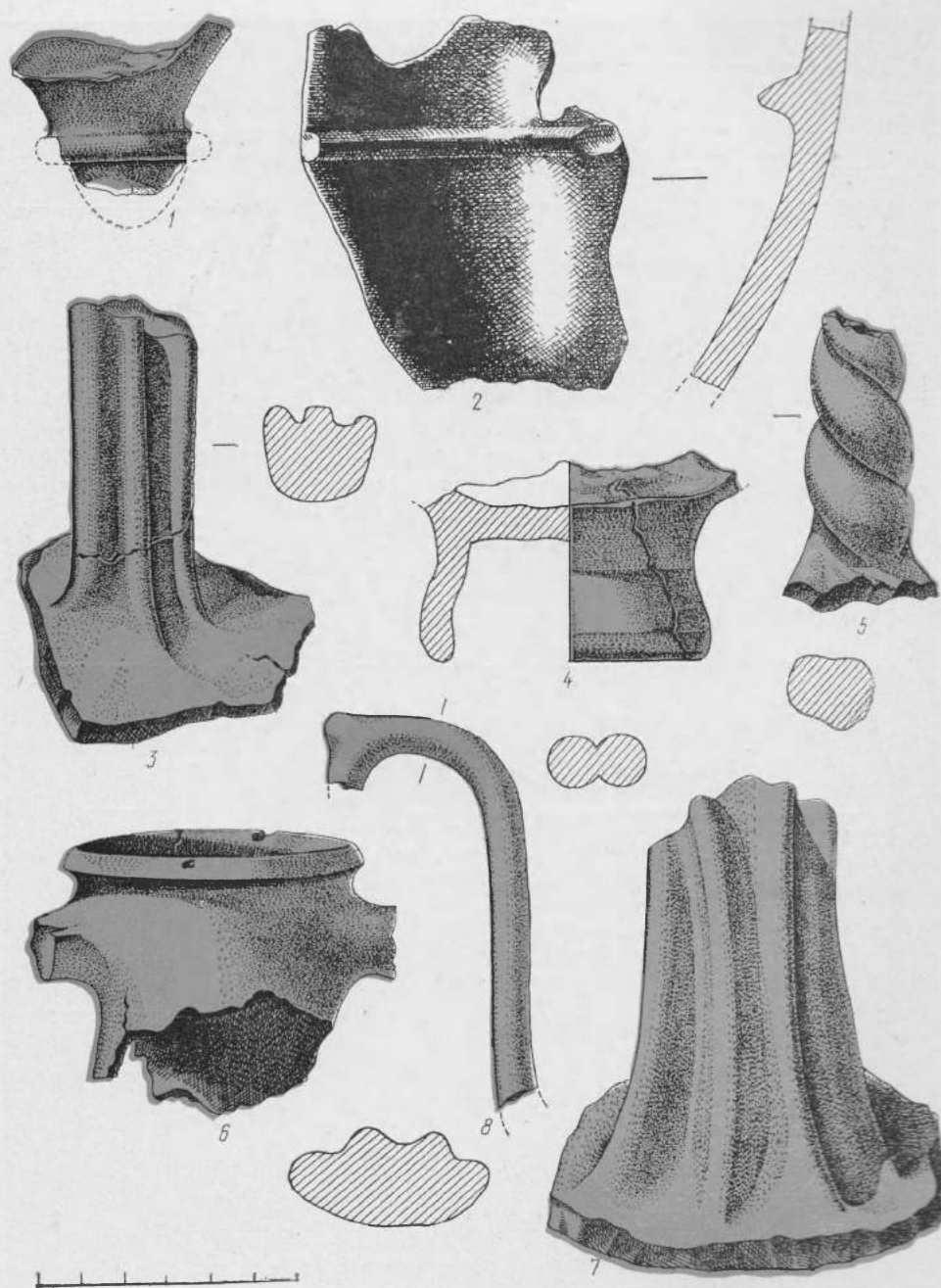

Рис. 37
Фрагменты
орнаментированных
сосудов (1—12).

Рис. 38
Фрагменты сосудов,
подражающих античным
(1—8).

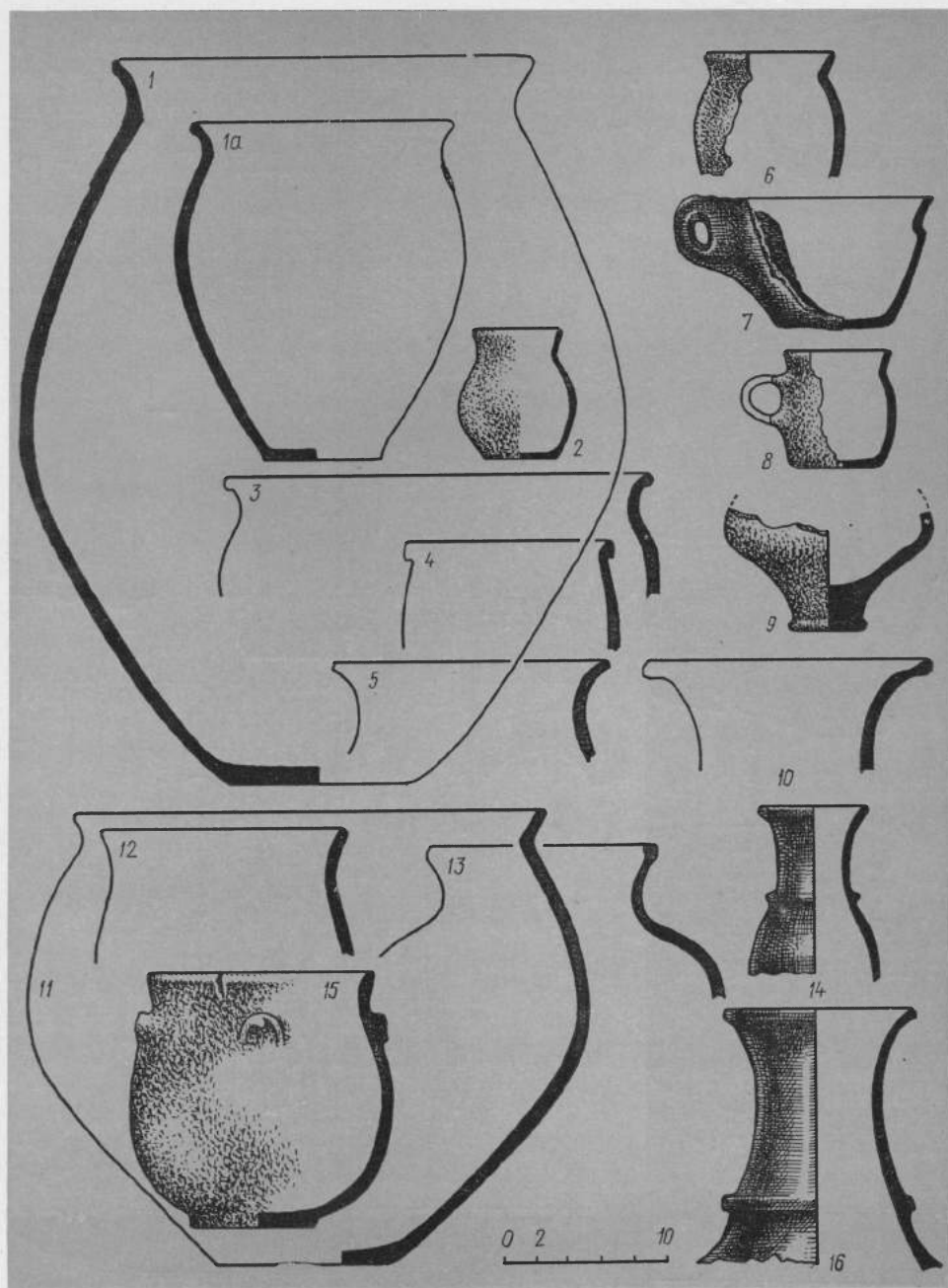
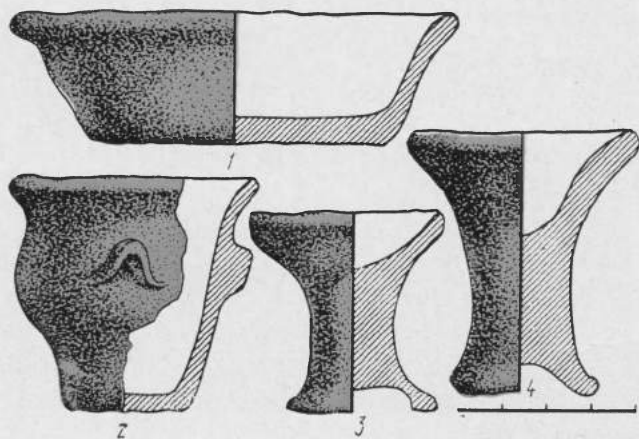

Рис. 39
Керамика первых веков
нашей эры (1—16).

Рис. 40
Миниатюрные сосуды
первых веков нашей эры
(1—4).

ная линия (рис. 37, 9). О. Д. Дашевская приводит еще несколько фрагментов сосудов с резным орнаментом³⁹.

Сосуды с аналогичной орнаментацией широко представлены на позднескифских городищах Приднепровья: каменных кучугурах, Золотой Бал-

ке⁴⁰, Гавриловском и Знаменском городищах⁴¹, а также в Танаисе⁴². В отличие от Неаполя, где такие сосуды единичны, в Приднепровье, начиная с III в. до н. э., они составляют примерно половину от общего числа фрагментов⁴³. Возможно, скифы в Крыму сохранили традиционные формы посуды и орнаментацию, хотя, находясь под греческим влиянием, они начинают изготавливать сосуды, подражающие по форме античные. Подобные фрагменты лепных сосудов встречаются в эллинистических слоях городища. Среди них обломки ножки лепного сосуда, напоминающий ножку книдской амфоры (рис. 38, 1), обломки чернолощенных мисок (рис. 38, 2) — подобные кастрюлям с упором на внутренней стороне для крышки. В эл-

линистических и римских слоях городища встречаются ручки лепных сосудов, напоминающие желобчатые ручки амфор (рис. 38, 3, 7), ручки двустольных косских амфор (рис. 38, 8), витые ручки гончарных сосудов (рис. 38, 5). Найден также цилиндрический поддон лепного сосуда, аналогичный поддону амфор и кувшинов, изготовлявшихся в Херсонесе (рис. 38, 4). Один фрагмент принадлежал венчику лепной амфоры (рис. 38, 6).

Керамика первых веков нашей эры. Верхние слои Неаполя изобилуют лепной посудой. Создается впечатление о большом разнообразии форм. На самом деле ассортимент сосудов не так велик. Главным новшеством римского времени является изменение фактуры поверхности и появление налепного орнамента.

Горшки. В первые века нашей эры широкое распространение получают горшки-корчаги, обнаруженные в предшествующих слоях в небольшом количестве. Теперь их изготавливали из более грубого теста с различными примесями, поверхность иногда плохо заглаживали. Подобные горшки имели различные размеры (рис. 39, 1, 1а). Диаметр венчика некоторых из них составлял 26 см.

Найден целый нелощеный горшочек высотой 8 см, диаметром венчика 5,5 см (рис. 39, 2). Бытуют также нелощеные горшки с немного отогнутым наружу венчиком (рис. 39, 3, 4) и плавными линиями тулова, раздутым туловом (рис. 39, 5, 12, 13). Изготавливают и приземистые широкогорлые сосуды (рис. 39, 11), подобные тем, что найдены в слоях рубежа нашей эры, но теперь их венчик имеет более четкую профилировку и больший угол наклона. Тот же профиль венчика имеют и нелощеные горшки различных размеров, в большом количестве встречающиеся на городище (рис. 39, 6).

39 Дашевская О. Д. Лепная керамика Неаполя, с. 251, рис. 1, 33—37.
40 Вязьмитина М. И. Указ. соч., с. 131, рис. 65, 12.

41 Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре.— МИА, 1953, № 64, с. 131, рис. 15; с. 171, рис. 27; с. 205, рис. 41.

42 Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса.— В кн.: Античные древности Подонья — Приазовья. М., 1969, с. 202 и сл.

43 Погребова Н. Н. Позднескифские городища..., с. 134.

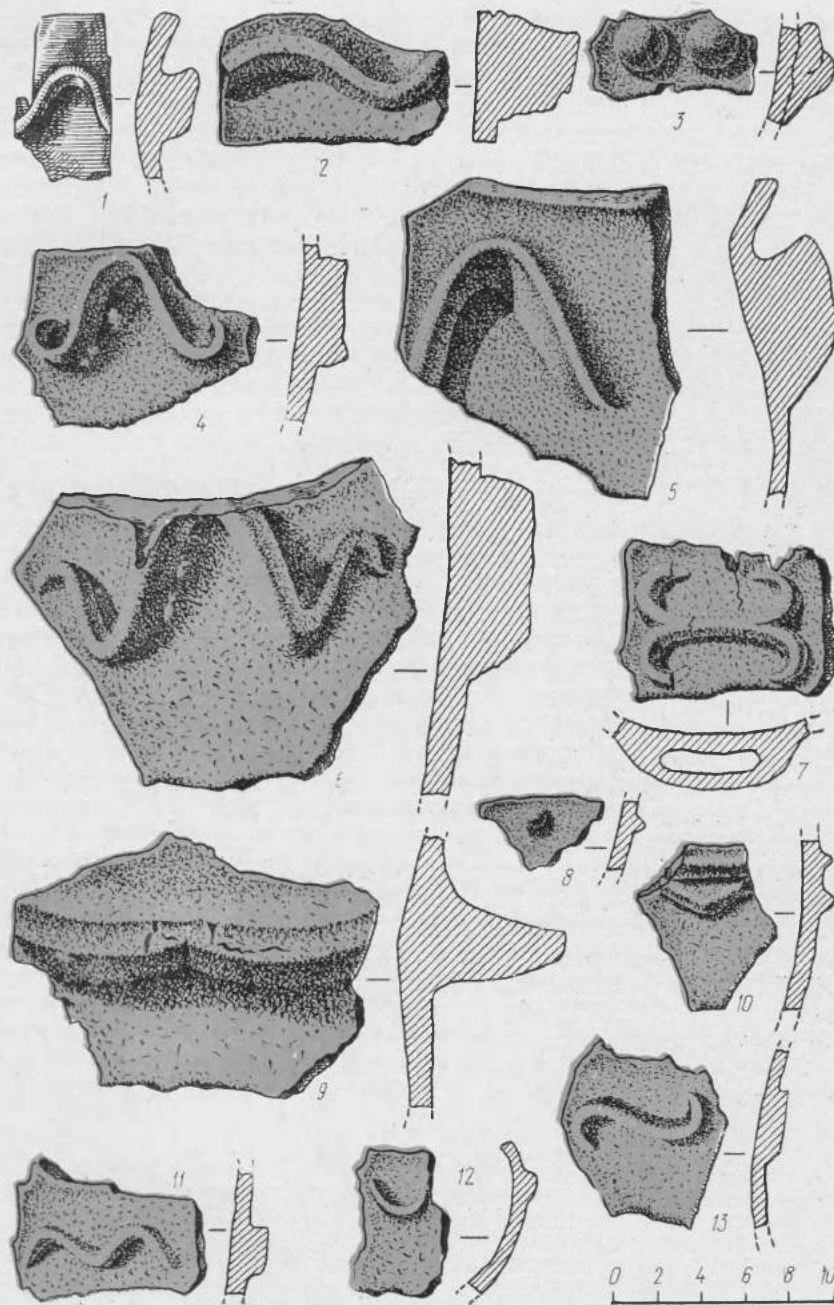
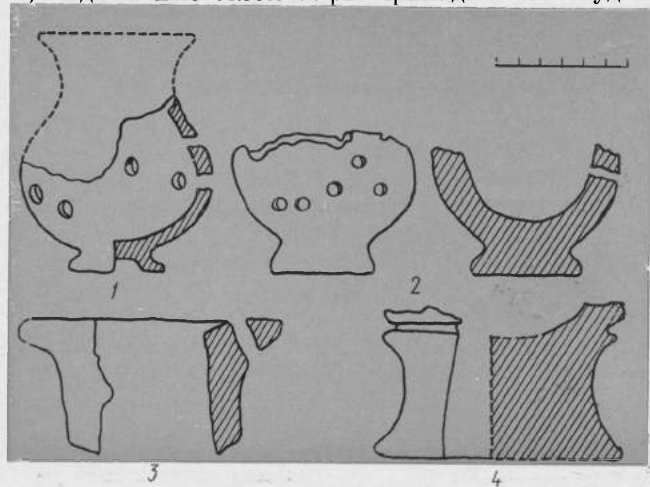

Рис. 41
Фрагменты сосудов
с наlepным орнаментом
(1—13).

Рис. 42
Фрагменты курильниц
(1—4).

Рис. 43
Миниатюрные ритуальные
сосуды (1—5).

В первые века нашей эры на культуру поздних скифов оказывают влияние сарматы. Это нашло отражение в лепной керамике, ибо появляются горшки с низкопосаженными ручками, типичные для сарматской лепной посуды (рис. 39, 8). Единичные экземпляры принадлежат сосудам

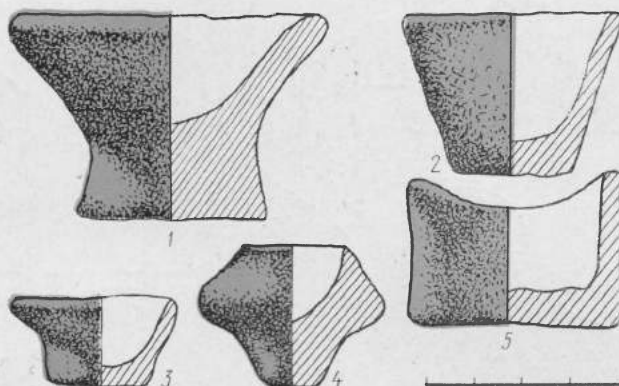

нестандартных форм. Это глубокие миски с ручками, нижняя часть сосуда, возможно, кувшина на массивном поддоне, фрагмент венчика сосуда с воронкообразным горлом, может быть, широкогорлого кувшина (рис. 39, 7, 9, 10). Продолжают существовать отдельные экземпляры парадной посуды с лощеной поверхностью. К ним принадлежат обломки кувшинов разных форм с валиком по горловине и плечикам (рис. 39, 14—16).

В верхнем слое городища найдено несколько миниатюрных сосудов различных форм, в основном миски и вазочки на ножке (рис. 40, 1, 3, 4), кроме того, есть один горшочек (рис. 40, 2). Подобные формы сосудов представлены на синхрон-

ных памятниках Приднепровья и Северного Причерноморья.

В первые века нашей эры в Крыму налепной орнамент на сосудах получает широкое распространение. Встречается он преимущественно на нелощеной посуде (рис. 39, 15), хотя бывает и на

лощенных сосудах (рис. 41, 1). Налепы разнообразны: в виде волны (рис. 41, 2), шишечек (рис. 41, 3), подковы с загнутыми краями (рис. 41, 4), глубокой подковы до 3 см (рис. 41, 5), которая могла служить ручками, большой подковы, состоящей как бы из двух соединенных вместе (рис. 41, 6), горизонтальной ручки сосуда с разветвляющимися концами (рис. 41, 7), небольшие шишечки на маленьких сосудах (рис. 41, 8), большие орнаментальные выступы-упоры, выполняющие роль ручек (рис. 41, 9), валики и выступы (рис. 41, 10), S-образные выступы (рис. 41, 13), разнообразные подковки (рис. 41, 11, 12). Этот орнамент встречается главным образом на больших

корчагообразных сосудах и свидетельствует о фракийском влиянии на местную керамику⁴⁴.

Ритуальные сосуды. В эллинистических слоях Неаполя обнаружено небольшое количество фрагментов лепных лощеных курильниц (рис. 42)⁴⁵. Два обломка толстостенных шаровидных куриль-

чашечки) высотой от 1,8 до 4 см, обнаруженные во время раскопок зольника и на городище (рис. 43, 1—5). Примечательно, что вотивные миниатюрные сосудики были найдены Б. А. Шрамко в зольниках скифского времени в бассейне Северского Донца⁴⁸.

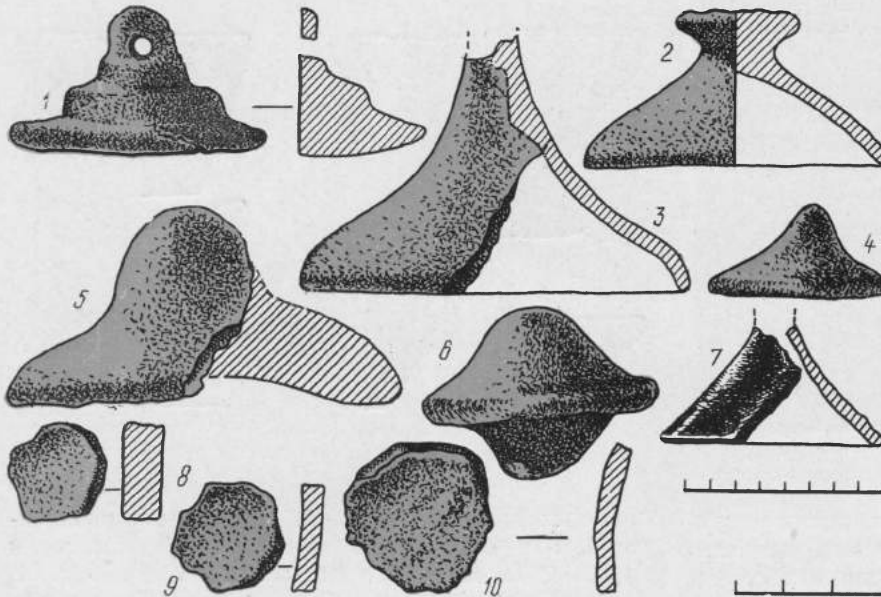

Рис. 44
Крышки различных форм (1—10).

Рис. 45
Сосуды из погребений некрополя (1—3).

ниц с беспорядочно расположенными дырочками по тулову найдены среди других ритуальных предметов в зольнике близ здания Е (рис. 42, 1—4). Н. Н. Погребова считает, что эти сосуды произошли с запада⁴⁶. Высказанные предположения Э. В. Яковенко о кавказском их происхождении⁴⁷, на наш взгляд, малоубедительны. Вотивный характер имеют миниатюрные сосудики (мисочки,

Крышки. В эллинистических и римских слоях Неаполя встречаются лепные крышки для сосудов, некоторые из них изготовлены из хорошо промешанной глины, поверхность их иногда лощеная (рис. 44, 1, 3, 4, 7). Крышки римского времени изготавливали из худшего теста (рис. 44, 2, 5, 6). В эллинистических и римских слоях городища найдено большое количество кружков из стенок

45

Целые формы курильниц найдены в некрополе и мавзолее, см.: Дашевская О. Д. Лепная керамика Неаполя..., с. 253.

46

Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 111.

47

Яковенко Е. В. Про куляси курильниц IV—I ст. до н. е.— Археология, 1971, № 2, с. 93.

48

Шрамко Б. А. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северского Донца.— КСНИМК, 1954, вып. 54, с. 111.

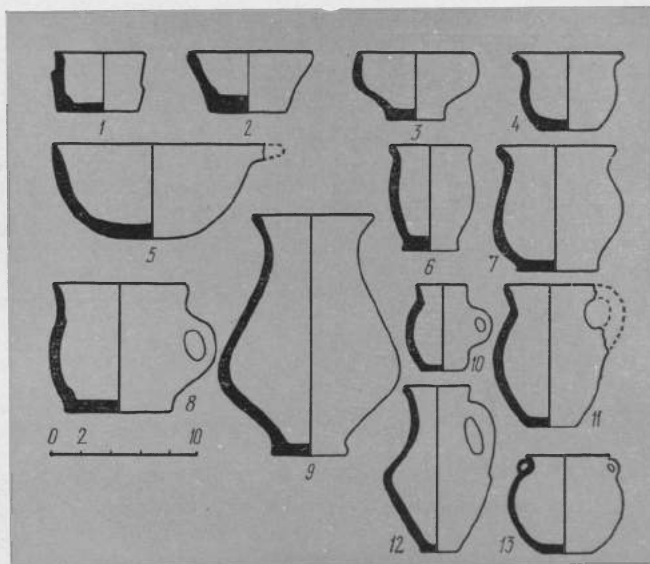
амфор и лепных сосудов. Некоторые из них сделаны очень тщательно, края заглажены, небольшим углублением отмечен центр. Большинство кружков имеют неровные края (рис. 44, 8—10). Кружки условно называют пробками, крышками, считая, что ими могли закрывать узкогорлые амфоры. Но, во-первых, пользоваться такими крышками неудобно, во-вторых, в римское время превалируют широкогорлые амфоры, а крышки малого диаметра продолжают существовать. Диаметр большинства из них не превышает 3,5—6 см. Единичные экземпляры имеют диаметр 9 см. Если кружок изготовлен из амфоры, толщина стенок и плотность теста которой превосходят лепной сосуд, то он обычно был меньшего диаметра 2—2,5 см (рис. 44, 9). По-видимому, играл роль не диаметр, а вес кружка.

Неоднократно высказывалась мысль об использовании кружков в качестве прокладок между сосудами при обжиге⁴⁹. Но при раскопках керамической печи на городище Красное и печей на Неаполе кружки найдены не были. Многочисленные кружки из стенок амфор близкого диаметра (2,8—4 см) с граффити обнаружены близ острова Березань. А. С. Русяева считает их votivными и связывает с культом Ахилла⁵⁰.

Кружки из мрамора диаметром 1,7—3,3 см с прочерченными крестообразными полосками и гладкие из глины найдены в эллинистическом слое Коринфа. Г. Давидсон определяет их как считалки⁵¹. Кружки с отверстием в центре и без него найдены в Румынии на городище Пояны. Р. Вильпе полагает, что кружки с отверстиями могли служить пряслицами или их использовали в рыболовстве⁵². Керамические диски диаметром 8,8 см, толщиной 2,7 см с орнаментом из концентрических окружностей и отверстием сбоку встречены в храмах Фессалии, подобные диски обнаружены в Дельфах и Олинфе. По мнению И. Веже-

ньона, они могли быть дарами, приносимыми в храм⁵³.

На скифских поселениях Приднепровья (Трахтемировка) неоднократно встречались кружки диаметром 3—4 см, изготовленные из кости. Г. Т. Ковпаненко полагает, что они предназначались для

игры. Того же назначения кружки найдены и на черняховских поселениях⁵⁴. По-видимому, и керамические кружки Неаполя скифского служили для той же цели и этим определяется их различный вес. Мысль об этом уже высказывалась⁵⁵, мы лишь присоединяемся к ней и считаем ее наиболее убедительной еще и потому, что нет никаких оснований считать эти кружки votivными, ибо при раскопках культовых зданий Неаполя они не были обнаружены.

49 Дашевская О. Д. Лепная керамика Неаполя..., с. 268.

50 Русяева А. С. Культурно-предметы в поселениях Бейкуш поблизу о-ва

Березань.— Археология, 1971, № 2, с. 22 и сл.

51 Davidson G. The minor objects.— Corinth, 1952, v. 12, pl. 100, N 1722, 1723, 1729.

52 Vulpe R. et E. Les fouilles de Poiana.— Dacia, 1927, v. 3—4, p. 316, fig. 95, 11, 12; fig. 100, 29.

53 Bequignon Y. Etudes

Thessaliennes.— BCH, 1932, v. 1, p. 114, fig. 39; p. 115.

54 Сымонович Э. А. Игратьно-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры.— СА, 1964, № 3, с. 311.

Изготавливали ли неапольские мастера-керамисты специально посуду для погребений? По-видимому, нет, так как фрагменты сосудов, аналогичные найденным в погребениях, встречаются и на городище. Однако посуда из могил меньшего размера, преобладают небольшие, лощеные ми-

ной посуды дореволюционных раскопок в краеведческом музее Симферополя хранится один горшок без лощения, высотой 16 см, диаметр венчика 8 см (рис. 45, 9). У горшка плавный переход от венчика к раздутому в нижней части тулову. Форма его близка гетофракийской керамике.

Рис. 46
Фрагменты местной
гончарной керамики
(1—7).

Рис. 47
Глиняная жаровня.

Рис. 48
Лощила из ножек, стенок
и ручек эллипстических
амфор (1—7).

сочки (рис. 45, 1—5), небольшие горшочки (рис. 45, 6, 7). Встречаются лощеные и подлощенные горшочки сарматского типа, аналогичные найденным на городище, с низко посаженными ручками и ручками, начинающимися от венчика (рис. 45, 8, 10, 11). Среди незначительного количества леп-

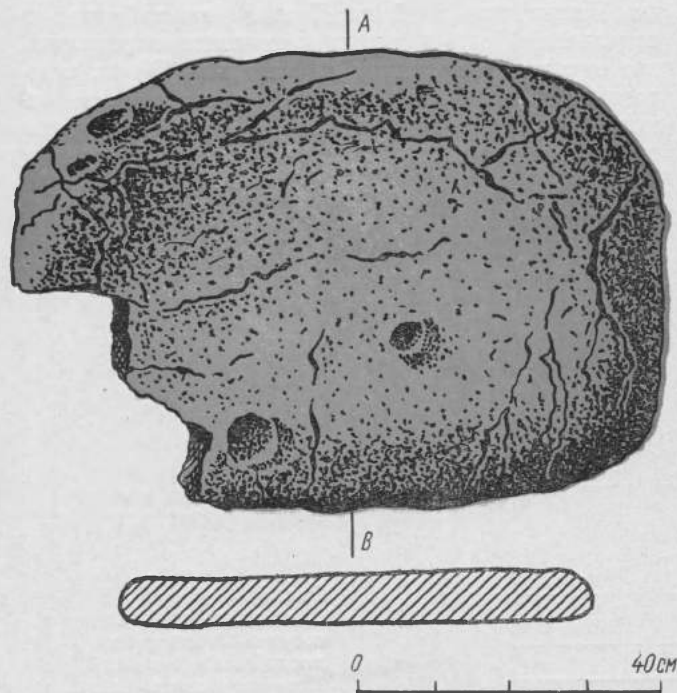
Близок гетской посуде и лощеный кувшинчик, тулово которого имеет резкий излом по поясу (рис. 45, 12). Ближайшую аналогию ему дает Гавриловское городище, где аналогичные по форме кувшины имеют идущую от венчика и изогнутую под прямым углом ручку⁵⁶. Эти кувшины находят

55

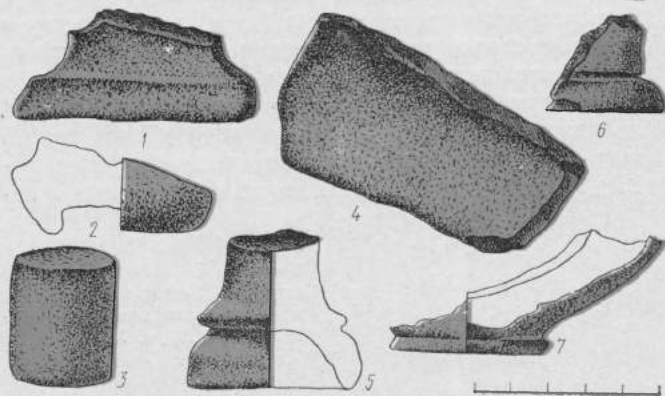
Дашевская О. Д. Лепная
керамика Неаполя..., с. 268.

56

Погрелова Н. Н.
Позднескифские городища...,
с. 185, рис. 34, 10.

многочисленные аналогии на памятниках Подунавья II—I вв. до н. э.⁵⁷ На неапольском некрополе обнаружен миниатюрный лощеный сосудик, от венчика которого отходят две маленькие ручки (рис. 45, 13). Сосуды близкой формы встречаются в сарматских погребениях.

Помимо рассмотренной лепной керамики на Неаполе скифском найдено небольшое количество фрагментов посуды, изготовленной на гончарном круге, но очень низкого качества. Эту группу мы выделяем под условным названием местная гончарная посуда. В нее входят фрагмент горловины кувшина из темной глины с уплощенной ручкой (рис. 46, 1), обломок стенки сосуда с частью профилированной ручки (рис. 46, 2), фрагмент витой ручки (рис. 46, 3), обломок стенки сосуда с валиком и плоским круглым налепом под ним (рис. 46, 4), фрагмент горловины кувшина или небольшого горшка из красной глины (рис. 46, 5), обломок прямоугольной в сечении ручки (рис. 46, 7) и стенка светлоглиняного горшка с профилированной ручкой (рис. 46, 6). Формы местной гончарной посуды идентичны формам лепной посуды Неаполя, изготовлены они из той же глины, в большинстве случаев темной, реже светлой.

К сожалению, не все выделенные нами фрагменты так называемой гончарной посуды возможно датировать; датированные же обломки относятся к первым векам нашей эры. Исходя из этого можно предположить, что зачатки кружального производства появляются у скифов в начале новой эры. Это подтверждается и результатами раскопок печи на городище Красное⁵⁸, а также находкой в Усть-Альминском могильнике в 1975 г. курильницы, высокая ножка которой вылеплена от руки, а на нее в сыром еще виде посажена кружальная чашечка и шов замазан.

Скифские гончары изготавливали по заказу и вкусам жителей города разнообразные формы посуды. И несмотря на дешевизну ее производства, посуду ценили и берегли. Часто на городище встречаются обломки лепных горшков с просверленными дырочками для скрепления и фрагменты сосудов со свинцовыми скрепками. Кроме посуды, гончары изготавливали и обжигали глиняные пряс-

⁵⁷ Вязьмитина М. И.
Фракийские элементы..., с. 127.

⁵⁸ Домбровский О. И. Указ. соч.,
с. 198.

лица, грузила для ткацкого станка, глиняные катушки, переносные глиняные жаровни. Обломки и целые экземпляры последних встречаются очень часто на городищах. Жаровни были квадратные в плане, с бортиками высотой до 10 см, толщина пода жаровни составляла 3—4 см, реже —

на. Целых кирпичей на Неаполе не найдено, но отдельные фрагменты их позволяют определить, что они имели толщину 10 см, длину 50 см, изготовлялись из глины с примесью соломы проса, ячменя и полбы-двузернянки⁵⁹. Близкого размера сырцовые кирпичи — адобы — известны у греков,

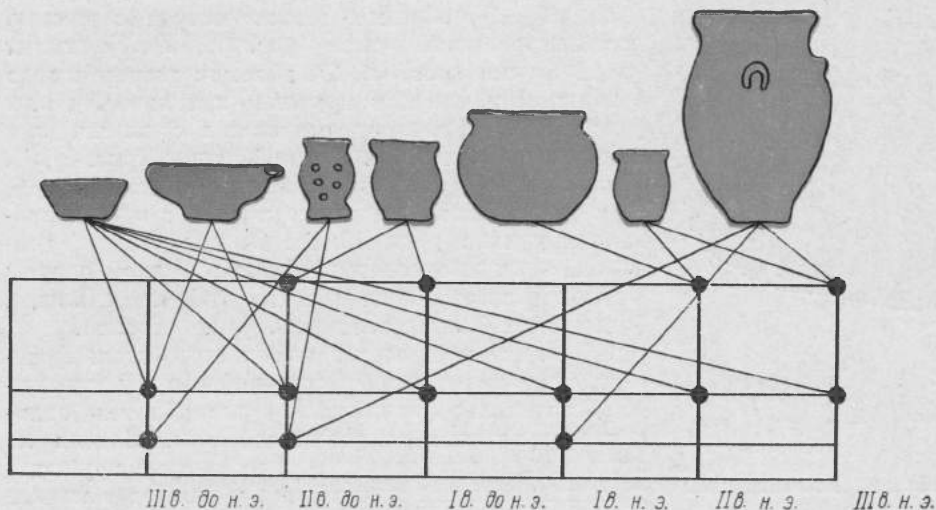

Рис. 49
График
взаимовстречаемости
сосудов различных форм.

Рис. 50
Сравнительная таблица
сосудов из скифских
погребений Крыма,
Приднепровья и Неаполя
(I—31).

овальные без бортиков. Одна такая целая жаровня обнаружена *in situ* при раскопках Неаполя. Ее длина 0,85 м, ширина 0,60 м (рис. 47). В первые века нашей эры получают распространение глиняные подставки для очагов — с головами баранов, появившиеся также под влиянием фракийской культуры.

Возможно, что в обязанность скифских керамистов входило и выделывание сырцовых и саманных кирпичей. Потребность в них была очень велика, верхняя часть оборонительных стен, стены жилых домов изготовлялись из сырца и сама-

например, в Олинфе найдены адобы толщиной 6—9,5 см, длиной 40—50 см в соответствии с толщиной стен⁶⁰.

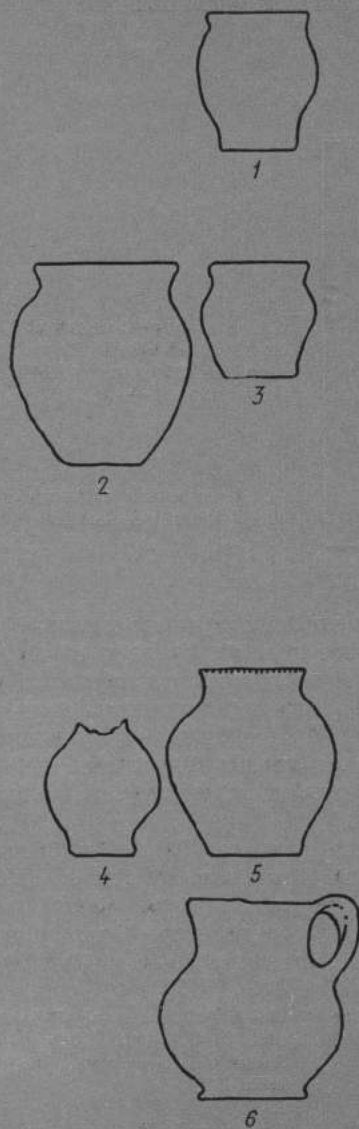
Но вернемся к керамике. Как мы уже отмечали, в эллинистических слоях Неаполя найдено большое количество лощеной посуды, в римское время ее становится значительно меньше. Примерное соотношение простой и лощеной керамики следующее: в слоях римского времени лощеная посуда составляет 30%, в слоях рубежа нашей эры — 58,2%, в слоях эллинистического времени — 75%. Для заглаживания поверхности сосудов в ка-

59
Шульц П. Н. Исследование Неаполя скифского в 1945—1950 гг., с. 78.

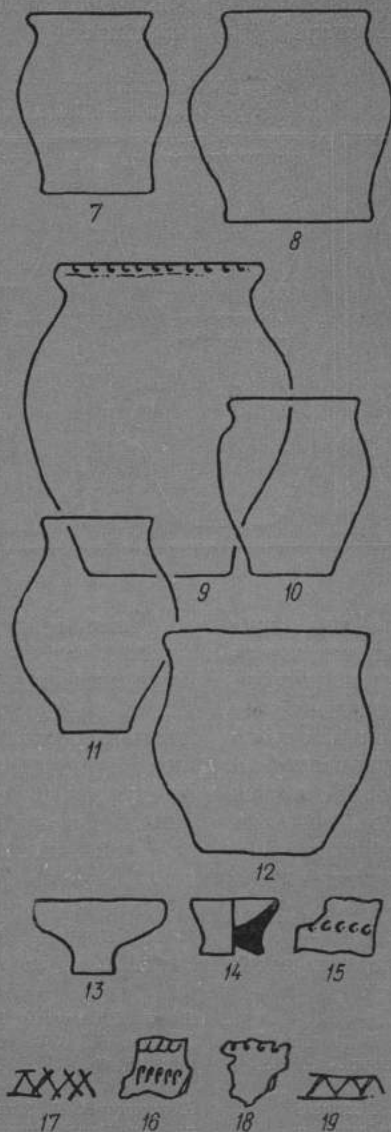
60
Кауфман С. А. Вилла доброй судьбы.— В кн.: Вопросы всеобщей архитектуры. М., 1961, с. 99. Подсчет сделан по коллекциям 1945—1949 гг.

61
Зеев И. Б. К вопросу о торговле Неаполя скифского и ее значении для Боспора.— МИА, 1954, 33, с. 72.

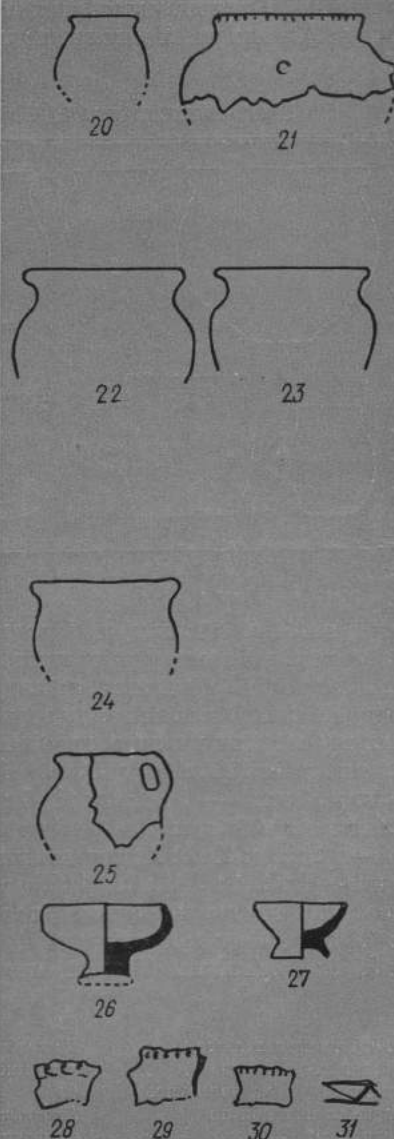
Сосуды из скифских курганов
Крыма V-III вв. до н. э.

Сосуды из приднепровских памят-
ников Скифии IV-II вв. до н. э.

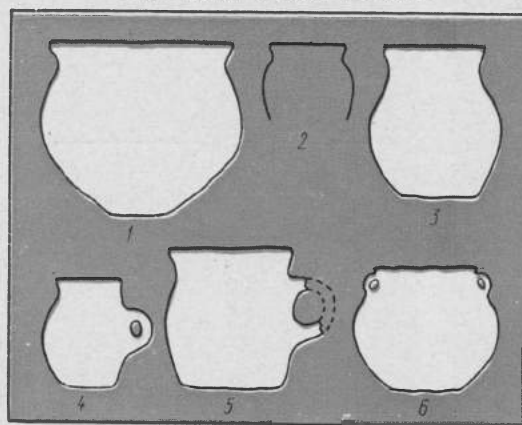
Сосуды Неаполя скифского
III-II вв. до н. э.

честве лоцил использовались обломки родосских амфор: ножек, ручек и стенок (рис. 48, 1—4), а также фрагменты краснолаковых и гончарных сосудов (рис. 48, 5, 6, 7). Лоцила из ручек родосских амфор встречаются, как отмечает И. Б. Зест, не только на Неаполе, но и на Боспоре, Ку-

чество лепной посуды увеличивается начиная с рубежа нашей эры, тогда как число гончарных сосудов во всех слоях продолжает оставаться более или менее постоянным, составляя по отношению к амфорам и лепной посуде сравнительно малый процент.

Сосуды Неаполя скифского II—III вв. н. э.

Сосуды из сарматских погребений Поволжья
I в. до н. э. — IV в. н. э.

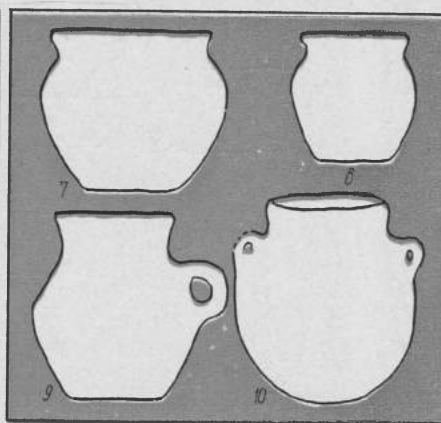

Рис. 51
Сравнительная таблица
сосудов Неаполя
и сарматских погребений
Поволжья (1—10).

Рис. 52
Сравнительная таблица
фракийской керамики
(1—29).

бани, на Елизаветинском городище⁶¹. Если сопоставить количество фрагментов лепной керамики с амфорами и гончарной посудой*, то получится следующее соотношение: для амфор и лепной керамики в верхнем слое городища — 1 : 4, 1 : 8, в том же слое для амфор гончарной посуды (включая красный лак) — 1 : 8, 1 : 13, 1 : 18, 1 : 26; в слое рубежа нашей эры для амфор и лепной керамики — 1 : 1, 1 : 2, 1 : 3, для амфор и гончарной посуды — 1 : 2, 1 : 7, 1 : 16, 1 : 26; в эллинистическом слое для амфор и лепной посуды — 2 : 1, 1 : 2, 1 : 4, для амфор и гончарной керамики — 1 : 6, 1 : 9, 1 : 15. Таким образом, мы видим, что коли-

Итак, мы рассмотрели из огромного количества фрагментов лепных сосудов, найденных на Неаполе, лишь те, которые поддаются датировке. Изучение сосудов Неаполя позволяет нам высказать противоположную О. Д. Дашевской точку зрения⁶², что керамика на протяжении всего периода существования городища не претерпевает значительных изменений.

Если мы выделим семь наиболее типичных для Неаполя форм керамики и построим график, на котором по оси абсцисс укажем количество экземпляров, а по оси ординат — хронологию (рис. 49), то увидим, что некоторые формы со-

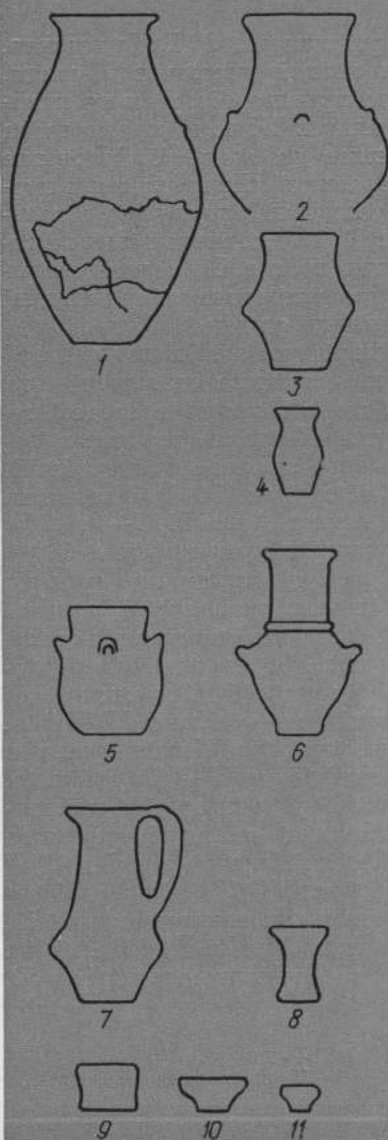
* Мы привлекли данные различных участков раскопа 1948 г., пользуясь списками находок по дневникам.

62 Дашевская О. Д. Лепная керамика Неаполя..., с. 268.
63 Яковенко Э. В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма.—

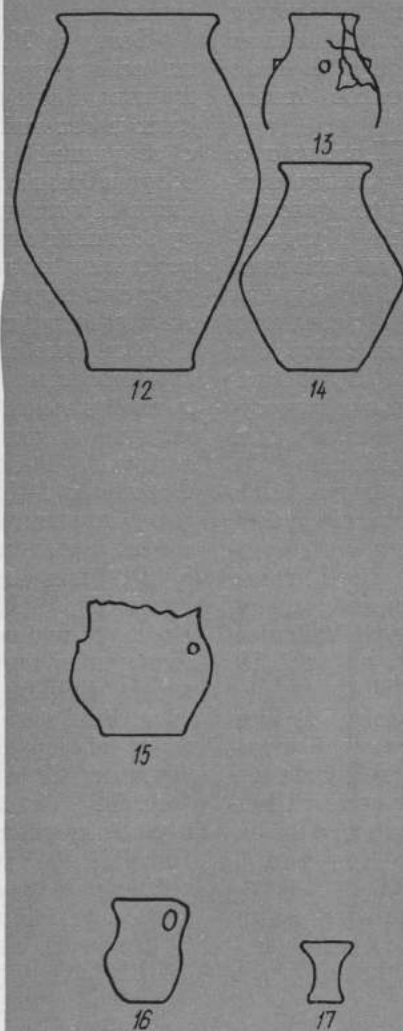
В кн.: Древности Восточного Крыма. К., 1970, с. 126, рис. 15, 10.
64 Петренко В. Г. Культура племен Правобережного Среднего Приднпрожья в

IV—III вв. до н. э.— МИА, 1961, № 96, с. 60; Граков Б. Н. Каменское городище..., с. 71, табл. III, 5.
65 Яковенко Э. В. Указ. соч., рис. 15, 9, 12.

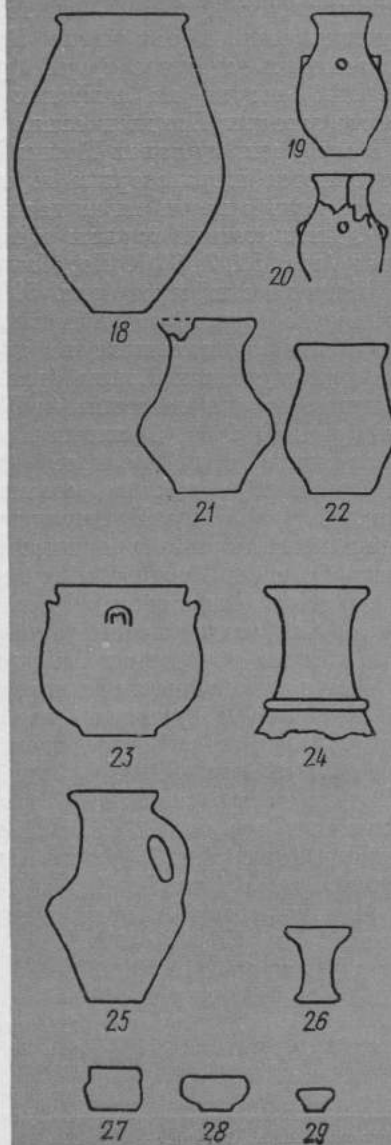
Фракийские сосуды
IV-II вв. до н. э.

Фракийские сосуды Приднeпровья
III в. до н. э. - II в. н. э.

Сосуды Неаполя скифского
II-III вв. н. э.

судов продолжают бытовать во все периоды жизни Неаполя, другие бытуют только в эллинистическое или римское время. Сравнивая посуду Неаполя эллинистического времени с посудой из скифских курганов Крыма V—III вв. до н. э. и городищ Приднепровья, в том числе Каменского, нельзя не заметить сходство форм (рис. 50). В свою очередь, посуда из скифских курганов близка посуде городищ Приднепровья.

В скифских курганах Крыма V—III вв. до н. э. встречаются широкогорлые горшки, диаметр венчика которых почти равен диаметру дна (рис. 50, 1)⁶³. Аналогичные горшки известны в Приднепровье (рис. 50, 7, 8)⁶⁴. Подобные сосуды найдены на Неаполе скифском (рис. 50, 20, 21). Горшки с широким горлом, довольно высокими плечиками и туловом, сужающимся ко дну, встречаются в скифских курганах Крыма (рис. 50, 2, 3)⁶⁵. Аналогичные сосуды известны на Каменских кучугурах (рис. 50, 9)⁶⁶. Фрагменты подобных горшков обнаружены и на Неаполе (рис. 50, 22, 23). В скифских курганах степного Присивашья (рис. 50, 4, 5)⁶⁷ и в Приднепровье (рис. 50, 11)⁶⁸ обнаружены горшки с нешироким горлом и раздутым туловом. Аналогичных сосудов на Неаполе не найдено. Близкие по форме горшки с широким, слегка отогнутым наружу венчиком найдены на скифских городищах Приднепровья (рис. 50, 12)⁶⁹ и на Неаполе скифском (рис. 50, 24).

Кувшины с ручками из курганов Крыма (рис. 50, 6)⁷⁰ также находят аналогии в керамике Неаполя (рис. 50, 25). Подобные неапольским миски на ножке (рис. 50, 26) встречаются в Приднепровье (рис. 50, 13)⁷¹. Небольшие мисочки на поддоне (рис. 50, 27) также имеют аналогии в Приднепровье (рис. 50, 14)⁷².

Аналогичные Приднепровью орнаментальные мотивы (рис. 50, 15—19)⁷³ мы встречаем на сосудах Неаполя (рис. 50, 28—31). Из приведенных

сопоставлений сходство керамики из погребений курганов Крыма V—III вв. до н. э. и городищ Приднепровья IV—III вв. до н. э. с керамикой Неаполя эллинистического времени становится очевидным.

Вслед за М. И. Артамоновым О. Д. Дашевская, на основе изучения лепной керамики Неаполя, пришла к выводу, что причина образования скифских поселений в Крыму в III в. до н. э. связана с оседанием кочевников на земле⁷⁴. Сравнение сосудов Неаполя с керамикой Приднепровья и курганов Крыма дают столько же аргументов в пользу оседания скифов в Крыму, сколько в пользу переселения их из Приднепровья. На основе анализа лишь керамического материала этот сложный вопрос вряд ли может быть решен.

В первые века нашей эры скифы подверглись сарматизации. Влияние сарматов сказалось и на лепной керамике. В доказательство приведем некоторые формы сосудов Неаполя (городища, некрополя) и сосудов из сарматских погребений Поволжья I—IV вв. н. э. (рис. 51)⁷⁵. Мы видим те же широкогорлые горшки (рис. 51, 1—3, 7, 8), сосуды с низкопосаженными ручками (рис. 51, 4, 5, 9), шаровидные сосуды с двумя ручками (рис. 51, 6, 10). В первые века нашей эры на Неаполе под гето-фракийским влиянием появляется ряд лепных сосудов, формы и орнамент которых типичен для фракийской керамики. Для сравнения взята фракийская керамика IV—II вв. до н. э., фракийская керамика Приднепровья и керамика Неаполя скифского II—III вв. н. э. (рис. 52). Сходство их форм очевидно. Аналогичные найденным в Поянах вытянутые корчаги (рис. 52, 1)⁷⁶ есть в Приднепровье (рис. 52, 12)⁷⁷ и Неаполе скифском (рис. 52, 18). Корчагообразные сосуды с налепными украшениями (рис. 52, 2) известны еще с эпохи Латена⁷⁸, близкие им формы обнаружены в Приднепровье (рис. 52,

66
Граков Б. Н. Каменское
городище..., табл. III, 2.
67
Черепанова Е. Н.,
Щепинский А. А. Северное
Присивашье.—

Симферополь, 1969, с. 171,
рис. 65, 4; с. 68, рис. 20, 1.
68
Петренко В. Т. Указ. соч.,
с. 67, рис. 2, 3.
69
Погребова Н. Н.

Позднескифские городища...,
с. 171, рис. 27, 3, 8.
70
Троицкая Т. Н. Находки из
скифских курганов Крыма.—
В кн.: История и археология
древнего Крыма, с. 176, рис. 26.

71
Погребова Н. Н.
Позднескифские городища...,
с. 171, рис. 27, 6.
72
Вязьмитина М. И. Золота
Балка, с. 131, рис. 65, 46, 47.

13)⁷⁹ и на Неаполе (рис. 52, 19, 20). Аналогичные дако-гетским остросеребряные горшки (рис. 52, 3, 4)⁸⁰ найдены в Приднепровье (рис. 52, 14) и на Неаполе скифском (рис. 52, 21, 22). Шаровидные сосуды Неаполя с налепными украшениями (рис. 52, 23) находят себе подобных в гето-фракийской керамике Молдавии III—II вв. до н. э. (рис. 52, 5)⁸¹ и Приднепровья (рис. 52, 15)⁸². Среди дакийской керамики широко распространены сосуды с высоким горлом, валиком на плечиках и двумя ручками (рис. 52, 6)⁸³. Фрагменты подобных чернолощенных сосудов известны на Неаполе (рис. 52, 24). На Неаполе встречаются также единичные экземпляры остросеребряных кувшинов (рис. 52, 25). Подобные сосуды есть среди гето-фракийской керамики (рис. 52, 7)⁸⁴ и в Приднепровье (рис. 52, 14, 16)⁸⁵.

В первые века нашей эры на Неаполе, так же как на других городищах Северного Причерноморья, были широко распространены вазочки на ножке (рис. 52, 26), пришедшие через Приднепровье в Крым, по-видимому, с запада⁸⁶ (рис. 52, 8, 17)⁸⁷.

Миниатюрные ритуальные сосуды, обнаруженные в зольнике Неаполя и на некрополе (рис. 52, 27—29), имеют аналогии в гетской керамике IV—III вв. до н. э. Поднестровья (рис. 52, 9—11)⁸⁸.

Приведенные сравнения достаточно наглядны. Нам уже приходилось говорить о времени появления фракийской керамики в Крымской Скифии⁸⁹. В данной связи остается лишь отметить, что фракийское влияние на культуру поздних скифов Крыма особенно сильно сказалось в первые века нашей эры, однако появляются фракийские сосуды еще в эллинистическое время. Так, в 1945 г. в эллинистическом слое Неаполя был найден большой фрагмент корчагообразного сосуда, украшенного по верхней части тулова продольны-

ми защипами и шишечками (рис. 52, 20). Но это исключение, а массовое распространение фракийская керамика в Крыму получила только после гетского нашествия. Правда, находки ее засвидетельствованы на Неаполе скифском и на северо-западном побережье, а в юго-западном Крыму (Усть-Альминское городище, Алма-Кермен) подобные сосуды составляют исключение. Невольно напрашивается вывод о более тесных экономических и культурных связях северо-западного побережья Крыма с Приднепровьем, основанных, по-видимому, на политическом подчинении Приднепровской Скифии Скифскому царству в Крыму. Юго-западный район менее контактировал с Приднепровьем в эллинистическое и римское время: полностью отсутствует керамика с пальчатым и ногтевым орнаментом. Причем если на Усть-Альминском городище встречаются отдельные фрагменты фракийской керамики первых веков нашей эры, то чем южнее, ближе к Херсонесу, тем меньше известно подобных сосудов.

В целом же лепная посуда Неаполя имеет свои особенности и отличается от синхронной керамики Приднепровья. В эллинистическое время это сказалось в распространении массового лощения, выделке прекрасной чернолощеной посуды, формы которой близки керамике тавров (черпак), что неоднократно отмечали исследователи⁹⁰. В это же время в Приднепровье массовое распространение получает пальчатый и ногтевой орнамент, не характерный для керамики Крыма. Крымские скифы создают целый ряд форм сосудов, не известных в Приднепровье, в частности чернолощенные миски с ручками-упорами и пр. Лепная посуда Неаполя испытала сильное воздействие греческой культуры: скифские гончары подражали гончарной античной керамике. В первые века нашей эры появляются сосуды, подобные сарматским.

73

Погребова Н. Н. Позднескифские городища..., с. 205, рис. 41.

74

Дашевская О. Д. Лепная керамика Неаполя..., с. 271.

75

Шилов В. П. Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60, с. 479, рис. 53, 6; с. 485, рис. 56, 11; с. 507, рис. 64, 10; Силицын И. В. Археологические исследования

Заволжского отряда.— МИА, 1959, № 60, с. 151, рис. 51, 8. 76 Vulpe R. et E. Les fouilles de Poiana.— Dacia, 1927—1933, v. 3, 4, p. 289, fig. 42, 1.

77

Покровська Е. Ф. Розкопки коло с. Макіївки.— АП, 1949, т. 2, с. 130, табл. II, 1.

Лепная керамика Неаполя всех веков его существования красноречиво свидетельствует о различных этнокультурных влияниях на скифов позднего периода.

Данные о других видах ремесел еще более скудны, но они тем не менее позволяют судить о разнообразии ремесел и их роли в повседневной жизни населения позднескифского государства.

Каменное дело. Строительные остатки, открытые на Неаполе, свидетельствуют о различных городских постройках, требующих от мастеров определенных знаний и навыков. Как правило, при строительстве использовали бутовый камень. Его раскалывали, оббивали, подтесывали. Неоднократно зафиксированы камни, оббитые в виде буквы Г для скрепления углов, — прием, характерный для скифских сооружений. Возможно, что возведением и ремонтом оборонительных, жилых и хозяйственных построек, вырубкой склепов, подвалов, зерновых ям (количество последних было велико) занимались специалисты-каменщики из числа жителей города. В отдельных случаях они могли работать под руководством более квалифицированных мастеров, приглашенных из соседних греческих городов. Когда же возникала необходимость в спешном ремонте или строительстве крепостных стен, в нем, вероятно, участвовало все население Неаполя. Потребность в камне была немалой. Добыча его не являлась проблемой, так как город расположен на выходах нумулитового известняка. Каменоломан в окрестностях Неаполя не обнаружено, камень, очевидно, добывали на склонах Петровской балки и обрывах Петровских скал. К сожалению, орудия камнетесов до нас не дошли. Находки миниатюрных бронзовых подвесок-кирок, долот, топоришков, имитирующих орудия, дают представление об их форме.

Кроме того, из камня изготавливали различные мелкие предметы: точильные камни-оселки, квад-

ратные или уплощенные в сечении, с дырочкой для подвешивания к поясу (рис. 53, 1, 2, 3). Наряду с целыми оселками часто встречаются полуфабрикаты (недосверленные отверстия), что свидетельствует о местном их производстве. Встречаются точильные камни больших размеров (рис. 53, 5), а также различные каменные пестики, терочки для растирания красок или каких-то иных хозяйственных нужд (рис. 53, 4). По-видимому, специальные камни служили для затачивания шильев и шлифовки древков стрел, подобно обнаруженным в лесостепной Скифии⁹¹.

Бронзолитейное и железобелательное ремесла. На Неаполе неоднократно находили остатки бронзолитейного шлага, кусочки оплавленной бронзы. Обнаружены две льячки со следами медной окиси: одна из них имела диаметр 10,5 см, другая — совсем маленькая — диаметром 2,2 см (рис. 54). В 1956 г. в южной части города были открыты остатки дома эллинистического времени, на полу которого обнаружен тигель диаметром 20 см с остатками бронзового шлага. По предположению П. Н. Шульца, здесь, возможно, «производилось литье бронзовых изделий»⁹².

Еще одним доказательством бронзолитейного дела у жителей Неаполя является находка во время раскопок оборонительной стены городища в 1958—1959 гг. двух фрагментов половины литейной формы, изготовленной из ручки родосской амфоры (рис. 55, 1). Ее длина 22 см, ширина 3,4 см, высота 2 см. На обоих ее концах находились круглые пазы глубиной до 1 см для соединения верхней и нижней половин, а в центре был литик для металла.

В форме отливали предмет длиной 19,5 см, состоящий из плоского щитка длиной 8,5 см, шириной 2,4 см, сужающегося до 1 см и переходящего в круглый стержень. Щиток украшен тремя рельефными бороздками, каждая из которых заканчи-

78

Vulpe A. și Veselovschi V. Busilă, Date noi privind periodizarea culturii tei și cunoasterea culturii Basarabi.— SCIV, 1967, I, 18, p. 106, fig. 19, 2.

79

Вязьмитина М. И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра. — В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 125, рис. 2, 5.

80

Crisan I. H. Ceramica daco-getico București, 1969, pl. CLX, 5; Vulpe R. et E. Op. cit., p. 283, fig. 26, 2. 81 Teodoe S. Contributiile

cunoasterea ceramicii din secolele III—II î. e. n. din Moldova.— SCIV, I, t. 18, 1968, p. 29, fig. 3, 6. 82 Вязьмитина М. И. Золота Балка, с. 132, рис. 66, 18,

валась выпуклым полушарием. Нижняя часть щитка была украшена двумя рельефными бороздками. В середине предмета, в месте перехода щитка в стержень, находилось кольцо диаметром 1 см, орнаментированное тремя рельефными бороздками. Круглый в сечении стержень, украшен-

III—II вв. до н. э. Наш предмет близок конскому налобнику из клада Большое Плоское в Одесской области. Здесь среди вещей был обнаружен предмет длиной 13 см, состоящий из двух частей: плоского веерообразного щитка, наибольшая ширина которого составляла 4,25 см, и круглого стержня.

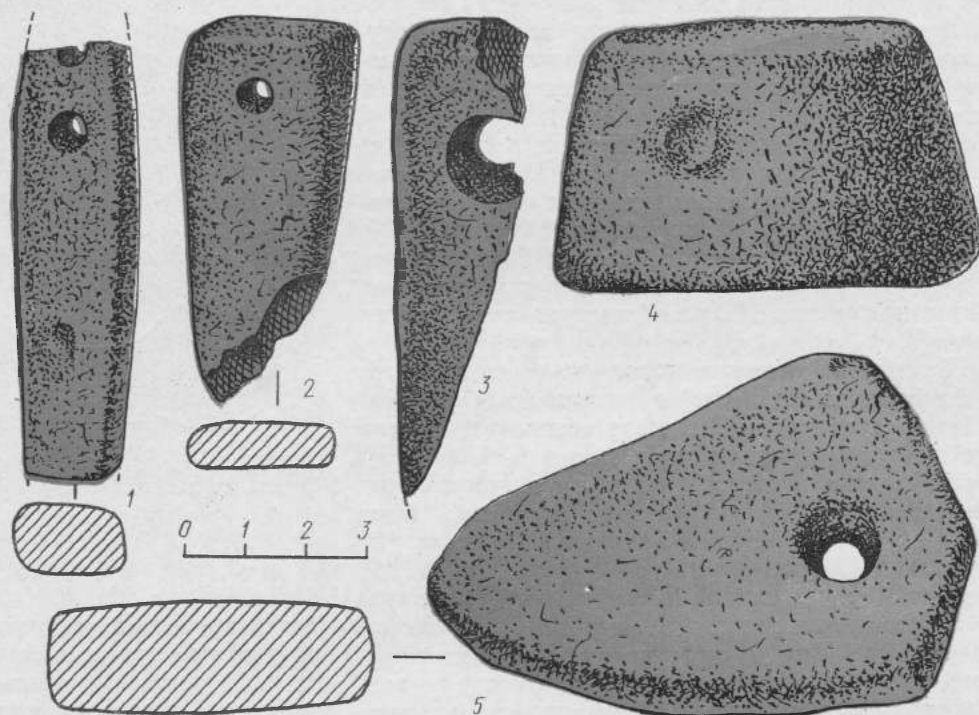

Рис. 53
Изделия из камня (1—5).

ный близ кольца также тремя рельефными бороздками, имел небольшое расширение в средней части, конец его загнут, по-видимому, он заканчивался крючком (рис. 55, 2). К сожалению, литейная форма вторично использовалась как ложило и несколько повреждена. Ее можно датировать

Клад датируется III в. до н. э.* В раннесарматском погребении у хут. Клименкова Воронежской области найдена серебряная пластина с петлей и крючком на одном конце. Противоположный ее конец, подобно нашему предмету, заканчивался треугольными выступами, украшенными рельеф-

83
Parvan V. Dacia civilizatiile antice din Tarile carpatodanubien. Bucuresti, 1967, tabl; Crisan I. H. Op. cit., pl. CLIII, 1.

84
Vulpe R. Asezazi getice din Muntenia. Bucuresti, 1966, fig. 36; Parvan V. Op. cit., tabl.

85
Вязьмитина М. И. Фракийские элементы..., с. 129, рис. 5, 2. 86 Vulpe R. et E. Op. cit., p. 290, fig. 15.

87
*Вязьмитина М. И. Фракийские элементы..., с. 129, рис. 5, 3, 4. **
Клад не опубликован, хранится в ГИМе.

ными полукружьями. Пластина орнаментирована точечным узором, идущим по краям и центру. И. В. Яценко отмечает, что пластина близка конскому налобнику, но окончательное назначение ее остается неясным⁹³.

Литейные формы из ручек эллинистических амфор неоднократно находили в городах Северного Причерноморья⁹⁴. Бронзолитейное дело получило высокое развитие и у скифов в предшествующий период⁹⁵, они продолжали им заниматься и в позднее время.

Источником снабжения Херсонеса медью, по мнению В. И. Кадеева, скорее всего, могли быть медноколчедановые месторождения Кюре, расположенные между Синопой и Амастридой⁹⁶. Вряд ли ими пользовались скифы. Б. Н. Граков считал, что «в северных причерноморских степях, включая и степной Крым, имеется своя рудная база»⁹⁷.

Если на Каменском городище и на Неаполе в эпоху эллинизма скифы занимались бронзолитейным ремеслом, то есть все основания думать, что и в римское время это ремесло не было утрачено. И многие из найденных в позднескифских некрополях украшений, вполне возможно, были изготовлены местными бронзолитейщиками по привозным образцам.

Б. Н. Граков называл Скифию матерью железа, а Каменское городище — городом литейщиков и кузнецов. Еще в предскифское и раннескифское время у местных племен Лесостепи металлургическое производство было широко развито. Многие из найденных здесь предметов изготавливались даже из высокоуглеродной стали⁹⁸. Скифы в поздний период не утратили этих навыков и, судя по остаткам железного шлака, встреченного хотя и в небольших количествах во время раскопок Неаполя, занимались железоделательным ремеслом.

В 1949 г. у юго-восточного угла привратной башни в районе ворот обнаружены остатки здания эллинистического времени, от которого сохранилась незначительная часть двух внешних стен и одной внутренней, делившей здание на два помещения⁹⁹. Толщина стен 0,70—0,80 м. Здание

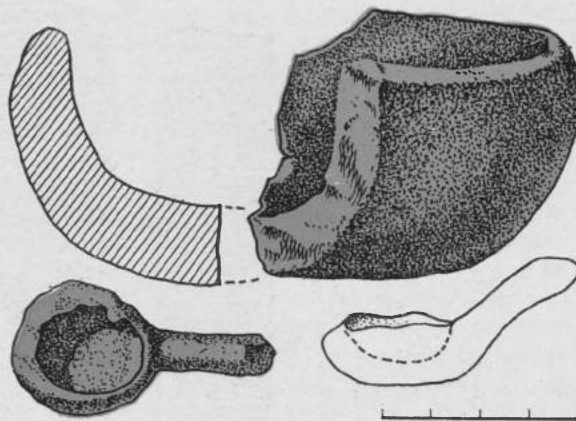

Рис. 54
Глиняные льячки.

Рис. 55
Литейная форма (1)
и реконструкция
предмета (2).

ориентировано по сторонам света. В северном помещении на уровне пола обнаружены остатки очага, зола, уголь и железный шлак. Вполне возможно, что в этом помещении, находящемся за пределами города, существовала мастерская кузнеца. Железо на Неаполе сохраняется плохо. За все годы раскопок не найдено ни одного железного орудия труда (кроме ножей), но многочисленные обломки железных предметов — ножи с горбатой спинкой, кованые гвозди, крюки, маловыразительные фрагменты других предметов — говорят

88

Мелюкова А. И. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье. — КСИА АН СССР, 1963, № 94, с. 69, рис. 19, 4, 6, 8.

89

Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму, с. 107.

90

Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на

Днепре и в Крыму. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 138.

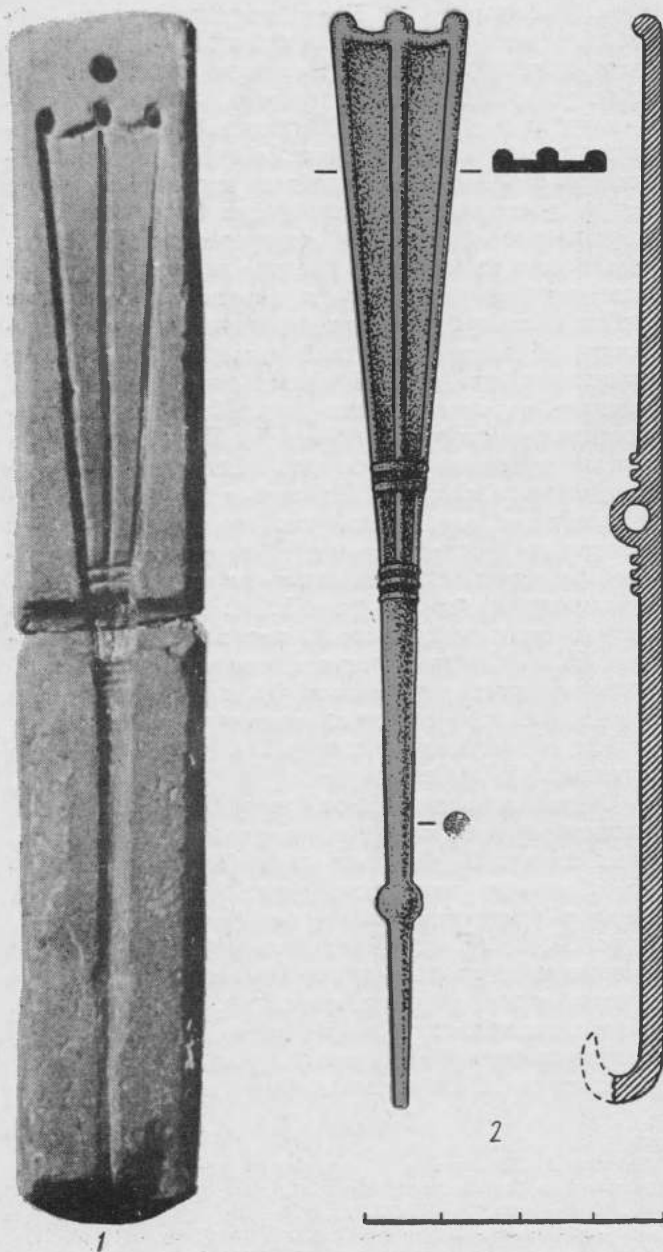
91

Шрамко Б. А. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху. —

Автореф. дис. д-ра историч. наук. К., 1965, с. 26, 27.

92

Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1956 г. — Арх. ОАСА, инв. А № 29/2, с. 32.

о развитии железоплавильного и кузнечного ремесел. По мнению В. И. Кадеева, источником сырья для металлургических мастерских позднеантичного Херсонеса была местная железорудная база — железная руда в окрестностях Балаклавы и небольшие залежи руд на Гераклейском полуострове¹⁰⁰. Скифы, возможно, использовали железные конкреции, которые и сейчас встречаются в галечниках по берегам рек в западном Крыму.

Прядение и ткачество. Многочисленные находки пряслиц на городище и некрополе свидетельствуют о том, что население города занималось прядением. Так как пряслица встречаются только в женских погребениях — этим домашним ремеслом занимались женщины. Пряслица изготавливали из глины, поверхность их хорошо заглаживали, у некоторых она подлощенная или лощеная. Формы их различны: биконические, в виде усеченного конуса; некоторые пряслица имеют точечный орнамент, орнамент из прочерченных полос, граффити. Встречаются пряслица, сделанные из ножек и стенок амфор, которые не отличаются тщательностью обработки (рис. 56, 1—12). В слоях эллинистического и римского времени на Неаполе найдены пирамидальные грузила для вертикального ткацкого станка. Высота грузил 9—12 см, квадратное основание размером 4—5 см. Единичные экземпляры отличаются тщательной отделкой, хорошо обожжены, другие, напротив, изготовлены из полуобожженной, плохо отмученной глины (рис. 56, 13—15). Из той же глины изготовлена катушка (?) высотой 6,2 см, диаметром 7 см (рис. 56, 16). Аналогичные катушки, но сделанные из хорошо отмученной глины, приводит Г. Давидсон из эллинистического слоя Коринфа¹⁰¹.

По свидетельству Геродота, в скифской земле произрастает конопля — растение очень похожее

93

Яценко И. В. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца. — КСИИМК, 1962, вып. 89, с. 43, рис. 15, 8.

94

Археология Украинської РСР. — К., 1971, т. 2, с. 389, 95
Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36, с. 122 и сл.

на лен, но гораздо толще и крупнее. Плиний в «Естественной истории» описывает обработку льна у греков: «Лен вырабатывают, связывают в пучки толщиной в обхват ладонью и, повесив их корнями вверх, сушат на солнце в течение одного дня, а затем еще в течение пяти дней. Повернув верхушки пучков друг к другу, чтобы семя падало в середину... Затем стебли льна погружают в воду... Затем их снова сушат на солнце, потом, когда они высушены, их колотят на камне, предназначенном для пакли трепалом... а в форме ткани его (лен.— *Т. В.*) снова бьют вальками, и все эти мытарства всегда идут ему на пользу»¹⁰². Очевидно, аналогичным способом обрабатывалась и конопля.

«Кто никогда не видел конопляной ткани,— говорил Геродот,— тот примет ее за льняную»¹⁰³. В позднескифских погребениях неоднократно встречались отпечатки тканей и их незначительные остатки.

Скифы занимались скотоводством, в том числе овцеводством. «Лошади у них малорослые, а овцы крупные»,— отмечает Страбон¹⁰⁴. Из шерсти изготавливали ткани и войлок. Во времена Геродота и, по-видимому, позднее войлоком покрывали юрты и земляные полы в жилищах¹⁰⁵, в сарматское время войлочную подстилку клали под погребенных.

Шили и чинили одежду главным образом женщины. Об этом свидетельствуют находки в женских погребениях бронзовых иголок, даже в погребении царицы в мавзолее Неаполя была обнаружена золотая игла¹⁰⁶.

Кроме того, скифы могли изготавливать из трав различной толщины веревки. Остатки их встречаются при раскопках, но всегда очень плохой сохранности. Изготовление веревок из трав — занятие примитивное, неоднократно зафиксированное этнографией¹⁰⁷.

Обработка кости. Животноводство давало ремесленникам не только шерсть и кожу, но и кость для различных поделок. Костяные изделия найдены в различных слоях городища. Среди них орудия труда и украшения. Одним из распространенных предметов были костяные иглы, или проколки (рис. 57, 1—3). Подобные иглы очень часто встречаются в античных городах Северного Причерноморья и далеко за его пределами¹⁰⁸. Название игла или проковка следует принять условно, так как большинство этих предметов имеют две рабочие поверхности: заостренный конец и треугольный вырез в верхней части. Б. А. Шрамко указывает, что у лесостепных племен скифского времени вместо челноков употреблялись крупные костяные иглы или палочки¹⁰⁹. Возможно, наши проколки служили тем же целям.

Довольно часто на Неаполе и на других позднескифских городищах, так же как в городах Северного Причерноморья¹¹⁰, встречаются костяные рашпили, изготовленные из крупных костей домашних животных (рис. 57, 4, 5). Две или четыре грани предмета имели несколько рядов насечек. С. А. Семенов считает, что они использовались для шлифовки камня. На изделие насыпали мелкий песок и с помощью насечек камень шлифовали¹¹¹. Однако чаще всего у скифов они служили для выделки кож.

Кости животных использовались в качестве лоцил наряду с обломками ручек и ножек греческих амфор. На Неаполе найдено ребро животного, оба конца которого хорошо заглажены. Вещь была в употреблении, видимо, длительный срок (рис. 57, 6). Для этой же цели служили крупные позвонки. В разных слоях Неаполя часто встречаются спиленные рога животных (рис. 57, 7—9). Место спила зашлифовано, одни экземпляры орнаментированы бороздками, другие имеют спил с двух концов. Назначение этих предметов не совсем

96

Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв. н. э.— Харьков, 1970, с. 43.

97

Граков Б. Н. Литейное и кузнечное дело у скифов.— КСИИМК, 1948, вып. 22, с. 41. 98

Шрамко Б. А. Хозяйство лесостепных племен, с. 13.

99

Карасев А. Н. Отчет о раскопках в Неаполе скифском в 1949 г.— Арх. ИА АН СССР, № Р—1/383, с. 61, 62.

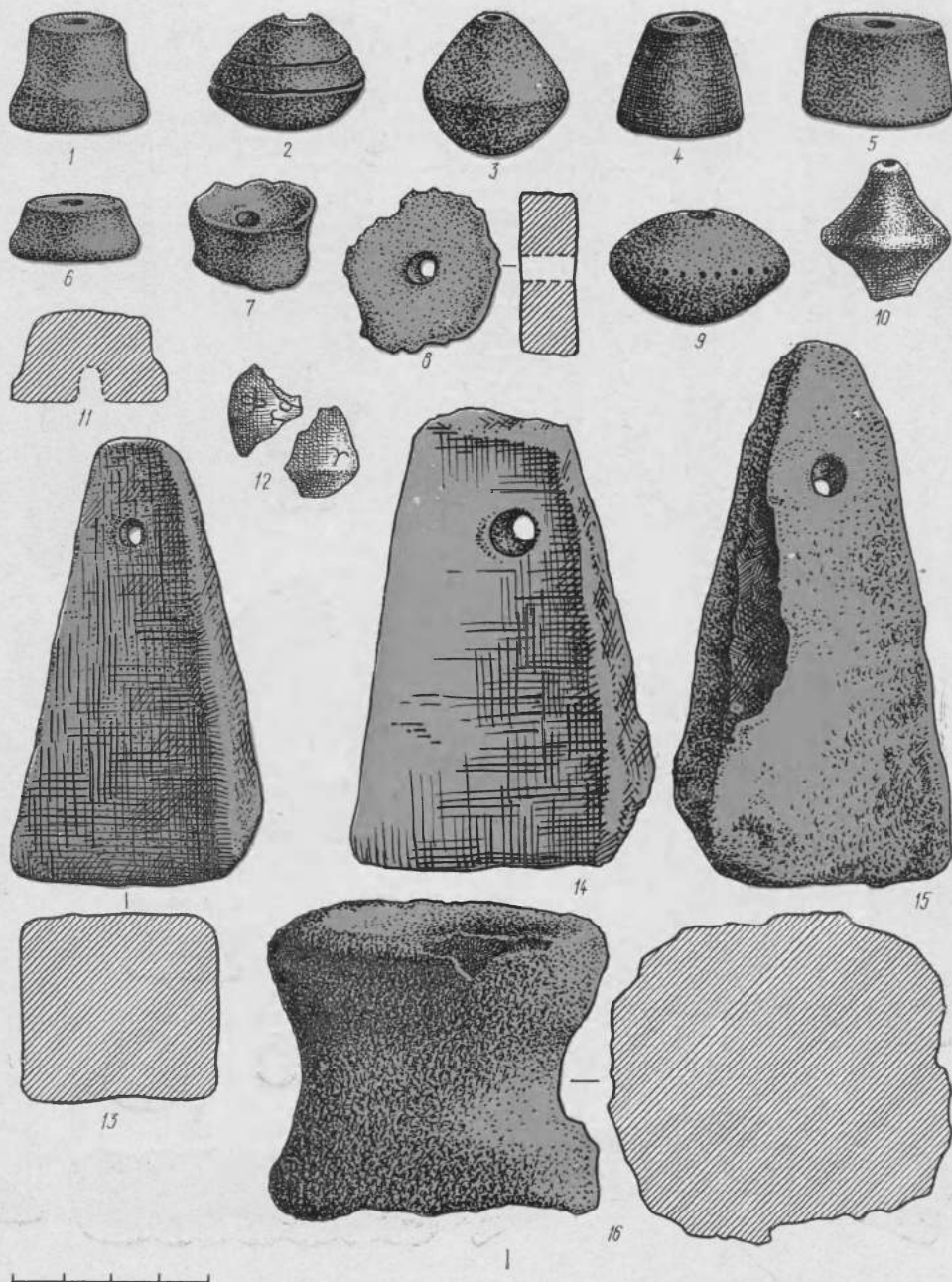
100

Кадеев В. И. Указ. соч., с. 29, 30.

101

Davidson G. Op. cit., pl. 79, № 1279, 1280.

Рис. 56
Глиняные пряслица
(1—12), грузила (13—15),
катушка (16).

102

Плиний.— ВДИ, 1946, л. 3,
с. 285.

103

Herod., IV, 74.

104

Strab., VII, 3, 18.

105

Herod., IV, 73.

106

Погребова Н. Н. Погребения в
мавзолее Неаполя скифского,
с. 173.

107

Попов А. А. Плетение и
ткачество у народов
Сибири.— В кн.: Сборник
музея антропологии и
этнографии. М., 1955, вып. 16,
с. 43.

108

Гайдукевич В. Ф. Илурат.—
МИА, 1958, № 85, с. 131,
рис. 140.

109

Шрамко В. А. Хозяйство
лесостепных племен, с. 30.

110

Гайдукевич В. Ф. Раскопки
Тиритаки и Мирмекия в
1946—1952 гг.— МИА, 1958,
№ 85, с. 157, рис. 8.

111

Семенов С. А. Шліфувальні
кістяні знаряддя з Ольвії.—
АН, 1958, т. 8, с. 94.

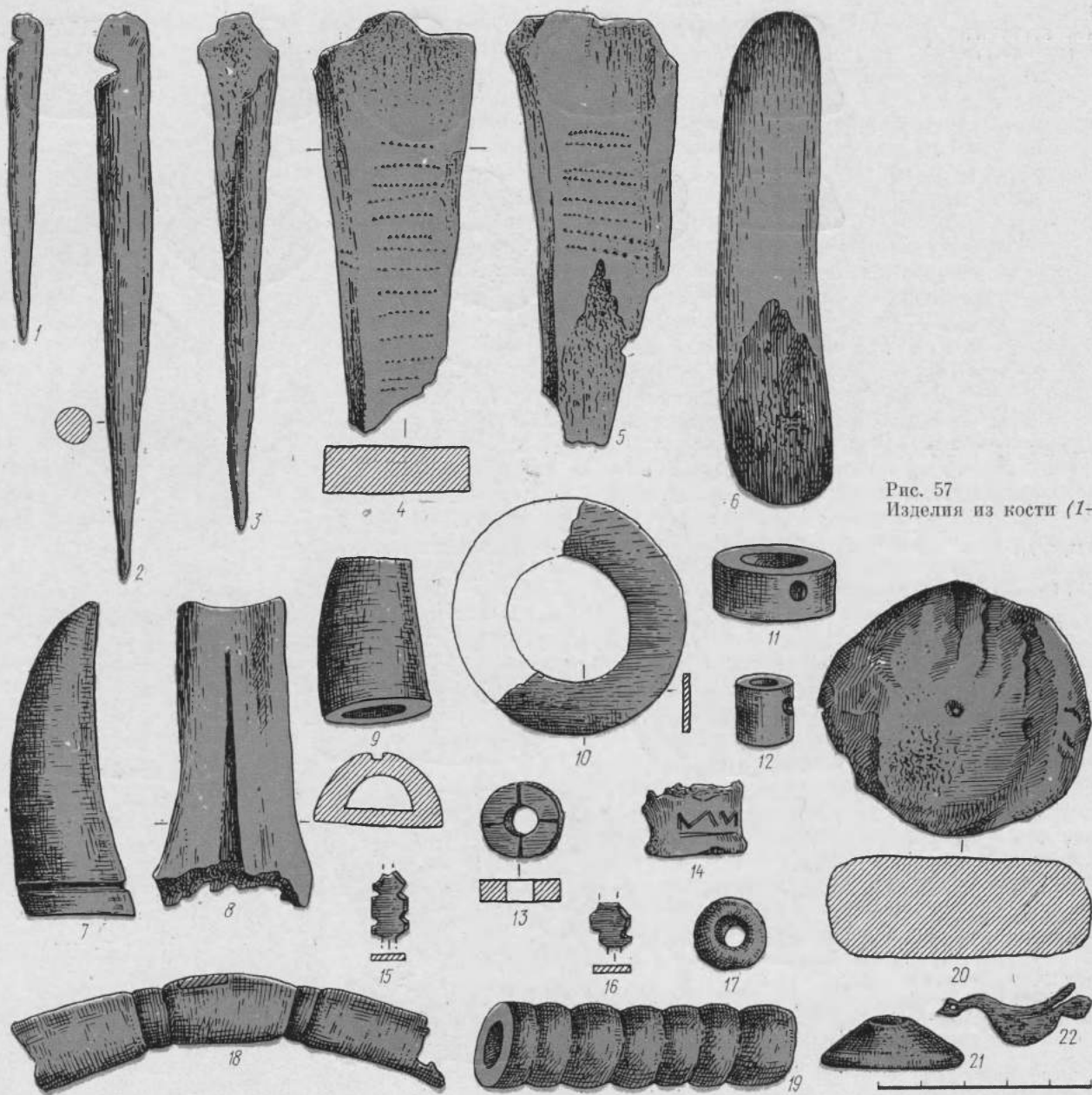

Рис. 57
Изделия из кости (1—22).

ясно, по-видимому, их употребляли в качестве лоцил. Возможно, роговая оболочка использовалась для изготовления гребней, накладных пластинок для украшения деревянных шкатулок и т. д.¹¹² На Неаполе найден фрагмент хорошо шлифованного, плоского в сечении кольца, который мог быть обкладкой деревянной коробочки (рис. 57, 10). В разных слоях городища обнаружены костяные шарниры, выточенные из трубчатых костей различного размера. Большинство из них имеют диаметр 3 см, высоту 1,2 см, диаметр центрального отверстия 1,6 см, бокового — 0,4 см. Другие шарниры меньших размеров, более вытянутые (рис. 57, 11, 12). Способ употребления их общеизвестен: через центральное отверстие нескольких шарниров продевался деревянный стержень, а в боковые помещались деревянные штифты, прикреплявшиеся к гребню двускатной крышки деревянного ящика или сундука¹¹³. Костяные шарниры часто встречаются в античных городах Северного Причерноморья.

Судя по многочисленным находкам на городище астрагалов, игра в бабки была излюбленным занятием неапольцев. В римском слое города в 1949 г. найдено скопление бабок (86 штук), некоторые из них были орнаментированы (рис. 57, 14). Среди костяных предметов интересен фрагмент трубки длиной 10 см, диаметром в наиболее широком месте около 2 см и в узком 1,4 см. Трубка разделена поясками на несколько частей. В одной из них было отверстие, закрытое впоследствии свинцовой скрепкой (рис. 57, 18). Этот предмет очень напоминает древнюю флейту. Аналогичная флейта обнаружена в погребении эпохи бронзы на территории Азербайджана¹¹⁴. Кроме того, на Неаполе найдены фрагменты резных накладных пластин (рис. 57, 15, 16), плоские и круглые костяные бусины (рис. 57, 13, 17), ручка ножа (рис. 57, 19), плоская пуговица, украшавшая, возможно,

навершие меча или кинжала (рис. 57, 20, 21). Изготовление названных предметов не требовало высокого мастерства, их могли делать местные умельцы из материала, всегда имевшегося в изобилии. Работа по кости была широко распространена у скифов и в предшествующий период. В частности, на Каменском городище обнаружена мастерская костереза-ножовщика, и, по мнению Б. Н. Гракова, «число костяных вещей в позднем быту даже несколько увеличилось»¹¹⁵. Конечно, многие костяные предметы, требующие высокого мастерства и обработки на токарном станке, так же как пиксиды или декоративные обкладки шкатулок, найденные в доме с подвалом, жители Неаполя покупали в античных городах. А вот обнаруженную на Неаполе фигурку гуся местный мастер мог вырезать сам (рис. 57, 22). Здесь сказались реалистическое понимание окружающей действительности, наблюдательность, острота глаза.

Обработка кожи. Животноводство давало для хозяйства много кожи, которая шла на выделку разнообразных предметов быта. Этнографические примеры свидетельствуют, что процесс изготовления кожи у древних народов был довольно прост: снятую с животного шкуру подвешивали над костром, прокуривали дымом, затем помещали в зольную яму до тех пор, пока не начинала отделяться шерсть (на 6—8 дней). Шерсть удаляли, счищали частицы мяса, кожу промывали, растягивали на плоских, гладких камнях и колотили деревянными или железными молотками. Затем приступали к выглаживанию и лощению, причем толстые кожи выглаживали бруском¹¹⁶, подобным нашим рапилам. Недаром чаще всего их находят при раскопках в неглубоких зольных ямах во дворах близ жилых домов.

Лесостепные племена в скифское время очистку шкуры от остатков мяса и жира производили при помощи костяных ножей, сделанных из ребер,

112
Кадеев В. И. Указ. соч., с. 126.

113
Davidson G. Op. cit., p. 128.

114
Асланов Г. М.
О музыкальных

инструментах древнего
Азербайджана.— СА, 1961,
№ 2, с. 237, рис. 2.

115
Граков Б. Н. Каменское
городище..., с. 128.

116
Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А.
Энциклопедический словарь,
т. 15 А. СПб., 1895, с. 568—
570; Плиний, XIII.

117
Шрамко Б. А. Указ. соч.,
с. 25, 26.

118
Археология УРСР.— К., 1971,
т. 2, с. 80.

челюстных или других костей крупных животных. Для разминания кожи также использовались костяные предметы, а для разглаживания употребляли гальку, «коньки» из пястных костей коров и лошадей, а также астрагалы со сточенной поверхностью¹¹⁷, какие неоднократно встречались на Неаполе. Из кожи и шкур шили одежду и обувь. Напомним, что на пекторали из Толстой могилы изображены два скифа, занятые шитьем рубахи из овечьей шкуры¹¹⁸. На одном из погребенных в мавзолее Неаполя скифского обнаружены остатки кожаных штанов с накладными карманами¹¹⁹. В кургане близ городища Кермен-Кыр на ногах погребенного сохранились остатки кожаной обуви, доходившей до щиколоток. По-видимому, это были мягкие сыромятные сапожки, наподобие изображенных на куль-обской вазе. Верхняя часть их отделана ажурным пояском и скреплена бронзовым многовитковым браслетом¹²⁰. Но носили и более высокие сапоги. Во время раскопок склепа (88) Усть-Альминского некрополя на одном из погребенных были остатки кожаной обуви, доходившей до середины голени.

Из кожи изготовлялись головные уборы, пояса, ремешки для уздечки, налучья, футляры, ножны для кинжалов, веревки и прочие предметы, необходимые в быту. В том же склепе Усть-Альминского некрополя были найдены кожаные мешочки с бусами.

Обработка дерева. Очень важную отрасль хозяйства составляла обработка дерева. Строительство любого жилья, примитивного или относительно совершенного, требовало деревянных частей: юрта — жердей для каркаса, сырцовый дом — деревянных конструкций. Плотники изготовляли деревянные рамы для дверных проемов, двери, ворота, заготавливали деревянные опорные столбы для перекрытий внутри домов и сами перекрытия, сооружали перегородки внутри домов, тесали дос-

ки для сундуков и гробов. Примером плотнической работы могут служить добротные двери мавзолея, сколоченные из дубовых досок коваными железными гвоздями.

Исследование углей и прочих остатков дерева, обнаруженных во время раскопок на Неаполе, позволили Н. А. Троицкому определить растительный покров городища. Он пишет: «Куски древесины — остатки деревянных погребальных ящиков и перекрытий зданий, а также кусочки угля в большинстве своем... оказались принадлежащими дубу. Данные многочисленных исследований показывают, что природные дубовые насаждения были распространены здесь в древности и представляли собой тенистые леса из высокоствольных деревьев. Несколько образцов принадлежат тополло, по-видимому, осокорю, и сейчас обильно растущему по берегам Салгира. Один кусочек древесины по строению принадлежит ольхе. Образцы древесины погребальных ящиков и саркофага мавзолея принадлежат хвойным породам. Некоторые образцы можно отнести к сосне, другие (и таких большинство) — к кипарису»¹²¹. Н. А. Троицкий считает, что материал для погребальных ящиков доставляли в Неаполь с юга или с юго-запада Крыма или, может быть, из Греции.

Из различных пород дерева, по-видимому, изготовлялись мелкие деревянные предметы: древки для стрел и копий, рукояти для ножей, серпов, топоров, ящики, шкатулки, веретена, пряслица. В склепе № 88 Усть-Альминского некрополя прекрасно сохранилось дерево, что позволяет судить о том, как широко оно использовалось скифами в быту и каким мастерством в изготовлении деревянных предметов они владели. Конечно, не все предметы, найденные в склепе, вышли из рук местных мастеров. Очевидно, выточенные на токарном станке деревянные чашки и пиксиды, крышечки которых имели фигурные украшения, куп-

119

Погрелова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 143, рис. 19, 1.

120

Высотская Т. Н.

Позднескифские погребения в

кургане близ городища Кермен-Кыр.— В кн.: Археологические исследования на Украине. К., 1968, вып. 2, с. 113.

121

Троицкий Н. А. Растительный покров территории Неаполя

скифского.— Арх. ОАСА, инв. В № 104, с. 7, 9.

122

Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных городах Северного Причерноморья. М., 1954, с. 27.

123

Соколовский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971, с. 78.

лены у греков. Пока у нас нет оснований думать, что у скифов даже в поздний период был токарный станок, но резьбу по дереву они знали прекрасно. В склепе найдены деревянные пряслица, веретена и гребни, шкатулки с великолепно вырезанными пазами для скрепления. Деревянные ящики-саркофаги с двускатными крышками сколочены деревянными гвоздями длиной 6—7 см. К сожалению, в большинстве случаев дерево сохраняется плохо и до нас доходит только его тлен, по которому, так же как по найденным вместе с ним бронзовым и железным замкам, бронзовым скобкам и гвоздям, ключам, мы судим о стоявших в погребениях шкатулках.

В литературе утвердилось мнение о существовании у поздних скифов стенобитных машин. Оно основано на том, что в оборонительной стене Херсонеса эллинистического времени якобы образовался пролом, который был заделан в конце II — начале I в. до н. э.¹²², т. е. во время войн Диофанта. Присоединяясь к этому мнению, Н. И. Сокольский считал, что поскольку «все военные машины строились из дерева с минимальным применением металлических связей», скифы изготовляли их сами¹²³. Однако в настоящее время в связи с последними исследованиями оборонительных стен Херсонеса вопрос о проломе пересмотрен. И. А. Антонова установила, что он совершен не в античной, а в средневековой стене¹²⁴. Однако исчезновение одного факта не означает исчезновение предмета спора. Раскопки последних лет на северо-западном берегу Крыма открыли противотаранные пояса башен греческих поселений¹²⁵, укрепленные от нападения скифов, которые, исходя из этого, должны были иметь стенобитные машины.

Скифы занимались также плетением из ветвей и камыша. При раскопках неоднократно встречались обуглившиеся плетенки из ветвей, прутья.

Для защиты от пожара плетенку обмазывали глиной. Несомненно, из прутьев плели корзины. По словам Лукреция, плетение корзин, известное человечеству с глубокой древности, было первым шагом на пути к ткачеству¹²⁶. Из тростника и камыша скифы делали циновки.

К сожалению, плотничьи орудия не сохранились до нашего времени. Можно предполагать, что в этот период плотники употребляли для своих работ те же топоры, тесла, пилы, рубанки, скобели, долота, сверла, пробойники, что и античные мастера¹²⁷. Во всяком случае находки в некрополе Неаполя и других позднескифских могильниках бронзовых подвесок-топорики, долотца с бронзовой ручкой¹²⁸, повторяющих форму железных орудий, убеждают нас в этом.

Следы орудий на стенах земляных склепов, ширина лезвия которых до 4 см, свидетельствуют о применении подобных инструментов в повседневной жизни.

Бесспорно, наши возможности выявления всех ремесел ограничены. Трудно определить, были ли на Неаполе сапожники, мукомолы, или все это входило в обязанности членов семьи. Не решенным остается вопрос и о социальном положении ремесленников. Хотя рассмотренные нами ремесла, может быть, за исключением каменотесного, относятся к разделу домашних, возможно, что ремесленники составляли какую-то прослойку скифского общества. Продукты труда ремесленников если и становились товаром, то, по-видимому, только на внутреннем рынке. В основном же они обслуживали себя и членов своей семьи. Однако развитие ремесел, рост производительных сил неизбежно приводили к увеличению экономического потенциала позднескифского государства.

Торговые связи Неаполя скифского в эллинистическое время. В эллинистическое время, особенно в период наибольшего могущества и про-

124

Антонова И. А. Позднеантичная протейхизма Херсонеса. Докл. на Учен. совете Херсонес. музея. 8/II — 1973 г.

125

Дашевская О. Д. Античная башня на городище Беляус.— КСИА АН СССР, 1969, вып. 116, с. 89.

126

Лукас А. Материалы и

ремесленное производство древнего Египта.— М., 1958, с. 223.

127

Финогенова С. И. Инструменты античных столяров и плотников.— Вест.

Моск. ун-та, 1967, вып. 3, с. 47 и сл.

128

Сымонович Э. А. Итоги новых работ на могильнике Неаполя скифского в Крыму.— КСОГАМ, 1963, с. 36.

цветания Неаполя, его торговые связи были обширны. Многочисленные и разнообразные товары привозили в столицу скифов из разных античных центров. Найденные на городище импортные материалы позволяют судить об обширной торговле Неаполя.

Амфоры. Одним из основных товаров, поступавших из различных центров античного мира, было вино и оливковое масло, ввозимые в амфорах. К сожалению, целые экземпляры амфор единичны, а многочисленные их фрагменты, в том числе ручки с клеймами, найдены во всех слоях городища. Наиболее многочисленны родосские амфоры, найдены и целые их экземпляры (рис. 58, 1).

Разнообразны варианты косских амфор, среди них встречаются фрагменты, датирующиеся IV—III вв. до н. э. (рис. 58, 2, 3—9). К этому же времени относятся и херсонесские амфоры (рис. 58, 14—17). Различными типами представлен Книд (рис. 58, 10—13). Фрагменты синопских амфор единичны (рис. 58, 19, 20). Кроме того, найдены обломки сосудов из неизвестных центров: розовоглиняные с ангобом (рис. 58, 21) и светлоглиняные с темными включениями (рис. 58, 22). Ножка амфоры, вторично использованная как лопило (рис. 58, 18), очень напоминает пантикапейские амфоры IV—III вв. до н. э.

Фрагменты амфор из коричневой глины встречаются как в слоях эллинистического, так и римского времени (рис. 58, 23). Однако их типология затруднена фрагментарностью материала и отсутствием надежных критериев для датировок. Разнообразные амфоры позволяют судить не только о времени привоза товаров, но и об интенсивности связей Неаполя с теми или иными центрами островной и материковой Греции о посредниках в торговле скифов. Обратимся к клейменной керамической таре.

Всего нами учтено 234 амфорные ручки с клеймами из следующих центров: Родоса — 162, Херсонеса — 32, Книда — 19, Коса — 13, Синопы — 3, из неизвестных центров — 6 ручек *. Кроме того, найдена одна херсонесская клейменная черепица и 28 черепиц с клеймами Синопы. Таким образом, основной импорт составляли родосские амфоры, даже если учесть, что каждая из них имела по два клейма (рис. 59). Из 162 родосских клейм 26 круглых, остальные прямоугольные; 64 клейма принадлежали эпонимам, остальные не поддаются определению.

Из общего списка имен на родосских клеймах Неаполя (всего 72 имени) 26 совпадают с пергамским комплексом ¹²⁹, 66 — с комплексом из Делоса ¹³⁰, 57 — с комплексом из Танаиса ¹³¹ и 66 — с ольвийскими находками ¹³². Возникает тот же вопрос, который поставила Е. И. Леви, изучая клейма из ольвийского водоема ¹³³, не означает ли это соотношение, что торговля Родоса с Пергамом ослабевает за счет увеличения его торговых отношений с другими центрами Средиземноморья.

Имена эпонимов чаще всего встречаются по одному-два раза, лишь имя Андрия и Полюарата встречены четыре раза, трижды — Алексиада, Леонтида, Павсания и Тимуррода. Одно эпонимное прямоугольное клеймо (к сожалению, имя не читается) имеет дополнительное А. Это редкий случай, так как обычно дополнительные клейма при прямоугольных не встречаются. Д. Б. Шелов считает, что М. Нильсон ошибочно упомянул о дополнительном клейме на прямоугольном с именем Тимагора ¹³⁴.

Среди имен фабрикантов четыре раза встречено имя Тимоксена, причем из них два круглых клейма имеют дополнительные О и ΙС.

Д. Б. Шелов признает существование дополнительного клеймения с конца III в. до н. э. и весь

* К сожалению, часть клейм из раскопок Неаполя 1945—1950 гг. утрачена, существование большинства из них нам удалось установить по IOSPE, III. Каталог

клейм см.: Высотская Т. Н. Торговые связи Неаполя скифского в эллинистический период.— ВДИ, 1978, № 4.
129 Schuchard C. Die Inschriften von Pergamon.— Berlin, 1895.

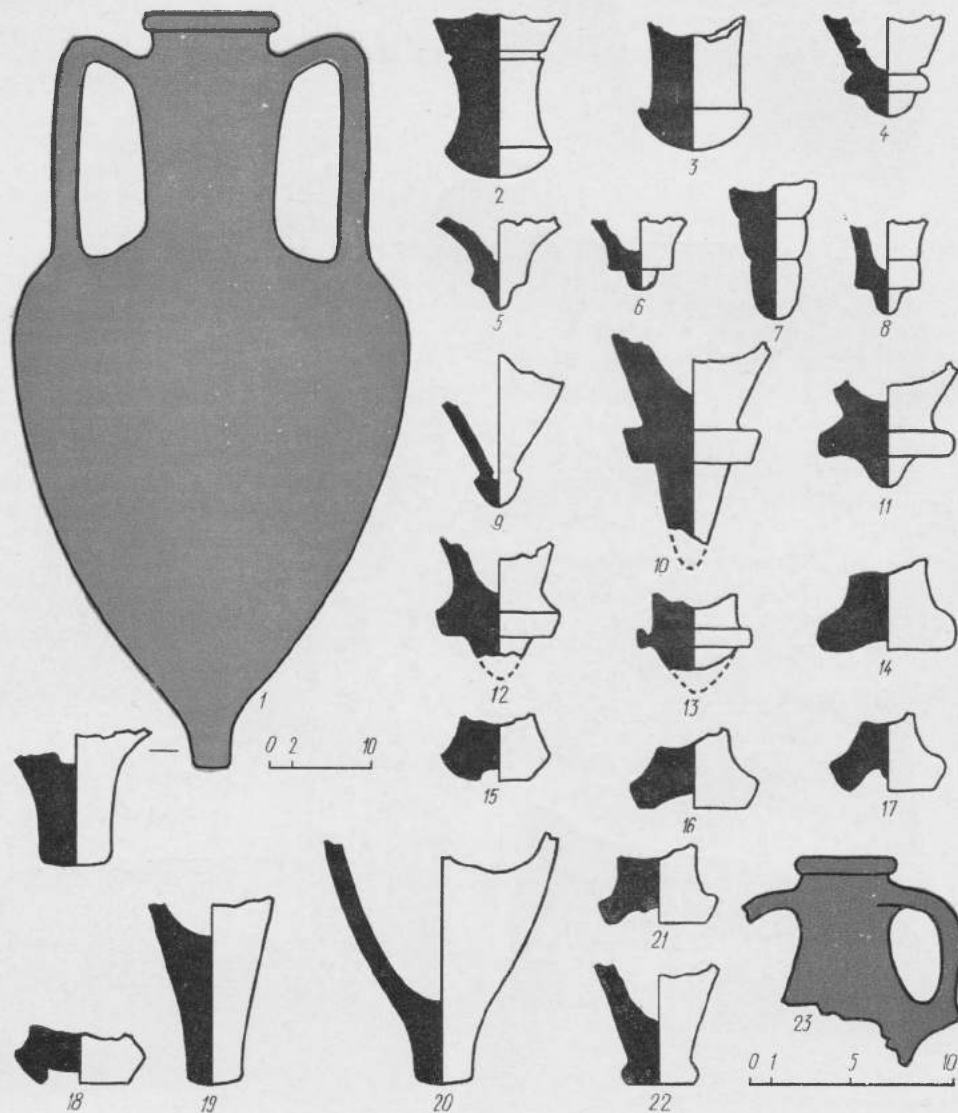
130 Grace V. Timbres amphorigues trouves a Delos.— BCH, 1952, 76, II; Grace V. et Savvatianou-Petropoulakou M. Exploration archéologique de Delos.— Paris, 1970.

131 Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э.
132 IOSPE, III, Родос, № 16—84, 326 и т. д.

II в. до н. э.¹³⁵ Трижды встречено имя Родона. Имена Дамоклеса и Павсания принадлежат фабрикантам и эпонимам. Мы отмечали, что на Неаполе найдено три клейма Павсания-эпонима. Различают не менее трех эпонимов¹³⁶, из которых Павсаний III относится ко второй четверти II в.

до н. э.¹³⁷ Судя по палеографическим данным, неапольские клейма с этим именем, скорее всего, принадлежат Павсанию III. Среди редких клейм — имена фабрикантов Аполлонида, Буларха, Главкия и Менандра. Последнее Е. М. Придик отнес к числу клейм из неизвестного центра¹³⁸.

Рис. 58
Амфоры эллинистического
времени (1—23).

133

Левин Е. И. Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок ольвийской агоры: Ольвия.— М.; Л., 1964, с. 231.

134

Шелов Д. В. Указ. соч., с. 73.

135

Шелов Д. В. Указ. соч., с. 23.

136

Grace V. Délos, Op. cit., 529;

Шелов Д. В. Указ. соч., с. 66.

137

Grace V. et Savvatiakou M. Op. cit., p. 304—305.

138

Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм. Пг., 1917, с. 142, № 30.

Прямоугольные клейма с именами эпонимов обычно не имели эмблемы, лишь клеймо с именем эпонима Тимасагора с эмблемой — изображение головы Гелиоса и на клейме Марона — неясный знак. Пять круглых эпонимных клейм имели цветок граната, и на одном круглом помещена голова Гелиоса. Эмблемы клейм фабрикантов более разнообразны: восемь — с цветком граната, восемь имели кадуцей, два — голову Гелиоса, по одному клейму с разными изображениями: нос корабля, венок с лентами, гроздь винограда, якорь, герма.

В хронологическом отношении, судя по комплексам Пергама, Афинской агоры, Делоса, Тарса и Северного Причерноморья (Ольвия, Танаис), клейма распределяются на четыре группы. Из табл. 1 видно, что торговые связи Неаполя с Родосом установились с конца III в. до н. э. и продолжались вплоть до I в. до н. э. Время наиболее интенсивных связей с островом падает на конец III — первую половину II в. до н. э.

Второе место по количеству клейм занимает Херсонес — 34 клейма, из них одно на черепице. По классификации Р. Б. Ахмерова¹³⁹, уточненной В. В. Борисовой¹⁴⁰, они принадлежат: концу IV — началу III в. до н. э. — одно клеймо; середине и концу III в. до н. э. — семь клейм; концу III — началу II в. до н. э. — шесть клейм; II в. — началу I в. до н. э. — четыре клейма. Семь клейм имеют монограммы, одно анаэпиграфное с эмблемой — палицей Геракла. Херсонесские клейма с эмблемами (что само по себе представляет редкость), по мнению Р. Б. Ахмерова, относятся к сравни-

тельно позднему времени¹⁴¹. Экономические связи с Херсонесом охватывают весь эллинистический период, установились они в конце IV в. до н. э. и продолжались вплоть до I в. до н. э. Период наиболее интенсивной торговли приходится на III — начало II в. до н. э., т. е. до Диофантовых войн.

Таблица 1

Родосские клейма Неаполя с именами эпонимов и фабрикантов

Дата (до н. э.).	Эпоним	Фабрикант	Всего	%
220—180 гг.	11	20	31	28
180—150 гг.	14	13	27	25,2
Вторая половина II в.	28	19	47	43,9
Конец II — начало I в.	1	1	2	1,8
Всего клейм	54	53	107	100

Среди астиномных имен — Пасион, Палюстрат, Прютан, Нанон, Аполлон, Люкон — обычные для Херсонеса.

19 клеймами представлен Книд. Одно из них анаэпиграфное, круглое с букранием. Клеймо с именем эпонима Даматрия Б. Н. Граков датировал III в. до н. э. Клеймо Аполлония, вероятно, фабриканта (начало его не читается), относится к первой половине II в. до н. э.¹⁴² Клеймо фабриканта Асклепидора имеет аналогии в каталоге Е. Придика¹⁴³ и А. Дюмона¹⁴⁴, его же приводит М. Савватиану-Петропулаку и датирует концом II в. до н. э.¹⁴⁵ Клеймо с именем эпонима Дионисия относится к концу II — началу I в. до н. э.¹⁴⁶

Рис. 59
Ручки родосских амфор с клеймами.

139 Ахмеров Р. Б. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 1951, № 3; Ахмеров Р. Б. Об астиномных клеймах

эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 1949, № 4. 140 Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. — НЭ, 1974, № 11.

141 Ахмеров Р. Б. Об астиномных клеймах..., с. 103.

142 Lenger M. Timbres amphorigue trouves a Argos. — BCH, 1957, 81, 1, p. 164, № 90;

В. Грейс датировала его приблизительно началом I в. до н. э. Grace V. Delos, p. 353, 11. 143 Придик Е. М. Указ соч., с. 58, № 22.

К концу II — началу I в. до н. э. принадлежит клеймо с именем эпонима Ермофранта¹⁴⁷. Предположительно восстанавливается клеймо эпонима Феодосия. М. Ленже датирует такие клейма первой половиной II в. до н. э. Ко второй половине II в. до н. э. относятся клейма фабриканта Феуклеса и эпонима Никомаха¹⁴⁸. Примерно восстанавливается клеймо фабриканта Дионисия — конца II — начала I в. до н. э.¹⁴⁹ Одно клеймо восстанавливается по аналогиям¹⁵⁰, три клейма не поддаются чтению.

Таким образом, из 19 квидских клейм, найденных на Неаполе, датируются 10, из них одно — II в. до н. э., два относятся к первой половине II в. до н. э., три — ко второй половине — концу II в. до н. э., четыре — к концу II—I в. до н. э. Два круглых клейма; вышеназванное анэпиграфное и с именем эпонима Даматрия и букранием, остальные клейма прямоугольные. Из них шесть клейм имеют эмблемы: двойной топорик, букраний, кадуцей, нос корабля.

Клейменных ручек косских амфор всего 13, четыре из них не читаются, на остальных имена: Адай, Аполла, Арин, Аполлон(ий), Ерат, Зотик, Ксенокрит или Ксенотим. На двух клеймах имеются эмблемы с именем Аполла-герма и бычок с именем Аполлон (ия?).

Как известно, клеймились косские амфоры sporadически и по данным керамической эпиграфики судить об их ввозе в Северное Причерноморье нельзя¹⁵¹. Однако многочисленные находки обломков косских амфор свидетельствуют, что дешевое косское вино пользовалось широким спросом у северопричерноморских греков, покупали его в большом количестве и скифы. Об этом свидетельствуют многочисленные обломки косских амфор, обнаруженных на Неаполе.

Связи Неаполя с Косом установились рано. Среди обломков косских амфор на городище най-

дены фрагменты амфор IV—II вв. до н. э., а также ножки амфор рубежа нашей эры. Таким образом, торговля с островом Кос длилась с IV в. до н. э. по I в. н. э.

Синопский импорт на Неаполе ограничивался в основном черепицей, которую покупали большими партиями в IV—III вв. до н. э. Находки синопских амфор единичны, клейменных из них всего три: одна с именем астинома Героклейта датируется 320—270 гг. до н. э., вторая с именем астинома Метродора — второй половиной II в. до н. э., третье клеймо плохой сохранности не восстанавливается. Торговля с Синопой, видимо, не получила широкого развития.

Одно клеймо на ручке амфоры из коричневой глины с именем фабриканта Тима(р)ха датируется второй половиной III—II вв. до н. э.¹⁵² На Неаполе найдены небольшие и крупные фрагменты подобных амфор, центром производства которых предположительно считается Гераклея Поптийская или какой-нибудь иной южнопричерноморский центр¹⁵³.

Шесть клейм Неаполя происходят из неизвестных центров. Среди них: прямоугольное клеймо на ручке красноглиняной амфоры; ромбическое клеймо на ручке амфоры из розовой глины с белыми включениями и четко вырезанными начальными и конечными буквами легенды ΑΠΟ[ΑΛΟΑ ΓΟΡΟΝ]ΟΜΟΥ, эмблема клейма не вполне ясна (возможно, амфора); круглое клеймо в виде небрежно выполненной розетки на ручке светлоглиняной амфоры; прямоугольное клеймо на ручке красноглиняной амфоры с четким клеймом фабриканта Тимасикрата; клеймо Манея на ручке светлоглиняной амфоры; прямоугольное трехстрочное клеймо на ручке амфоры из светлой глины с темными включениями.

Довольно часто на амфорах встречаются граффити: буквы X, A, H, Δ, N. Одни из них, по-ви-

144

Dumont A. Inscription céramique des Grèce.— Paris, 1892, p. 249, N 20.

145

Grace V. et Savvatianou-Petropoulakou M. Op. cit., p. 327, E — 65.

146

Lenger M. Timbres amphoriques trouvés a

Argos.— BCH. Paris, 1955,

vol. 79, 2. y. 498—48;

Grace V. Delos, p. 533—10;

Grace V. et Savvatianou-Petropoulakou M. Op. cit.,

p. 329, E — 72; p. 347,

E — 170.

147

Lenger M. Timbres amphoriques trouvés a Argos.— BCH, 1957, vol. 81, p. 168—97; Lenger M. Op. cit., p. 490—11; Grace V. et Savvatianou-Petropoulakou M. Op. cit., p. 334, E — 98.

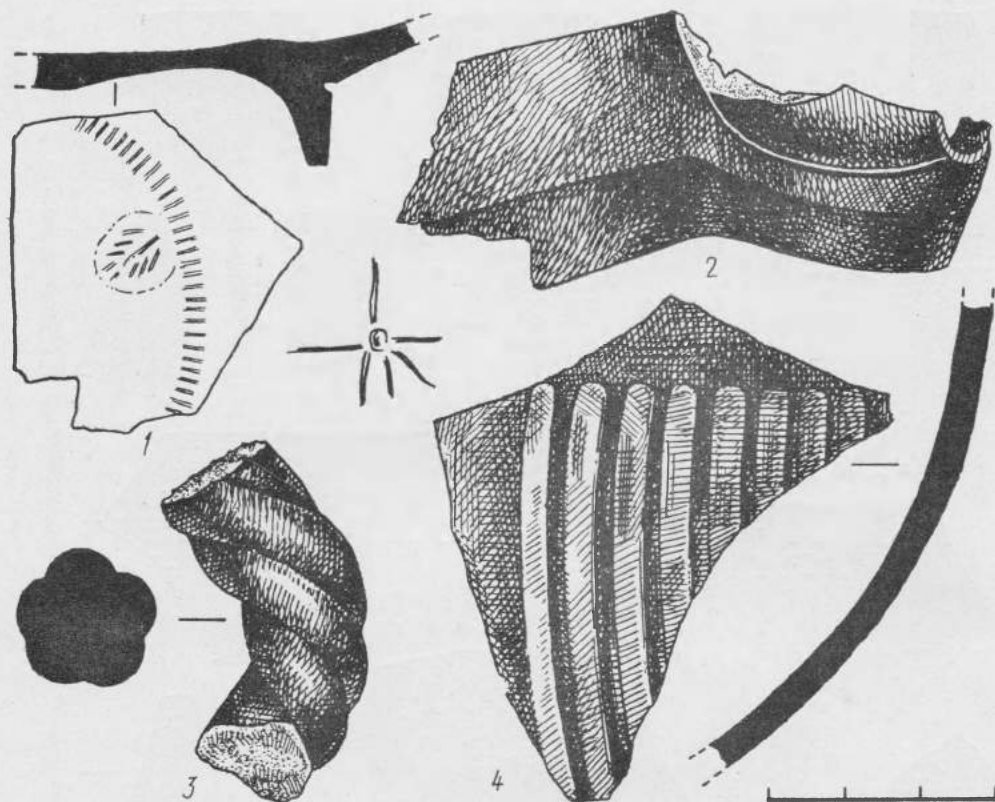

Рис. 60
Фрагменты чернолаковых
сосудов (1—4).

димому, имели цифровые значения, другие были начальными буквами имен владельцев. (клейма Коса не поддаются дифференцированной датировке). Наиболее интенсивная торговля приходится на конец III — начало II в. до н. э. (см. табл. 2). К концу II в. до н. э. она постепенно затухает. Обращает внимание полное отсутствие импорта Гераклеи и Фасоса. По-видимому, это явление нельзя объяснить лишь тем, что клейма этих

центров относятся к более раннему хронологическому периоду. Как видно на примере синопских и херсонесских клейм, наиболее ранние импортные материалы Неаполя датируются IV—III вв. до н. э. Синхронные клейма Гераклеи и Фасоса известны во всех центрах Северного Причерноморья. На Неаполе их нет. Очевидно, это можно объяснить тем, что в период становления города, в IV—III вв. до н. э., нужны были глав-

148
Lenger M. Op. cit., 1957,
vol. 81, p. 496—44.
149
Lenger M. Op. cit., p. 168—97;
Grace V. et Savvatiadou-
Petrooulakou M., Op. cit.,
p. 340, E — 129; E — 130.

150
Dumont A. Op. cit., p. 136—
158.
151
Зеест И. Б. Керамическая
тара Боспора, с. 25.

152
Виноградов Ю. Г.,
Онайко Н. А. Об
экономических связях
Гераклеи Понтийской с
Северным и Северо-Восточным
Причерноморьем в

эллинистическое и римское
время.— СА, 1975, № 1,
с. 88—89.
153
Михлин Б. Ю. Амфоры
«коричневой» глины из
Северо-Западного Крыма.— СА,
1974, № 2, с. 65 и сл.

Рис. 61
Фрагменты мегарских чаш
(1—19).

Рис. 62
Фрагменты гончарных
сосудов (1—20).

ным образом строительные материалы — покупали черепицу, а вместе с ней попадало и незначительное количество синхронных амфор из центров экспортеров черепицы.

Черепица. Импортировали черепицу из двух центров — Синопы и Херсонеса. Из 58 учтенных

на черепице из этого центра. На синопской черепице 28 клейм. Из них поддаются чтению 18. В хронологическом отношении они подразделяются следующим образом: 10 клейм с именами астиномов Аристона, Истайя (3), Никомеда (2), Меналка, Посейдония, Филона и фабриканта Манея

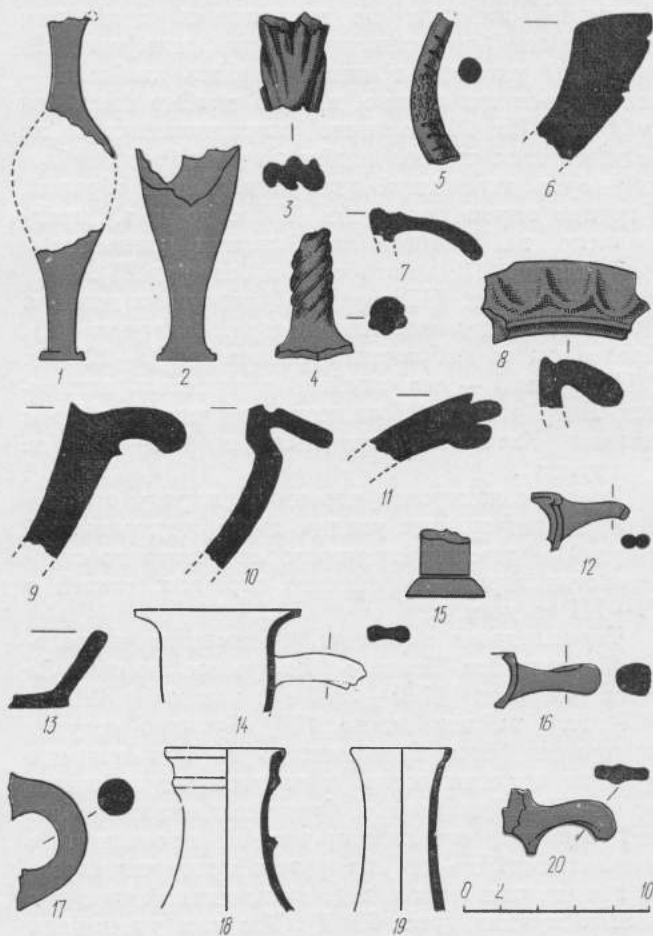
Таблица 2

Торговые связи Неаполя по керамическим клеймам

Дата (до н. э.).	Родос	Херсонес	Книд	Синопа	Всего	%
Конец IV — начало III в.		1		1	2	1,46
Середина и конец III в.		7			7	5,8
Конец III — начало II в.			1		1	0,7
220—180 гг.	31	6			37	26,5
180—150 гг.	27		2		29	21,1
Вторая половина II в.	47		3	1	51	37,2
Конец II — начало I в.	2	4	4		10	7,2
Всего ручек	107	18	10	2	137	100

нами бортиков черепицы с одного из участков раскопок Неаполя соотношение между центрами получается следующее: 46 фрагментов синопской черепицы, 12 — херсонесской. Конечно, это соотношение может быть случайным, но в целом на Неаполе в слоях эллинистического времени обнаружен значительно больший процент синопской черепицы по сравнению с херсонесской.

Херсонесская черепица клеймилась спорадически, нам известно на Неаполе всего одно клеймо

принадлежат к наиболее ранней I группе, по классификации Б. Н. Гракова, И. Б. Брашинского (360—320 гг.)¹⁵⁴. Из них шесть клейм имели эмблему — орел, терзающий дельфина, на двух клеймах с именами астинома Истияя и фабриканта Посейдония и с именем астинома Никомеда Невмения эмблема не сохранилась, возможно, здесь также был орел, терзающий дельфина. На одном из указанных клейм имелась эмблема — колос пшеницы вправо, и одно клеймо было без эмблемы. Из 10 частично сохранившихся и не поддающихся чтению клейм на трех была эмблема — орел, терзающий дельфина. Таким образом, I группа синопских клейм (IV в. до н. э.) представлена на Неаполе наибольшим количеством экземпляров (13, а возможно, и более из 28).

320—270 гг. (II группа) датируются клейма с именами астиномов Аполлодора, Евхариста (2), Протофана и фабриканта Гикесия. 270—220 гг. (III группа) — два клейма с именами астиномов Посейдона и Полюктора, и одно клеймо с именем Клевмена относится к 180—150 гг. (V группа).

В целом датировка черепицы, наряду с фрагментами амфор, как увидим ниже, чернолаковой посудой, подтверждает начало интенсивного строительства города и развитие торговых связей в IV—III вв. до н. э.

Чернолаковая керамика. Фрагментов чернолаковой посуды на Неаполе обнаружено немного. За 8 лет раскопок (1945—1956 гг., исключая 1951—1954 гг.) найдено всего 108 обломков сосудов различных форм. Большинство из них покрыто тусклым жидким лаком и не выходит за рамки конца III—II вв. до н. э. Среди них имеется обломок тарелки, орнаментированной насечками и пальметками. На дне с наружной стороны тарелки процарапан знак в виде примитивной звезды с шестью лучами (рис. 60, 1). Мы уже упоминали

обломок плечика маленькой аттической амфоры с небрежной росписью, состоящей из квадратов и косой штриховки. Целые экземпляры подобных амфор III—II вв. до н. э. найдены в Ольвии¹⁵⁵. По-видимому, к этим же амфорам относятся фрагменты витых чернолаковых ручек из Неаполя (рис. 60, 3). Кроме того, обнаружены единичные обломки чернолаковых канфаров (рис. 60, 4) и светильников (рис. 60, 2). Несколько фрагментов принадлежат блюдам, покрытым черным лаком. По качеству покрытия их можно датировать концом IV — началом III в. до н. э. Найдено также несколько фрагментов краснофигурных сосудов. О крышке леканы из дома с подвалом речь шла выше, другие обломки не сохранились*.

Мегарские чаши. С конца III в. по II в. до н. э. в греческих городах Северного Причерноморья получают распространение так называемые мегарские чаши. По мнению большинства исследователей, они привозные, главным образом с Делоса¹⁵⁶. Немало обломков таких сосудов найдено и в эллинистических слоях Неаполя скифского.

Нами учтено 40 обломков чаш с разных участков городища (рис. 61, 1—19)**. Большинство из них покрыто тусклым красным или черным лаком. Разнообразный орнамент их (пальметы, звезды, лексийский киматий, меандр, листья аканта, жемчужины) сближает наши сосуды с делосскими¹⁵⁷, хотя некоторые орнаментальные мотивы, в том числе вытянутые лепестки, разделенные зубчиками (рис. 61, 18), характерны для делосских¹⁵³ и пергамских чаш¹⁵⁹. К пергамскому импорту относится маленький обломок краснолаковой чаши с остатками изображения двух человеческих фигур, выполненных рельефно.

Глина всех неапольских обломков не содержит характерной для Боспора и Херсонеса примеси из мелкотолченого кальцита, и поэтому пет основа-

154

Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. — РАНИОН, 1928, с. 115—15, 16; Брашинский И. Б. Экономические связи Синоп. — В кн.:

Античный город. М., 1963, с. 133. В настоящее время Б. А. Василенко еще удревнил клейма, I группу он относит ко времени около 400—360 г., см.: Василенко Б. А. Керамические клейма из антич-

ных поселений. — Автореф. канд. дис. М., 1972, с. 18. 155

Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма. —

СА, 1949, № 11, рис. 5, 4, 5.

*

О них известно по описям и дневникам. 156

Лосева А. М. Об импорте и местном производстве

ний считать мегарские чаши Неаполя продукцией этих мастерских.

Прочие находки. Кроме перечисленных основных групп импортного материала Неаполя (амфор, черепицы, чернолаковой посуды и мегарских чаш), на городище найдено большое количество фрагментов бальзамариев из розовой и серой глины (рис. 62, 1, 2, 15), встречены обломки разнообразных витых ручек кувшинов (рис. 62, 3—5), многочисленные фрагменты лутериев из серой и красной глины (рис. 62, 6—11), миниатюрных сосудов с двойными ручками (рис. 62, 12), разнообразных кувшинов (рис. 62, 14, 18, 19, 20), гончарных сковород (рис. 62, 13), чаш или глубоких мисок с горизонтальными, круглыми в сечении ручками (рис. 62, 16, 17). К наиболее интересным образцам импортной посуды Неаполя эпохи эллинизма принадлежит фрагмент расписного сосуда типа лягинос¹⁶⁰.

Наряду с разнообразной посудой, главным образом из городов Северного Причерноморья, привозили всевозможные украшения. Среди них особого внимания заслуживают золотые нагубники, наглазники и различные нашивные золотые бляшки. Последние, по мнению Н. И. Погребовой, попали в Неаполь с Боспора и являются изделиями боспорских мастеров-ювелиров. Это подтверждают изображения богини в стегане на бляшке из Неаполя, которые аналогичны ее изображению на бронзовом штампе, найденном в Тиритаке¹⁶¹. Вполне возможно, что и многие бронзовые украшения, найденные в мавзолее и некрополе, были изготовлены как местными, так и боспорскими мастерами.

Помимо украшений неапольцы покупали у греков терракотовые статуэтки. Обнаружен фрагмент обнаженной человеческой фигуры — спина, возможно, от половины формы (рис. 63, 1). Другой фрагмент принадлежал обнаженной женской

фигуре, возможно, Нике (рис. 63, 2), кроме того, найдены женская головка (рис. 63, 3) и часть торса мальчика с чашей в руках (рис. 63, 4), обломки женских фигурок, судя по складкам одежды (рис. 63, 5, 6), а также несколько мало-выразительных обломков различных фигур и фрагменты статуэток Деметры, Афродиты, Гермеса, культ которых был популярен среди жителей города.

В слоях эллинистического и римского времени встречаются фрагменты привозных, круглых и квадратных жерновов и зернотерок из вулканических пород.

Торговые связи Неаполя скифского в римское время. В римское время меняются торговые партнеры Неаполя, сокращаются и постепенно затухают связи с Средиземноморьем за счет притока южнопонтийских товаров и увеличения импорта из центров Северного Причерноморья.

Амфоры. Одним из наиболее распространенных импортных товаров в римское время продолжает оставаться вино и масло, ввозимое в амфорах.

Фрагменты амфор, в очень большом количестве встреченные в верхних слоях городища, принадлежат разнообразным типам сосудов. К сожалению, в настоящее время мы лишены возможности дать подробную характеристику всех форм амфор, найденных на Неаполе, поэтому ограничимся рассмотрением только отдельных, наиболее распространенных типов. К ним относятся светлоглиняные амфоры с широким воронкообразным горлом и конической ножкой (рис. 64, 1). Целые экземпляры таких сосудов найдены в могильнике у совхоза № 10 близ Севастополя, где они использовались в качестве погребальных урн. Инвентарь, обнаруженный в амфорах-урнах этого некрополя, позволяет датировать их не ранее II—III вв. н. э.¹⁶²

мегарских чаш на Боспоре.— МИА, 1962, № 103, с. 196; Шелов Д. Б. Находки в Танаисе мегарских чаш.— В кн.: Античные древности Подолья — Приазовья. М., 1969, с. 223.

В действительности же таких сосудов, судя по описям, было значительно больше.

157
Courby F. Les vases grecs a reliefs.— Paris, 1922; Baur P.

Megarion bowls in the Rebecca Darlington Stodard collection of greek and Italia vases in Gale university.— AJA, 1941, vol. 45, N 2, p. 236, f. 5; Laumonier A. Bols hellénistiques a reliefs en

Espane.— Revue des études anciennes. Paris, 1962, v. 64, N 1—2, p. 45; Schwabacher W. Hellnistische reliefkeramik in keramelikos.— AJA, 1941, v. 45, N 2, tat. X — B, abb. 31.

Судя по многочисленным профилированным ручкам, были распространены разнообразные светлоглиняные амфоры (рис. 64, 16), на горловинах некоторых из них сохранились буквы, нанесенные красной краской (рис. 64, 6). Отдельные амфоры имели стройную коническую ножку

(рис. 64, 12). Часто встречаются также широкогорлые, большие красноглиняные амфоры с короткими сильнопрофилированными ручками (рис. 64, 2) и конической ножкой (рис. 64, 10, 11). Широко были распространены красноглиняные амфоры различных размеров с профилирован-

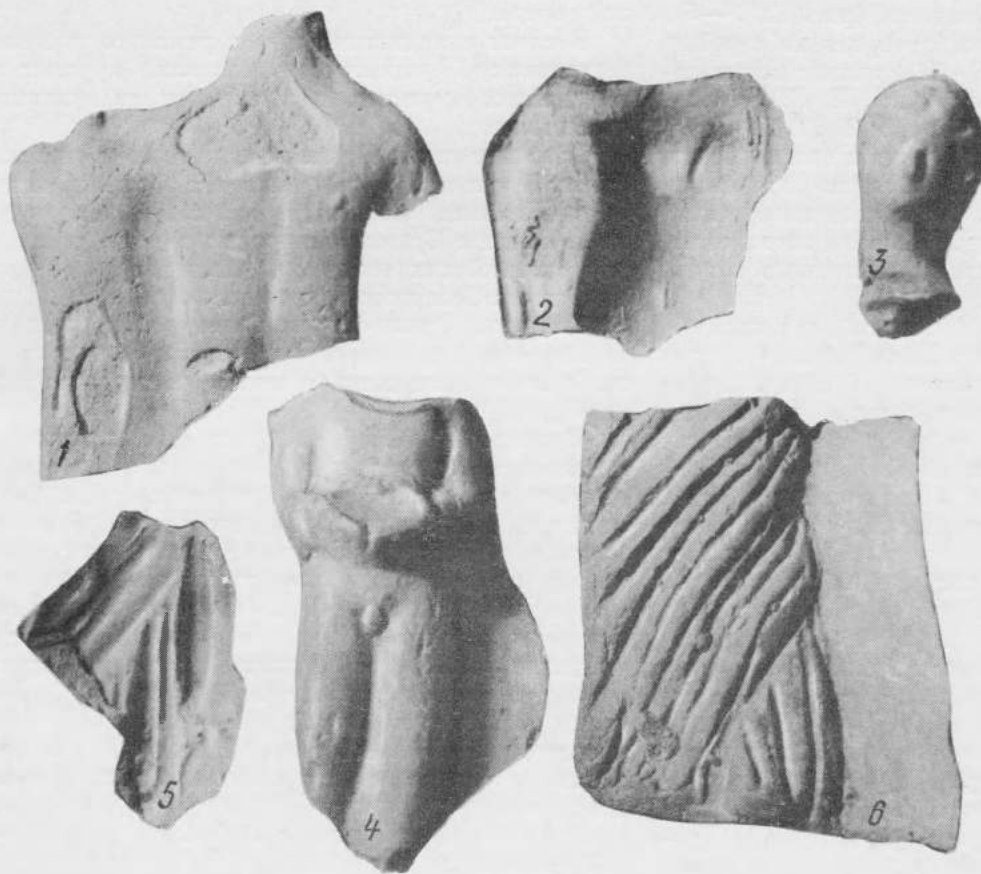

Рис. 63
Фрагменты терракотовых статуэток (1—6).

Рис. 64
Фрагменты амфор римского времени (1—18).

158
Courby F. Op. cit., p. 387,
fig. 80, 3; p. 407, fig. 88, 51.

159
Conze A. Stadt und
Landschaft.— *Altertumer von*
Pergamon, 1913, Bd. 1, S. 43,
Abb. 4.

160
Махнева О. А. Расписной
эллинистический сосуд из
Неаполя скифского, с. 253
и сл.

161
Погребова Н. Н. Погребения в
мавзолее Неаполя скифского,
с. 155.

ными ручками (рис. 64, 7, 17), ребристым или рифленным туловом, покрытым иногда светлым ангобом (рис. 64, 3, 4, 8, 18). Ножки таких амфор конические или с шпичкой (рис. 64, 14, 15). Вполне возможно, что эти амфоры были привезены на Неаполь из Херсонеса, где найдены та-

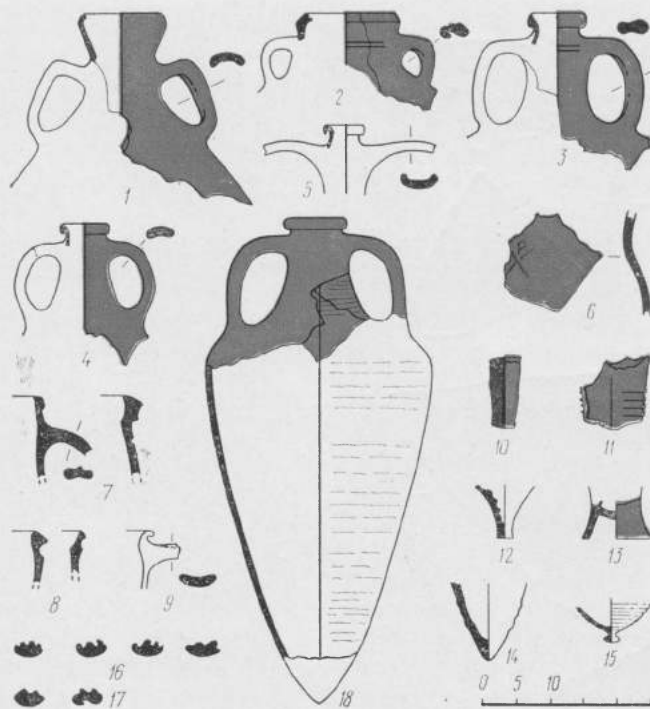
но отходящими от горловины ручками (рис. 64, 5, 9). Ножка у таких амфор высокая, почти цилиндрическая (рис. 64, 13).

Краснолаковая керамика. По количеству фрагментов и разнообразию форм краснолаковая посуда Неаполя, безусловно, занимает первое место среди других позднескифских городищ Крыма. И это понятно, ибо население столицы имело и более широкие экономические связи и иные материальные возможности и потребности, чем жители других городов и поселений Скифского царства.

К наиболее ранним образцам краснолаковой керамики принадлежат единичные фрагменты итальянских мисок I в. до н. э., покрытых густой темно-красной глазурью. К I—II вв. н. э. относится группа сосудов с росписью белой краской по краснолаковой поверхности (рис. 65, 1—5). Орнамент очень примитивный — растительный и геометрический. По мнению Т. Н. Книпович, подобные сосуды представляли продукцию северо-причерноморских мастерских, так как в античных центрах Средиземноморья в первые века нашей эры роспись исчезает¹⁶⁴. Но в II—I вв. до н. э., судя по находкам боспорских некрополей, расписные краснолаковые сосуды еще привозились из Средиземноморья¹⁶⁵.

I в. н. э. можно датировать, судя по светло-желтому, блестящему лаку, фрагменты кубков Неаполя с вдавленным орнаментом (рис. 65, 7), обломки чашек и мисок с насечками и штрихами (рис. 65, 8, 10, 11), а также кубки с канелированным орнаментом (рис. 65, 9, 12). На поверхности одного из фрагментов по сухой глине процарапан зигзагообразный орнамент (рис. 65, 6), на другом — буква В (рис. 65, 13).

Наиболее распространенные формы привозной краснолаковой керамики I в. н. э., найденные на Неаполе, представлены четко профилированными

кие же. Не исключено также, что попали они с Боспора. И. Б. Зеест считает, что подобные сосуды производили в Пантикапее или его окрестностях¹⁶³. По-видимому, из Херсонеса привезены на Неаполь амфоры из красной глины с включениями слюды и кальцита, с почти перпендикуляр-

162

Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму, с. 127.

163

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 111.

164

Книпович Т. Н. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. — В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М., 1955, с. 390.

165

Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов. — МИА, 1959, № 59, с. 200, 208—209.

малоазийскими мисочками, покрытыми светлым лаком, некоторые из которых имели высокий кольцевой поддон (рис. 66, 1). Единичные экземпляры таких мисок имеют насечки на внутренней поверхности. В более позднее время, во II—III вв. н. э., постепенно утрачивается четкость профили-

ровки мисок, более вялым становится поддон (рис. 66, 2), тусклым покрытие. Миски такого профиля бытовали в Северном Причерноморье еще в IV в. н. э. В могиле № 39 некрополя совхоза «Севастопольский» (№ 10) такая миска, покрытая тусклым лаком, найдена с монетой IV в. н. э.

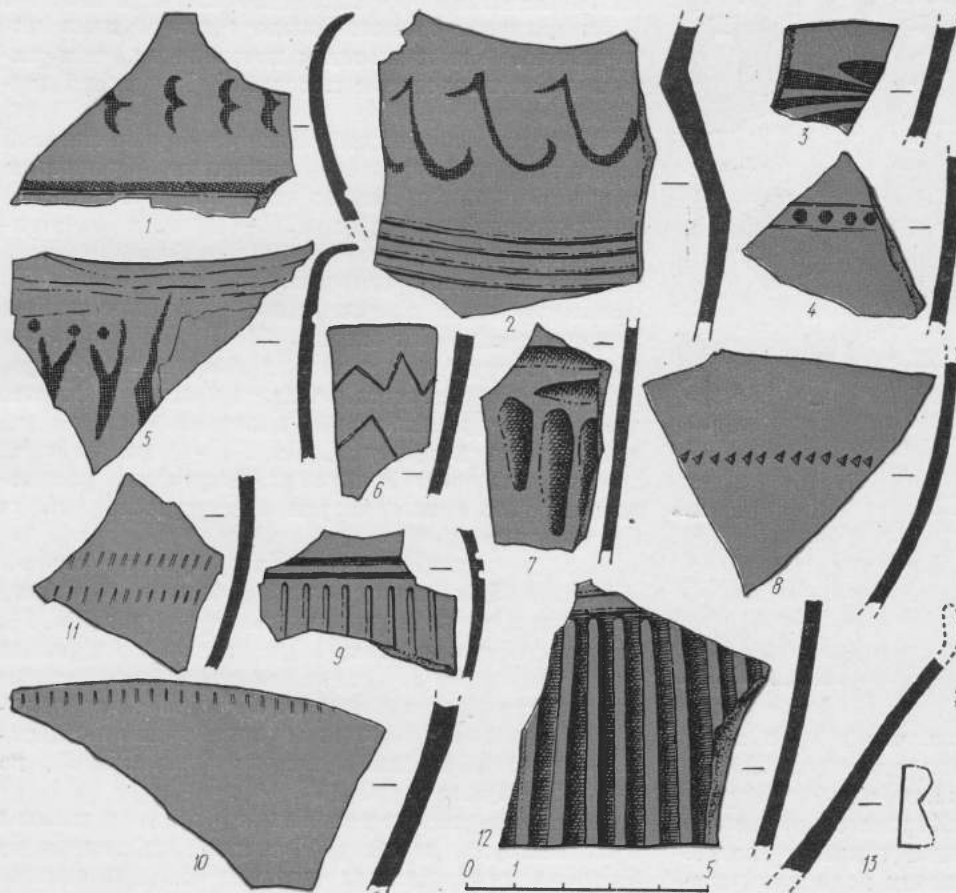

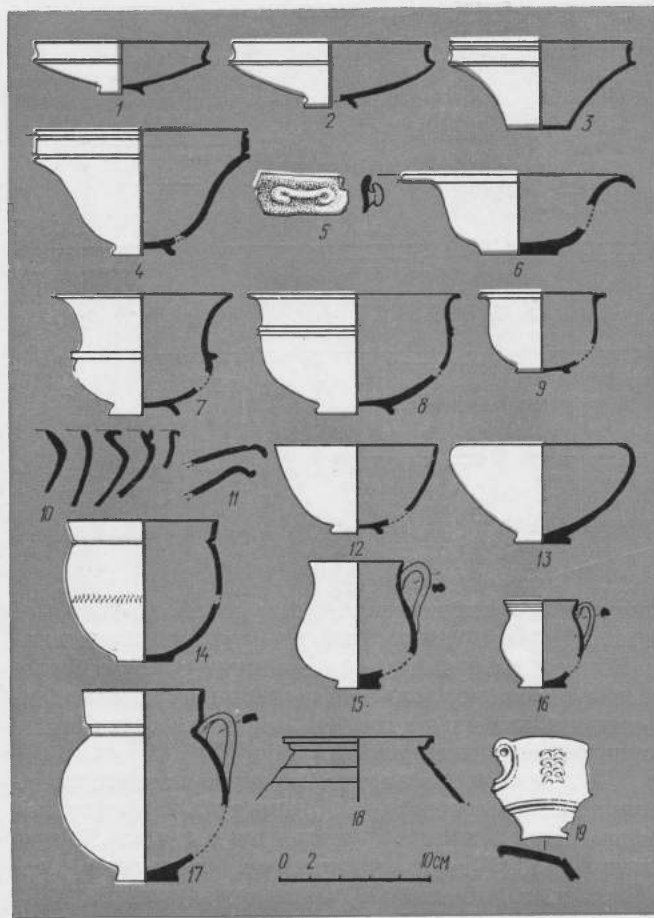
Рис. 65
Фрагменты краснолаковых
сосудов с орнаментом
(1—13).

Рис. 66
Фрагменты краснолаковых
сосудов (1—19).

166.
*Knipowitsch T. Die Keramik
römischer Zeit aus Olbia in der
Sammlung der Ermitage.—
Materialien zur römisch-
germanischen Keramik. 1929,
Bd. 4; Taf. II. Abb. 24.*

167
*Robinson H. The athenian
Agora.— New Jersey, 1959,
pl. 5, G, 67; pl. 66, G, 66.*

Многочисленные фрагменты принадлежат глубоким малоазийским чашкам, широко распространенным в Причерноморье в I—II вв. н. э. (рис. 66, 3, 4).¹⁶⁶ Довольно часто во время раскопок встречаются обломки мисок с ручками-упорами (рис. 66, 5).

168

Гайдукевич В. Ф.
Некрополи некоторых
боспорских городов, с. 196,
рис. 68.

Глубокие чашки полусферической формы (рис. 66, 8) датируются по комплексу находок с Афинской агоры I в. н. э.¹⁶⁷ К этому же времени относятся подобные чашки, но меньшего размера (рис. 66, 9).¹⁶⁸ Чашки самого различного профиля найдены на Неаполе в слоях II—III вв. н. э. (рис. 66, 6, 7, 10, 11). Некоторые имеют прямые, чуть скошенные стенки (рис. 66, 12). К III в. н. э. большинство из них утрачивает четко выраженный кольцевой поддон, стенки чашек утолщаются (рис. 66, 13).

На Неаполе встречаются единичные экземпляры кубков I—II вв. н. э. с насечками по тулову (рис. 66, 14). В I—III вв. широко распространяются горшочки с профилированными ручками (рис. 66, 15, 16, 17). Известны отдельные экземпляры больших краснолаковых горшков, орнаментированных горизонтальными желобками (рис. 66, 18). Довольно редко встречаются фрагменты рыбных блюд (рис. 66, 19).¹⁶⁹

Кроме описанных выше сосудов, на Неаполе найдены многочисленные обломки краснолаковых кувшинов II—III вв. н. э. (рис. 67, 1—16). Некоторые из них имеют аналогии среди сосудов могильника у совхоза № 10. Так, кувшин, подобный неапольскому, найден в погребении № 65 некрополя вместе с инвентарем II—III вв. н. э. (рис. 67, 3), а кувшин, аналогичный нашему, обнаружен в погребении № 40 того же могильника с монетой III в. н. э. (рис. 67, 4).

Итак, среди фрагментов рассмотренной нами краснолаковой посуды Неаполя скифского наиболее ранние экземпляры принадлежат малоазийскому импорту и датируются I в. н. э. Отдельные обломки итальянских сосудов не исключают в целом западноевропейский импорт, но он, по-видимому, не получил широкого развития.¹⁷⁰ Обращает на себя внимание отсутствие на Неаполе импорта галльских мастерских. Во II—III вв. н. э. часть

169

Книпович Т. Н.
Краснолаковая керамика
первых веков нашей эры.—
МИА, 1952, № 25, с. 306,
рис. 6, 2.

170

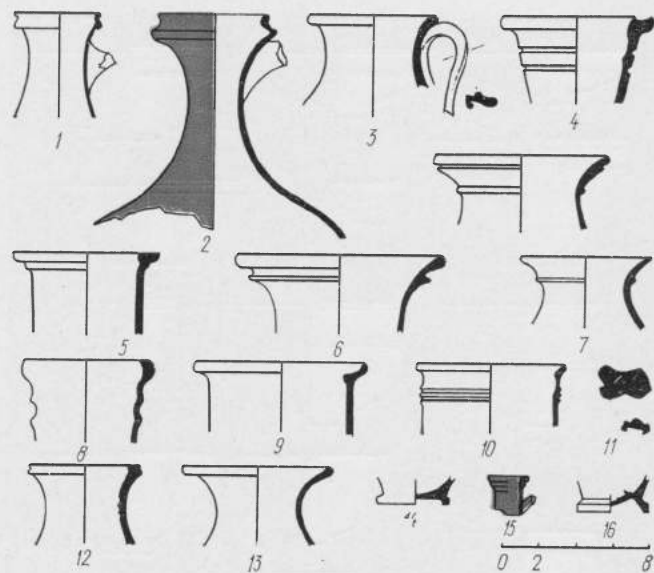
Раевский Д. С. Комплекс
краснолаковой керамики из
Неаполя.— Ежегодник ГИМ,
1965—1966, 1970, с. 98.

продукции, вероятно, продолжает поступать из Малой Азии, однако импорт ее сокращается за счет производства аналогичной керамики в северопричерноморских центрах. В частности, гончарные мастерские Херсонеса производили такую посуду и в большом количестве продавали ее варварам. Но выделить краснолаковые сосуды местного производства пока трудно. Вряд ли прав В. И. Кадеев, отделяя посуду местного производства по нечеткости профилировки и отсутствию блеска облицовки¹⁷¹. В II—III вв. н. э. огрубение форм, изменение качества покрытия было явлением, характерным для античности в целом¹⁷², и выделить местную керамику можно, по-видимому, лишь по составу глины, используя, как предлагала Т. Н. Книпович¹⁷³, известные клейменные образцы посуды данного центра*.

Прочая гончарная керамика. Прочая гончарная или кухонная керамика, посуда I—III вв. н. э. на Неаполе представлена единичными экземплярами. Основной кухонной посудой была лепная. Среди привозных сосудов (возможно, из Херсонеса и Боспора) отдельные фрагменты принадлежат сильно закопченным кастрюлям (рис. 68, 1—4), светлоглиняным и красноглиняным кувшинам с сильно профилированными ручками (рис. 68, 5—7), разнообразным мискам, среди которых есть толстостенные с прямыми и загнутыми внутри бортиками (рис. 68, 8, 9). Последние находят аналогии в могильнике у совхоза № 10 и на Афинской агоре, датируются они серединой III в. н. э.¹⁷⁴ Некоторые миски имеют очень толстые стенки и отогнутый наружу прямой край (рис. 68, 10).

Кроме того, найдены обломки небольших светлоглиняных, четко профилированных мисок (рис. 68, 11). Один фрагмент принадлежит сковороде с орнаментированным краем, аналогичным орнаменту лутериев (рис. 68, 12).

Обломки пифосов встречаются на Неаполе в небольшом количестве. В 1950 г. перед центральными городскими воротами, к востоку от здания Р были открыты остатки комплекса из четырех пифосов, помещенных в выдолбленном в скале котловане. Пифосы установлены так, что их гор-

ловины находились на одном уровне. Датировать комплекс затруднительно, но судя по свинцовым скрепкам, которыми были соединены их разбитые части, и слитку свинца, служившему, вероятно, для заливки отверстия на дне сосуда, пифосами пользовались длительное время¹⁷⁵.

Для постройки зданий в римское время также привозили черепицу. Например, при раскопках культового здания А внутри помещения обнаружено 13,5 тыс. фрагментов черепицы I—II вв. н. э., главным образом херсонесской¹⁷⁶.

171

Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса, с. 91.

172

Siebert G. Lampes corinthiennes et imitations du musée, d'Athènes.—BSH, 90, 1966, p. 480.

173

Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры, с. 322.

*

Заметим, что мнение, высказанное С. А. Беляевым

(см.: Беляев С. А.

Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв. н. э.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. М., 1968, с. 37) относительно более

высокого качества краснолаковой посуды, найденной на городище Херсонес, которую автор считает привозной по сравнению с посудой из погребений некрополей близ Херсонеса (по его представле-

Рис. 67
Фрагменты краснолаковых
кувшинов (1—16).

Рис. 68
Фрагменты привозной
гончарной керамики
(1—12).

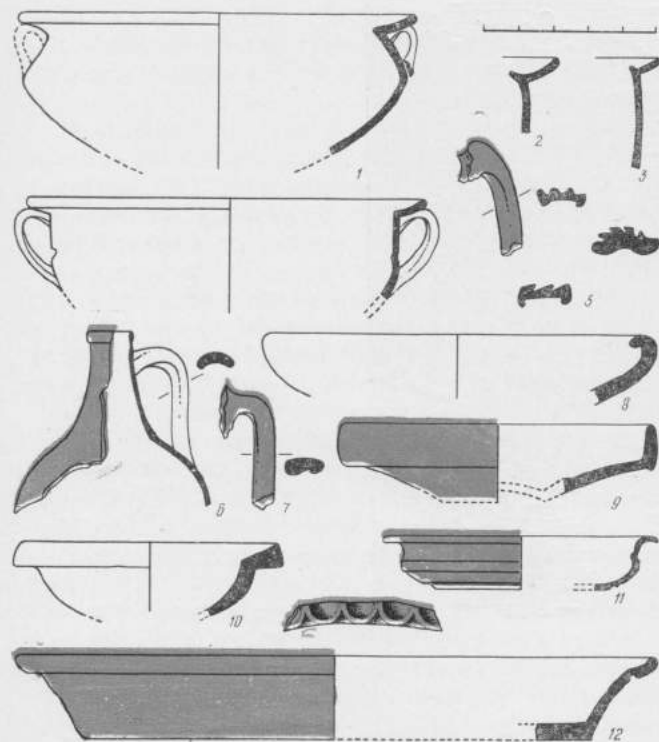
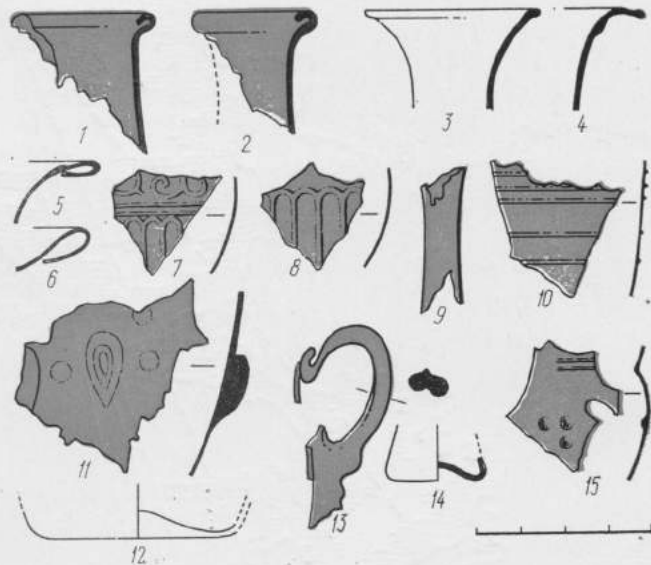

Рис. 69
Обломки стеклянных
сосудов (1—15).

служившим для жертвенных возлияний. Среди них: обломки высокогорлых кувшинов из светлого прозрачного стекла (рис. 69, 1, 3, 4), бальзамарии (рис. 69, 2, 9, 14), последние относятся к I типу второй группы В, Г, по классификации Н. З. Куниной, Н. П. Сорокиной, и датируются I—II вв. н. э.¹⁷⁷ Здесь же найдены обломки кубков из голубоватого стекла (рис. 69, 5, 6), фрагменты сосудов из прозрачного марганцового и темно-синего стекла, фрагмент сосуда из голубоватого стекла с накладной нитью (рис. 69, 10), обломки

нию — местного производства), нам кажется ошибочным. Знакомство с краснолаковой керамикой могильников у совхоза № 10, Инкермана, Черноречья и посудой самого Херсонеса убеждает нас в этом.

174
Robinson Н. Op. cit., pl. 68, f. R-5, R-13.

175
Карасев А. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1950 г., с. 28 и сл.

176
Карасев А. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1955 г., с. 15.

177
Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стеклянные бальзамарии Боспора.— ТГЭ, 1972, т. 13, рис. 1.

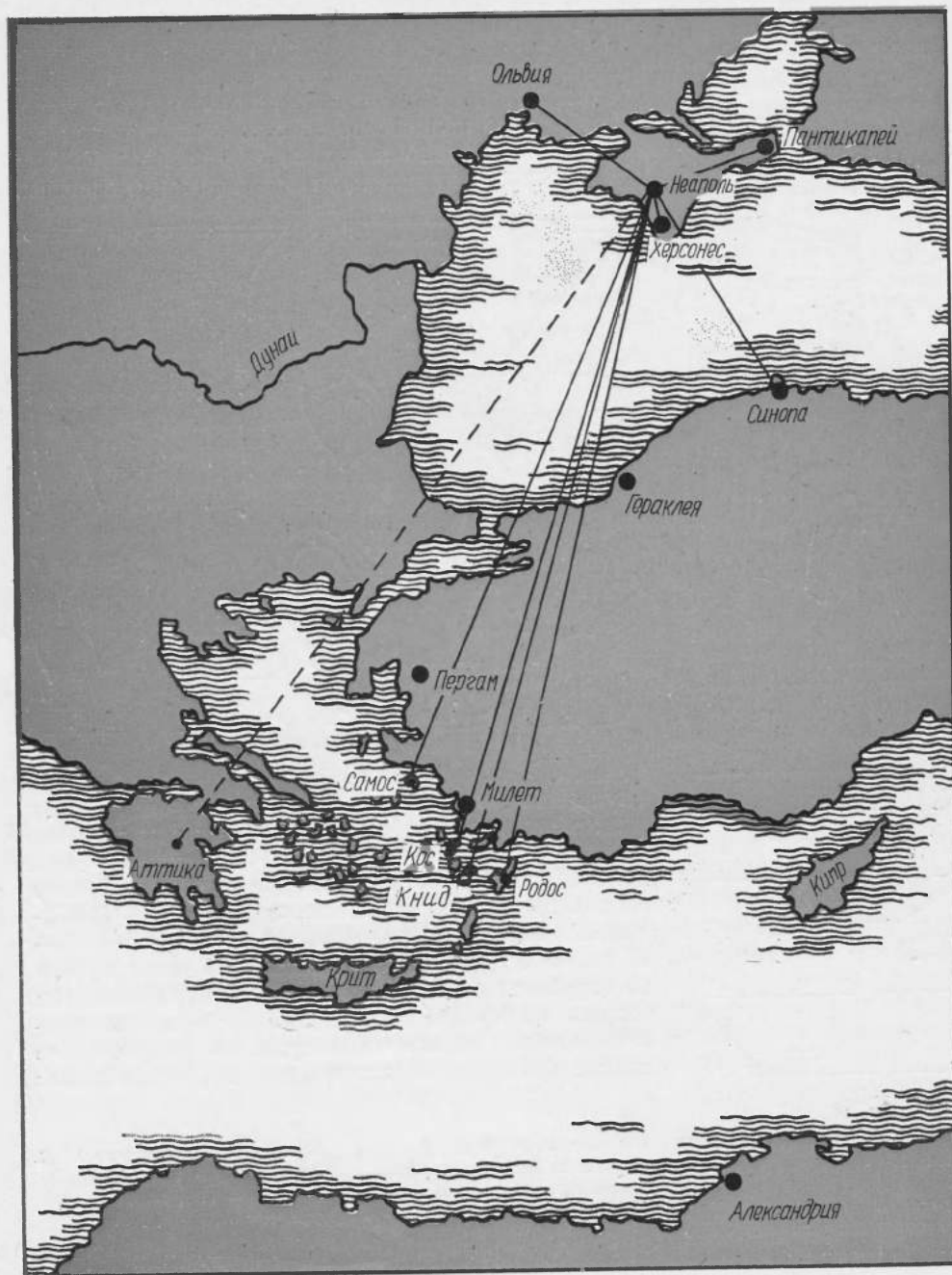

Рис. 70
Карта торговых связей
Неаполя
в эллинистическое время.

178
Сорокина Н. П. Стекло из
раскопок Пантикапея 1945—
1959 гг.— МИА, 1962, № 103,
с. 217.

сосуда из светло-синего стекла с рельефным орнаментом (рис. 69, 7), фрагмент подобного сосуда из светло-желтого стекла (рис. 69, 8). Эти сосуды, судя по орнаменту, были отлиты в форму.

Два обломка голубоватого пузырчатого стекла имеют выпуклый миндалевидный орнамент (рис. 69, 11). Они принадлежат стакану, аналогичному найденному в Пантикапее, последний датируется I в. н. э.¹⁷⁸ Кроме того, в зольнике обнаружено несколько донышков сосудов (кубков, стаканов) (рис. 69, 12). В других местах городища найдены единичные маловыразительные фрагменты, в том числе обломок кубка с ручкой из зеленоватого стекла (рис. 69, 13), обломок кубка из аналогичного стекла с вдавленным орнаментом (рис. 69, 15).

Большинство неапольских сосудов были привезены из Александрии и Сирии, а некоторые, возможно, из северопричерноморских центров — Херсонеса или Боспора, где, вероятно, в это время существовали стеклоделательные мастерские.

Украшения. Судя по многочисленным находкам, одним из излюбленных украшений, имевших в то же время и утилитарное назначение, были фибулы. Наибольшее распространение в I в. н. э. получили фибулы с подвижным приемником. На Неаполе, преимущественно на некрополе, найдены также единичные экземпляры фибул с эмалью¹⁷⁹, привезенные из римских провинций, в частности из Придунавья¹⁸⁰, либо с Боспора, где их могли изготавливать по римским образцам¹⁸¹.

Материалы некрополя Неаполя, к сожалению, мало опубликованные¹⁸², позволяют сделать вывод, что жители города носили те же бронзовые украшения и амулеты, что и население различных городов Северного Причерноморья. Это — браслеты со змеиными головками на концах, шпечками, завязанными концами, с утолщениями на концах, разнообразные перстни и пряжки, под-

вески-человечки, птички, амфорки и пр. Так как на Неаполе существовало бронзолитейное производство, значительная часть этих незамысловатых предметов могла быть изготовлена местными мастерами-ювелирами, но все же большинство украшений покупали. К импортным вещам можно отнести также бусы, многие из которых, например мозаичные, требовали от мастера опыта, навыка в работе, знания искусства стеклоделия. Покупали также разнообразные подвески из египетской пасты, служившие амотропейми. Эти изделия, так же как и мозаичные бусы, в Северное Причерноморье привозили, вероятнее всего, из Навкратиса¹⁸³. Но во II—III вв. н. э. в позднескифских погребениях появляются скарабеи, плакетки плохой профилировки, из желтой, иногда зеленовато-желтой пасты. Возможно, мастера северопричерноморских городов, освоив производство этих изделий, стали изготавливать их в большом количестве и продавать соседним народам.

Итак, рассмотрев различные стороны экономической жизни Неаполя, мы установили, что жители города занимались земледелием, животноводством, а также виноградарством и различными ремеслами. К сожалению, плохая сохранность памятников не позволяет судить о степени развития ремесла у скифов. Вероятно, население Неаполя значительно шире занималось ремеслами, чем нам сейчас это представляется. Столица государства, крупный скифский город должен был быть и ремесленным центром. Несомненно, существовали здесь мастерские бронзолитейщиков и кузнецов, свои мастера ковали мечи и кинжалы, изготавливали железные ножи и различные бронзовые украшения. Может быть, ремесленники жили и работали в отдельных, пока еще не раскрытых районах города. Некоторые виды ремесел, как мы видели на примере керамических печей, были вынесены за пределы города.

179
Симонович Э. А. Фибулы
Неаполя скифского.— СА,
1963, № 4, с. 143.

180
Кропоткин В. В.
Экономические связи

Восточной Европы в
I тысячелетии нашей эры.—
М., 1967, с. 94.

181
Амброз А. К. Фибулы юга
европейской части СССР.—
САИ, 1966, с. 30.

182
Бабенчиков В. П. Некрополь
Неаполя, скифского, с. 124,
табл. II, рис. 125; табл. IV.

183
Пиотровский Б. Б.
Древнеегипетские предметы,
найденные на территории
Советского Союза.— СА, 1958,
№ 1, с. 23.

Наряду с этим Неаполь оставался крупным торговым центром Скифского государства, куда подвластное царям население свозило основной предмет торговли — зерно, где совершались торговые сделки, откуда вывозили скот и шкуры животных и куда, в свою очередь, привозили различные товары из городов Северного Причерноморья и Средиземноморья.

Конечно, объем торговых связей Неаполя был не столь обширен, как у Херсонеса или Боспора, запросы и покупательные способности у населения города были невелики, в этом мы полностью согласны с И. Б. Зеест. Но, учитывая экономический потенциал Скифского государства и рассмотрев его импортные товары, нельзя не признать широкие торговые связи Неаполя с различными центрами античного мира в эллинистическое и римское время (рис. 70; 71).

Импорт делился на средиземноморский (родосский, книдский, косский, делосский, аттический, александрийский и пр.), малоазийский (пергамский), южнопонтский (синопский) и северопричерноморский, главным образом херсонесский и боспорский. Мы уже отметили, что наиболее ранние товары, привезенные в Неаполь, — черепица и небольшое количество чернолаковой посуды и амфор — датируются IV—III вв. до н. э. Вместе с укреплением и становлением города развивались и его торговые отношения. В эпоху эллинизма основным поставщиком вина в Неаполь был Родос, игравший главенствующую роль среди торговых центров Средиземноморья¹⁸⁴.

Через какой или какие центры осуществлялась эта торговля, кто был посредником Неаполя в этих связях? Как известно, Ольвия была важным торговым портом Причерноморья, еще до возникновения Неаполя в VI—V вв. до н. э. она снабжала греческими товарами приднепровскую Скифию¹⁸⁵. По-видимому, и позднее эти связи

продолжали существовать. А в период подчинения Ольвии скифам последние использовали ее как транзитный торговый центр. О связях Неаполя с Родосом через Ольвию во II в. до н. э. достаточно красноречиво свидетельствуют надписи, найденные на городище, в честь родосца Посидея — жителя города, гражданина Ольвии¹⁸⁶. К тому же целый ряд надписей подтверждает существование в III—II вв. до н. э. тесных связей Ольвии с Родосом¹⁸⁷. В период прямой зависимости от скифов она, по-видимому, предоставляла им флот и возможность вести самостоятельную торговлю. Естественно, поэтому скифы стремились держать Ольвию в зависимости, они были заинтересованы в ее сохранении. Не удивительно, что после гетского разгрома Ольвии скифы обратились к ольвиополитам с просьбой о восстановлении города¹⁸⁸. И впоследствии при Фарзое и Инисмее Ольвия находилась периодически в зависимости от скифов, продолжавших использовать этот порт в своих торговых интересах. Известно, какую пользу извлекали из торговых операций города-посредники. Они могли покупать по низкой цене у скифов хлеб, а продавать его по более высокой цене езжким купцам. Эпиграфические памятники указывают на существование в Ольвии крупных хлеботорговцев, занимающихся куплей-продажей на выгодных условиях¹⁸⁹. Вряд ли можно согласиться с Н. Н. Бондарем, что ольвийская знать в период подчинения Ольвии Скифскому царству сумела извлечь из этого пользу путем налаживания торговых отношений с Неаполем и расширения сферы торговой деятельности, что, в свою очередь (по его мнению), позволило Ольвии получить значительные партии хлеба и других продуктов для продажи¹⁹⁰. Думается, наоборот, сама скифская знать была заинтересована в этих прибылях и смысл подчинения Ольвии в основном в этом и заключался. Но, возможно, и другие

184

Toutain G. The economic life of the ancient world. New Jersey, 1951, p. 150 и сл.

185

Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со скифами

в VI—V вв. до н. э. — СА, 1955, № 23, с. 58;

Онайко Н. А. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья с племенами Приднепровья и Побужья в IV—II вв.

до н. э. — ВДИ, 1970, № 1, с. 117.

186

Соломоник Э. И.

Эпиграфические памятники Неаполя скифского. — НЭ, 1962, № 3, с. 35 и сл.

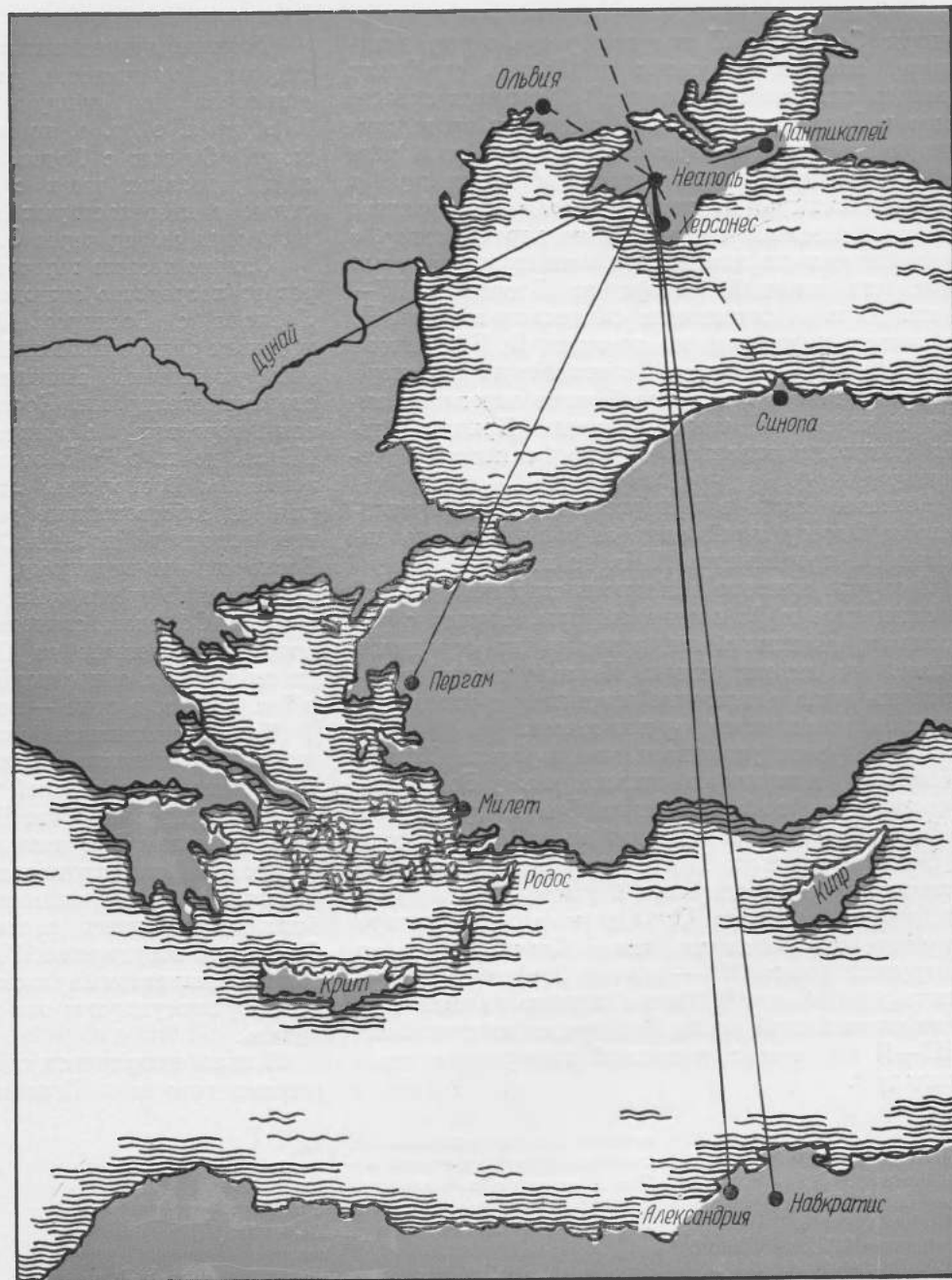
187

Надписи Ольвии. — М., 1968, № 24, IOSPE, I², 30 и др.;

Леви Е. И. К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э. — СА, 1958, № 28, с. 241.

Рис. 71

Карта торговых связей
Неаполя в римское время.

188

Dion Chrys., XXXVI.

189

IOSPE, I², 32.

190

Бондарь Н. Н. Торговые
сношения Ольвии со Скифией
в IV—I вв. до н. э.— СА,
1956, № 25, с. 126.

191

Зеест И. Б. Новые данные о
торговых связях Боспора с
Южным Причерноморьем.—
ВДИ, 1951, № 2, с. 109;
Брашинский И. Б. Успехи
керамической эпиграфии.— СА,
1961, № 2, с. 304.

192

Брашинский И. Б.
Экономические связи Синопы,
с. 141.

193

Виноградов Ю. Г.
Керамические клейма острова
Фасос.— НЭ, № 10, 1972,
с. 39.

194

Шелов Д. Б. К истории связей
эллинистического Боспора с
Родосом.— СА, 1958, № 27,
с. 334, 335; Шелов Д. Б.
Керамические клейма Танаиса,
с. 28.

центры Северного Причерноморья в эпоху эллинизма, скажем, Херсонес и Боспор, снабжали Неаполь скифскими товарами? Обратимся прежде всего к Боспору. Могли ли поступать родосские товары на Неаполь через Боспор, ведь родосские амфоры найдены в значительном количестве в городах Боспора? В пользу того, что родосские товары в Неаполь поступали не через Боспор, а через Ольвию, на наш взгляд, свидетельствует тот факт, что главный импорт на Боспор в IV—II вв. до н. э. составляли синопские амфоры¹⁹¹. По нашим подсчетам, по каталогу Б. Н. Гракова (IOSPE, III), в города европейского Боспора импортировалось в 2,5 раза больше синопских амфор и черепицы, чем в Ольвию. Причем Ольвия покупала главным образом синопскую черепицу¹⁹².

Большое место в импорте Боспора принадлежало и Фасосу, клейменные амфоры которого известны на протяжении III в. до н. э.¹⁹³

В случае привоза в Неаполь товаров с Боспора синопские и фасосские амфоры, наряду с родосскими, должны были попадать на городище. Однако мы видели, что в Неаполе засвидетельствованы лишь единичные экземпляры синопских ручек, а фасосских амфор нет совсем.

Д. Б. Шелов указывает, что торговля Ольвии с Родосом установилась раньше, чем с Боспором. Родосских амфор с клеймами I и II групп (по В. Грейсу) в Ольвии найдено вдвое больше, чем на Боспоре. Лишь со II в. до н. э. Боспор укрепил свои связи с этим островом, и уже амфор V группы (вторая половина II в. до н. э.) на Боспоре встречено вдвое больше, чем в Ольвии, а амфор VI группы (конец II — начало I в. до н. э.) — в пять раз больше¹⁹⁴. Такая картина складывается на европейской части Боспора, на азиатской же в III—II вв. до н. э. родосский импорт явно преобладал¹⁹⁵.

Данные, приведенные в табл. 1, свидетельствуют, что большинство родосских клейм Неаполя относится к концу III — первой половине II в. до н. э., т. е. ко времени наиболее тесных связей Ольвии с Родосом. Совпадение большинства родосских имен с ольвийскими находками также свидетельствуют о попадании в Неаполь родосских амфор через Ольвию.

Однако тесные торговые связи с Ольвией и через ее посредство отнюдь не исключают торговли Неаполя с Боспором. Красноречивым подтверждением этих отношений является покупка золотых украшений, выполненных боспорскими мастерами-ювелирами. Боспор, так же как Ольвия, вел торговлю с миром варваров с IV—III вв. до н. э.¹⁹⁶ В этот период скифы поддерживали с Боспорским царством мирные отношения, способствовавшие развитию торговли. И позднее, вплоть до победы Савромата II, торговля с Боспором, по-видимому, была непрерывной, то ослабевая во время войн, то усиливаясь в мирный период. Об этом свидетельствуют и боспорские монеты, найденные на Неаполе. Их всего четыре, из них две относятся ко II в. до н. э., одна — к I в. до н. э. и одна — ко II в. н. э.¹⁹⁷

Иначе сложились отношения с Херсонесом, который был также крупным торговым центром. Появление Херсонесской гавани, куда прибывали корабли, пересекающие Черное море, стало важным стимулом для развития торговли Южного и Северного Причерноморья¹⁹⁸. Стремления скифов подчинить своему влиянию Херсонес и его хору были обусловлены развитием торговых связей Скифского государства. Но торговля с Херсонесом была подчинена импульсам политических отношений двух государств: она то ослабевала, то усиливалась.

Нельзя согласиться с Ю. С. Крушклом, что родосские товары в Неаполь ввозились из Херсо-

195

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 63;
Шелов Д. Б. Керамические клейма из раскопок Фанагории. — МИА, 1956, № 57, с. 128; Бадалянц Ю. С. Из

истории боспоро-родосских торговых взаимоотношений в III—II вв. до н. э. — В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 135 и сл.

196

Онайко А. Н. Указ. соч., с. 117.

197

Харко Л. П. Монетные находки Тавро-скифской экспедиции 1946—1950 и

1957 гг. — МИА, 1961, № 96, с. 221; Сымонович Э. А., Голенко К. В. Монеты из некрополя Неаполя скифского. — СА, 1960, № 1, с. 265 и сл.

неса¹⁹⁹. Родосский импорт в общем балансе херсонесской торговли эпохи эллинизма занимал незначительное место. По данным, приведенным Ю. С. Крушкoл по каталогам Е. М. Придика и Б. Н. Гракова (IOSPE, III), на долю Херсонеса приходится всего 154 родосские ручки с клеймами, в то время как на Ольвию, по тем же данным, — 3000 ручек²⁰⁰.

В IV—III вв. до н. э. главный импорт Херсонеса составляли фасосские и гераклейские амфоры. Начиная с III в. до н. э. Херсонес производит в большом количестве собственную продукцию²⁰¹, которая, однако, небольшими партиями поступала в Скифию. Все эти факты убеждают нас в том, что не Херсонес, как считает И. Б. Зеест²⁰², был в III—I вв. до н. э. источником снабжения Неаполя скифского вином, маслом и другими товарами²⁰³. Однако в период подчинения Керкинитида и Прекрасной Гавани скифам во II в. до н. э. последние использовали эти порты для своих торговых целей и многие товары, в том числе херсонесского производства, могли попадать на Неаполь через города северо-западного Крыма, подвластные скифам.

Торговые связи с Херсонесом расширяются после войн с Диофантом. Начиная с I в. до н. э. херсонесских товаров на Неаполе появляется все больше. Это подтверждают и херсонесские монеты, найденные на городище и в некрополе. Их всего пять, монетная торговля вообще не получила широкого развития у поздних скифов, но они очень показательны.

Датируются монеты следующим образом: две — I в. до н. э., одна — I в. н. э., две монеты — II—III вв. н. э.²⁰⁴ Как мы уже отмечали, часть херсонесских товаров скифы могли покупать в городах северо-западного Крыма. Отсюда могли привозить и морскую рыбу. Единичные кости камбалы были найдены на Неаполе; лов ее у северо-

западных берегов Крыма в античную эпоху был широко развит.

Безусловно, в период обострения отношений с Херсонесом, например в I в. н. э., торговля ослабевала, но потребность в товарах, производство которых расширяется в Херсонесе в первые века нашей эры (краснолаковая керамика, амфоры, кухонная посуда и т. д.)²⁰⁵, вновь приводила к установлению и развитию торговых отношений, особенно усилившихся, судя по найденному материалу и монетам, во II—III вв. н. э.

До сих пор речь шла о греческих городах, посредством которых скифы вели торговлю, но торговали ли они непосредственно с центрами Средиземноморья? Прямых свидетельств этому у нас нет, поэтому большой интерес представляет полуполюбопытный, но позволяющий уловить реальную связь Скифии с Атикой рассказ Павсания о пути гиперборейских даров Аполлону. В рассказе говорится, что в Прасиях (местность в Аттике) есть храм Аполлона, куда доставляют «... начатки от Гипербореев. Гиперборейцы передают их Аримаспам, Аримаспы Иссидонам, от них скифы привозят их в Синопу (курсив наш.— Т. В.), откуда они доставляются эллинам в Прасии»²⁰⁶. Правда, события, изложенные в рассказе, относятся, вероятнее всего, к VI в. до н. э.²⁰⁷, но тем не менее они свидетельствуют о существовании морского пути из Скифии в Синопу и, по-видимому, о торговых связях Скифии с Синопой в ранний период.

Геродот рассказывал о том, что скифы ходили далеко на восток и вели торговые дела, объясняясь с чужими племенами при помощи переводчиков²⁰⁸. Вполне возможно, что и в более позднее время скифы в отдельных случаях, при благоприятно складывающихся обстоятельствах, вели самостоятельную торговлю с метрополией.

198
Максимова М. И. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами.— МИА, 1954, № 33, с. 51.

199
Крушкoл Ю. С. Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху.— ВДИ, 1957, № 4, с. 114.

200
Крушкoл Ю. С. Указ. соч., с. 112.

201
Стржелецкий С. Ф. Клery Херсонеса таврического. Симферополь, 1961, с. 99;

Зеест И. Б. К вопросу о торговле Неаполя скифского и ее значении для Боспора.— МИА, 1954, № 33, с. 72.

202
Зеест И. Б. К вопросу о торговле..., с. 75.

Б. Н. Граков считал, что скифы имели свой флот, который стоял в Ольвии. Последняя, по его мнению, была поставщиком моряков для Скифского царства²⁰⁹. О пути следования флота свидетельствует, на наш взгляд, посвящение Посидея Ахиллу Понтарху в благодарность за победу над пиратствующими сатархеями. Живший в Неаполе Посидей возил товары из Ольвии в Неаполь и обратно, следуя морским путем от западных берегов Крыма в Ольвию. И вот здесь-то его корабли поджидали сатархеи. Разделяя, таким образом, точку зрения А. Н. Щеглова и И. Б. Брашинского²¹⁰ относительно локализации сатархеев у западных берегов Крыма, мы должны еще раз подчеркнуть значение для скифов морских баз на западном берегу полуострова, что оправдывало их стремление отвоевать часть хоры Херсонеса и обуславливало возникновение здесь ряда поселений, в том числе города в устье р. Альмы, ставшего одним из крупных морских портов скифского государства, посредством которого осуществлялась торговля с различными центрами Средиземноморья. Отсюда товары по сухопутной дороге могли доставлять в Неаполь и другие городища и селища Крыма. Следы древнего пути вдоль р. Альмы зафиксированы аэрофоторазведкой.

Монетные находки Неаполя указывают на связи и с другими центрами античного мира. Так, помимо перечисленных, здесь найдены две монеты, чеканенные городами Понта или Пафлогонии, одна из них синопская — I в. до н. э., вторая датируется II—I вв. до н. э. Две римские монеты I и II вв. н. э.²¹¹, одна монета, вероятно, северо-причерноморская IV—II вв. до н. э. и одна несеверопричерноморского происхождения I в. до н. э. — I в. н. э.²¹² Всего на городище и в некрополе найдено 15 монет. Среди них римских всего две, кроме того, как известно, на Неаполе обнаружен

клад из 200—300 римских монет²¹³. В целом незначительное количество монет, обнаруженных на городище и в некрополе, свидетельствует, что в основном существовал натуральный обмен.

Трудно судить, как распределялись доходы от торговли среди населения. Исходя из того, что в царской усыпальнице-мавзолее найдены многочисленные золотые украшения, можно думать, что богатство сосредоточивалось в руках знати, а рядовое население могло позволить себе лишь покупку бронзовых украшений; привозные вина, кровельная черепица, краснолаковая и стеклянная посуда были достоянием верхушки скифского общества. Торговля увеличивала стремление к обогащению, способствовала разложению скифского общества, росту неравенства, усугубляя процесс классовобразования.

Привозные товары влияли на формирование вкусов скифов, вызывали желание подражать им. Мы отмечали стремление гончаров изготавливать лепные сосуды, подражающие по форме привозным. Все это вместе взятое способствовало эллинизации скифского общества, и в целом торговые связи сыграли несомненно прогрессивную роль для развития поздней Скифии. В свою очередь, города Северного Причерноморья стремились торговать со скифами. Экономические контакты между варварами и греками на протяжении столетий были столь тесными, что существование местного населения и античных центров находилось от них в прямой зависимости. С. А. Жебелев писал: «Безошибочно можно утверждать, что и Боспор, и Херсонес, и Ольвия без тесных связей с туземным населением не могли бы существовать, поскольку они были зависимы от него в значительной степени по всем направлениям своей экономической жизни»²¹⁴.

Скифский хлеб в общем торговом балансе Северного Причерноморья занимал значительное

203

Д. С. Раевский рассматривает Ольвию как основной контр-агент скифов, см.: *Раевский Д. С. К истории греко-скифских отношений* ВДИ, 1973, № 2, с. 114.

204

Харко Л. П. Указ. соч., с. 214 и сл.; *Сымонович Э. А., Голенко К. В.* Указ. соч., с. 286 и сл.
205
Белов Г. Д. Из истории эконо-

номической жизни Херсонеса во II—IV вв. н. э. — В кн.: *Античный город. М., 1963, с. 67.*
206
Pausan., I, 31, 2.
207
Ельницкий Л. А. Легенда о

«гиперборейских дарах» Аполлону и пути ее распространения. — МАСП, 1962, вып. 4, с. 209 и сл.
208
Геродот, IV, 24.

место. Он, наряду с собственным хлебом, производимым на Боспоре, в округе Ольвии и Херсонеса, являлся основным предметом экспорта этих центров. Херсонес после войн Диофанта и потери значительной части своей хоры на северо-западном берегу, особенно в годы неурожаяев, как свидетельствуют эпиграфические данные²¹⁵, неодно-

кратно нуждался в хлебе. Это обстоятельство, видимо, толкало его на развитие торговли со скифами.

Таким образом, торговые связи Неаполя с античным миром возникают вместе со становлением города и существуют до его окончательной гибели.

209
Граков Б. Н. Каменское
городище на Днепре..., с. 27,
28.
210
Щеглов А. Н. О населении
северо-западного Крыма в

античную эпоху.— ВДИ, 1966,
№ 4, с. 146; Брашинский И. Б.
Понтийское пиратство.— ВДИ,
1973, № 3, с. 129 и сл.
211
Харко Л. П. Указ. соч., с. 218
и сл.

212
Сымонович Э. А., Голенко К. В.
Указ. соч., с. 267.
213
Харко Л. П. Указ. соч., с. 214.
214
Жебелев С. А. Северное

Причерноморье.— М., 1953,
с. 271.
215
IOSPE, I², № 355; Соломо-
ник Э. И. Новые эпиграфиче-
ские памятники Херсонеса.—
Киев, 1964, с. 22—28.

Культы и обряды

СКИФСКИЕ БОЖЕСТВА
ЖЕРТВЕННЫЕ МЕСТА
РЕЛИГИОЗНЫЙ
СИНКРЕТИЗМ

Скифские божества. О скифском пантеоне, существовавшем в V в. до н. э., нам сообщает Геродот. Он называет Зевса — Папая, Гестию — Табити, Гею — Апи, Аполлона — Гойтосира, Афродиту — Аргимпасу, Посейдона — Фагимасада¹. В этногенической легенде Геродот говорит о Геракле — Таргитае². Он сообщает, что делать статуи богов, жертвенники, храмы у скифов не принято. Только Арею сооружают они жертвенники.

С. А. Жебелев, анализируя текст Геродота, пришел к выводу, что у скифов были свои, отличные от греческих, религиозные представления, основанные на обожествлении различных предметов домашнего очага, земли, стрелы, меча, коня³. Он предостерегал от прямого сопоставления скифских божеств с греческими, считая, что скифы могли испытать на себе лишь влияние греков, хотя трудно определить, в какой мере⁴. Ему возражал М. И. Артамонов, утверждая, что общие у всех народов истоки религии приводили в общем и целом к сходным формам религиозных верований и культов⁵. Как бы продолжая мысль С. А. Жебелева, Б. Н. Граков в последней своей работе писал, что отождествление Геродотом пантеона скифских божеств с греческими не может быть произвольным⁶. Но оставим время Геродота и обратимся к позднему периоду истории скифов и посмотрим, какие археологические памятники этого времени, в частности, на Неаполе свидетельствуют о скифских божествах, существовавших в культах и отправляемых обрядах.

Рассматриваемый отрезок времени достаточно велик — около 700 лет. За эти столетия в куль-

туре скифов и их собственном сознании происходят значительные изменения. Пока мы еще не можем отчетливо представить все аспекты идеологии скифов и проследить их изменения, однако несомненно, что наиболее консервативной ее частью была религия. И многие обряды и культы, отправляемые во время Геродота, как увидим ниже, продолжали жить и в более поздний период.

Эллинизация Неаполя началась одновременно со становлением города, укреплением торговых и политических контактов с античными центрами Северного Причерноморья. В III и особенно во II вв. до н. э. она достигает наивысшего расцвета. В это время на городище возводили дома на греческий манер, в городе стояли статуи с надписями царям и богам на греческом языке, в Неаполь приезжали греческие купцы, здесь жили греки, цари стремились подражать античной роскоши.

Сказалось влияние античной культуры и на религиозных представлениях скифов. Греки Евмен и Посидей поставили в городе статуи греческим богам: Посидей — Зевсу Атабирию, Афине Линдской, Ахиллу Понтарху и богине Родос, Евмен — посвящение Деметре⁷. Скифы по-прежнему не воздвигали статуй богам. Но эллинизация их культуры была настолько велика, что появление на Неаполе изображений божеств, адекватные образы которых существовали в их собственных представлениях, не было отвергнуто скифским обществом. Так, постоянная забота о получении высоких урожаев, о плодородии почвы не могли не привести к восприятию культа Деметры.

¹ Herod., IV, 59.

² Там же, 8—10.

³ Жебелев С. А. Геродот и скифские божества. — В кн.:

Северное Причерноморье. М., 1953, с. 28 и сл.

⁴ Там же, с. 36, 37.

⁵ Артамонов М. И. Антропоморфные божества в

религии скифов. — Археологический сборник, 1961, № 2, с. 58.

⁶ Граков Б. Н. Скифы, с. 84.

⁷ Соломоник Э. И. Четыре

надписи из Неаполя и Херсонеса. — СА, 1958, № 28, с. 310, 311 и 313; Соломоник Э. И. Эпиграфические памятники Неаполя скифского. — НЭ, 1962, т. 3, с. 36—38, 41;

О существовании культа этой богини у скифов свидетельствуют посвящение Евмена, фрагмент терракотовой фигурки, найденной на Неаполе (рис. 72), а также изображение Деметры на монетах Скилура, чеканенных в Ольвии⁸. Возможно, в позднескифский период культ богини Геи-Апи и Деметры сливается воедино и становится общим культом земли и плодородия.

Зевс-Папай — родоначальник скифов — часто встречается на памятниках скифского искусства IV—III вв. до н. э.⁹ Он вряд ли утратил свое значение во II в. до н. э., и статуя его поэтому также была вполне уместна на Неаполе.

Посидей поставил статую с посвящением Ахиллу Понтарху, разбившему пиратствующих сатархеев. Родосец Посидей, вполне возможно, был новархом в Ольвии и особенно чтит Ахилла-Понтарха — «владыку моря», культ которого был широко распространен в Северном Причерноморье¹⁰.

В противовес С. А. Жебелеву, считавшему, что Фагимасад — Посейдон у скифов Геродота олицетворял собою конного Посейдона¹¹, А. И. Соболевский отождествлял Фагимасада с Ахиллом Понтархом, усматривая в нем скифского бога моря¹². Если прав А. И. Соболевский, то появление на Неаполе статуи Ахилла также согласуется с пантеоном скифских богов.

Посидей поставил на Неаполе еще статую Афины Линдской. Эта богиня также почиталась у скифов. Достаточно вспомнить, что на золотых височных подвесках из Куль-Обы были изображена Афина, она же помещена на серебряных бляхах уздечки из Александропольского кургана и на нашивных бляшках из целого ряда скифских курганов.

В мавзолее Неаполя обнаружены золотые бляшки с изображением женского божества. На двух из них изображена богиня в высоком головном уборе и одежде на греческий манер, на

третьей бляшке — голова в фас, на четвертой — богиня в фас с волосами в виде валика, низко опускающимися на лоб. Лицо широкое, скуластое, толстый нос и губы¹³. По мнению М. И. Ростовцева, на подобных бляхах, получивших широкое распространение в Северном Причерноморье в III—II вв. до н. э., представлена богиня Афина. В первые века нашей эры изображение Афины во весь рост встречается на перстнях-геммах (Усть-Альминский могильник). Б. Н. Граков предположил, что у скифов могло быть воинственное женское вооруженное божество, неизвестное Геродоту¹⁴. По-видимому, культ Афины — покровительницы воинов существует у скифов в эллинистический период и в первые века нашей эры.

Доживает до позднескифского периода и культ родоначальника скифов Геракла — Таргитая. Об этом свидетельствует палица Геракла на монете Скилура и относящаяся к римскому времени мраморная голова бога, найденная на городище Золотая Балка¹⁵.

Геродот называет Гестию — Табити царицей скифов, помещая ее во главе скифского пантеона. Культ этой богини живет и у поздних скифов, об этом красноречиво свидетельствует почитание очага, огня, зольники-эсхары при культовых зданиях.

В этнографии многих народов наблюдается религиозное почитание родового или семейного очага и его олицетворение в образе «хозяйки» или чаще «хозяйки»¹⁶. Антропоморфные изображения, связанные с культом домашнего очага, у поздних скифов не известны, но забота об его внешнем оформлении несомненно была. Достаточно вспомнить расписной очаг в культовом здании Е Неаполя и многочисленные очажные подставки — коньки, найденные на многих позднескифских городищах, в том числе на Неаполе. Известны целые экземпляры таких подставок и их фрагменты

Дашевская О. Д. Четвертая надпись Посидея из Неаполя скифского. — СА, 1960, № 1, с. 216 и сл.

8
Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 28.

9
Артамонов М. И. Указ. соч., с. 75, рис. 19.

10
Hirst G. M. The cult of Olbia. Пер. П. Латышева. — ИАК, 1908, вып. 27, с. 79.

11
Жебелев С. А. Указ. соч., с. 36; эту же точку зрения разделяет Д. С. Раевский, см.: Раевский Д. С.
Скифо-авестийские мифологические параллели и

некоторые сюжеты скифского искусства. — В кн.: Искусство и археология Ирана. М., 1971, с. 217 и сл.

(рис. 73, 1—9). Они обычно хорошо обожжены, большинство головок имеют бесспорные признаки зооморфизма (рис. 73, 1—7), изображение на некоторых сильно стилизовано (рис. 73, 8, 9).

Появление «коньков» на Неаполе не выходит за пределы конца эпохи эллинизма, а наибольшее распространение они получают в первые века нашей эры в связи с усилившимся после гетского нашествия гето-фракийским влиянием на культуру местных племен Северного Причерноморья. Западноевропейский генезис «коньков» был убедительно доказан Н. Н. Погребовой, равно как связь их с культом домашнего очага¹⁷. М. И. Вязьмитина пыталась сопоставить «коньки» с культом великой богини — владычицы зверей — и проследить их связь с изображением так называемого фракийского конника¹⁸. Приведенные ею аргументы нам кажутся малоубедительными. Связывать «коньки» с культом великой богини, исходя из композиции предмета (смотрящие в противоположные стороны головки животных на подставках, то же положение на нащечнике из Краснокутского кургана, на навершии из Александропольского кургана и пр.), вряд ли правильно. Изображение великой богини с двумя оленями из Александропольского кургана определяло одну из основных ее функций — покровительницы зверей. Что же касается повернутых в разные стороны голов баранов или других животных на очажных подставках, то эта композиция встречается на очень широкой территории у разных народов и, по мнению В. Д. Блаватского, является «бродячим мотивом»¹⁹. В модифицированной форме «коньки» представлены на различных памятниках искусства местных племен Северного Причерноморья в скифо-сарматское время — роспись склепа № 9 Неаполя скифского, конский налобник Неаполя скифского, пряжка из Чернореченского могильника и т. д.²⁰

12

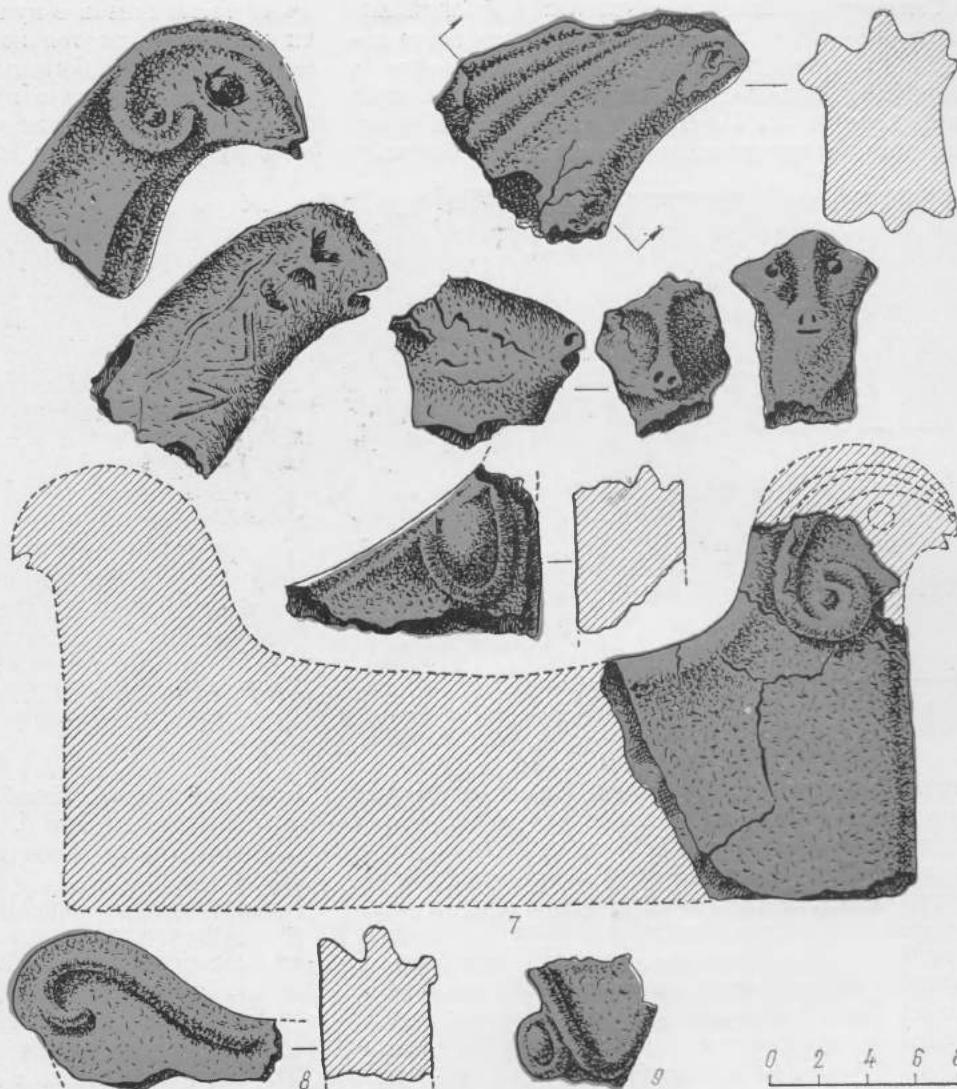
Соболевский А. И.
Русско-скифские этюды.
VII.— Изв. Отд-ния рус.
языка и словесности, 1924,
т. 26, с. 38.

13

Погрелова Н. Н. Погребения в
мавзолее Неаполя скифского,
с. 139 и сл.

Рис. 72.
Терракотовая статуэтка
Деметры.

Рис. 73
Фрагменты очажных
подставок с головами
баранов (1—9).

14
Граков Б. Н. Скифы, с. 85;
о женском божестве у скифов,
сливающимся с образом
Афины, говорит
С. С. Бессонова, см.:
Бессонова С. С. Изображения
Афины за материалами
Північного Причорномор'я.—
Археологія, 1975, № 17, с. 37,
38.

15
Вязьмитина М. И. Золота
Балка, с. 200, рис. 83.

16
Токарев С. А. К вопросу о
значении женских
изображений эпохи
палеолита.— СА, 1961, № 2,
с. 13.

17
Погребова Н. Н.
Позднескифские городища на
Нижнем Днепре, с. 239 и сл.
18

Вязьмитина М. И. Указ. соч.,
с. 208 и сл.; Вязьмитина М. И.
Фракийские элементы в
культуре населения городищ
Нижнего Днепра.— В кн.:
Древние фракийцы в Северном
Причерноморье. М., 1969,
с. 129 и сл.

19
Погребова Н. Н. Состояние
проблем скифо-сарматской
археологии и конференции

ИИМК АН СССР в 1952 г.—
В кн.: Вопросы
скифо-сарматской археологии.
М., 1952, с. 27.

20
Шульц П. Н. Исследования
Неаполя скифского, с. 92—93.

21
Вязьмитина М. И. Указ. соч.,
с. 208.

22
Свешников И. К. О символике
вещей Михайловских
кладов.— СА, 1968, № 1, с. 13.

23
Миллер В. Ф. Осетинские
этюды.— М., 1881—1887, ч. 2,
с. 264.

Связывать «коньки»-подставки с фракийским всадником — вряд ли возможно прежде всего потому, что в большинстве случаев на подставках изображены бараны, на некоторых экземплярах, как указывает М. И. Вязьмитина²¹, головки выполнены схематично и лишь в отдельных случаях

очага тесно связан с культом плодородия. А Табита выступает не только как богиня домашнего очага, но и как богиня плодородия.

Касаясь вопроса о культе плодородия у поздних скифов, нельзя не отметить женские фигурки с рудиментарными отростками вместо рук и с

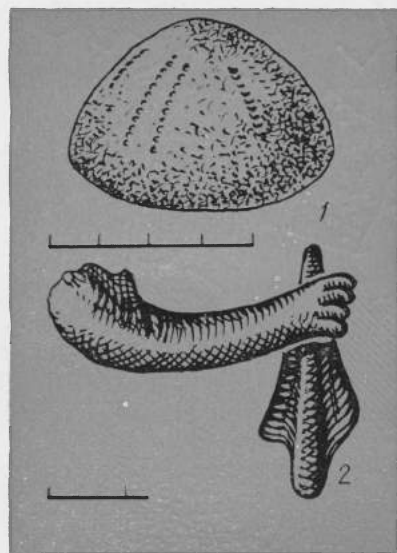

Рис. 74
Ритуальный хлеб (1),
обломок фигурки
Гермеса (2).

Рис. 75
Фрагмент терракотовой
фигурки Афродиты.

Рис. 76
Роспись склепа № 1.

представляли коней. Орнамент в виде голов или рогов барана известен с эпохи энеолита, и ему придавалось значение оберега от злых сил²². У различных народов Средней Азии бараны считались животными, обладающими благодатью. А у осетин существовало представление о прямой связи баранов с домашним очагом²³. Часто встречающиеся возле очагов «коньки»-подставки также были связаны с культом огня и домашнего очага.

Поскольку очаг у многих народов был источником обилия, плодородия, богатства, то культ

чашей на голове, подобные найденной на городище Золотая Балка²⁴. Сходные женские ритуальные статуэтки известны еще в энеолитических комплексах²⁵.

Рассматривая подобные изображения, Б. А. Рыбаков отмечал, что поднимание сосуда к небу, широко известное в обрядах многих народов, всегда связано с магией плодородия²⁶. В Греции, например, женщины поднимали на крыши домов чашу с быстрорастущими растениями, служившую символом умирающего и воскресающего бога Адо-

²⁴ Вязьмитина М. И. Золота Балка, с. 209, рис. 86, 11, с. 21. Интересно отметить, что М. И. Вязьмитина указывает на существование в Днепропетровском музее

каменной женской фигурки с чашевидным углублением в затылочной части головы. Подобная фигурка могла стоять в святилище, связанном с земледельческим культом.

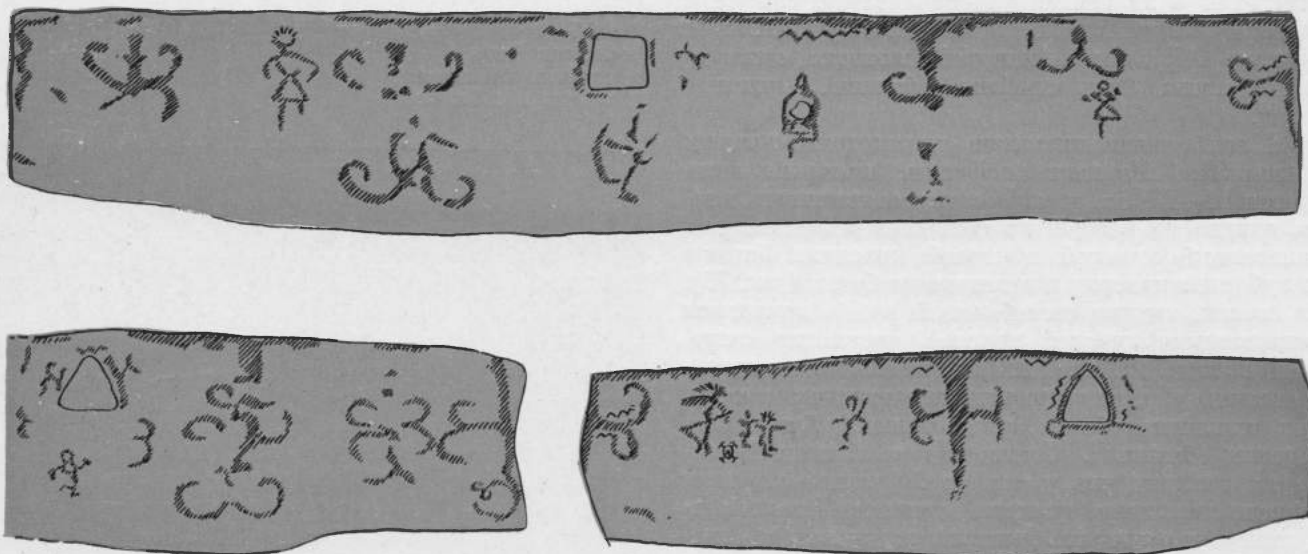
²⁵ Бибииков С. Н. Поселение Лука-Врублевская. — МИА, 1953, № 38, с. 135, рис. 55а.
²⁶ Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев

энеолита. — СА, 1965, № 1, с. 26.
27 Атлас по истории религии. — М., 1930, с. 23.
28 Рыбаков Б. А. Календарь

писа²⁷. На Балканах был известен такой новогодний обычай: когда месили тесто для новогоднего священного хлеба, то три женщины трижды поднимали квашню к небу, произнося при этом заклинания²⁸. К культу домашнего очага и плодородия Б. А. Шрамко относит открытое им на

его назначения, назвала глиняным предметом (рис. 74, 1)³².

Как мы уже отмечали, среди женских скифских богинь Геродот называет Афродиту — Аргимпасу. Изображения Афродиты встречаются на ручках зеркал в скифских курганах³³. Живет

городище Караван на Харьковщине святилище с жертвеником и зольником. В зольнике найдены антропоморфные фигурки с рудиментарными отростками вместо рук, глиняные хлебцы, глиняные модели зерен различных культур²⁹.

Ритуальные глиняные хлебцы часто встречаются у земледельческих племен. Найдены они на городище Золотая Балка³⁰, на памятниках черняховской культуры³¹. В засыпи мавзолея Неаполя скифского также был встречен глиняный хлебец, который Н. Н. Погребова, не поняв

культ богини и у поздних скифов. На Неаполе был найден фрагмент нижней части терракотовой фигурки Афродиты (рис. 75), относящийся к эллинистическому времени. На городище Золотая Балка обнаружена терракотовая фигурка Эрота (I в. н. э.) — бога, связанного с кругом Афродиты³⁴. В 1972 г. на скифском селище по долине р. Качи Бахчисарайского района были найдены две совершенно одинаковые терракотовые фигурки Афродиты³⁵. В одном погребении (II—III вв. н. э.) Усть-Альминского могильника обнаружен

IV в. из земли полян. — СА, 1962, № 4, с. 67.

29

Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем

железном веке. — СА, 1957, № 1, с. 188 и сл.

30

Вязьмитина М. И. Золота Балка, рис. 87, 7, 8; Вязьмитина М. И. Культура населения Нижнего Днепра. —

СА, 1969, № 4, с. 74, рис. 6, 6.

31

Винокур И. С. Некоторые вопросы духовной культуры черняховских племен. — СА, 1969, № 1, с. 54, 55,

32

Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 167, рис. 36, 2.

33

Граков В. Н. Скифы, с. 83.

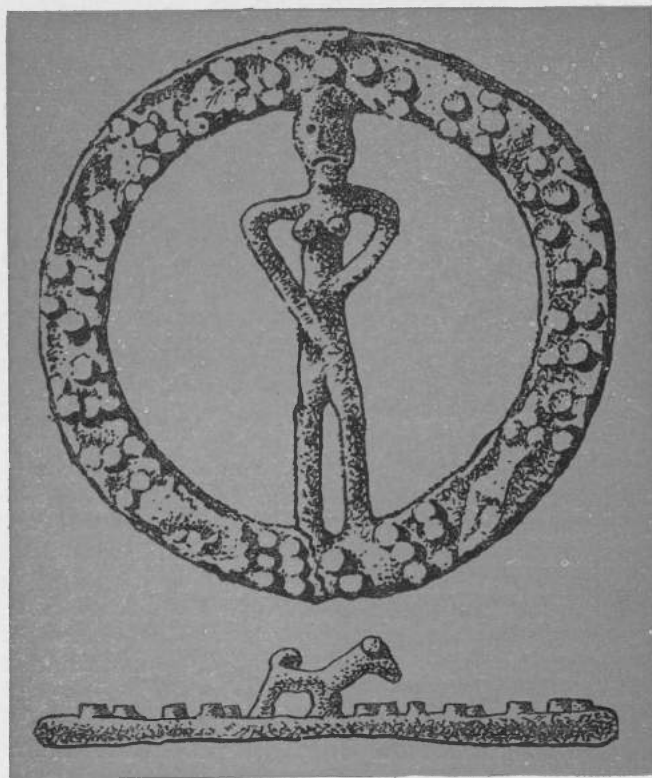
краснолаковый горшочек с процарапанными на нем граффити с посвящением Афродите.

В змееной богине, изображение которой многократно встречается в скифском искусстве, М. И. Артамонов видел сложное синкритическое божество, возникшее в результате слияния представлений о змееной родоначальнице скифов с богиней земли Апи, а также с почитавшейся на Боспоре Афродитой-Апатурой, которая одновременно могла быть скифской богиней Аргимпасой³⁶.

В этой связи интересно рассмотреть роспись склепа № 1 Неаполя скифского, который датируется II—III вв. н. э. Роспись сохранилась плохо, однако на каждой из трех стен можно видеть нанесенный красной и черной красками бордюр из зубчиков наверху и завитков по богам (рис. 76), на стенах, внутри своеобразной рамы, помещены выполненные красной краской змееногие существа, каждое из которых сопровождалось схематическими фигурками в женских одеждах и сложных головных уборах, аналогичных уборам боспорских богинь³⁷. Геродот³⁸ и Псевдо-Гиппократ³⁹ говорят, что у скифов Афродите служили энареи, носившие женские одежды. Вполне допустимо, что женские фигурки неапольского склепа изображают жриц Афродиты. Сама же богиня предстает перед нами в модифицированном воплощении змееного божества. Вся композиция росписи, обилие растительных мотивов свидетельствуют о произошедшем слиянии культа Афродиты с культом богини плодородия и змееногим божеством*. Если наше предположение верно, то сюжет росписи, с одной стороны, свидетельствует о пережитках у поздних скифов религиозных представлений эпохи Геродота, с другой — является ярким примером сложного синкретизма, происходящего в идеологии этого народа в первые века нашей эры.

В 1973 г. в Усть-Альминском некрополе была найдена бронзовая бляха, в центре которой находилась фигура обнаженной женщины. По кругу, обрамляющему фигуру, помещены шишечки, возможно, имитирующие изображения плодов и растений (рис. 77). Здесь же изображена фигурка

Рис. 77
Бронзовая бляха
с фигурой обнаженной
женщины и собакой.

34
Вязьмитина М. И. Золота
Балка, с. 201, рис. 84, 1.
35
Находка М. Я. Чорефа,
фигурки хранятся в
Бахчисарайском музее.

36
Артамонов М. И. Антропо-
морфные божества в религии
скифов.— Археологический сб.
1961, № 2, с. 67.
37
Гайдукевич В. Ф.,

Капошина С. И. К вопросу о
местных элементах в культуре
античных городов Северного
Причерноморья.— СА, 1951,
№ 1, с. 185, рис. 15.
38
Herod., IV, 67.

39
Псевдо-Гиппократ, 30.
*
В первые века нашей эры
образ скифской змееной
богини играл известную роль
в хтоническом культе

собачки. Вполне вероятно, что перед нами снова женское божество, адекватное Афродите, культ которой в этот период сливается с культом плодородия, Афродиты, ставшей в то же время хтоническим божеством, чем и объясняется присутствие собаки. О модификации образа героизированной женщины в хтоническое божество писал М. И. Артамонов⁴⁰, объясняя это явление эволюцией представлений о загробном мире.

Одной из функций великой скифской богини, как известно, было покровительство животным. Поэтому вполне естественно, что у скифов, занимавшихся скотоводством, любивших охоту, должен был получить признание культ Артемиды, особенно в связи с широкой популярностью богини в окружающей среде (Херсонес, адекватное божество у тавров). Неудивительно, что в одном из погребений мавзолея Неаполя найдена серебряная фибула — медальон с горельефным изображением бюста Артемиды. Голова богини повернута в три четверти, волосы перехвачены лентой. Артемида одета в греческий хитон, за ее плечами колчан со стрелами⁴¹.

Рассмотренные примеры убеждают нас, что образ великой богини продолжает жить и в позднескифский период. Но если в предшествующую эпоху (во времена Геродота и позднее) женские божества имели различные функции, то в первые века нашей эры усилившийся синкретизм приводит к слиянию некоторых функций великой богини, вследствие чего трудно отделить Гею-Апи от Афродиты-Аргимпасы, Афродиту от Гести-Табити.

Остановимся также на культе Диоскуров, две бронзовые фигурки которых найдены в зольнике рядом с культовым зданием на Неаполе (рис. 78). Одну из них П. Н. Шульц датирует III—I вв. до н. э., вторую — I—II вв. н. э.⁴² Он отмечает близость культа Диоскуров скифам. Нам остается

лишь добавить, что, поскольку указанные статуэтки имеют разную дату, можно думать, что Диоскуры почитались скифами в течение длительного времени. Фактически идея парных героев, восходящая к скифскому обычая побратимства, воспетого древними авторами*, продолжает существовать весь позднескифский период.

Кроме перечисленных, в позднескифскую среду проникают новые божества. Б. Н. Граков считал, что «принимались скифами фигурки тех богов, которым имелись свои туземные соответствия»⁴³. Но всегда ли было только так? С одной стороны, нельзя исключить элемент случайности: терракотовая фигурка могла быть подарена или куплена греком, жившим среди скифов. С другой стороны, в эллинистическое и римское время увеличились контакты скифов с греками и другими народами, а это приводило иногда к прямому заимствованию новых образов и новых культов. В этой связи интересно отметить находку фрагмента терракотовой фигурки Гермеса — рука, держащая кошель (рис. 74, 2). Фрагмент обнаружен в жертвеннике при культовом здании (здание Е). Напомним также, что Гермес изображался на монетах Скилура, а кадуцей его — на монетах Инисмея. Все это свидетельствует о существовании культа бога торговли, рынков и ремесла у поздних скифов, чье богатство и процветание в значительной мере зависело от удачной торговли.

Жертвенные места. Имели ли отдельные божества свои святилища или культовые места, сказать трудно, скорее всего, в культовых зданиях совершались жертвоприношения разным богам. Наряду с общественными культовыми домами (на Неаполе их открыто четыре), существовали домашние жертвенники — так называемые глиняные столы. Они обнаружены на городищах Алма-Кермен и Чайка. Были также небольшие жертвенники в углах домов.

Северного Причерноморья, см.: Пятыхшева П. В. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе. — ВДИ, 1947, № 3.
40

Артамонов М. И.

Антропоморфные божества..., с. 65.

41

Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 156.

42

Шульц П. Н. Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя скифского. — СА, 1969, № 1, с. 129.

*

Лукиан говорит о существо-

вании у скифов парных богов — покровителей дружбы, см.: Лукиан. Токсарис, или дружба. — SC-ВДИ, 1948, № 1, с. 307.

43

Граков Б. Н. Скифы, с. 84 и сл.

Рис. 78
Статуэтка
Диоскура
(вид спереди
и сзади).

Несколько жертвенников, связанных с культом плодородия, открыты в Неаполе. При раскопках здания Е в 1959 г. в юго-восточном углу главного зала была найдена яма диаметром 30 см, глубиной 32 см, сверху обложенная камнем. В ней находились кости пяти овец, обломки девяти миниатюрных культовых сосудов, обломки четырех антропоморфных и трех зооморфных статуэток, вылепленных из необожженной глины. Фигурки очень примитивны: защипом обозначен нос, ногтевым вдавливанием — глаза. Зооморфные фигурки изображают баранов. Издавший эти материалы В. М. Маликов связывал их с жертвенником домашнего типа, а антропоморфные изображения — с женским божеством, олицетворяющим богиню плодородия⁴⁴. Он же обратил внимание на фрагментарность статуэток. Вполне возможно, что это не случайно. В этнографии зафиксировано немало примеров, касающихся представлений об умерщвлении и возрождении божества. Достаточно вспомнить хотя бы обряд у греков, связанный с ежегодным уничтожением в день смерти Адониса его статуэток⁴⁵.

С. Н. Бибилов, рассматривающий подобный обряд на примере трипольских статуэток, отмечает, что «умерщвление божества» не является уничтожением духа, напротив, знаменует начало нового и более мощного проявления этого духа, связь с началом нового цикла посева и взращивания им семян⁴⁶. Не случайно и сочетание в жертвеннике Неаполя антропоморфных и зооморфных фигурок. Последние связаны с культом плодородия и также были подвержены преднамеренной поломке. Неапольские фигурки лежали в яме вместе с костями пяти овец 1,5—2-летнего возраста, с которыми, по определению В. И. Бибилова, предварительно были сняты шкуры.

В этнографии известны случаи преднамеренного снятия кожи с животных и птиц и сохране-

44

Маликов В. М.

Жертвенник из пригородного здания Неаполя скифского.—
КСИА АН УССР, 1961, вып. 9.

45

Фрезер Д. Золотая ветвь.—

Атеист, 1928, № 3, с. 50.

46

Бибилов С. Н. Указ. соч.,
с. 263.

47

Харузин Н. Этнография.—
СПб., 1905, т. 4, с. 367.

ния их отдельно от костей, погребенных в святилище⁴⁷. В этом и целом ряде аналогичных обрядов выступает вера в существование души у животного. Если кости животного не уничтожены, происходит новая инкарнация душ убитых зверей, птиц или рыб. Тщательное оберегание костей животных, таким образом, делается, как пишет Н. Харузин, в чисто утилитарных целях: дать возможность животному воплотиться вновь и тем самым обеспечить добычу для будущей охоты, урожая и т. п.⁴⁸

В Греции мистерии в честь Диониса сопровождались ритуальным умерщвлением быка и его поеданием. По мнению греков, они убивали самого бога и таким образом воспринимали в себя его мясо и кровь. В более позднее время у греков праздник плодородия *Θεσμοφορια* был связан с умиловительной жертвой Деметре⁴⁹. Жертвенным животным в нашем случае был баран. Его кости и зооморфные фигурки после совершения обряда хранились в специальной яме в культовом здании.

В этом культе отчетливо прослеживается, что в основе реалистической мысли человека лежат практические потребности материальной жизни, развития общественного производства⁵⁰. Однако сам культ, по-видимому, так же как мистерии Диониса и *Θεσμοφορια* Деметры, своими корнями связан с тотемизмом. И здесь, очевидно, происходит тот процесс, о котором пишет А. Ф. Анисимов, когда превращение тотемного образа в зооморфный придаток божества (фигурки баранов) является результатом вытеснения старых образов новыми, возникающими в религиозной идеологии как отражение изменений общественного бытия⁵¹.

Еще несколько примеров в связи с обрядами жертвоприношений домашних животных. В 1956 г. во время раскопок южной траншеи на Неаполе была обнаружена яма диаметром 90 см, глубиной

48
Там же, с. 361.

49
Там же, с. 378.

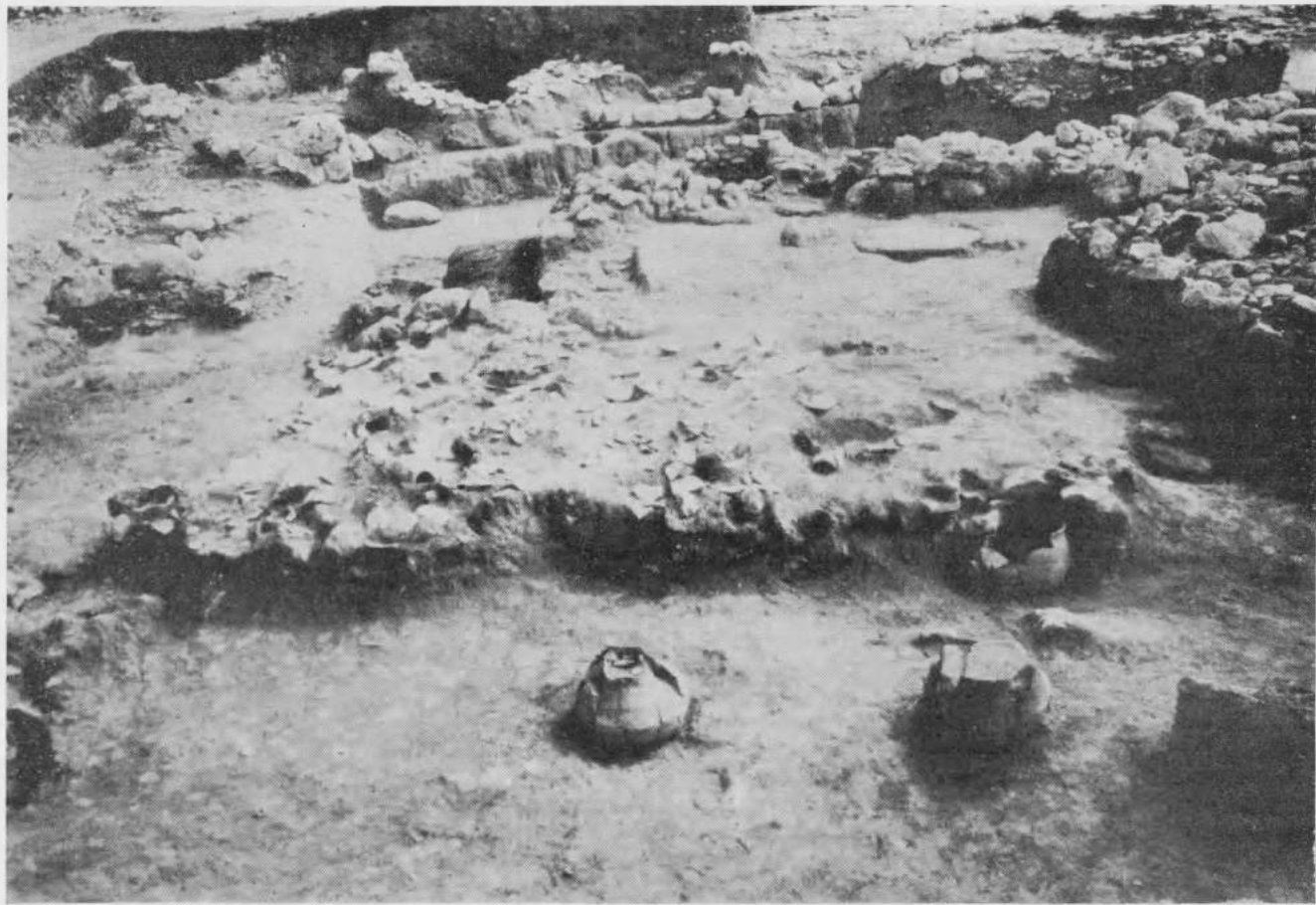
50
Анисимов А. Ф. Духовная

жизнь первобытного
общества. М., 1966, с. 41.

51
Анисимов А. Ф. Этапы
развития первобытной
религии. М.—Л., 1967, с. 157.

1,10 м. Она имела цилиндрическую форму, стены ее выложены необработанными камнями, положенными в 12 рядов. Яма была заполнена золистой землей, в которой встречались обломки красноглиняных амфор III в. н. э. На дне ямы, на подстилке из кошмы или шкур лежали костяки

четырех быков или коров, причем рога не найдены, возможно, это был комолый рогатый скот⁵². Здесь перед нами снова обряд жертвоприношения, как и прежде, животных одного вида. В 1957 г. при раскопках водопроводной траншеи была открыта небольшая яма диаметром 60 см, глубиной

52

Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1956 г., с. 38—39.

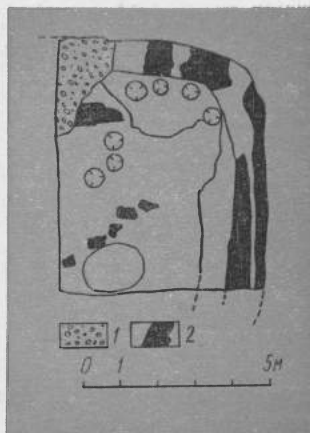
53

Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1957 г., с. 57.

30 см, в ней находилось 400 костей животных: от 8 особей свиней, от пяти особей мелкого рогатого скота, от одной особи крупного рогатого скота и от одной особи лошади. В яме были два миниатюрных культовых сосудика, обломок краснойлаковой миски и стенки амфор II—III вв. н. э.⁵⁴

Рис. 79
Жертвенное место.

Рис. 80
План культового места:
1 — вымостка из наскальной крошки; 2 — остатки каменных кладок.

Опять повторение того же обряда, связанного с погребением костей жертвенных животных. Поскольку яма обнаружена в траншее, не удастся выяснить, относится ли она к какому-нибудь помещению, или находилась вне его.

В 1948 г. на Неаполе, недалеко от дома с подвалом, было открыто еще одно жертвенное место: близ суглинистой площадки (возможно, остатки пола) стояли три большие лепные корчаги, врытые в землю; они располагались на одном уровне, на расстоянии 80—88 см друг от друга (рис. 79). В одной из корчаг, не имевшей дна, находилось несколько косточек домашних животных. В другой корчаге также было много костей домашних животных и обломок миниатюрного

культового сосуда. В третьей находились кости от 20 кур, 3 перепелов и 5 особей мелкого рогатого скота. Все сосуды относятся ко II—III вв. н. э.⁵⁴ Помещение в ритуальных целях в одну корчагу костей различных животных по смысловому назначению напоминает обряды «всезерния» (соединение в одном сосуде всех злаков) и «всеплодия» (соединение вместе всех древесных плодов), распространенные у греков и связанные с представлением об урожае и плодородии⁵⁵. В данном случае этот ритуал мог быть направлен на увеличение домашних птиц и животных, на успех в охоте (на перепела).

В 1950 г. на Неаполе в районе центральных городских ворот к западу от здания с портиками было открыто своеобразное культовое место. От него сохранилась вымостка из наскальной крошки шириной 0,5—0,7 м и длиной 2,5 м. К вымостке примыкала глиняная площадка, огороженная с севера и востока каменной оградой толщиной от 0,50 м до 1 м (рис. 80). Установлено два строительных периода сооружения стены, она сохранилась плохо, обрывками, всего протяженностью 2 м, но хорошо прослеживается закругленный северо-восточный угол стены. К вымостке с юго-востока примыкал остаток стены толщиной 0,30 м и длиной 1,10 м. В кладке этого остатка стены оказался замурованный маленький лепной горшок. Внутри ограды, к сожалению, открытой не полностью, найдена фрагментированная красноглиняная амфора III в. н. э., наполненная большим количеством мелких ракушек. Амфора лежала в яме глубиной 0,60 м, диаметром 1,80 м⁵⁶. В пределах раскопанной части площадки открыты семь маленьких ямок диаметром от 6 до 15 см и глубиной от 5 до 10 см. В одной из них, в северо-восточном углу площадки стоял лепной сосуд, наполненный костями животных. В разных местах площадки находились фрагменты лепных сосудов. Оче-

⁵⁴ Шульц П. Н. Отчет о работах Тавро-скифской экспедиции за 1945—1949 гг., с. 45—46.

⁵⁵ Богаевский Б. Л. Земледельческая религия Афин, т. 1, 2, 1916, с. 197 и сл.

⁵⁶ Карасев А. Н. Отчет за 1950 г., с. 60—61.

видно, горшки с костями стояли в каждой из ямок. К северо-востоку от ограды, возле небольшого каменного завала, обнаружены два детских захоронения: одно совершенно в амфоре II в. н. э.; по другую сторону завала находилось второе захоронение в лепном горшке, положенном на бок. Рядом с горшком открыто скопление костей овцы, по-видимому, связанных с погребением младенца.

Таким образом, этот участок городища, где в первые века нашей эры не было никаких построек, представлял собой место для совершения каких-то культовых обрядов, также сопровождавшихся жертвоприношениями домашних животных. Не случайно и нахождение на площадке амфоры с раковинами. Очевидно, в этом был какой-то ритуальный смысл. Отдельные раковины или их скопления часто встречаются в некрополях эллинистического и римского времени. В одном из погребений Черняховского могильника у с. Ранжевое Коминтерновского района Одесской области была обнаружена шкатулка, наполненная раковинами⁵⁷. В раннескифских подкурганских погребениях найдены отдельные раковины и ожерелье из них⁵⁸. Еще А. Бобринский отмечал, что раковинам, по-видимому, с глубокой древности приписывалось символическое значение. По его представлению, первоначально в погребения клали местные речные или земные раковины, впоследствии же стали покупать морские раковины⁵⁹. На ритуальное применение раковин у савроматов обратил внимание К. Ф. Смирнов. Он отмечал, что они имеются в составе погребального инвентаря савроматских жриц⁶⁰. Встречаются раковины и в погребениях первых веков нашей эры в Северном Причерноморье. Так, в Херсонесе, в одном из склепов (№ 51) римского времени была найдена перламутровая раковина с остатками румян⁶¹. Найдены раковины и в Усть-Альминском некрополе. В одном из склепов этого могильника

(№ 88) была обнаружена бронзовая подвеска, имитирующая створку раковины.

В этнографии известны примеры ношения раковин в качестве амулетов — от болезней и сглаза⁶².

В целом площадка Неаполя с горшками и амфорой напоминает жертвенник раннего железного века, открытый Б. А. Шрамко на городище Караван, о котором речь шла выше. Он представлял собой площадку, огражденную серповидным валом высотой 40—55 см, толщиной основания 2,90 м, длиной 45 м. Внутри вала на площадке обнаружены три ямы глубиной от 40 до 70 см. Здесь же был глиняный, овальный в плане жертвенник, а возле него расположен зольник, в котором найдены лепешки и антропоморфные фигурки⁶³.

Мы не знаем, был ли на площадке Неаполя жертвенник, поскольку это место раскопано частично, но площадка с оградой, ямами, вымостка, ведущая внутрь ограды, очень напоминает устройство жертвенника на городище Караван, хотя, по-видимому, каждое из этих мест было предназначено для отправления различных культовых церемоний: на городище Караван они были связаны с огнем, очагом, плодородием, а на Неаполе — с другим каким-то культом, сопровождавшимся жертвоприношениями домашних животных. Не надо забывать, что поздние скифы были не только земледельцами, но и скотоводами, поэтому обрядам, связанным с домашними животными, в конечном итоге направленным на увеличение плодородия домашнего скота, отводилось значительное место.

При рассмотрении культовых зданий Неаполя мы обратили внимание на одну интересную особенность: в северо-западном углу зала здания А найдены обломки черепа оленя с остатками рогов, а в юго-западном углу здания В было много мел-

57
Сымонович Э. А. Стекланный кубок с надписью из-под Одессы.— ВДИ, 1966, № 1, с. 107.

58
Ханенко Б. Н. и Ханенко В. Н.

Древности Приднепровья.— К., 1899, вып. 2, с. 37.

59
Бобринский А. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы.— Спб., 1894, т. 2, с. 125.

60
Смирнов К. Ф. Савроматы.— М., 1964, с. 254.

61
Фонды ГХМ, Раскопки Лепера, 1907 г., инв. № 2846/10.

62
Раскина С. Формы и виды магии в черкесской религии.— В кн.: Религиозные пережитки у черкесов-шапсургов. М., 1940, с. 76.

ких обломков отпиленных рогов молодых оленей и четыре отрезка рогов крупных оленей. Совершенно очевидно, что это преднамеренное помещение части священного животного в культовом здании относится к определенному обряду, корни которого приведут нас к древним тотемистическим представлениям.

В этнографии многих народов засвидетельствованы обряды, связанные с почитанием священного животного. Вотяки, например, считали белку «чистым животным», беличья шкурка хранилась, как святыня, в святилище. Оленные чукчи с особым почитанием относились к волку, который, по их представлению, обладал сверхъестественной силой. Среди прочих домашних святынь, предохраняющих от несчастий, чукчи хранили у себя череп волка⁶⁴. Помещение черепов жертвенных животных в святилищах известно у древних тавров: в пещере Ени-Сала II в Крыму на сталактите был найден череп козла, а в камерах пещеры в определенном порядке стояли черепа домашних животных. По мнению А. А. Щепинского, здесь было святилище скотоводческого культа⁶⁵.

На Северном Кавказе известны святилища с черепами и рогами диких животных и различными бытовыми предметами⁶⁶. Подобных примеров можно привести множество. «Вырастая на почве анимистических воззрений,— писал Н. Харузин,— смешиваясь с тотемистическими и фетишистскими представлениями, зоолатрия считалась общечеловеческим явлением»⁶⁷.

Многочисленные изображения оленя на памятниках искусства свидетельствуют, что он был у скифов вплоть до эпохи эллинизма популярным тотемным животным⁶⁸. Так, например, на одной из пряжек каменной гробницы мавзолея помещен олень⁶⁹. По-видимому, на памятниках Неаполя мы сталкиваемся с реликтовыми формами тотемизма, ибо «...религия,— как писал Ф. Энгельс,—

всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен»⁷⁰.

У многих народов в древности, в том числе у земледельческих племен Месопотамии⁷¹, у финикийцев и карфагенян⁷², существовал обряд чело-веческих жертвоприношений, связанный со строительством. Находим мы его и на Неаполе. Под кладкой II строительного периода здания А с фресками в юго-западном углу главного зала обнаружено захоронение младенца в лепном сосуде⁷³. Разбитый горшок лежал на боку, устьем на северо-восток. Костяк младенца находился ближе к устью горшка в слегка скорченном положении, при нем было пять бусин. Это захоронение, очевидно, как строительная жертва было совершено при перестройке здания на рубеже нашей эры. Иногда подобной жертвой мог быть и один сосуд, как в одной из кладок жертвенника Неаполя.

Кроме того, обычным явлением для Неаполя как в эллинистическое, так и в римское время были погребения младенцев в сосудах, чаще в лепных, реже в амфорах (рис. 81). Удалось установить 22 подобных захоронения. На синхронных памятниках Крыма этот обряд не получил развития. По-видимому, на Неаполе мы сталкиваемся со слиянием религиозных представлений скифов, связанных с погребением младенцев на поселении (что уходит в глубокую древность и восходит к идее обратимости, возрождения)⁷⁴, с греческим обрядом погребения в сосудах.

63
Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен..., с. 184 и сл.
64
Харузин Н. Указ. соч., с. 75—76.

65
Щепинский А. А. Пещерные святилища времени раннего железа в горном Крыму.— В кн.: Труды комплексной карстовой экспедиции АН УССР. К., 1963, с. 142.

66
Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 363, 366.
67
Харузин Н. Указ. соч., с. 148.
68
Абаев В. И. Скифо-европейские изоглосы на стыке Востока и Запада. М., 1956, с. 94.
69
Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 126.
70
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 315.

71
Флитнер Н. Д. Земледельческие культуры древней Месопотамии.— Труды отделения истории культуры и искусства Востока. Л., 1938, т. 1, с. 8.
72
Энхилек Ш. Происхождение религии. М., 1954, с. 89.
73
Шульц П. Н. Указ. отчет за 1958 г., с. 43.
74
Бибииков С. Н. Указ. соч., с. 198.

Одним из наиболее древних обрядов является погребальный. На его основе в патрилокальных общинах, при развивающейся социальной дифференциации и вырастающем на ее основе культе выдающихся лиц и вождей, развился культ предков⁷⁵. Как известно, он играл большую роль у ранних скифов⁷⁶. Этот культ существовал всюду, где сохранялись пережитки патриархально-родовых отношений⁷⁷. Наиболее ярким примером существования его у поздних скифов является почитание царской усыпальницы Неаполя — мавзолея.

В некрополе Неаполя мы находим семейные усыпальницы-склепы. И мавзолей, и склепы, и грунтовые могилы Неаполя свидетельствуют о различных погребальных обрядах у скифов в поздний период.

Кульм мертвых у древних народов неотделим от страха перед умершими. Отсюда стремление изолировать себя от погребенных: забить дромос и могилу камнями — у скифов, связать покойника ноги, перекрещенные в голенях, и руки, перекрещенные в кистях, — у сарматов. Последний обычай был принесен сарматами в Северное Причерноморье и воспринят местным населением.

Для древних народов мир мертвых так тесно был связан с миром живых, что погребальные обряды дают нам возможность понять некоторые представления скифов об окружающей среде. В частности, с представлениями о небесной сфере соприкасается широко распространенный культ коня. По свидетельству Павсания, савроматы лошадей употребляют не только для войны, но и приносят в жертву своим богам и едят⁷⁸. У народов Кавказа культ коня восходит к глубокой древности и связан с культом солнца⁷⁹. По свидетельству Геродота, массагеты чтут единственного бога — солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл этой жертвы, по мнению Геродо-

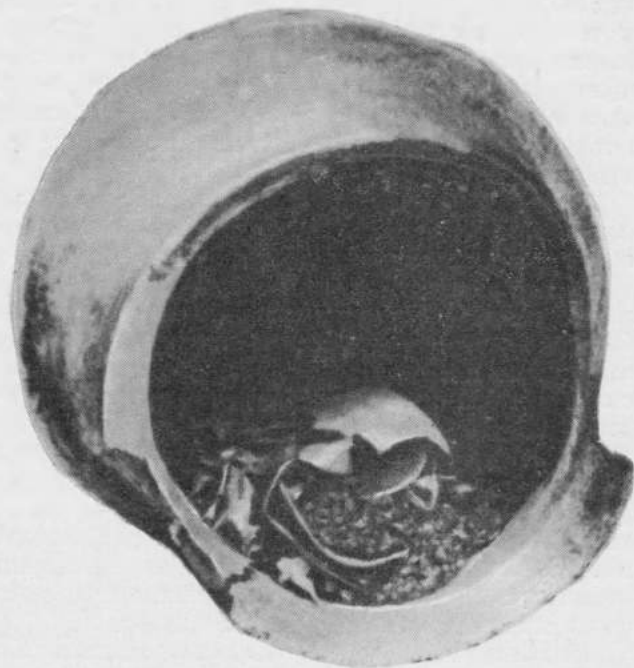

Рис. 81
Погребение в горшке.

та, таков — быстрейшему из богов они посвящают быстрейшее животное⁸⁰.

У ранних скифов конь также был животным, посвященным богу солнца⁸¹. Этот культ занимал определенное место и в сфере религиозных представлений поздних скифов. Об этом свидетельствуют не только захоронения всей туши коня или ее части, встречающиеся на некрополе Неаполя и на других позднескифских могильниках, но и многочисленные памятники Неаполя: бронзовые фигурки коней из мавзолея⁸², изображения крыла-

75

Штернберг П. Я.
Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с. 347;
Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964, с. 197,

76

Herod., IV, 27.

77

Токарев С. А. Указ. соч., с. 272.

78

Pausan., I, 21, 6.

79

Мцхета. Тбилиси, 1965, т. 1, с. 65.

80

Herod., I, 216.

81

Иллінська В. А. Про скифськи

навершники. — Археологія, 1963, т. 15, с. 55.

82

Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 129, рис. 10, VI.

тых коней в склепе № 1⁸³, граффити в здании А, крестообразные бронзовые бляхи (крест в круге), символизирующие солнце⁸⁴, солярные знаки на курильницах⁸⁵, солярный знак на одной из стен того же склепа Неаполя, написанные красной краской.

Мы уже отмечали, что во времена Геродота скифы поклонялись Гойтосиру-Аполлону, богу неба, солнца и света. Поскольку представления об окружающей среде занимали в идеологии скифов определенное место, нет ничего удивительного, что культ Аполлона сохраняется и в поздний период. Об этом свидетельствует золотая бляха из царской гробницы мавзолея, рельефное изображение которой П. Н. Шульц предположительно отождествлял с Аполлоном⁸⁶, а также изображения бога на монетах Фарзоя и Инисмея.

Поскольку мы коснулись небесной сферы, нельзя не сказать о водоплавающих птицах, связанных с кругом этих представлений. В символическом раннескифского искусства этот мотив встречается редко⁸⁷, но в более позднее время (IV в. до н. э.), напротив, довольно часто⁸⁸, доживая до II—III вв. н. э. Мы находим изображение гуся на костяной пластине с Неаполя, головки уток на бронзовых кольцах из мавзолея⁸⁹, сидящих уток на деревянном веретене из склепа Усть-Альминского некрополя. Символом солнца, света в савроматских погребениях служили подсыпки из мела, извести, гипса, белой глины и белых раковин⁹⁰. Этот ритуал скифы, вероятно, заимствовали у сарматов: порог у входа в мавзолей Неаполя был посыпан кусочками кристаллического гипса, в погребениях различных некрополей встречаются кусочки мела и меловая подсыпка.

Но вернемся к жертвенным животным. Кроме коня, жертвенным животным была и собака. Погребения собак нередко встречаются в могилах. Так, в мавзолее Неаполя обнаружены три скелета

собак: одна собака лежала на полу рядом с погребениями коней, другая — вместе с захоронением мужчины (№ 68, ящик XIV) и третья — как страж — у дверей гробницы на притоке⁹¹. Захоронения собак неоднократно встречались и на других позднескифских некрополях⁹². Обычно их клали в склеп, по-видимому, после совершения последнего погребения, прежде чем входную яму окончательно забить камнями. Трупы собак бросали в ограбленные склепы. Э. А. Сымонович вполне справедливо усматривает здесь магическое действие, своего рода защиту грабителей от наказаний за потревоженные души и останки предков⁹³.

Очевидно, с погребальным культом связано и изображение собаки на одной из стен вырубного склепа № 2 Неаполя (рис. 82)⁹⁴, причем в отличие от росписи склепа № 9 оно не имеет отношения к охоте. Нередко встречаются захоронения собак и на городищах: на Алма-Кермене и Усть-Альминском городище скелеты собак обнаружены в хозяйственных ямах⁹⁵. На поселении скифского времени близ с. Пожарная Балка Полтавской области И. И. Ляпушкин обнаружил жертвенное место с погребением собаки⁹⁶.

86

Шульц П. Н. Мавзолей

Неаполя скифского, табл. III, 1.

87

Іллінська В. А. Указ. соч.,

с. 56.

88

Раевский Д. С. О семантике одного из образов скифского искусства.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 64.

89

Погребова Н. П. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 119, рис. 5, 1.

90

Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 252.

91

Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 108.

92

Вязьмитина М. И. Золотобалковский

могильник. К., 1972, с. 169.

93

Сымонович Э. А. Итоги новых работ на могильнике Неаполя скифского в Крыму.—

КСОГАМ, 1961. Одесса, 1963, с. 36.

94

В. И. Цалкин считал, что на рисунке изображена лошадь, см.: Цалкин В. И. Животные по раскопкам Неаполя.— СА, 1954, № 20, с. 265, рис. 1.

95

Высотская Г. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму, с. 38.

96

Ляпушкин И. И. Поселение скифского времени близ д. Пожарная Балка, Полтавской области.— КСИМК, 1951, вып. 37, с. 123.

83

Шульц П. Н. Исследование Неаполя скифского, с. 91, рис. 15а.

84

Бабенчиков В. П. Некрополь

Неаполя скифского, с. 136, табл. X, 1.

85

Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, рис. 27, 16,

В поверьях и сказаниях многих народов собаке отводилась роль животного, оберегающего человека и его имущество от злых начал. В древнеиранской религии собака считалась священным животным⁹⁷, она была творением Ормузда, и ее хоронили, как человека⁹⁸. Здесь, по-видимому, ис-

такой была ее основная роль и у поздних скифов. При совершении погребального обряда в качестве жертвенного животного у ранних и поздних скифов иногда служила овца¹⁰¹. В Золотобалковском некрополе животных клали возле входа в прямоугольной яме, над могилой или в жертвенную

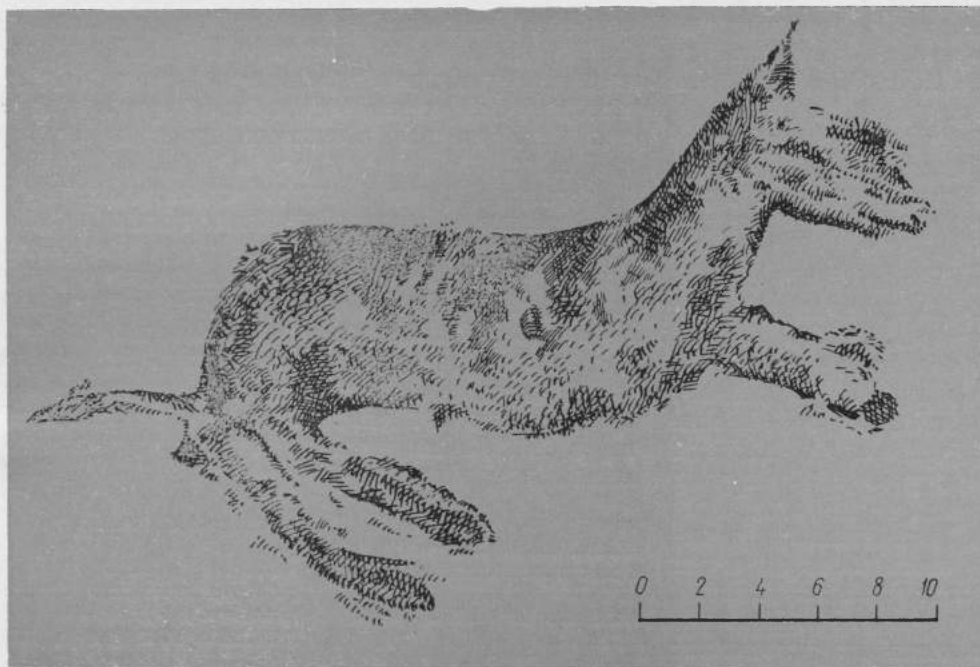

Рис. 82
Изображение собаки
в склепе № 2.

Рис. 83
Танцующие фигурки из
склепа № 8.

токи культа этого животного, широко распространенного во всем иранском мире. Достаточно вспомнить значение собаки у древних сарматов (савроматов)⁹⁹.

В античную эпоху у многих народов собака выступает как хтоническое существо¹⁰⁰. Вероятно,

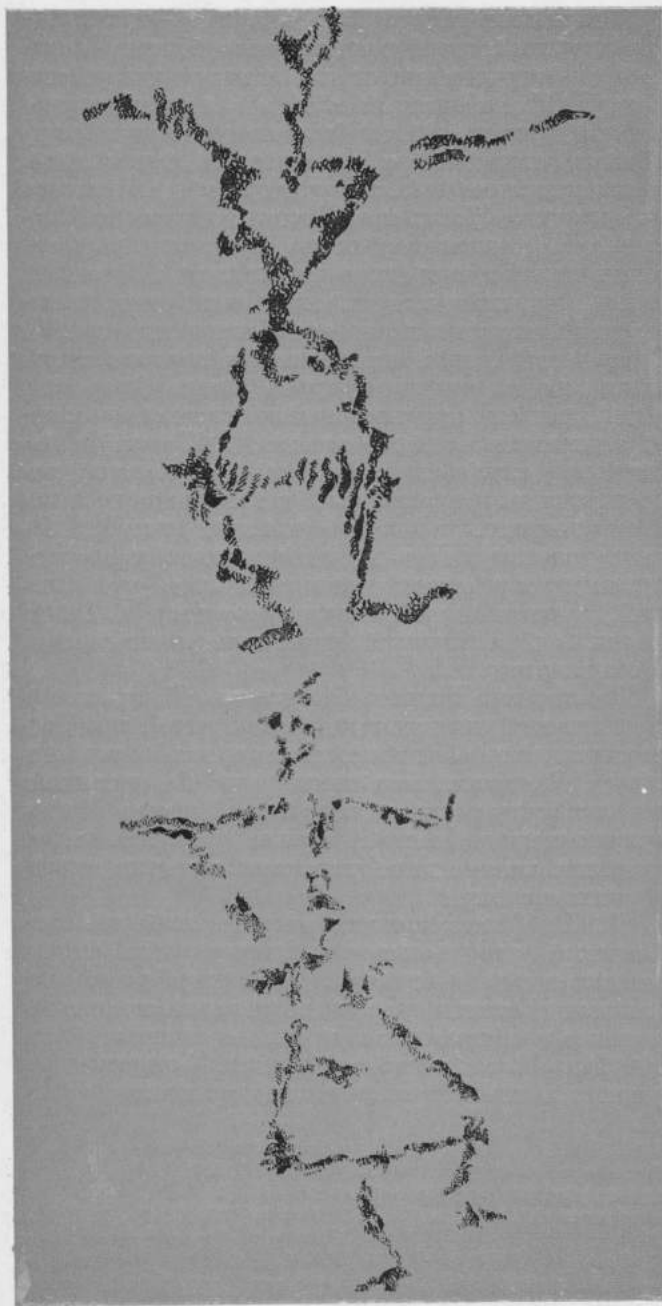
яму¹⁰². Лукиан, описывая погребальные церемонии, говорит о желании скифов, чтоб покойники были к ним «благодарны» и что скифы чтут умерших, устраивая праздники и торжественные собрания¹⁰³. Как у ранних, так и у поздних скифов нередко погребения сопровождались тризной.

97
Богданов В. Древние и современные обряды погребения животных в России.— Этнографическое обозрение, 1918, № 34, с. 116.

98
Шантели-де-ля-Сосей П. Д. История религий.— Спб., 1913, т. 2, с. 135.
99
Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 102.

100
Cornevin C. Les animaux domestiques dans les cultes antiques. Lyon, 1896, p. 326;
Кагаров Е. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции.— Спб., 1913,

с. 228; Лагышев В. В. Очерки греческих древностей.— Спб., 1889, ч. 2, с. 84.

Мы встречаем на некрополях остатки погребальных пиршеств: фрагменты разбитых амфор и краснолаковых сосудов, кости домашних животных. В мавзолее Неаполя засвидетельствовано большое зольное пятно, скопление битой посуды и костей животных, оставленных после совершения засыпи погребенных. В некоторых случаях на некрополях (Усть-Альминский) удается проследить остатки жертвоприношений (большое количество битой посуды, кости животных), находящихся в специальных ямах.

Вероятно, погребальный обряд в целом ряде случаев сопровождался ритуальными танцами. О совершении таких танцев можно судить по росписи склепов № 2 и 8 Неаполя скифского¹⁰⁴ (рис. 83). Ритуальные танцы, связанные с обрядом погребений, известны у многих древних народов; достаточно вспомнить танцующие фигурки на стеле кеми-обинского времени из Казанков¹⁰⁵ или великолепные фрески этрусских гробниц, в том числе могилу «Львиц», где юноши и девушки исполняют ритуальный танец¹⁰⁶. Подобные изображения находим и в гробницах городов Северного Причерноморья: в керченских склепах сабазиастов помещены танцующие человеческие фигурки с птичьими головами с тимпанами и палками в руках¹⁰⁷. Смысл танцев, но-видимому, заключался в стремлении отогнать злых духов*.

При совершении погребений, в том числе и повторных, для очищения огнем, чтобы выгнать

101

Граков В. Н. Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степей Скифии.— Археол. сб., 1964, № 6, с. 124.

102

Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник, с. 169.

103

Лукиан Самосатский. Токсарис, или дружба.— SC-VДИ, 1948, № 1, с. 305.

104

Бабенчиков В. П. Указ. соч., с. 107, рис. 9; с. 109, рис. 11.

105

Археология УРСР. К., 1971, т. 1, с. 262, рис. 75.

106

Чубова А. П. Этрусское искусство. М., 1972, рис. 33, 34.

107

Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России.— Спб., 1914, с. 401.

*

В. П. Бабенчиков отрицал ритуальный смысл танцев, изображенных на стенах склепов Неаполя, усматривая в них реальное действие, см.: Бабенчиков В. П. Указ. соч., с. 114.

злых духов, в могилы ставили курильницы, видимо, с ароматическими травами. Этот обычай был довольно распространен. Курильницы различных форм (со временем они претерпели изменения — на смену высокой курильнице с шаровидным туловом на поддоне пришли приземистые, низенькие) засвидетельствованы в мавзолее Неаполя и его грунтовом некрополе, в синхронных позднескифских некрополях как в Крыму, так и в Приднепровье¹⁰⁸. В этнографии с окуриванием связан обряд очищения от злых влияний¹⁰⁹. По мнению К. Ф. Смирнова, савроматы курили фимиами умерших, которые должны были обязательно войти в общение со своими героизированными предками¹¹⁰. Курильницы в позднескифских погребениях встречаются не так часто (в мавзолее их было всего две). По-видимому, лиц, которые должны были вступить в общение с предками, избирали редко, может быть, одного-двух от большой семьи.

Почитание огня, тесно связанное с культом домашнего очага, отразилось и в погребальном обряде. Скифы верили в его очистительную силу, в его способность защитить от злых духов. С этим связано обжигание погребальной камеры перед совершением захоронений (склеп № 88, Усть-Альминского некрополя), частичная кремация погребенных, прослеженная в том же могильнике, угольки, часто встречающиеся в скифских погребениях, а также символизирующие огонь кусочки реальгара¹¹¹.

В первые века нашей эры в мужских и женских погребениях в Северном Причерноморье широкое распространение получают сарматские зеркала-подвески. В могилах поздних скифов в мужских и женских погребениях их иногда находят преднамеренно разбитыми, чаще целыми. Причем, как правило, их клали изображением вниз, что несомненно имело сакральный смысл.

Назначение зеркал было двойным — как предмет туалета и атрибут магического обряда. В волшебную силу зеркала верили многие древние народы¹¹². По их представлениям, в зеркале заключалась душа человека. Один из древнегреческих обрядов, связанный с применением зеркала для выяснения судьбы больного человека у источника перед храмом Деметры в Патрах, описывает Павсаний¹¹³. У римлян зеркало было также и предметом туалета, и орудием колдовства¹¹⁴. У скифов ранней поры зеркало служит атрибутом божественной власти и источником магических сил¹¹⁵. Савроматы, прежде чем положить зеркало в могилу, иногда помещали его в огонь. Оно было атрибутом савроматских жриц и встречается вместе с каменными жертвенниками¹¹⁶. С верой в магическую силу зеркала связаны различные изображения, надписи на них, что, по мнению древних, увеличивало их магическую силу¹¹⁷. На сарматских зеркалах-подвесках чаще всего изображался стилизованный солнечный диск, отражающий, вероятно, связь с культом солнца¹¹⁸. Культ солнца еще с глубокой древности проникает в культ мертвых¹¹⁹.

У сарматов Нижнего Поволжья и Приуралья в прохоровский период и на рубеже нашей эры был распространен обычай преднамеренной порчи зеркал¹²⁰. В первые века нашей эры он проникает и в скифскую этническую среду. В основе обряда «умерщвления» вещей лежало анимистическое представление, вера в существование души у различных предметов.

В. П. Шилов приводит интересный этнографический пример о порче предметов у хакасов при совершении погребения¹²¹. С тем же обрядом, по-видимому, связаны часто встречающиеся преднамеренно разбитые глиняные и деревянные сосуды (Усть-Альминский могильник). У народов, веривших в анимистическую силу предметов, горш-

108
Вязьмитина М. И.
Золотобалковский могильник,
с. 155.
109
Токарев С. А. Сущность и
прохождение магии. — В кн.:

Исследования и материалы по
вопросам первобытных
религиозных верований. М.,
1959, с. 23.
110
Смирнов К. Ф. Указ. соч.,
с. 248.

111
Сымонович Э. А. Итоги новых
работ на могильнике Неаполя
скифского в Крыму, с. 37.
112
Скуднова В. М. Скифские
зеркала из архаического

некрополя Ольвии. — ТГЭ,
1962, т. 7, с. 7.
113
Pausan., VII, 21, 12.
114
Штаерман Е. М. Мораль и
религия угнетенных классов

ки также имели особое значение и стали божественным хранителем содержимого¹²². Для освобождения души этого важного предмета хозяйства при совершении погребения горшки разбивали.

Вера в злых духов повлекла за собой использование многочисленных амулетов-оберегов¹²³. Колокольчики и бубенчики в античных некрополях — явление обычное, так как звон металла, особенно бронзы, считался *'αλελαστικός τῶν μιάσματων* (отвращением от скверны)¹²⁴. В некрополях Северного Причерноморья, в том числе в некрополе Неаполя, очень часто в погребениях встречаются колокольчики. По мнению Э. А. Сымонович, для тех же целей — отпугивать злых духов — служили подвески-ведерки¹²⁵.

Любопытно, что в осетинских дзурах еще в начале 20-х годов находили деревянные жертвенные предметы, напоминающие широко распространенные в погребениях первых веков нашей эры ажурные бронзовые подвески¹²⁶. В качестве амулетов скифы и в погребениях использовали астрагалы, различные подвески — костяные, бронзовые, из египетской пасты (скарабей, кукиши и пр.); большинство из них имели несомненно апотропеическое значение¹²⁷. Апотропеями служили и перстни-геммы, изготовленные из халцедона, сердолика и стекла (литики). На некоторых геммах был изображен бегущий лев. В Греции очень рано сложилась хтоническая символика льва, этому животному в народной магии приписывалась апотропеическая сила¹²⁸. По-видимому, в большинстве случаев скифы покупали перстни-геммы с изображениями, имеющими апотропеическую силу¹²⁹. Одним из наиболее распространенных украшений в первые века нашей эры были бронзовые браслеты со змеиными головками, пришедшие в Северное Причерноморье с Запада, где они встречаются еще в эпоху Гальштата¹³⁰. Изображение змеи — один из распространенных символов древ-

них народов, занявших и в семантике скифов определенное место. У народов Средиземноморья змея интерпретировалась как злое и доброе начало, хотя определяющим был ее хтонический характер¹³¹.

Из этнографии таджиков и узбеков известно апотропеическое значение змей, изображение парных змей являлось оберегом. Для защиты детей от дурного глаза на спинках халатов или рубашек вышивали змей¹³².

В позднескифских погребениях в качестве заупокойной пищи встречаются остатки яиц. Так, в центре мавзолея Неаполя была найдена яичная скорлупа¹³³. В древнегреческом культе мертвых яйцо занимало большое место, с ним связано представление о животворящей силе, символе здоровья

Лигвинский Б. А. Зеркало в верованиях древних ферганцев.— СЭ, 1964, № 3, с. 102.

118

Хазанов А. М. Религиозно-магическое понимание зеркал, с. 96.

119

Dechelette G. Le culte du soleil aux temps prehistoriques.— *Revue archeologique*, vol. 13—14. Paris, 1909, p. 324.

120

Шилов В. П. Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60, с. 438.

121

Шилов В. П. Указ. соч., с. 438.

122

Богаевский Б. Л. Обряды, связанные с горшками в богослужении арвальских братьев.— ЖМНП, октябрь, 1907, с. 475.

123

Токарев С. А. Сущность и происхождение магии, с. 23.

124

Кагаров Е. Указ. соч., с. 83.

125

Сымонович Э. А. Указ. соч., с. 37.

126

Миллер А. Жертвенные

предметы из осетинских дзуаров.— Материалы по этнографии, 1926, т. 3, вып. 1, с. 90, рис. 5.

127

Алексеева Е. М. Предметы из египетского фаянса VI в. до н. э.— IV в. н. э. в Северном Причерноморье.— КСИА АН СССР, 1972, вып. 130, стр. 11.

128

Кагаров Е. Указ. соч., с. 217.

129

Максимова М. И. Геммы из некрополя Мцхеты — Самтавро.— Вестник гос. музея Грузии, 1950, вып. 16, с. 230.

130

Parducz M. Le

cimetière

Hallstatinde Szentesvekerzug II.— А. А. Budapest, 1954, т. 4, fig. 13, 3a, b.

131

Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи, с. 263.

132

Пещерова Е. М. Гончарное производство Средней Азии.— Труды Ин-та этнографии, 1959, т. 70, с. 104, 107.

133

Погребова Н. П. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 107.

римской империи.— М., 1961, с. 109.

115

Хазанов А. М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов.— СЭ, 1964, № 3, с. 93.

116

Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 249.

117

Максимова М. И. Серебряное зеркало из Келермеса.— СА, 1954, № 21, с. 299;

и плодородия¹³⁴, римляне клали в могилы яйца как очистительные жертвы¹³⁵.

В двух ящиках мавзолея Неаполя найдены кусочки серы, были они и в Усть-Альминском некрополе. У древних греков сера считалась важным очистительным средством¹³⁶.

На основе культа предков у скифов, так же как у целого ряда древних народов, вырастает культ вождей. Наиболее ранние скифские изваяния, представляющие обобщенный образ героизированного умершего, относятся еще к эпохе Геродота и даже к VI в. до н. э.¹³⁷ Надгробий первых веков нашей эры немного. К ним принадлежит стела из Марьино, происходящая из кургана¹³⁸, две стелы с городища Красное¹³⁹. Относятся ли эти стелы к курганному или грунтовому некрополю, остается невыясненным, также неизвестно, с какого некрополя происходят стелы Неаполя¹⁴⁰ и городища Поповка¹⁴¹.

На грунтовых некрополях у поздних скифов надгробные рельефы встречаются спорадически. Шесть стел найдены на Заветнинском могильнике близ городища Алма-Кермен¹⁴², несколько надгробий обнаружено близ городища Краснозоринское в долине р. Качи Бахчисарайского района¹⁴³. Рассматривать сюжеты этих памятников мы не будем, так как все они, за исключением краснозоринских, опубликованы. Большинство из них датируется первыми веками нашей эры и свидетельствует о возрастающей роли вождей. При рассмотрении географического районирования надгробий бросается в глаза одна особенность: в столице Скифского государства Неаполе найдена всего одна стела; самый крупный приморский позднескифский город — Усть-Альминское городище, на некрополе которого раскопано более 160 могил, давших примерно 460 погребений, не имел стел. Многие могилы сверху были отмечены кучкой камней, заменяющих стелу.

В то же время наибольшее количество изваяний найдено на периферийных поселениях Скифского государства (Алма-Кермен, Краснозоринское). Что это — случайность, простое совпадение или же здесь был какой-то смысл?

Конечно, большое количество надгробий похищено и пропало для нас навсегда. Но будь они целы, количественное соотношение памятников на мелких поселениях и в крупных городах вряд ли бы изменилось. Нам представляется возможным объяснить это следующим образом: на грунтовых могилах скифы не ставили изваяний, так было на Неаполе скифском и, по-видимому, на большинстве некрополей. В отдельных случаях ограничивались лишь помещением над могилой одного камня или кучки камней (Усть-Альминский некрополь). Аналогичная картина прослежена М. И. Вязьмитиной на Золотобалковском могильнике, где в качестве опознавательных знаков над могилами были вымостки, группы камней или вертикально стоящие каменные плиты¹⁴⁴.

Сарматизация в незначительной степени коснулась Приднепровских городищ. В частности, население Золотой Балки было в основном скифским¹⁴⁵. В Крыму, как нам уже приходилось отмечать¹⁴⁶, в большей мере сарматизации подвергались мелкие поселения, нежели крупные. Мы не знаем пока еще, всегда ли контакты между скифами и сарматами были мирными, в каком политическом подчинении могли находиться эти народы по отношению друг к другу в разное время и в различных пунктах Скифского государства. Надо думать, что в каждом отдельном случае сельская община, независимо от этнического соотношения входящих в ее состав членов, имела своих правителей из наиболее почитаемых представителей общества. Не исключено, что в большинстве случаев этими представителями были скифы, а не сарматы. И вот им-то в знак утвер-

134
Кагаров Е. Указ. соч., с. 38, 39.
135
Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. — 1837, вып. 1, с. 67.

136
Латышев В. В. Очерк греческих древностей. — Спб., 1897, ч. 2, с. 75.
137
Шульц П. Н. Скифские изваяния Причерноморья. —

В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 227 и сл.;
Артамонов М. И. Указ. соч., с. 80.
138
Шульц П. Н. Надгробный рельеф из с. Марьино. — КСГХМ, 1969, вып. 3.

139
Дашевская О. Д. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). — КСИИМК, 1957, вып. 70, с. 116, рис. 46.
140
Уваров А. С. Исследование о

ждения их авторитета (в общественном понимании смысла этого слова) соплеменники ставили на могилах каменные изваяния. В столице государства, вероятно, под влиянием греков, в знак особого почитания и авторитета царей возводили памятники лишь в городе (памятник Скилуру, рельеф Скилура и Палака, конный Палак).

Таким образом, в рассмотренном явлении как бы прослеживается синкретизм двух понятий: с одной стороны, скифский обычай, исключающий сооружение надгробий (бытующий на поселениях, где основной состав населения был скифский), с другой — необходимость скифов, живших в сарматской среде, возвеличивать авторитет соплеменников, запечатлевая их в образе героизированного умершего. Нам могут возразить — почему же в таком случае не на всех периферийных некрополях были надгробия? Вероятно, все зависело от соотношений этнических компонентов населения. Но этот вопрос уже выходит за рамки данной работы. Конечно, подобное предположение требует проверки и новых доказательств. Возможно, дальнейшие раскопки позднескифских городищ и некрополей дадут новые факты для его осмысления.

Материалы, привлеченные нами для рассмотрения религиозных представлений поздних скифов, отнюдь не претендуют на исчерпывающую полноту. Несомненно, многие культы и обряды остались не выявленными, многие не поддаются интерпретации. Со времен Геродота изменился образ жизни поздних скифов, изменилось и их мировоззрение. Позднескифская культура — культура эпохи государства, городской жизни, тесных взаимосвязей с античной цивилизацией. В этот период усугубляется социальная дифференциация, четко выделяется скифская аристократия. Вероятно, что из этой среды выделилось жречество, одной из функций которого, так же как и в предшествующий период¹⁴⁷, было укрепление царской власти.

древностях юга России.— СПб., 1851, табл. XXXVI, 5;
Маркевич А. И. К памятникам Неаполиса.— ИТУАК, 1891, вып. 12, с. 87 и сл., табл. 1.
141
Шульц П. Н. Надгробный

рельеф сарматского круга.— В кн.: Культура античного мира. М., 1966, с. 278, 280, рис. 1.
142
Богданова Н. А. Две стелы из могильника у с. Заветное в

Эллинизация, охватившая все стороны культуры скифов, прежде всего оказала воздействие на верхушку скифского общества. Первоначально именно в эту среду проникали религиозные представления греков. Некоторые из них, возможно, лишь в ней сохранили свою популярность, например Гермес у аристократии, занимавшейся торговлей. Но как бы ни было сильно влияние античной религии и искусства, у «варваров» продолжало оставаться свое восприятие мира.

Религиозный синкретизм. В эллинистический период у скифов еще сохраняется пантеон эпохи Геродота, но вместе с тем в него проникают новые божества (Гермес, Диоскуры). В римское время, вероятно, еще живут некоторые религиозные представления раннего периода, но расцветает начавшийся в эллинизме и охвативший весь мир религиозный синкретизм, на почве которого происходит синтез различных божеств. Это приводит к появлению сложных синкретических образов, имеющих разные функции. Такова, например, змееногая богиня¹⁴⁸.

Первенствующее значение у скифов по-прежнему имеют обряды, связанные с плодородием, земледелием и скотоводством. Однако на смену земледельческому празднику времени Геродота¹⁴⁹ приходят новые обряды. «...Всякая идеология,— писал Ф. Энгельс,— развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке»¹⁵⁰.

Крым.— СА, 1961, № 2;
Богданова Н. А. Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника.— СА, 1965, № 3.
143
Находки М. Я. Чорефа хранятся в Бахчисарайском музее, не опубликованы. Одно из надгробий найдено на самом гордшище.
144
Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник, с. 105.
145
Там же, с. 180.
146
Высотская Т. Н. Поздние

скифы в юго-западном Крыму, с. 109.
147
Хазанов А. М. Скифское жречество.— СЭ, 1973, № 6, с. 48.
148
Иванова А. П. Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора.— СА, 1951, № 15.
149
Артамонов М. И. О земледелии и земледельческом празднике у скифов.— ВЛГУ, 1948, вып. 15.
150
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 313.

Искусство

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ
И ПРИКЛАДНОЕ
ИСКУССТВО
ПОЗДНИХ СКИФОВ

Позднескифское искусство разнообразно и сложно. Обобщающих работ на эту тему до сего времени нет. Много внимания различным аспектам искусства скифов уделил П. Н. Шульц*. Роспись и рельефы, обнаруженные в склепах Неаполя, рассмотрены в работе В. П. Бабенчикова¹. Обзорная статья по скифскому искусству опубликована О. Д. Дашевской, однако автор посвятила ее строительной технике, дав лишь краткое описание основных памятников искусства².

В данном разделе мы коснемся только общих вопросов проблемы, тем более что часть изображений уже рассмотрена нами в предыдущей главе. Даже незначительное количество дошедших до нас памятников позволяет судить о влиянии других народов на искусство поздних скифов. В эллинистическое время прекращает свое существование некогда господствовавший в Скифии звериный стиль. Новый этап в развитии искусства был связан с общим процессом варваризации культуры Северного Причерноморья.

Позднескифское искусство охватывает различные виды художественной деятельности: каменные рельефы, живопись, рисунок, прикладное искусство и искусство малых форм (резьба по кости и дереву, керамика).

Монументальное искусство. К числу монументальных памятников относятся рельефы Скилура и Палака (рис. 84) и рельеф юного Палака (рис. 85), датированные II и I вв. до н. э. Парный портрет, изображающий старика и юношу, выполнен из привозного мрамора в высоком рельефе. Работа греческого мастера. Несмотря на свои неболь-

шие размеры (0,38×0,22 м), он был рассчитан на обозрение издали. По мнению П. Н. Шульца, здесь изображены всадники, едущие рядом, на что указывают древки копий в их руках³. К трактовке этого памятника мы еще вернемся в связи с вопросом о соправителе Скилура.

На втором рельефе юный Палак верхом на коне. П. Н. Шульц считает, что он мог быть выполнен скифским мастером, знавшим греческие оригиналы⁴. Моделировка всадника и животного своеобразна: формы сглажены, округлы, выполнены без разработки деталей. Фигуры животного и человека построены не очень правильно, нет масштабного соотношения между всадником и конем.

Образ всадника типичен для скифского искусства. Этот сюжет мы видим на рисунке склепа № 9, на бронзовой пряжке с изображением скифа, скачущего на низкорослом коне⁵ (рис. 86), на нижнем ярусе неапольской стелы⁶, на рисунках-граффити в культовом здании А⁷ и, наконец, на барельефе в каменном склепе № 8, обнаруженном в 1928 г.⁸

Любопытно, что последнее изображение говорит о прямом воздействии фракийцев на культуру поздних скифов. Композиция, нишеобразное обрамление этой фигуры очень напоминают фракийские рельефы, олицетворяющие героя, конного бога⁹.

Кроме всадников, известны рельефы других сюжетов. В 1926 г. Н. Л. Эрнст обнаружил на Неаполе фрагмент известняковой плиты размером 17 × 13 см. Она очень отличалась от рассмотренных выше. Сохранился лишь ее левый верхний

* Пусть читателя не удивляет краткость данного раздела книги. По договоренности с П. Н. Шульцем, я не даю подробного анализа памятников позднескифского

искусства, оставляя это право за ним.

¹ Бабенчиков В. П. Указ. соч., с. 103 и сл.

² Дашевская О. Д. Искусство

поздних скифов в Крыму.— В кн.: История искусства народов СССР. М., 1971, т. 1, с. 184 и сл.

³ Шульц П. Н. Скульптурные портреты

скифских царей Скилура и Палака.— КСИИМК, 1946, вып. 12, с. 50.

⁴ Шульц П. Н. Скульптурные портреты..., с. 56.

угол. На плите в своеобразной раме, шириной 1,5—2 см, помещена плоскостно выполненная человеческая голова в фас (рис. 87). Лицо имеет лопатообразное завершение, по-видимому, имитирующее бороду. Довольно глубокой резной линией показаны глаза и широкий нос, едва заметной чер-

Его можно отнести к скифским памятникам и датировать римским временем.

В 1948 г. на Неаполе найдена нижняя часть известнякового невысокого рельефа размером 25 × 16 см, толщиной 11 см с очень суммарным изображением слегка присевшего на задние ноги,

Рис. 84
Рельеф с изображением
Скилура и Палака.

той намечен рот. Контур головы и шеи хорошо читается. Поверхность плиты тщательно обработана, заглажена. Фрагментарность рельефа не исключает композиции из нескольких фигур. Стилистически рельеф отличается от выполненных в условной манере рельефов сарматского круга¹⁰.

вероятно, хищника кошачьей породы (рис. 88). Толщина плиты позволяет предположить ее большие первоначальные размеры и, возможно, какой-то сюжет, одним из компонентов которого был хищник. Художественно-технические средства резко отличают плиту от предыдущих рельефов.

⁵ Веселовский Н. Скифский всадник.— ИТУАК, 1891, вып. 14, с. 81 и сл.

⁶ Маркевич А. И. К памятникам Неаполиса, с. 87.

⁷ Дашевская О. Д. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском, рис. 1, 1; с. 177, рис. 6.

⁸ Бабенчиков В. П. Указ. соч., с. 99, 100, рис. 3.

⁹ Kazarow G. I. Die Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien.— Dissertationes Pannonicae, 1938. Budapest, Ser. 2. fasc. 14, N 182, S. 184.

Рис. 85
Рельеф конного Палака.

10

Чорев М. Я., Шульц П. Н. Новый рельеф сарматского круга. — СА, 1972, № 1; Попова Е. А. Рельеф с городища Чайка. — СА, 1974, № 4; Чорев М. Я. Два новых

Памятников живописи известно также немного. До нас дошли лишь фрагменты и отдельные сюжеты росписи склепов Неаполя. Лучше всего сохранилась роспись склепа № 9, где изображен скиф, играющий на лире, геометрические рисунки, сцена охоты на кабанов (рис. 90). Д. С. Раевский возводит последний сюжет к древнеиранским мотивам, усматривая в неапольском рисунке отголоски авестийского мифа, при этом аналогом автору служат ахименидские печати-цилиндры со всадниками и собаками, нападающими на кабана¹¹. Однако на примерах культов и обрядов мы видели, как далеко отошла религия скифов от своих древнеиранских корней.

Можно спорить, помещена ли в склепе № 9 картина из реальной жизни скифов, или роспись имеет религиозную окраску¹². В данном случае важно, что подобная сцена (кстати, единственная из известных в скифском искусстве) не могла прийти из глубины древнеиранской мифологии до первых веков нашей эры без каких-либо изменений. Она возникла под влиянием других ассоциаций, вероятнее всего, под воздействием фракийцев, в искусстве которых сцена охоты на кабана была одной из наиболее популярных¹³.

При сопоставлении дошедших до нас рисунков из склепов Неаполя невольно замечаешь разнообразие в стиле. В склепе № 9 господствует реалистическая манера наряду с дополняющим ее и как бы подчеркивающим реализм основных фигур композиции геометрическим узором. Роспись склепов № 2 и 8 выполнена в условногеометрическом стиле: фигуры танцующих женщин и всадника с конем изображены в виде восьмерок из двух соприкасающихся вершинами треугольников, тогда как в склепе № 1 преобладают растительные мотивы наряду с геометрическими. Склепы № 2 и 8 объединяют близкие сюжеты: в обоих представлены фигуры женщин, исполняющих ри-

туальный танец, и фигуры мужчин. В одном случае (склеп № 2) изображен воин-лучник, в другом (склеп № 8) — воин, ведущий под уздцы коня.

Возможно, роспись склепов Неаполя была выполнена различными мастерами. Если склеп № 9 расписан в греческой манере, то в других случаях — это самостоятельное творчество скифов. Простыми, примитивными средствами художник сумел передать динамику танца в склепах № 2 и 8, изобразить сложные мифологические сюжеты в склепе № 1.

П. Н. Шульц считает, что в росписи склепов № 1, 2, 4, 8 никаких признаков греческого художественного влияния нет. Роспись имела ярко выраженный самобытный характер¹⁴. Указанные склепы расписаны красной охрой и сажей, нанесенной на известняк без применения грунта. По всей вероятности, мотивы рисунков в каждом из склепов были связаны с определенным общественным статусом погребенного и родом его занятий. Так, в склепе № 9 был погребен, возможно, знатный воин, который при жизни много времени уделял охоте и любил услаждать свой слух игрой на лире.

Склеп № 1 служил местом погребения знатной женщины, может быть, жрицы, поэтому в склепе изображена змееногая богиня. Если наши предположения верны, то сюжеты росписи склепов № 2, 8 тоже объяснимы: в обоих были погребены мужчины-воины — лучник и всадник. А фигуры танцующих женщин — всего лишь традиционный мотив, связанный с погребальным ритуалом.

Сложный и в то же время простой мир образов и представлений раскрывается перед нами в рисунках-граффити, открытых в здании А из Неаполя (рис. 89). Всего известно около 2000 рисунков. Схематично, с предельным лаконизмом передает художник фигуры людей и животных.

рельефа сарматского круга. — СА, 1975, № 1, 11

Раевский Д. С.
Скифо-авестийские
мифологические параллели и
некоторые сюжеты скифского

искусства. — В кн.: Искусство
и археология Ирана. М., 1971,
с. 278 и сл.

12

Раевский Д. С. Очерки
идеологии скифо-сакских
племен. М., 1977, с. 284.

13

Kazarrow G. Op. cit., № 128
и др.

14

Шульц П. Н. Работы
Тавро-скифской экспедиции
(1945—1946). — В кн.:
Памятники искусства. М.,
1947, с. 26. — Бюл. ГМИИ,
№ 2.

Если мы сопоставим граффити с росписью склепов*, то увидим тот же стиль и почерк, те же изобразительные приемы. Например, те же восьмерки из соединенных вершинами треугольников служат для передачи человеческих фигур.

Вероятно, рисунки здания А имели культовый обрядовый характер и это наложило отпечаток на их сюжет.

Из этнографических параллелей известно, что в обрядовых рисунках чаще всего изображались жертвенные и домашние животные, что было связано с понятием о возрождении сил природы, либо с культом различных божеств¹⁵. В Неаполе мы видим прежде всего лошадь, причем иногда рисовалась лишь часть животного (одна голова). Кроме того, есть хищники и осел.

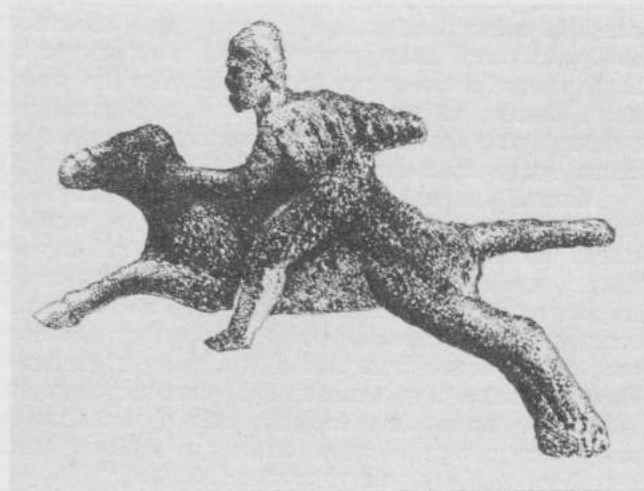
Тот же графический прием использовался и для нанесения рисунков на керамические пряслица. Два таких пряслица найдены в Усть-Альминском некрополе. На них, в отличие от рисунков здания Неаполя, были изображены козлы и олени.

Отделывали скифы и жилые дома. Если фрески в богатых домах и культовых зданиях, в том числе здании А, создавали наемные мастера, то скромная геометрическая роспись здания Е была выполнена местным художником. Для разрисовки лежанки и очага ему потребовалось всего две краски — красная охра и сажа.

Прикладное искусство. Еще более скудны и фрагментарны наши сведения о прикладном искусстве скифов. В противоположность монументальному оно продолжало, видимо, сохранять древние традиции творчества, лишь приспосабливаясь к требованиям моды и вкусам заказчика.

Найденные на Неаполе литейная форма, глиняные льячки и остатки бронзового шлака позволяют судить о существовании бронзолитейного ре-

месла. Об этом речь шла выше. Однако, чтобы говорить о мастерстве местных торевгов, об их художественном творчестве, данных очень мало. Мы можем лишь предположить, что местные мастера изготавливали бронзовые украшения. Например, пряжка с изображением скачущего всад-

ника, судя по стилю изделия, весьма примитивно, могла быть сделана местным ювелиром.

Это в полной мере относится и к бронзовым фигуркам животных, найденным в мавзолее. Напомним четырехугольную пряжку с фигурой стоящего животного с повернутой назад головой. По-видимому, это был олень (уши и рога его обломаны)¹⁶. На другой пряжке изображено узкомордое животное, вероятно, лошадь, ее туловище орнаментировано концентрическими вдавленными кружками, также трактованы глаза¹⁷. Обе фигурки, особенно первая, являются пережитками звериного стиля.

* Исключение составляет роспись склепа № 9.

15 Баддавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое

графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, с. 126, 163, 169.

16 Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 119, рис. 5, 5.

17 Там же, с. 129, рис. 10, VI.

18 Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 119, рис. 5, I.

19 Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 154, рис. 28, 2.

В мавзолее найдены бронзовые кольца с крючками в виде птичьих головок¹⁸. Местным мастером мог быть изготовлен и предмет неизвестного назначения, выполненный в виде трезубца из мавзолея. Его боковые зубцы украшены головками баранов, а центральная гладкая полая трубочка, вероятно, надевалась на деревянный стержень¹⁹.

Мы упоминали о бронзовой бляхе с изображением фигуры обнаженной женщины (см. рис. 77). У ее ног слева, но уже в иной плоскости, помещена собака. Вероятно, какое-то животное находилось справа, но оно не сохранилось. Бляха отлита в форме, фигура собаки затем припаяна. Трактровка торса женщины симметрична, композиция продумана, хотя исполнение всего изделия примитивно, что позволяет думать об изготовлении его местным мастером. Бляха датируется I—II вв. н. э.

В данном случае нас этот предмет интересует потому, что дает возможность проследить сохранение определенных традиций скифских ювелиров и бронзолитейщиков с древних времен. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить фигурки козлов, идущих по венцу котла из Чертомлыцкого кургана²⁰, золотую гривну с фигурками козлов из того же кургана²¹, золотую гривну из Толстой Могилы с фигурками львов, нападающих на оленя²², и сравнить их с изображением фигурок на пряжках из мавзолея и собаки на нашей бляхе.

Художественная культура скифских мастеров проявилась и в изделиях из глины. Орнаментика лепных сосудов не отличалась разнообразием. Однако одни мотивы, свойственные эллинистическому времени, — погтевой орнамент, зашпы, насечки по венчику, резной орнамент с заполнением белой пастой — дают возможность проследить традиционные приемы в орнаментации, другие — рельефные украшения по тулову сосуда, подковы,

Рис. 86
Бронзовая пряжка
с фигурой скачущего
всадника.

Рис. 87
Фрагмент рельефа
из раскопок
Н. Л. Эрнста.

Рис. 88
Фрагмент рельефа
с изображением
животного.

20
Толстой И., Кондаков Н.
Русские древности в
памятниках искусства. СПб.,
1889, вып. 2, с. 109, рис. 96.
Что скифы сами отливали
котлы, известно из

свидетельства Геродота о
священном урочище
Эксапей, см.: *Herod.*, IV, 86.

21
Древности геродотовой
Скифии. СПб., 1872, вып. 2,
табл. 37, 7.

22
Мозолевский Б. Н. Курганы
Толстая Могила близ
г. Орджоникидзе на
Украине. — СА, 1973, № 3,
с. 303, рис. 38.

защипы, шишечки — ощутить влияние фракийской культуры в первые века нашей эры. Все эти простые украшения, тем не менее, придавали скромным сосудам нарядный вид.

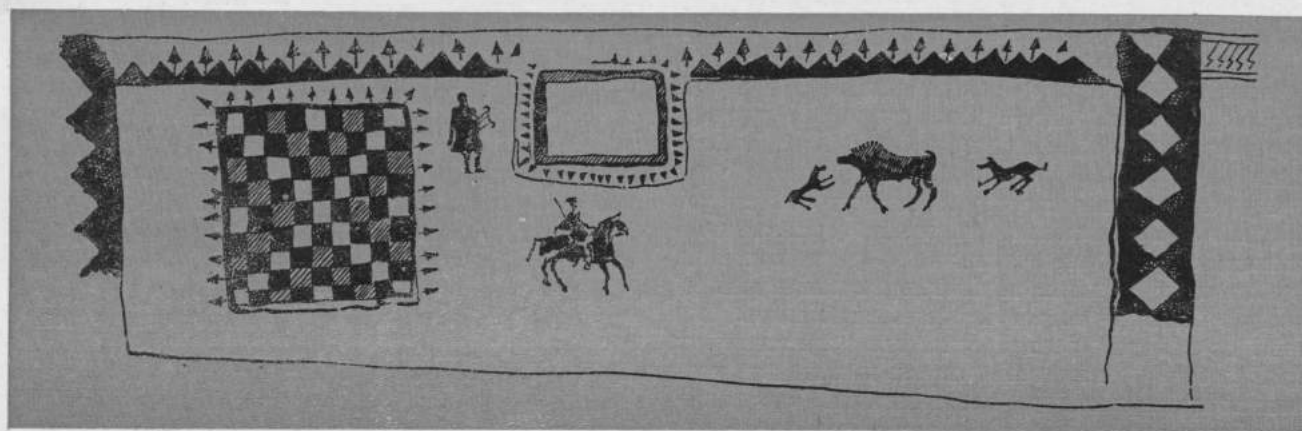
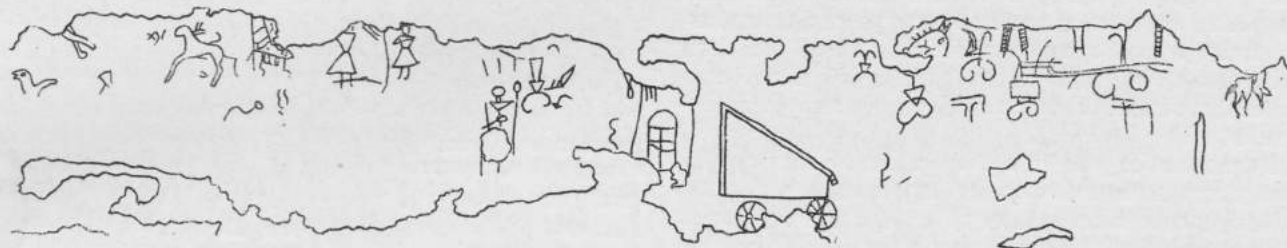
Мы уже отмечали, что под влиянием культуры греков скифские керамисты изготавливали сосуды,

которые подражали по форме античным — лепные амфоры, сосуды с витыми ручками и пр. Все это несомненно свидетельствует о развитии эстетического вкуса и обогащении их культуры. Творчество керамистов включало и создание объемных изображений. К ним прежде всего относятся многочисленные очажные подставки с реалистически выполненными головками баранов и коней.

Целых глиняных статуэток на Неаполе не обнаружено. Прimitивные фигурки людей и животных дошли до нас в незначительных фрагментах (вспомним антропоморфные и зооморфные фигур-

Рис. 89
Граффити из здания А.

Рис. 90
Роспись склепа № 9.

23
Карасев А. Н. Отчет о
раскопках Неаполя скифского
в 1950 г., с. 64.

24
Терракоты Северного
Причерноморья. — САИ. М.,
1970, с. 119, табл. 47, 8.

Рис. 91
Обломки глиняных
статуэток (1, 2).

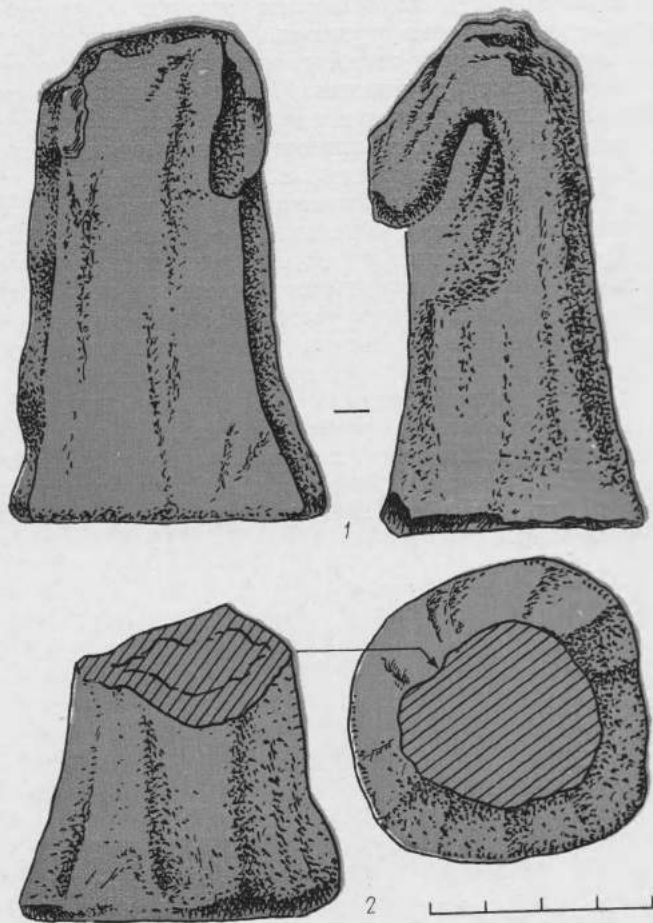
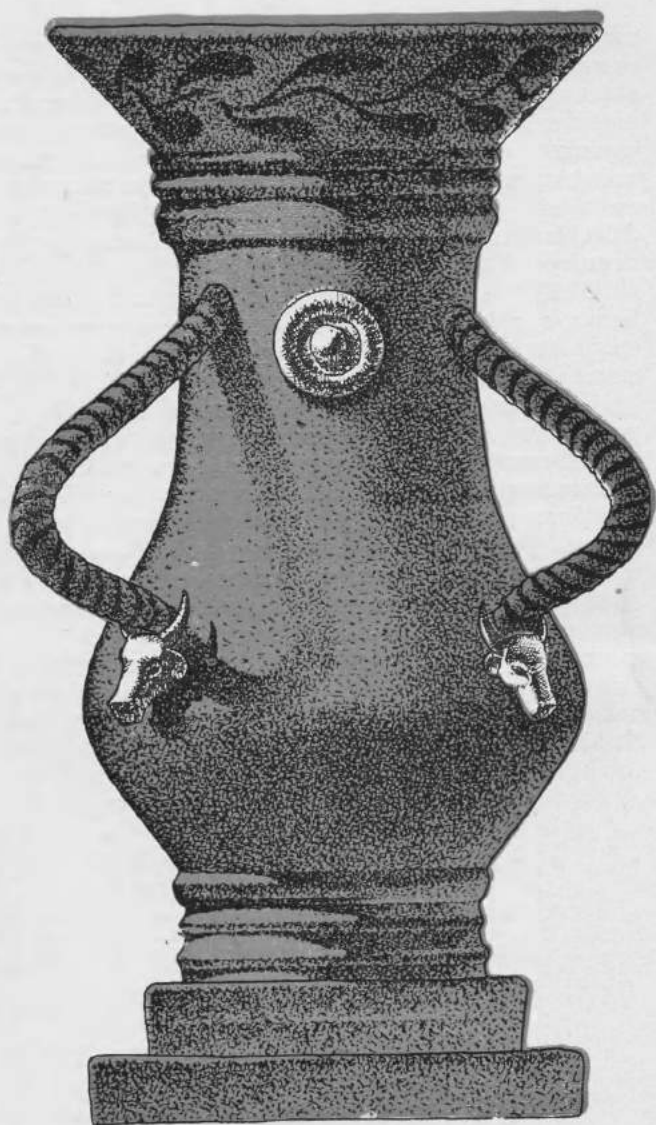

Рис. 92
Терракотовый сосуд
с букраниями
из мавзолея.

ки из жертвенника здания Е). Два обломка терракотовых статуэток обнаружил А. Н. Карасев на Неаполе в 1950 г. От одной из них сохранилась часть туловища без головы с едва намеченными руками (рис. 91). От второй статуэтки сохранилась нижняя часть фигуры с расширяющейся книзу и падающей складками одеждой (рис. 91, 1, 2). Обе фигуры изготовлены из плохо отмученной глины²³.

В 1956 г. на Неаполе была найдена глиняная маска с примитивно выполненным изображением человеческого лица. Маска формована из грубой глины, высота ее 12 см²⁴.

Скифские художники работали по кости и дереву. Мы отмечали орнаментальную резьбу по кости, говорили о фигурке гуся, выполненной в реалистической манере местным мастером. Не менее благодатным материалом было дерево, и им, видимо, пользовались очень широко. Об этом не только косвенно свидетельствует ниша склепа № 9, украшенная рисунками коней, подобные которым, вероятно, вырезались из дерева для украшения крыш домов, но и великолепные деревянные веретена с резными фигурками сидящих уток, найденные в склепе Усть-Альминского некрополя. Из-за плохой сохранности материала это пока

единственное свидетельство высокого мастерства художников, работающих по дереву.

К предметам прикладного искусства нужно отнести обломки привозных терракотовых фигурок, разнообразные золотые и бронзовые украшения из мавзолея и некрополя, а также роскошный ритуальный сосуд из мавзолея, покрытый розовой краской, с тремя ручками, обвитыми золотой и синей лентами и заканчивающимися рельефными золочеными букраниями. Между ручками помещены золоченые налепные украшения, а под венчиком — расписная гирлянда из оливково-зеленых листьев. Квадратный ступенчатый поддон сосуда не вполне симметрично сформован вручную, тогда как тулово выполнено на круге (рис. 92). Хотя большинство из перечисленных вещей выполнено греческими мастерами, тем не менее они говорят о достаточно развитом вкусе и высокой художественной культуре поздних скифов в конце эллинизма и первых веках новой эры.

Все вышеизложенное красноречиво свидетельствует о сложном пути, пройденном скифским искусством. Его модификация связана с влиянием других народов на скифов, с общей варваризацией культуры Северного Причерноморья в первые века нашей эры.

Заключение

Остановимся в заключение на характеристике культуры поздних скифов, на их государственном устройстве и социально-экономических отношениях, на причинах и времени гибели Скифского царства. Но прежде — о времени возникновения Неаполя, поскольку этот сложный вопрос требует специального рассмотрения.

Читатель уже познакомился как с политической ситуацией, существующей в Скифии, так и с оборонительными и жилыми сооружениями Неаполя, со всей его материальной культурой.

Вернемся к истории вопроса. Почти все ученые, занимавшиеся изучением Северного Причерноморья античного времени, касались вопроса возникновения Неаполя скифского. И. И. Толстой на основании граффито с Неаполя датировал возникновение города IV в. до н. э. Раскопки на городище в 1945—1950 гг. позволили П. Н. Шульцу сделать вывод об основании Неаполя в III в. до н. э., точнее, в первой половине столетия¹. Его точку зрения разделяет И. Б. Зеест, которая основывает свои выводы на наиболее ранней керамике Неаполя². Большинство исследователей относит эту дату к рубежу III—II вв. до н. э.³, того же мнения придерживался и Б. Н. Граков. В своей монографии, посвященной Каменскому городищу,

1

Шульц П. Н. Исследование Неаполя скифского (1945—1950 гг.).— В кн.: История и археология древнего Крыма, с. 65, 68; *Шульц П. Н.* Позднескифская культура и ее варианты в Приднестровье и в Крыму.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 128; *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя скифского. М. 1953, с. 7; *Шульц П. Н.* Пам'ятники пізньоскіфської культури в Криму.— Археологія УРСР. К., 1971, т. 2, с. 246.

2

Зеест И. Б. К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора.— МИА, 1954, № 33, с. 71.

3

Гайдукевич В. Ф. Скифы и Боспор.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья. М., 1959, с. 227; *Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И.* К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья.— СА, 1951, № 15, с. 164; *Кастанаян Е. Г.* Период позднего эллинизма в истории городов Боспора.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья. М., 1971, с. 206; *Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 196.

он говорит «о перенесении центра с Днепра на Салгир в Неаполь уже в начале II в. до н. э.»⁴, а в последней работе о скифах относит возникновение города к III в. до н. э.⁵, исходя из свидетельства Страбона и найденного на Неаполе массового керамического материала. В. Д. Блаватский относит основание города примерно ко второй половине II в. до н. э.⁶

Датировка возникновения Неаполя III в. до н. э., разделяемая большинством ученых, была основана на предложенном Б. Н. Граковым определении группы синопских клейм, найденных на городище⁷. Впоследствии Б. Н. Граков и другие ученые удревелили эту группу клейм, однако вопрос о передатировке Неаполя в литературе не поднимался. Лишь недавно И. Б. Брашинский в связи с синопским импортом на Неаполе высказался за необходимость пересмотра общепринятого мнения о возникновении городища в III в. до н. э. Но здесь же он делает оговорку: «...быть может для перекрытия здания III в. до н. э. была использована черепица более раннего времени»⁸.

На Неаполе скифском, как мы отмечали, найдено 29 обломков клейменной синопской и одна херсонесская кровельная черепица. Большинство клейм датируется IV в. до н. э. Трудно представить, чтобы черепицу IV в. до н. э. привезли на Неаполь столетие спустя после ее изготовления.

Пересмотр датировки возникновения Неаполя на основании кровельной черепицы привлек внимание И. В. Яценко, которая предположила, что снабжение города этим строительным материалом осуществлялось Херсонесом «через один из восточных прибрежных населенных пунктов северо-западного Крыма — Керкинитиду или какой-нибудь другой»⁹.

Кроме черепицы, на Неаполе найдено небольшое количество чернолаковой посуды, несколько фрагментов краснофигурных сосудов и обломков

амфор IV в. до н. э. Хотя эти материалы немногочисленны, но они привлекают внимание, тем более что вместе с черепицей они определяют время сооружения некоторых построек. А главное, что подтверждает наше предположение о целесообразности возникновения столицы скифов в Крыму уже в конце IV в. до н. э., это та политическая обстановка, которая сложилась после гибели Атея, когда скифы выступили на политической арене как грозная сила. Их целенаправленное наступление на эллинов было возможно лишь при достаточно прочном государственном объединении, центром которого и стал Неаполь.

За длительную историю существования (около 700 лет) жители Неаполя и прочих позднескифских поселений постоянно вступали в контакт с другими народами и государствами. Под различными этнокультурными влияниями в конечном итоге и возникла сложная синкретическая позднескифская культура.

В период своего знакомства с Крымом скифы столкнулись с таврами. В VI—I вв. до н. э. тавры жили по долинам рек, в предгорной части полуострова, на возвышенностях, где впоследствии образовались скифские городища. Дикие местные племена, по-видимому, враждебно восприняли появление скифов, под натиском которых им пришлось уйти в горные районы полуострова. Однако начиная с эллинистического времени скифы постепенно ассимилируют тавров. Доказательством наиболее ранних контактов этих народов могут служить находки лепной скифской керамики с защипами и ногтевым орнаментом на таврском поселении Сапун-гора и в долине Бельбека¹⁰.

Появление в источниках I в. до н. э. термина «тавро-скифы» является, по-видимому, реминисценцией ранее начавшейся ассимиляции. Известно, что на городище Керменчик до возникновения Неаполя в VII—VI вв. до н. э. находилось кизил-

⁴ Граков Б. Н. Каменское городище..., с. 27.

⁵ Граков Б. Н. Скифы. М., 1971, с. 31.

⁶ Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья.— М., 1954, с. 28.

⁷ Шульц П. Н. Исследование Неаполя скифского, с. 70.

⁸ Брашинский И. Б. Экономические связи Синоп в IV—II вв. до н. э.— В кн.:

Античный город. М., 1963, с. 142 и сл.

⁹ Яценко И. В. Херсонесская амфора с клеймом, с. 71.

кобинское поселение¹¹. Однако с прекращением его существования контакты жителей города с миром тавров не прекратились. Антропологический материал некрополя Неаполя свидетельствует, что на городище жили тавры¹², ощущается их влияние и на материальную культуру. В частности, лепная посуда ранних слоев городища имеет хорошее лощение, встречаются сосуды, подражающие по форме таврским черепкам с петлеобразными ручками. Но постепенно более высокая скифская культура окончательно поглотила культуру тавров.

Неаполь возник и формировался в окружении эллинистических государств, в тесном контакте с греческой средой. Вполне естественно, что более высокая античная культура должна была оказать и оказала свое воздействие на культуру скифов.

Мы видели, что влияние греческой культуры особенно сказалось в эллинистический период — период наибольшего могущества и процветания Скифского государства. Скифская аристократия строила дома на греческий манер (трехкамерные большие постройки): из сырцовых кирпичей, под черепичной крышей, культовые здания повторяли план и пропорции греческих храмов в антах. Целый ряд строительных приемов, использованных и при возведении оборонительных сооружений, был заимствован у греков. Из квадров с элементами руста строились здания с портиками. Скифы старались придать особую парадность площади перед городскими воротами, где стояли статуи с посвящениями греческим богам. Часть населения несомненно знала греческий язык — надписи, найденные в городе, были на греческом языке. Скифские цари на греческий манер чеканили монеты.

Эллинизация коснулась и идеологии скифов — они восприняли у греков не только культы и обряды тех богов, адекватные образы которых были

в их собственной религии, но и новые, неизвестные им ранее божества. В области идеологических представлений, как мы видели, отчетливо проявился религиозный синкретизм. Достаточно показательным примером тому является роспись склепа № 1, имеющая сакральный смысл, или зольники-эсхары при культовых зданиях.

Скифские цари стремились подражать античной роскоши. Это отразилось и на их костюмах. На каменном рельефе Скилур и Палак изображены в рубахах, поверх которых накинута по греческой моде плащи, на правом плече Скилура плащ скреплен фибулой.

Скифы вели оживленную торговлю с греками. На Неаполь привозили различные греческие товары: амфоры с вином и маслом, черепицу, чернолаковую и краснолаковую посуду, терракотовые статуэтки, стеклянные сосуды, ткани, различные украшения, иногда изготовленные по заказу. Все это не могло не повлиять на формирование вкусов жителей города. Мы отмечали, что скифские гончары выделяли сосуды, формы которых подражали античным образцам, живописцы на греческий манер расписывали усыпальницы аристократии — каменные склепы, для отделки общественных зданий (здание А) приглашали боспорских мастеров.

Сказалась эллинизация, но в значительно меньшей мере и на обряде погребений. Это прежде всего можно проследить на царской усыпальнице — мавзолее, где царица погребена в роскошном деревянном саркофаге¹³, погребенные ориентированы головой на восток, а каменная гробница сделана из хорошо отесанных плит, одна из них рустована.

Греки входили в состав населения города, об этом свидетельствуют не только эпиграфические материалы (статуи с посвящениями богам, поставленные Посидеем и Евменом во II в. до н. э.), но

10
Савеля О. Я. Раскопки и разведки в окрестностях Севастополя. — АО 1973 г. 1974, с. 338; Савеля О. Я. Таврское поселение в долине Бельбека. — В кн.: Херсонес

Таврический. К., 1974, с. 94.
11
Шульц П. Н. Исследование Неаполя скифского, с. 65.
12
Кондукторова Т. С. Населения Неаполя скифского

за антропологічними даними. — Матеріали з антропології України, 1964, вип. 3, с. 53.
13
Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского,

с. 180; Раевский Д. С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э. — II в. н. э.). — ВДИ, 1973, № 2, с. 112, 113.

и данные антропологии¹⁴. Начавшись одновременно с возникновением города и охватив постепенно все аспекты культуры скифов, эллинизация достигла апогея в эпоху наибольшего могущества и процветания Скифии — в царствование Скилура во II в. до н. э.

Д. С. Раевский, опираясь на материалы некрополя Неаполя, высказал оригинальную точку зрения относительно цикличности, степени и причин эллинизации скифов¹⁵. В своей статье Д. С. Раевский касается актуальных вопросов истории поздних скифов, поэтому мы остановимся на ней подробнее. Автор считает, что первый этап эллинизации Неаполя относится к концу II — началу I в. до н. э., причем в этот период, по его мнению, она охватила только верхушку скифского общества¹⁶.

Следует признать, что эллинизация всегда в большей мере касалась аристократии, ибо она могла приглашать греческих мастеров для постройки больших и богатых домов, покупать дорогую посуду и носить роскошные платья. В какой мере отразилось влияние греков на рядовом населении, по материалам городища судить трудно, а ранний некрополь Неаполя неизвестен. Однако отодвигать эллинизацию на конец II в. до н. э. — значит сбрасывать со счета многочисленные элементы греческой культуры, обнаруженные в ранних слоях города (IV—III вв. до н. э.).

Д. С. Раевский, акцентируя внимание на конфликтных скифо-боспорских отношениях при Аспурге, когда, как известно, дело кончилось победой Боспора¹⁷, приходит к странному, на наш взгляд, выводу об оккупации Боспором всей или почти всей крымской части позднейшего скифского царства, включая его столицу¹⁸. При этом он утверждает, что в I в. н. э. происходит «резкое изменение *всего* (курсив наш. — Т. В.) обряда и инвентаря некрополя»¹⁹. Эти изменения, с точки

зрения Д. С. Раевского, состоят в увеличении количества погребенных с восточной ориентировкой, греческих вещей, подбойных могил в некрополе Неаполя²⁰. Вместе с тем автор признает, что преобладающим типом погребальных сооружений продолжает оставаться грунтовый склеп²¹.

Обратимся прежде всего к греческому инвентарю. Д. С. Раевский освещает вопрос таким образом, что на Неаполе греческий импорт сокращается после войн Диофанта и резко увеличивается в I в. н. э. Но вывод о сокращении импорта ни на чем не основан, так как автор, опираясь на материалы некрополя, не приводит никакой аргументации. Что же касается городища, то имеющиеся в настоящее время данные не позволяют с уверенностью говорить о сокращении привозных товаров.

Положительное или отрицательное решение этого вопроса было бы возможно только при статистическом анализе всего материала. Но плохое хранение коллекций раскопок прежних лет мешает это сделать. Однако, рассматривая различные импортные товары Неаполя, мы отмечали значительное количество краснолаковой посуды, стекла, амфор рубежа нашей эры.

Увеличение числа краснолаковых сосудов в некрополе Неаполя в I в. н. э. не может быть показателем степени эллинизации скифов, так как в это время возрастает импорт краснолаковых сосудов в Причерноморье вообще. Импорт в варварский мир увеличивается также и за счет налаживания и широкого развития производства этих сосудов в самих городах Северного Причерноморья.

Если мы обратимся к материалам могильников первых веков нашей эры Ольвии, Херсонеса и Боспора, то картина будет аналогичная некрополю Неаполя — наблюдается повсеместное увеличение краснолаковой керамики.

14
Исследования черепов из
мавзолея провел В. Ф. Дебец.
а материалы некрополя —
Т. С. Кондукторова.

15
Раевский Д. С. К истории

греко-боспорских отношений,
с. 110—119.

16
Там же, с. 113.

17
КВН, № 39, 40.

18
Там же, с. 115.

19
Раевский Д. С. К истории
греко-боспорских отношений,
с. 114.

20
Там же.

21
Там же, с. 111.

На основе увеличения количества греческих вещей в некрополях делать категорический вывод о миграции населения с Боспора и об оккупации поздней Скифии Боспором нет никаких оснований. Тем более что «эллинизация инвентаря» в силу указанных причин сказалась не только на Крымской Скифии, находящейся по соседству с греческими колониями, но и в Приднепровье²², куда вряд ли простиралась акция боспорских правителей. Что касается подбойных могил, то, по данным Э. А. Сымоновича и В. П. Бабенчикова²³, на некрополе Неаполя их открыто 76. Большинство из них датируется II—III вв. н. э. и содержит по одному, реже по два костяка. Из них ко второй половине I в. н. э., т. е. к интересующему нас времени, относится не более 20 захоронений. Может ли это количество свидетельствовать о массовом проникновении на Неаполь эллинизированных сарматов с Боспора? Думается, что нет. Возрастание же числа подбойных могил, равно как и сарматских элементов в обряде и инвентаре погребений в других районах Крыма, в частности в юго-западном, ощущается лишь с конца I—II вв. н. э.²⁴ Причем мы отмечали, что сарматы попали сюда двумя путями: из Приднепровья через Перекопский перешеек и с Боспора²⁵.

Итак, для решения вопроса о скифо-боспорских отношениях в I—II вв. н. э. эллинизация инвентаря и распространение подбойных могил не могут приниматься во внимание. Остается последнее — увеличение количества погребенных с восточной ориентацией. Заметим, что это явление касается только некрополя Неаполя и не распространяется на другие позднескифские могильники Крыма того же времени²⁶.

Рассматривая восточную ориентацию Неаполя, Д. С. Раевский выделяет две группы костяков. Первая из них, наиболее ранняя — II—I вв. до н. э., относится к мавзолею *, вторая связана с

некрополем, где такая ориентация возрастает с I в. н. э.

Схема ориентировки погребений, приведенная Д. С. Раевским в его предшествующей работе, констатирует господство во II—III вв. н. э. восточной ориентации на Неаполе²⁷. Следуя логике автора, можно на этом основании прийти к выводу о возрастающей роли Боспора в политической жизни скифов и о продолжающемся переселении эллинизированных сарматов в Неаполь. Однако это не так. Вероятно, увеличение восточной ориентации можно объяснить общей эллинизацией культуры столицы скифов, значительно более высокой по сравнению с другими городищами позднескифского царства, куда в меньшей степени проникало влияние греков.

Напомним, что Аспург правил с 8 по 38 г. н. э. События, связанные с его победой над скифами, произошли в 20-е годы I в. н. э., точнее в 320 г. боспорской эры — 23 г. н. э., а в 40-е годы н. э. боспорская царица Гипепирия вела переговоры со скифами. Это подтверждает серебряная тарелка с именем царицы, найденная на Неаполе²⁸. Нахождение на городище тарелки Д. С. Раевский объясняет связями «города с представителями боспорского царствующего дома», имея в виду сохранение и в этот период зависимости скифов от Боспора²⁹. Вряд ли могла появиться на Неаполе драгоценная тарелка, собственность царицы Гипепирии, если б скифы были в подчинении

22
Вязьмитина М. И.
Золотобалковский могильник,
с. 129, рис. 63; с. 130, рис. 64.
23
Сымонович Э. А. Итоги работ
на могильнике Неаполя

скифского, с. 34, 35;
Бабенчиков В. П. Некрополь
Неаполя скифского. — В кн.:
История и археология древнего
Крыма. К., 1957, с. 120.

24
Высотская Т. Н. Поздние
скифы в юго-западном Крыму,
с. 184.

25
Там же,
с. 182.
26
Там же, с. 94, табл. 2.
*

Отметим, что в мавзолее
количество костяков с
восточной ориентировкой
равно количеству костяков
с западной ориентировкой
(см.: Погребова Н. Н.
Погребения в мавзолее
Неаполя скифского, с. 107).

27
Раевский Д. С. Скифы и
сарматы в Неаполе. — В кн.:
Проблемы скифской
археологии. М., 1971, с. 148,
рис. 2.

28
Яценко И. В. Тарелка царицы
Гипепирии из Неаполя
скифского. — В кн.:
Историко-археологический
сборник. М., 1962, с. 113.

29
Раевский Д. С. К истории
греко-скифских отношений,
с. 115.

Боспора. Очевидно, права И. В. Яценко, считавшая, что это подарок царицы во время переговоров Гипепирии со скифами. Такое предположение звучит убедительно еще и потому, что подобные дары боспорских правителей в последнее время зафиксированы в других областях варварского мира³⁰. Если же допустить, как это делает Д. С. Раевский, существование при Аспурге и позже прочного скифо-боспорского союза³¹, то чем можно объяснить спешные меры, принятые Боспором в I в. н. э. по усилению обороны европейской части государства? Как известно, еще Асандр сильно укрепил перешеек Керченского полуострова (здесь появился земляной вал, большое число башен), капитально перестраиваются в начале нашей эры стены Тиритаки³², а около середины I в. н. э. возникает крепость Илурат³³. В. Ф. Гайдукевич считал, что эти действия были направлены против вторжения скифов в боспорские владения³⁴. И если отказаться от мнения Д. С. Раевского о серьезном поражении скифов при Аспурге, то отнюдь не странной покажется их активность в I в. н. э. по отношению к Боспору, Херсонесу и Ольвии.

Большая натяжка со стороны Д. С. Раевского рассматривать натиск скифов на Ольвию в I в. н. э. как уступку им со стороны Боспора, как плату за поддержку Боспора в конфликте с Херсонесом³⁵.

Что же касается ольвийско-боспорских контактов во второй половине I — начале II в. н. э., то, отрицая скифо-боспорский союз, их можно объяснить антискифской тенденцией обоих государств. Отсутствие письменных источников о скифо-боспорских конфликтах во второй половине I в. н. э. еще не означает существование союза между двумя государствами. Скорее всего, в этот период они сохраняли нейтралитет, который Боспор использовал, с одной стороны, для налаживания дипло-

матических отношений со скифами (переговоры царицы Гипепирии), с другой — для укрепления собственных позиций, так как существовала потенциальная угроза со стороны скифов.

Нейтралитет Боспора в скифо-херсонесских делах был вызван опять-таки не союзническими отношениями скифов и боспорян, а стремлением последних укрепить свои позиции против варваров. Это невмешательство дорого обошлось Боспору: при Нероне Рим установил над ним протекторат. Во времена же Аспурга подчинение скифов и тавров сопровождалось, вероятно, как считал Б. Н. Граков, лишь захватом «части скифской Крымской территории, что и раньше бывало не раз»³⁶. И поскольку эта победа не лишила скифов военной активности, мы вслед за В. Ф. Гайдукевичем³⁷ должны признать ее эфемерной.

Но вернемся к вопросу о характеристике культуры поздних скифов. Из вышеизложенного становится очевидной значительная степень эллинизации культуры Неаполя.

Во II—I вв. до н. э. народы Северного Причерноморья испытали влияние кельтов, а позднее фракийцев. Появление во II—I вв. до н. э. в Причерноморье кельтов сопровождалось распространением разнообразных вещей кельтского типа³⁸. Влияние этой культуры мы видим на примере усыпальницы царской знати — мавзолея. Оно свидетельствует о прямых контактах аристократии познескифского государства с северо-западным Причерноморьем, где, по Страбону³⁹ и Плутарху⁴⁰, жили кельто-скифы.

В мавзолее найдены вещи латенского происхождения. Среди них: наборный пояс из пяти бронзовых колец в виде колесиков с выходящими за пределы обода пашкообразными окончаниями спиц⁴¹, бронзовые поясные пряжки с крючком в виде голов птиц и животных⁴², узкий длинный железный меч с колоколовидным перекрестьем⁴³.

30

Шилов В. П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных народов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху.— КСИА

АН СССР, 1973, вып. 138, с. 64 и сл.

31

Раевский Д. С. К истории греко-скифских отношений, с. 116.

32

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг.— МИА, 1958, № 85, с. 165.

33

Гайдукевич В. Ф. Скифы и

Боспор.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья, 1959, с. 274.

34

Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 314.

В конце эллинизма (II в. до н. э.) в Северном Причерноморье широкое распространение получили фибулы среднелатенской схемы. Подобные фибулы с дужкой, переходящей в ножку, встречены не только в мавзолее Неаполя⁴⁴, но и в его некрополе⁴⁵. К этой же группе вещей принадлежит и найденная в мавзолее Неаполя серебряная пластинчатая фибула зарубинецкого типа⁴⁶. Такие фибулы единичны и встречаются только в районах распространения зарубинецкой культуры⁴⁷.

Наконец, к вещам, имеющим кельтское происхождение, принадлежат часто встречающиеся в первые века нашей эры в некрополях Северного Причерноморья бронзовые стержневые браслеты с насечками и шишечками, а также кольца с шишечками, служившие, по мнению некоторых исследователей, для подвешивания мечей. Однако находки этих колец около головы по обоим сторонам черепа, предполагают использование их и как височных колец. Приведенные примеры свидетельствуют о довольно значительном влиянии кельтов на культуру поздних скифов.

Во II—I вв. до н. э., особенно после гетского нашествия на Ольвию, усилилось гето-фракийское воздействие на культуру местных племен Причерноморья. Мы уже отмечали, что среди лепных сосудов Неаполя есть такие, форма и орнамент которых типичны для фракийской керамики. Встречаются в Неаполе и на синхронных памятниках Крыма очажные подставки-коньки, восходящие к фракийским древностям. В мавзолее найдены полусферические умбоновидные бляшки фракийского происхождения⁴⁸. Там же, в каменной гробнице, обнаружен бронзовый шлем, генетически связанный с фракийскими племенами, получившими распространение у скифов в IV в. до н. э.⁴⁹ Сказалось влияние фракийской культуры и на искусстве поздних скифов.

Первые надежные признаки сарматизации Неаполя, засвидетельствованные в погребениях мавзолея, относятся к концу II — началу I в. до н. э. (скрещенные ноги — четыре случая, положение одной и обеих рук на тазе — восемь случаев, южная ориентация — семь случаев, меч с кольцевым навершием, меч-кинжал без перекрестия, восьмеркообразная пряжка). Сарматские элементы заметны и в обряде погребений грунтового некрополя⁵⁰. Но в этот период скифы находились еще под сильным воздействием греческой цивилизации. Последняя и в дальнейшем, как мы отмечали, сказалась на Неаполе, благодаря политическому значению города.

На материалах некрополя Неаполя, как справедливо указывает Д. С. Раевский⁵¹, сарматские элементы прослеживаются лишь со второй половины I в. н. э., а на городище — в основном со II в. н. э. Здесь мы видим появление лепных сосудов, по форме близких сарматским, сарматские знаки на сосудах, глиняных пряслицах, на фресках здания А⁵². Однако по сравнению с другими

Восточной Европы. — СА, 1959, № 1, с. 32 и сл.

39
Strab., I, 2, 27.

40
Плутарх, Марий; SC-ВДИ, 1947, № 4, с. 280 (339).

41
Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 124, рис. 11, 2.

42
Там же, с. 126, рис. 5, 1а, б;
Rosen-Przeworska J. Zabytki celtyckie na ziemiach Polskich. Swiatowit. Warszawa, 1948, v. 19, tab. XIII, 2.

43
Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 144.

44
Там же, с. 158, рис. 24, 11

45
Сымонович Э. А. Фибулы Неаполя скифского. — СА, 1963, № 4, табл. тип. 1.

46

Погребова П. П. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 158, рис. 4, 6.

47
Кухаренко Ю. В. Указ соч., с. 32.

48
Погребова Н. П. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 139.

49
Черненко Е. В. Скифский доспех. — К., 1968, с. 76, рис. 40; с. 86 и сл.

50
Раевский Д. С. Скифы и сарматы в Неаполе, с. 148.

51
Раевский Д. С. Скифы и сарматы в Неаполе, с. 148 и сл.

52
Дашевская О. Д. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском, с. 184, рис. 15; 16.

35
Раевский Д. С. К истории греко-скифских отношений, с. 116.

36
Граков Б. Н. Каменское городище..., с. 31.

37
Гайдукевич В. Ф. Илурат. — МИА, 1958, № 85, с. 145.

38
Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории

поселениями Крыма того же времени сарматизация Неаполя была незначительной. Сарматских элементов среди материалов городища немного. Данные некрополя, хотя и в большей степени отражающие этот процесс, тоже невелики. Подбойные могилы с наибольшим количеством сарматских признаков занимали на некрополе Неаполя периферийные участки⁵³, что, по-видимому, свидетельствует об обособленном, возможно, подчиненном положении сарматского населения в скифской столице.

Д. С. Раевский на основании материалов некрополя выделил три волны сарматского проникновения на Неаполь: первая относится ко II—I вв. до н. э., вторая — ко второй трети I в. н. э. и третья — последние сарматские погребения на городище III в. н. э.⁵⁴ Д. С. Раевский подчеркивает, что он опирается только на материалы некрополя, поэтому опускает события, относящиеся к деятельности Амаги, поскольку они предшествуют по времени данным некрополя.

Проникновение сарматов в Крым вообще и в Неаполь в частности шло одновременно. По материалам юго-западного Крыма мы предложили схему этого процесса⁵⁵, несколько отличную от схемы П. Н. Шульца⁵⁶. Мы считаем, что не следует, как это делает Д. С. Раевский, связывать поздние погребения Неаполя III в. н. э. с одной из волн сарматского проникновения, ибо они относятся, скорее всего, ко времени готского вторжения в столицу скифов. Несмотря на различные этнические влияния, культура поздних скифов оказалась достаточно устойчивой, в течение многих веков она сохраняла присущие ей черты⁵⁷.

При рассмотрении остатков жилых и оборонительных сооружений Неаполя мы проследили характерные приемы скифских мастеров-строителей, строительную технику, заимствованную от греческого строительного искусства. В эллинистический

период еще сохранилось своеобразие кочевого образа жизни (юрты). Особенно проявилась самобытная культура скифов в обряде погребений. Преобладающим типом погребальных сооружений некрополя Неаполя был грунтовый склеп, где совершено 80% погребений⁵⁸. Генетически эта форма могил восходит к скифским катакомбам предшествующего времени. В Неаполе встречаются склепы прямоугольных очертаний с закругленными углами и низким сводом, очень близкие по форме катакомбам Приднепровья IV—III вв. до н. э.⁵⁹ Усыпальница царской знати — мавзоль — по своим архитектурным особенностям восходит к квадратным камерам скифских курганов⁶⁰. В мавзолее по углам каменной гробницы прослежены углубления от стояков полога. Канелированные столбики деревянного саркофага царицы тоже напоминают угловые шесты для поддержания балдахина⁶¹, что связано со скифской погребальной традицией.

Особенности скифского погребального обряда прослеживаются и в самых ранних погребениях мавзолея: положение знатного воина с набором оружия в ритуальном облачении, расшитом золотом. Орнаментация костюма стоит в тесной связи со старой скифской традицией: применение нашивных украшений на головных уборах и одежде — это черты, свойственные погребальному обряду скифов IV—III вв. до н. э. С древними обычаями скифов связано жертвоприношение коней, ритуальное убийство конюха, следы тризны после засыпи мавзолея⁶², а также западная ориентация погребенных. Скифские воины подвешивали к поясу чашу для питья, при одном из погребенных мавзолея у пояса была обнаружена серебряная чаша⁶³. Старая скифская традиция — класть иглу в женское погребение — также отражена на некрополе и в мавзолее: в саркофаге царицы найдена золотая игла⁶⁴.

53

Сымонович Э. А. Итоги новых работ..., с. 35.

54

Раевский Д. С. Скифы и сарматы в Неаполе, с. 148 и сл.

55

Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму, с. 184.

56

Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее

варианты на Днепре и в Крыму.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 140 и сл.

57

Там же, с. 132 и сл.

58

Сымонович Э. И. Итоги новых работ на могильнике..., с. 35; Раевский Д. С. К истории греко-скифских отношений, с. 111.

В мавзолее обнаружены удила скифского типа⁶⁵, наборные скифские пояса⁶⁶, скифский короткий меч-акинак, скифские копья, колчан со стрелами⁶⁷ и пр. На протяжении многих веков сохраняется традиционный скифский костюм: мягкая войлочная шапочка, короткий кафтан, узкие штаны и мягкие сапожки. На неапольском рельефе Скилур и Палак изображены в войлочных шапочках, такая же шапка на конном Палаке. Остроконечная шапка и кафтан на всаднике из склепа № 9. Тот же костюм — шапка, короткий кафтан, узкие штаны — на всаднике, мчащемся на низкорослом коне, на бронзовой пряжке из Неаполя.

Собственно скифские элементы в культуре поздних скифов оказались значительно более устойчивыми в крупных центрах Скифского государства, таких, как Неаполь, Усть-Альминское городище. Именно здесь мы наблюдаем погребения в земляных склепах и сохранение в течение многих веков других погребальных скифских традиций (тризны, жертвоприношения животных и т. д.).

Эти черты прослеживаются не только в эллинистический период, но и в римское время, хотя постепенно многие из них исчезают. В первые века нашей эры в Крыму и Нижнем Приднепровье⁶⁸ сложилась новая синкретическая культура, основными носителями которой были скифы, антропологически близкие скифам Нижнего Днепра⁶⁹.

Неоднократное упоминание скифов в письменных источниках свидетельствует о сохранении на протяжении веков скифского элемента как главного этнического звена населения позднескифского государства. Центром политического объединения и культуры почти 700 лет, с момента своего возникновения в IV в. до н. э., был Неаполь — город-крепость, резиденция скифских царей.

О существовании у поздних скифов царской власти свидетельствуют письменные источники и нумизматические данные. Мы знаем имена четырех правителей: Скилура, Палака, Фарзоя и Инисмея⁷⁰. Гипотетически можно допустить, что царем крымских скифов в IV в. до н. э. был Агар. Д. С. Раевский высказал предположение о скифском царе Ходарзе — ставленнике Боспора, правившем в I в. н. э.⁷¹ Но, как мы видели, скифобоспорские отношения этого периода не дают оснований считать Ходарза боспорским ставленником.

Надпись с именем Скилура, найденная на Неаполе⁷², свидетельствует о наследственной власти, передаваемой от отца к сыну⁷³. Приведенные выше археологические материалы об оборонительных сооружениях города, в частности данные о постройке мавзолея и восстановлении башен, а так-

62 Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее..., с. 108, 179, 180.

63 Там же, с. 126.

64 Там же, с. 179.

65 Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее..., с. 127.

66 Там же, с. 124.

67 Там же, с. 118.

68 Вязьмитина М. И. Культура населения Нижнего Днепра, с. 75, 76.

69 Кондукторова Т. С. Указ. соч., с. 53.

70 П. О. Карышковский в одной из последних работ

(Карышковский П. Я. Про так звані портретні монети скифського царя Скилура.— Археологія, 1973, № 9) пытается доказать, что на монетах, отождествленных со Скилуром, изображен не царь, а скифское божество, скорее всего, Таргитай. Однако

аргументация автора кажется малоубедительной. В другой работе П. О. Карышковский предположил, что Фарзой был царем не скифов, а сарматов (Карышковский П. О. З історії греко-скифських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї.— АП, 1962, № 9, с. 120).

71 Раевский Д. С. К вопросу греко-скифских отношений, с. 117 и сл.; З. И. Соломоник отмечает, что в надписи Неаполя с именем Ходарза (IOSPE, I², 669) восстановление слова ΒΑΣΙΛΕΥΣ представляет один из вариантов чтения, см.: Соломоник Э. И.

Сравнительный анализ свидетельства Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях.— ВДИ, 1977, № 3, с. 61.

72 IOSPE, I², 668.

73 По предположению А. М. Хазанова, возможно, к старшему сыну, см.: Хазанов А. М. Указ. соч., с. 97.

59 Березовец Д. Г. Розкопки курганного могильника эпохи бронзы та скифського часу в с. Кут.— АП, 1960, т. 9, с. 10, рис. 2, 1.

60 Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского, с. 48.

61 Там же, с. 27.

же датировка ранних погребений мавзолея данная Н. Н. Погребовой, заставляют нас отказаться от общепринятого мнения, что Скилур умер до войны с Диофантом или в течение войны, которую закончил Палак, что якобы подтверждает декрет в честь Диофанта, где упоминается только имя Палака⁷⁴. Если признать, что Скилур был участником этих событий⁷⁵ и умер в конце войны или после нее, то объяснимой становится сохранность мавзолея, не пострадавшего во время войны с греками, когда сам город и его оборонительные стены были разрушены и сохранили следы пожара. Время погребения в каменной гробнице мавзолея совпадает с окончанием войны — конец II — начало I в. до н. э. — и также свидетельствует в пользу нашего предположения.

Из текста Страбона известно, что в войне с греками роксоланы пришли на помощь Палаку, сыну Скилура⁷⁶. Далее Страбон сообщает, что «Митридат одновременно начал войну со скифами, не только со Скилуром, но также и с сыновьями последнего Палаком и прочими...»⁷⁷

Из контекста можно заключить, что существовало два фронта военных действий, на одном из которых был Скилур, на другом — его сыновья. По-видимому, такая интерпретация текста Страбона верна⁷⁸, так как она соответствует археологическим данным и подтверждается иными источниками. С одной стороны, мы видим готовность Неаполя к длительной обороне (дополнительное укрепление стен, кучки галек для пращей, запасы продовольствия), с другой — источники сообщают о существовании у скифов тактики внезапного удара по врагу. Если же мы признаем, что в войне с Диофантом, применяя тактику неожиданного удара и оборону, выступили два полководца Скилур и Палак, то возникает вопрос, почему в декрете не упомянуто имя Скилура? Думается, что это можно объяснить двояко: либо Ски-

лур умер в самом конце войны, когда греческие войска отошли от стен покоренного Неаполя и войну закончил Палак, либо виной тому пассивность Скилура, сидевшего в своей резиденции, в то время как в течение всей войны основные удары греки наносили войску, возглавляемому Палаком, который, по-видимому, был в это время соправителем отца⁷⁹. Мысль о Палаке — соправителе Скилура — не нова, ее в свое время высказал П. Н. Шульц. Говоря о парном рельефе с Неаполя, он писал: «Перед нами портреты властителей», — и далее: «Палак, сын Скилура, еще при жизни последнего был его соправителем, получил от Скилура во владение город Палакий, названный его именем»⁸⁰. П. Н. Шульц считал, что рельеф с изображением конного Палака был выполнен при жизни Скилура, когда молодой его соправитель находился в расцвете сил⁸¹.

В истории древних государств соправители — явление не редкое. Достаточно привести в качестве примера государство одрисов с широко развитым в V в. до н. э. институтом парадинастов⁸². Однако нет оснований думать, что у скифов подобный институт был узаконенной формой политической организации. В данном случае перед нами, скорее, исключение из правил, вызванное особыми обстоятельствами, возможно, болезнью Скилура, трудностями войны с греками и т. д.

Подобные «временные» соправители тоже иногда появлялись на арене древней истории. По свидетельству Юстина, например, персидский царь Артаксеркс, вопреки обычаю страны, по которому новый царь мог принять власть только после смерти своего предшественника, при жизни возвел в царское достоинство своего сына Дария из любви к нему⁸³. Ситуация очень близкая скифской, где власть также передавалась от отца к сыну, т. е. по существу была монархической. Не исключено, что подобная форма правления скифов ведет свое

74
IOSPE, I², 352.

75
Наша точка зрения совпадает с мнением Э. И. Соломоник, см.: Соломоник Э. И. Указ. соч., ВДИ, 1977, № 3, с. 62.

76
Strab., VII, III, 17.

77
Strab., VII, IV, 3.

78
Э. И. Соломоник на основании нового чтения текста

Страбона пришла к выводу о существовании двух фронтов скифских войск, выступивших против Диофанта, см.: Соломоник Э. И. Сравнительный анализ свидетельства Страбона..., с. 62.

79
Высотская Т. Н. Скифские городища. Симферополь, 1975, с. 43 и сл.
80
Шульц П. Н. Скульптурные портреты скифских царей

происхождение с Востока. Еще один пример можно привести из эпохи Селевкидов, во время правления которых также засвидетельствованы парадинасты — отец и сын⁸⁴. В городах Северного Причерноморья и в самой Греции такая форма правления не существовала. У Спартокидов Боспора была иная династическая практика — отцу наследовали два старших сына⁸⁵.

Социально-экономическая градация скифского общества отчетливо прослеживается на материалах некрополей и мавзолея Неаполя. Последний был усыпальницей царя и царской семьи. Верхушка скифского общества, не состоявшая в родстве с царем, по-видимому, хоронила своих умерших в каменных вырубных склепах. Для рядового населения сооружали земляные склепы, подбойные и грунтовые могилы.

Монархическая форма правления и социальная дифференциация общества, вполне естественно, предполагают существование зависимого населения — слуг или рабов⁸⁶. Они находились в подчинении аристократии, прежде всего членов царской семьи. Недаром в мавзолее Неаполя обнаружены одиночные безынвентарные погребения, связанные с захоронениями знатных особ⁸⁷. На некрополях Неаполя и других городищ также встречаются бедные погребения либо вовсе без вещей, либо с бедным инвентарем (одна лепная миска, один лепной сосуд, несколько бусин и т. д.). Подобные захоронения сосуществуют наряду с богатыми погребениями, содержащими разнообразные и многочисленные предметы. Все это свидетельствует о бедняцкой прослойке в скифской среде, находящейся, вероятно, в зависимости от имущих представителей общества.

Вопрос о взаимоотношениях между этническими группами населения позднескифского государства специально в литературе не освещался. Мы частично коснулись его в главе о культах и обря-

дах. Однако он заслуживает специального рассмотрения, так как очень перспективен для выяснения социальной градации позднескифского общества, смешанного по своему этническому составу. Но это другая тема, выходящая за пределы данной работы.

Исходя из вышеизложенного стратификация данного общества представляется следующей: во главе стоял царь, ближайшее окружение царя составляли его родственники и привилегированное население — аристократия. Она могла подразделяться на дружину, торговцев, жрецов, подчиненную царю, жившую в других городах и населенных пунктах аристократическую верхушку (назовем ее прочей аристократией). Ниже по иерархической лестнице находилось рядовое население: ремесленники, земледельцы, и, наконец, слуги или рабы.

Скилура и Палака. — КСИИМК, 1946, № 12, с. 51, 52.
81 Там же, с. 55.
82 Златковская Т. Д.
Возникновение государства у

фракийцев в VII—V вв. до н. э. М., 1971, с. 230 и сл.
83 Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога, кн. XI. — ВДИ, 1954, № 3, с. 201.

84 RE, I, p. 24, 59.

85 Брашинский И. Б. О некоторых династических особенностях правления боспорских Спартокидов. — ВДИ, 1965, № 1, с. 124.
86 Граков В. Н. Каменское

городище..., с. 30;
Артамонов М. И. Скифское царство. — СА, 1972, № 3, с. 63; Хазанов А. М. Указ. соч., с. 133 и сл.
87 Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского, с. 107.

Какими же функциями обладала скифская власть, как было организовано управление? Ответить на этот вопрос непросто. Ведь территория царства была значительной. В его состав, помимо Крыма, по-видимому, входила как автономная территория Приднепровская Скифия⁸⁸. Нам представляется возможным разделить функции управления на внешние (внешнеполитические связи) и внутренние (управление страной). К внешним функциям относятся дипломатические связи, заключение договоров с другими народами и государствами (например, договор с царем роксоланов Тасием, переговоры с боспорской царицей Гипеирией и т. д.), прием послов различных стран, установление торговых и политических связей с другими государствами, взимание дани с подчиненных городов и государств (Ольвия, Боспор).

Функции внутреннего управления подразделялись на административные, военные, судебные. Одной из административных функций было, вероятно, требование царей свозить хлеб со всего царства в Неаполь, оставляя себе лишь часть его для пищи и посева. Очевидно, также по приказу царя проводилось обучение воинов и организация армии во время войны. Жрецы, а возможно, и сам царь осуществляли суд.

Так было при сильной монархической власти. Однако в первые века нашей эры одновременно с ростом сельских общин (увеличивается количество мелких, неукрепленных поселений⁸⁹), территориальной раздробленностью происходит децентрализация управления.

Потеря сильной централизованной власти неизбежно вела к ослаблению государства, в результате оно неспособно было в III в. н. э. противостоять новым врагам, под ударами которых и погибло. Для решения вопроса о времени и причинах гибели Неаполя небезынтересно рассмотреть найденные в верхних слоях городища погребения*.

Всего, по нашим подсчетам, на раскопанной территории их открыто 63, в том числе разрушенные, потревоженные костяки, остатки черепов или костяков, сброшенных в ямы. Все они найдены либо на небольшой глубине, в верхнем слое Неаполя, либо в зерновых ямах, что само

88

Елагина Н. Нижнее Поднепровье в эпоху позднего Скифского царства.— ВМГУ, 1958, № 4, с. 56; Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре, с. 337,

89

Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму, с. 66.

*

Мы не касаемся погребений младенцев в сосудах, ибо о них уже шла речь.

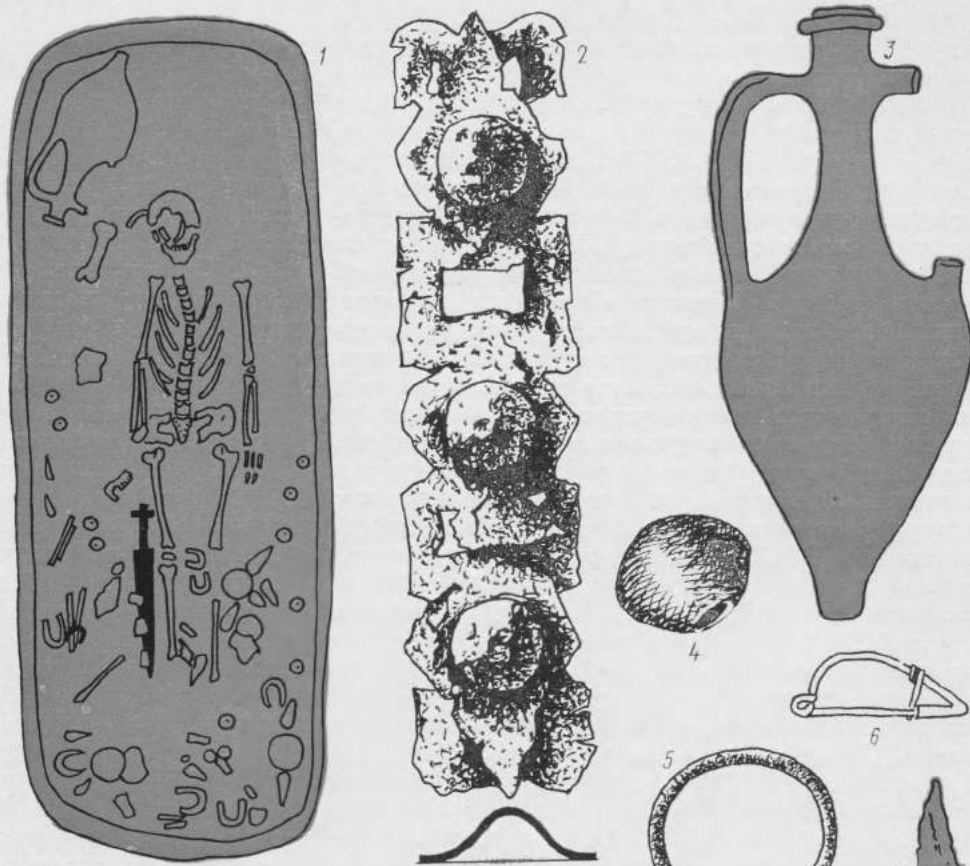
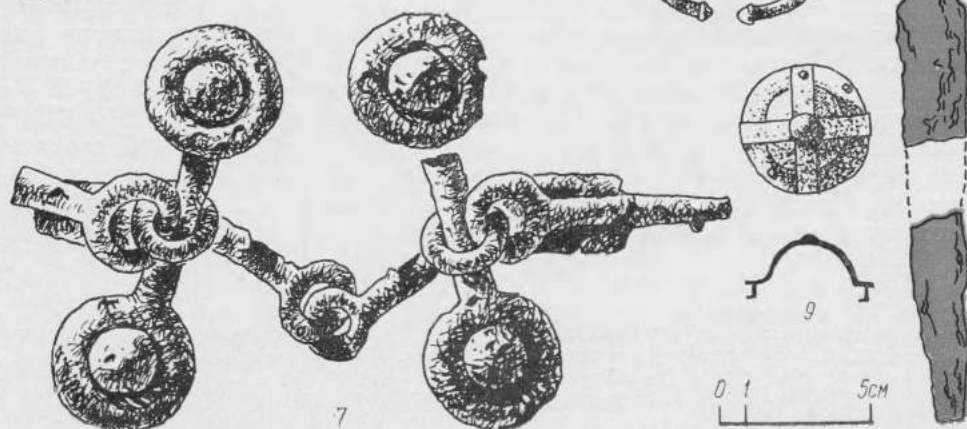

Рис. 93
Погребение
на оборонительной стене.

Рис. 94
Погребение
сармато-аланского воина:
1 — план погребения;
2 — конский налобник;
3 — светлоглиняная амфора;
4 — бусина халцедоновая;
5 — браслет бронзовый;
6 — фибула бронзовая;
7 — удила конские;
8 — нож железный;
9 — бляха бронзовая.

по себе заставляет отнести их к последнему периоду жизни города.

В одной из ям в верхней ее части Н. Л. Эрнст открыл погребение воина с железным кинжалом сарматского типа⁹⁰. В 1955 г. при раскопках здания с фресками на глубине 0,45 м от современной дневной поверхности был найден деформированный человеческий череп⁹¹. В 1957 г. на том же участке среди развала рухнувшей черепичной кровли здания с фресками обнаружили два мужских погребения, находившихся рядом в валеобразном по отношению друг к другу положении. Один из них лежал вытянуто на спине, головой на север, череп деформирован, второй лежал на правом боку с подогнутыми ногами, головой на юг. Вещей при них не было⁹². В одной из ям в западной части городища оказалось 42 мужских черепа со следами ударов, 13 из них были деформированы. В 1958 г. во время исследования южной оборонительной стены к востоку от центральных городских ворот (участок Е) на развале древнейшей стены в слое, содержащем рифленые красноглиняные амфоры III в. н. э., открыто погребение мужчины 35—40 лет. Он лежал в оgrade из поставленных на ребро камней, вытянуто на спине, головой на восток, без вещей (рис. 93). Ударом, нанесенным каким-то предметом в левый висок, он был убит. По определению К. Ф. Соколовой, череп долихокранной формы имел небольшую деформацию.

В 1949—1950 гг. в районе центральных городских ворот обнаружено несколько интересных погребений. Среди них захоронение мужчины с конем в яме № 29. Для совершения погребения верхние камни венца ямы разобрали и в ее северо-восточной части выдолбили нишу трапецевидной формы. В ней был похоронен в сидячем положении мужчина 30 лет. При нем найдены обломки железного меча, золотая оправа с зернью, три

длинные тонкие костяные пластины с отверстием на одном конце и косыми насечками на другом. Конь лежал на боку с подогнутыми ногами⁹³. В этом же районе против центральных городских ворот открыто погребение четырех коней, при одном из них (№ 2) найден железный восьмеркообразный псалий, при другой (№ 4) — железная пряжка, бронзовое кольцо, остатки кольчатых удиц. Однако наибольший интерес представляет погребение так называемого аланского военачальника. Хотя оно опубликовано, мы позволим себе остановиться на нем подробнее для уточнения его датировки.

В продолговатой могиле, нижняя часть которой выдолблена в скале, а верхняя вырыта в культурном слое, находилось два погребения (рис. 94, 1). От нижнего, наиболее раннего сохранилось несколько костей, бронзовая фибула с подвязным приемником и бронзовый браслет с пишечками на концах (рис. 94, 5, 6). Эти предметы датируют погребение I—II вв. н. э. Второй костяк принадлежал мужчине лет 40, он лежал вытянуто на спине, головой на восток. У головы справа находились узкогорлая светлоглиняная амфора, кость животного и железный нож (рис. 94, 3, 8). Погребение сопровождалось коротким железным мечом и набором украшений конской сбруи: конским налобником (рис. 94, 2), железными кольчатыми удилами с убоновидными псалиями (рис. 94, 7), крупными халцедоновыми бусами (рис. 94, 4), бронзовыми круглыми бляхами с крестообразными украшениями (рис. 94, 9) и 38 бронзовыми пластинами различной формы, обтянутыми золотой фольгой. А. Н. Карасев датировал погребение III в. н. э.⁹⁴ П. Н. Шульц сначала связывал его с победой Савромата II — конец II в. н. э.⁹⁵, а позднее отнес ко II—III вв. н. э.⁹⁶

Для датировки захоронения сармато-аланского воина (такая атрибуция не вызывает никаких

90

Шульц П. Н. Отчет о работах тавро-скифской экспедиции за 5 лет, с. 87.

91

Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1957 г., с. 17—18.
92

Там же, с. 49—50.

93

Шульц П. Н. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1950 г., с. 85.

94

Карасев А. Н. Раскопки Неаполя скифского. — КСИА АН СССР, 1951, вып. 37, с. 170.

сомнений) А. Н. Карасев и П. Н. Шульц привлекли сходные комплексы Боспора. В одном из них, открытом в Керчи на Глинище в 1896 г., найдены близкие неапольские удила с кольчатыми псаллиями и аналогичные пластины, украшавшие уздечку коня. Э. Р. Штерн датировал керченское захоронение довольно широко — началом нашей эры⁹⁷. Стекланные сосуды и пряжки из этого погребения, имеющие много аналогий⁹⁸, позволяют уточнить его дату — конец I — начало II в. н. э. Круглые и ромбические бронзовые бляхи, обтянутые золотыми пластинами — украшения конской сбруи — не имеют точной датировки, они встречаются среди сарматских древностей Поволжья первых веков нашей эры⁹⁹.

Вторым аргументом для определения времени неапольского погребения нашим предшественникам служила амфора. И. Б. Зеест датировала ее II—III вв. н. э.¹⁰⁰, а А. Н. Карасев относил к III в. н. э.¹⁰¹ Недавно Д. Б. Шелов, вслед за И. Б. Зеест, также отнес эту амфору к III в. н. э.¹⁰² Но с такой датировкой согласиться нельзя. Аналогичные узкогорлые светлоглиняные амфоры сейчас большинство исследователей датирует II в. н. э.¹⁰³ Однако известны они во многих комплексах конца I — начала II в. н. э. Достаточно привести в качестве примера амфоры, найденные в Мирмекии¹⁰⁴. Аналогичные амфоры имели погребения аланских воинов I—II вв. н. э. в Прикубанье¹⁰⁵. В 1975 г. в склепе № 120 Усть-Альминского некрополя, в верхнем его ярусе, была обнаружена аналогичная неапольской целая светлоглиняная амфора. Ее датировка определяется находками, сопровождающими погребения склепа. Среди них — бронзовая профилированная фибула второй половины I—II в. н. э.¹⁰⁶ и стеклянный бальзамарий рубежа I—II вв. н. э.¹⁰⁷ Это еще раз убеждает нас в том, что подобные амфоры не могут быть датированы III в. н. э., а относятся

ко II в. н. э. начиная с первой его половины. Весь же набор предметов из неапольской могилы надо датировать не II—III вв. н. э., а не позднее начала II в. н. э. Не противоречит этой дате и короткий меч без перекрестия, имеющий аналогии на Боспоре¹⁰⁸. Хронологическая разница между первым и вторым погребением в рассматриваемой могиле незначительна. Кости первого погребенного (I в. н. э.) спустя какой-то малый промежуток времени были выброшены и совершено второе захоронение. Нам представляется возможным связать его не с деятельностью Савромата II, как это

98

Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стекланные бальзамарии Боспора. — ТГЭ, 1972, т. 13, с. 154, 156, рис. 5, 25; 7, 24; 8, 41; 10, 30.

99

Смирнов К. Ф. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское. — МИА, 1959, № 60, с. 295, рис. 33, 14, 15; с. 298.

100

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора, с. 118.

101

Карасев А. Н. Раскопки Неаполя скифского, с. 170, рис. 55, б.

102

Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. — М., 1972, с. 117.

103

Рикман Э. А. Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. — СА, 1972, № 4, с. 88, рис. 1, 2, 3;

Рикман Э. А., Хынку И. Г. Погребение II в. н. э. у с. Первомайск. — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 36, рис. 1, 3, с. 37. Последнюю амфору В. В. Кропоткин отнес к I—II вв. н. э., см.:

Кропоткин В. В. Римские

импортные изделия в Восточной Европе. — САИ, 1970, ДИ-27, с. 10—21; Шукин М. Б. О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян. — СА, 1975, № 1, с. 59.

104

Гайдукевич В. Ф. Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмекии. — КСИА АН СССР, 1963, вып. 95, с. 26, рис. 8, 5.

105

Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. — Ставрополь, 1971, с. 117 и сл.

106

Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР, табл. 8, 4. Подобные фибулы встречаются в комплексах с аналогичными неапольскому бронзовыми браслетами с шишечками на концах, см.:

Левенок В. П.

Новоникольский могильник сарматского времени на Верхнем Дону. — КСИА АН СССР, 1933, вып. 133, с. 88, рис. 36, 1, 8.

107

Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Указ. соч., с. 161.

108

Сокольский Н. И. Боспорские мечи. — МИА, 1954, № 33, с. 159, рис. 7.

95

Шульц П. Н. Исследование Неаполя скифского, с. 76. 96 Археологія Української РСР. К., 1971. т. 2, с. 264.

97

Штерн Э. Р. Содержание гробницы, раскопанной в 1896 г. в Керчи. — ЗООИД, 1898, т. 21, с. 289.

делал П. Н. Шульц, а с победами Савромата I над скифами¹⁰⁹ в начале II в. н. э.

Вскоре после победы Савромата I скифы снова начинают угрожать Боспору и опять терпят поражение: Котий II (123—132 гг.) одерживает над ними победу¹¹⁰.

Еще Б. Н. Граков обратил внимание на то обстоятельство, что два боспорских царя в течение сравнительно короткого времени нанесли скифам серьезные удары, следовательно, военная активность скифов в этот период значительно оживилась¹¹¹. Но она вскоре была сломлена. В 193 г. Савромат II одерживает победу над скифами, а его сын Рискупорид III (211—227 гг.) именует себя «царем всего Боспора и тавро-скифов»¹¹².

Однако после победы Савромата II жизнь на скифских городищах, в том числе на Неаполе, продолжалась еще примерно столетие.

И вот безынвентарные мужские погребения, обнаруженные в верхних слоях Неаполя, связаны с его окончательным разгромом. Мы отмечали, что большинство из этих погребенных имело деформированные черепа — признак, как известно, характерный для сарматов. Невольно напрашивается вывод, что в разгроме Неаполя непосредственное участие принимали сарматы, может быть, сармато-аланы, входившие в состав готского племенного союза.

Аналогичная картина, по-видимому, произошла и на других скифских городищах. Во время раскопок Усть-Альминского городища в 1969 г. в верхнем слое на глубине 1 м от современной дневной поверхности было обнаружено погребение мужчины-воина, лежащего вытянуто на спине, головой на юго-запад, с левой стороны находился длинный железный меч без перекрестия, на тазовых костях лежали железные кольца от портупеи и большой кусок мела, а у плечевой кости правой

руки — бронзовая фибула с подвязным приемником. У погребенного была отсечена кисть левой руки и фаланги пальцев правой. Погребение воина в верхнем слое городища, не имеющего по обряду и инвентарю себе подобных в Усть-Альминском некрополе, свидетельствует, что это был не житель города, а враг, павший в бою. Длинный меч без перекрестия и кусок мела на тазовых костях говорят о сарматской принадлежности воина, а фибула датирует погребение III в. н. э.

В одной из своих работ Е. В. Веймарн¹¹³, отрицая высказанное рядом исследователей предположение о возможности готского разгрома позднескифского государства, пытался объяснить это событие вторжением сармато-алан. Присоединяясь полностью к тем авторам, которые связывают гибель позднескифского государства с готами¹¹⁴, мы еще раз хотим подчеркнуть, что в состав готского союза входили различные племена, в том числе сармато-аланы. Подтверждением последнего служит описание Павлином Пеллейским осады города Васаты в Македонии. Автор указывает, что аланы, находясь в зависимости от власти готов, пользовались любой возможностью, чтобы освободиться от этой власти¹¹⁵. Описанные события не только свидетельствуют о разноплеменности готского союза в IV—V вв. н. э., но и указывают на роль в нем сармато-аланов.

В свою очередь соседство и тесный контакт боспорских греков с сармато-аланами в первые века нашей эры подтверждают не только археологические материалы, в том числе вышеприведенные данные о деятельности Савромата I, но и письменные источники. В частности, боспорская надпись 208 г. называет переводчика аланов¹¹⁶. Следовательно, во время готских походов 255—275 гг. аланы могли войти и вошли в состав готского союза, долго оставаясь в зависимости от его верхушки.

109

КБН, № 32.

110

КБН, № 33.

111

Граков Б. Н. Термин *экзоты* и его производные в надписях Северного Причерноморья.— КСИИМК, 1947, вып. 16, с. 87.

112

КБН, № 1008.

113

Веймарн Е. В. Одне з важливих питань ранньосередньовічної історії Криму.— В кн.: Середні віки

на Україні. К., 1971, т. 1,

с. 65.

114

Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму, с. 186 и сл.

Итак, мы рассмотрели обстоятельства гибели столицы государства поздних скифов, неминусом связанные с гибелью всего царства. Но каковы же были ее причины?

М. И. Артамонов считал, что Скифское царство исчезло потому, что оно было военной организацией¹¹⁷. По мнению Б. Н. Гракова, М. И. Артамонов имел в виду непрочное военно-административное объединение Скифского государства¹¹⁸. Сам Б. Н. Граков объясняет гибель Скифского государства рядом причин, в том числе постепенным ослаблением царства под внешними ударами, а также тем промежуточным положением, которое занимала поздняя Скифия между греческим миром и сарматами, что, по его мнению, подтачивало ее положение; и вместе с античными городами Северного Причерноморья она окончательно сошла со сцены¹¹⁹. А. П. Смирнов видел причину гибели Скифской державы в подрыве ее экономической силы, считая, что в первые века нашей эры она уже не была жизнеспособной¹²⁰.

Разнообразные импортные товары — краснолаковая посуда, амфоры, бусы, стеклянные сосуды, всевозможные украшения из бронзы и пр., обнаруженные в позднескифских некрополях и на городищах, свидетельствуют об усилении на рубеже нашей эры и позднее торговых связей с городами Северного Причерноморья, в частности с Боспором и Херсонесом. Поэтому нет оснований отрицать жизнеспособность Скифского царства в первые века нашей эры. Оно на протяжении многих

веков сохраняло достаточно высокий экономический потенциал.

Причина гибели Скифской державы заключалась во внешнеполитических событиях — ибо беспрерывные войны неизбежно подтачивали ее могущество. Достаточно вспомнить свидетельство Лукиана: «У нас (*скифов*.— *Т. В.*) ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападение, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи»¹²¹. Так, по-видимому, было всегда.

Вероятно, содействовало гибели скифов и наступление сарматов. Мы не знаем, всегда ли взаимоотношения между этими двумя народами были мирными. Вполне возможно, что для подчинения сарматов скифам нередко приходилось пускать в ход оружие. А эти стычки, хотя и не носившие характера открытых военных действий, отнюдь не способствовали процветанию страны.

Другая причина крылась во внутреннем положении царства. Отсутствие сильной централизованной власти приводило не только к территориальной разобщенности, выделению сельскохозяйственных общин, но, может быть, и к распаду государства на отдельные части. И перед лицом сильного врага, каким были готские дружины, скифы не смогли выстоять.

Гибель Скифской державы совпала с гибелью многих античных городов Северного Причерноморья, происшедшей в период кризиса всей рабовладельческой системы.

115

Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966, с. 120.

116

КВН, № 1053.

117

Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму.— ВЛГУ, 1948, № 8, с. 31.

118

Граков Б. Н. Каменское городище..., с. 31.

119

Граков Б. Н. Каменское городище..., с. 31, 32.

120

Смирнов А. П. Скифы. М., 1966, с. 119.

121

Лукиан. Токсарис.— ВДИ, 1948, № 1, с. 308 (434).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ	— Археологические исследования	КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
АО	— Археологические открытия	КСОГАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
АП	— Археологічні пам'ятки	ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
ВДИ	— Вестник древней истории	МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
ВЛГУ	— Вестник Ленинградского государственного университета	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ВМГУ	— Вестник Московского государственного университета	НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ГИМ	— Государственный исторический музей	ОАК	— Отчеты археологической комиссии
ГМИИ	— Государственный музей изобразительного искусства	ОАСА	— Отдел античной и средневековой археологии
ГХМ	— Государственный Херсонесский музей.	РАНИОН	— Российская ассоциация научных институтов общественных наук
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения	СА	— Советская археология
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей	САИ	— Свод археологических источников
ЗРАО	— Записки Российского археологического общества	СГХМ	— Сообщения Государственного Херсонесского музея
ИАК	— Известия археологической комиссии	СЭ	— Советская этнография
ИАНОЛЯ	— Известия Академии наук СССР, отделение литературы и языка.	ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа
ИКОГО	— Известия Крымского отделения Географического общества	AJA	— American Journal of Archaeologia
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии	BCH	— Bulletin de Correspondance hellénique
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии	IOSPE	— Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
КБН	— Корпус боспорских надписей	RE	— Pauly-Wissowa, Real Enciklopädie der klassische Altertumswissenschaft
КСИА	АН СССР и АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР	SC	— Scythica et Caucasica
		SCIV	— Studii si cercetări de istorie veche. Bucuresti

ОГЛАВЛЕНИЕ

5	
ВВЕДЕНИЕ	
13	
ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕАПОЛЯ	
СКИФСКОГО	
23	
ТОПОГРАФИЯ ГОРОДА И НЕКРОПОЛЯ	
35	
ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ	
57	
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ	
73	
ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ	
93	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ	
155	
КУЛЬТЫ И ОБРЯДЫ	
179	
ИСКУССТВО	
189	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
206	
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	

Татьяна Николаевна Высотская

**НЕАПОЛЬ —
СТОЛИЦА ГОСУДАРСТВА
ПОЗДНИХ СКИФОВ**

*Печатается по постановлению
ученого совета
Института археологии АН УССР*

Редактор
В. П. ЛАГОДЗКАЯ

Оформление художников
В. М. ДОЗОРЦА,
Е. Ф. СЕНДЗЮКА

Художественный редактор
С. П. КВИТКА

Технические редакторы
Г. М. ТЕРЕЗЮК,
И. Н. ЛУКАШЕНКО

Корректоры
Л. П. ОСЬМУШНИКОВА,
Р. С. БОРИСОВА,
Э. Я. БЕЛОКОПЫТОВА

Информ. бланк № 2910

Сдано в набор 15.01.79. Под-
писано к печати 04.09.79.
БФ 00212. Формат 84×90/16.
Бумага мелованная.

Обыкн. нов. гарн. Выс. печ.
Усл.-печ. л. 18,2. Уч.-изд. л.
17,81. Тираж 3500 экз. Зак.
№ 9—149. Цена 2 руб. 60 коп.

Издательство «Наукова
думка». 252601, Киев, ГСП,
Репина, 3.

Главное предприятие респуб-
ликанского производственного
объединения «Полиграфкнига»
Госкомиздата УССР, 252057,
Киев-57, ул. Довженко, 3.

2 руб. 60 коп.

НЕАПОЛЬ- столица государства поздних скифов

Киев
„Наукова думка“
1979

В издательстве «Наукова думка» выйдет в свет в 1979 году сборник статей по скифской археологии «Скифия и Кавказ».

Неаполь скифский был центром объединения поздних скифов. Этот город, руины которого можно видеть в юго-восточном районе современного Симферополя, располагался на перекрестке важнейших торговых путей, здесь скрещивались политические и экономические интересы греков и варваров. Изучение городища ведется около 150 лет. Накопилось немало данных об

оборонительных, общественных, жилых и хозяйственных сооружениях Неаполя, об экономике, духовной жизни, этническом составе населения, о политических и торговых связях с соседними народами и государствами. На основе свидетельств древних авторов, эпиграфических памятников и археологических материалов дается описание столицы государства — Неаполя скифского. Характеризуются материальная культура города, экономика и торговые связи, культы и обряды скифов в эллинистическое и римское время.